Загробная жизнь

Составитель Фомин А.В.

Разрешено к печати Издательским Советом Русской Православной Церкви.

Москва, «Новая мысль», 2007

набрано ред golden-ship, 2008

ISBN 978-5-902716-10-5

Книга о том, как живут за гробом умершие и как будем жить и мы после нашей кончины, с описанием того, что душа испытывает, слышит и видит вокруг себя в тот страшный момент, когда исходит из тела, и в какие места переселяется.

Материал «Смерти нет» впервые вышел из печати за границей в 30-х годах XX столетия, подписанный инициалами А.Н. и с тех пор неоднократно там переиздавался. Текст печатается по Мюнхенскому изданию 1949 года, осуществленному православным детским приютом «Милосердный самарянин».

В статье «Вера народов всех времен» использованы материалы из книги монаха Митрофана (Алексеева В.Н.) «Как живут наши умершие и как будем жить и мы после смерти» СПб., 1897 и из книги прот. Е.А. Попова «Вера в загробную жизнь» Пермь 1880

Во 2й и 4й главах использованы статьи из книги монаха Митрофана (Алексеева В.Н.) «Как живут наши умершие и как будем жить и мы после смерти» СПб., 1897.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Глава1. ВЕЛИКАЯ ТАЙНА СМЕРТИ

Смерти нет

Что ожидает нас за гробом?

Вера народов всех времен в загробную жизнь

Воскресшие мертвецы

Явления с того света

Глава 2 ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ ДУШИ ДО ВСЕОБЩЕГО СУДА

Определение загробной жизни

Места пребывания душ за гробом

Периоды загробной жизни

О том, где пребывает душа в первые сорок дней после отделения от тела

Жизнь и деятельность души за гробом в первый период загробной жизни

Внутренняя жизнь и деятельность души

Союз и общение загробного мира с настоящим миром

Союз и общение душ в загробном мире

Местонахождение и описание рая

Определение блаженной жизни

Деятельность души в раю

Жизнь и деятельность в аду и в геенне

Обитатели ада и геенны

Глава 3. ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ ПРАВЕДНИКОВ И ГРЕШНИКОВ ПОСЛЕ СТРАШНОГО СУДА

Окончательный суд Божий

Конец века – мира

Откровения из жизни святых

Новый Иерусалим

Описание святыми отцами блаженства праведников

Вечное блаженство святых

Вечная участь грешников в будущей жизни

Глав 4. ЧЕМ ПОМОЧЬ УМЕРШИМ

Учение Церкви о спасении некоторых умерших грешников

Достоверные случаи прощения грехов усопшим

Значение жизни живых по отношению к загробной жизни умерших

Ходатайство пребывающих на земле о перешедших в загробный мир

Церковь и ее ходатайство

Дни поминовения усопших

Частное ходатайство оставшихся на земле родственников, друзей, знакомых об усопшем

Милостыня

О том, почему не всех живых ходатайство полезно умершим, и не всем умершим полезно ходатайство живых.

Значение третьего, девятого, сорокового и годового дней от смерти усопшего.

Польза живым от молитвы за умерших

Своевременность молитвы за умерших

Послесловие

Список использованной литературы.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Что ожидает нас за гробом? Такой вопрос осмеливаются я предложить вашему просвещенному вниманию, - вопрос, по словам св. Афанасия Александрийского, чудный и дивный и сокрытый от людей. Кажется, нет другого вопроса, в решении и разъяснении которого так изнемогла бы мысль человеческая, как изнемогает она при представлении того, что будет с нами по смерти. Врата вечности, в которую погружаемся мы, отходя из настоящей кратковременной жизни, заключены от нас и закрыты темной завесой. Там нет ничего доступного нашим чувствам и нашему наблюдению, собирающему материалы для суждения о предметах, входящих в область нашего понимания. Тысячи и миллионы людей скрылись от нас в могиле и отошли в неведомый край, и ни один из них ни на миг не возвратился к нам, чтобы рассказать нам, что встретил он, по сокрытии тела его в могиле. «Никому из отошедших та тот свет, - говорит св. Иоанн Златоуст, - Бог не позволяет приходит и рассказывать о том, где и как пребывают души, отошедшие от нас, и это устроено с той целью, чтобы демон, воспользовавшись этим, не ввел что-либо от себя и не обольстил нас какими-либо призраками и обманами, и не распространял между людьми какого-либо нечестивого учения».

Но зачем, скажете вы, избирать для беседы такой трудный и темный предмет, сокрытый от нас Богом?

Это не утонченный вопрос науки, интересующий немногих, а один из самых жгучих, жизненных вопросов, неотвязчиво преследующих мысль нашу. Прошедшее, нами пережитое, мы оставляем позади и свои взоры устремляем вперед к развертывающемуся перед нами будущему, ожидая от него удовлетворения нашим желаниям, всегда новым, никогда не угасающим. Это будущее, постоянно стоящее пред нашими глазами, всегда более или менее предположительное, в конце концов ставит перед нами предел темнее ночи, за которым мы не видим никаких живых очертаний. Но чем гуще мрак, окутывающий последний день из отмежеванного нам круга времени и следующее за ним, тем напряженнее и неудержимее взор наш, взор всех, живущих на земле, который силится проникнуть сквозь густое темное покрывало, скрывающее от нас нашу будущую, предстоящую нам участь. Не только мы, длинным рядом прожитых лет приблизившиеся к последнему пределу земного бытия, стоим в трепетном недоумении перед вопросом о том, что с нами будет, когда холодная и мрачная могила покроет тленные останки наши, но и люди других возрастов, надеющиеся еще долго вращаться на земле, не могут устраниться от этого трудного вопроса, потому что «всем надлежит однажды умереть, а потом…»

А что потом? Во все века и у всех народов мы видим неустанные покушения перейти мыслью темные грани гроба и разъяснить, что скрывается за этими темными гранями. Но много ли света внесла в эту темную область мысль человеческая, предоставленная самой себе? Нет. Как прежде, столетия и тысячелетия назад, была покрытой густым мраком загробная участь наша, такой же неясной стоит она и ныне.

Где же найти нам разъяснение этой загадки, тревожащей мысль нашу? И не напрасно ли мы беремся за разъяснение утаенного от нас?

Мы не обещаем и не можем обещать вам полным светом освятить темную область нашего загробного будущего, скрытую от нас премудрым изволением Божиим. Но нам дан и указан некоторый просвет на эту темноту, указаны некоторые черты, по которым мы можем предполагать, что будет с нами, когда тело, оставленное душой, сокроется и истлеет в могиле. По этим чертам мы можем отчасти узнать наше будущее, можем видеть его, как зерцалом в гадании. Если Господу не угодно было даровать нам полное знание последней судьбы нашей, мы должны довольствоваться пониманием ее отчасти, в той мере, какая, для нашей душевной пользы, дана нам премудрым Управителем судеб наших.

Но прежде, чем приступать к постижению трудного и темного вопроса, мы считаем долгом, как подобает христианам, испросить божественную благодатную помощь для благоуспешного совершения предпринятого дела. Итак, призвав помощь свыше, с боязнью, как бы не сказать чего-либо противного божественной истине, приступаем мы к разъяснению трудного вопроса, нами поставленного, по существу своему всех нас интересующего.

ГЛАВА 1

ВЕЛИКАЯ ТАЙНА СМЕРТИ

СМЕРТИ НЕТ

Как часто в наше время раздаются голоса, твердящие, что жизни за гробом нет, что мир потусторонний – выдумка, что для человека все кончается смертью. Кто говорит это? Да, к сожалению, многие из так называемых «людей образованных», которые «сознательно или бессознательно содействуют пропаганде воинствующих безбожников» - антихристов, которые, отвергнувшись от Христа – Начальника жизни и смерти, тем самым встали на сторону диавола – начальника смерти духовной.

На чем же основано их мнение? Грустно и стыдно отвечать, а надо: на отсутствии опыта, на котором только и основывает свои знания рассудок, и на недостаточности религиозного образования, и на недостаточности , даже на полном религиозном невежестве, - ни знаний нет у таких людей, ни духовного опыта, никто из них не потрудился даже познакомиться (не говоря уже – изучить) и вдуматься в творения и жизнь великих наших подвижников, а сердце их, - гордо отрицающих все, что не поддается рассудку, - глухо и слепо к красоте и величию Божьего мира, чтобы созерцание этой красоты, их как св. великомученицу Варвару, привело к познанию Творца вселенной. Они, люди эти, верят лишь тому, что признает их разум, что познают лишь наши жалкие пять чувств; люди эти не хотят знать о жизни духа, лучшей и высшей части человеческой природы. Книг, отрицающих их однобокие понятия, они читать не желают, говорят с чужого голоса злословят о том, что сами не изучали. Ведь чтобы приготовить какое-либо кушанье или сшить сапоги, и то надо предварительно поучиться, а легко рассуждать в вере берется всякий, кому только пришла охота пофилософствовать, и даже не задается вопросом – честно ли так авторитетно рассуждать о том и отрицать то (мы уже не говорим о диавольских насмешках), о чем ты и понятия не имеешь? Особенно любят господа атеисты свои безумные разглагольствования подкреплять тем бесстыдным и совершенно ложным утверждением, будто все настоящие ученые не веруют в Бога. На эту удочку они поймали и ловят до настоящего времени многих простецов. А между тем, какая это бессовестная ложь! Мы потом в беседе этой словами самих ученых докажем, как ложно это гнусное обвинение, возводимое на них атеистами.

Можно всю жизнь прожить без Христа и без христианского учения. Можно не верить в христианское учение, можно без Христа сделать свою жизнь легкой и приятной; но нельзя без Него пройти через мрачную долину смерти и еще менее – через Страшный суд. Неверие старается скрыть это и от себя, и от других, выставляя свои, якобы, «убеждения», что «там», на «том свете» не может быть ничего страшного, вроде «ада» и «вечного мучения»… Но если можно скрыть от людей свой страх и свое опасение перед вратами смерти и будущей жизни, то это еще не значит их уничтожить, а тем более доказать, что ни ада, ни вечных мучений не существует. У более откровенных и честных из неверующих бывают такие часы и минуты, когда они свободно раскрывают пред людьми борьбу и скорбь своего сердца… Из сердца и совести многих тысяч Неверов нередко вырывается восклицание: «А что, если то что говорит Евангелие, это правда?» И это боязливое восклицание мы слышим в их шумном весели и в их насмешках и глумлениях над религией, и в их убежденных речах неверия. На все это можно сказать только одно: да, Евангелие говорит правду, в нем заключается Божественная истина, о которой говорит Иисус Христос: «Мое учение не Мое, но пославшего Меня. Кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении – от Бога ли оно».

Нужно заметить вообще, что в предметах веры безопаснее меньше умствовать и больше верить: смиренное признание своего невежества иногда лучше знания. Пытливость человеческого ума с его гордыми притязаниями на «разоблачение» тайн веры, собственно, страшна не для небесной истины, ибо она выше всякого мудрствования, а для тех, которые злоупотребляют разумом. Восставать против небесного учения сомнениями и

прекословиями – значит метать стрелы в небо: небо не страшится от них ран и поражений и не имеет нужды отражать их; они опасны для тех только, которые пускают их над своими головами.

Заметьте – неверующие всегда желают умереть внезапно, вернее избежать смерти через смерть бессознательную. Такое желание – или ощущение ужаса, или ощущение тупого отчаяния, скрытое под маской равнодушия. Во всяком случае, такая смерть есть результат жизни бессмысленной. Насколько легка, спокойна и радостна смерть истинно верующих христиан (вчитайтесь и вдумайтесь, как умирали наши праведники!), настолько она страшна и мучительна для неверующих или для людей, взявших свою веру не из Божественного Откровения.

Лев Толстой, например, создал свою особую веру и ему пришлось на 82 году жизни предстать самому со своей верой пред лицом смерти и умер он… жестоко и трагично. Это потому, что религия, которую он создал, была не прочная, призрачная религия. Она была лишь временной формой его успокоения. Он и перед смертью все еще искал Бога, не будучи доволен своей религией. Несомненно, что в последние годы он упорно думал о смерти, но… почвы под собой перед этой надвигающейся на него смертью он не чувствовал. Непрочность его религиозного мировоззрения была характернейшим свойством его рационалистической философии. Так, например, за два дня до ухода своего из Ясной Поляны, т.е. 26 октября 1910 года, в письме своем Черткову, высказывая свои воззрения на настоящую и будущую жизнь, прибавляет: «Иногда это мне кажется верным, а иногда кажется чепухой».

Но смерть захватила его врасплох, когда он не нашел еще истинной веры. Чтобы понять трагичность смерти Толстого, надо прежде изучить сущность его религии: он создал своего бога и бога безличного. Его понятие о Боге расплылось в отвлеченность. Толстой отвергает Христа, как Бога, отвергает Божественное Откровение. По Толстому, каждый человек познает в себе Бога с той минуты, как в нем родилось желание блага всему существующему. Такому человеку не нужно откровение свыше, он сам может быть своим откровением, им движет гордость, и гордость чисто сатанинская! По учению христианскому, религия берет свое начало в Откровении, исшедшем не от людей, а от личного, единого Божества; религия эта имеет свой источник в Иисусе Христе, а у Толстого, в его религии, центр тяжести – в человеке. Толстой 30 лет трудился над созданием своего религиозного миросозерцания, изучал Конфуция, Сократа, Зароастра, Марка Аврелия и… совсем не знал нашей святоотеческой литературы, целого ряда великих мыслителей, не имел понятия, что была за книги «Добротолюбие», что за философы были св. Исаак Сирин, св. Ефрем Сирин, св. Авва Дорофей и другие, создавшие наших русских святых.

Та же гордость мешала Толстому открыть признавать свои заблуждения, так сказать, покаяться всенародно, но в тайниках своей души он сам не уверен был в том, что писал о Христе и религии, только мужества не хватило сознаться в этом пред лицом всего мира. Учение свое, в котором Толстой называет веру в Св. Таинства «лжеучением», Толстой решил обнародовать в 1897 году с целью дать «полезное людям», а между тем, в 1904 г., после этого издания, когда умирал его брат Сергий и в предсмертные минуты решил приобщиться, то Толстой неожиданно для всех выразил самое горячее сочувствие этому решению и сам хлопотал о приведении этого решения в исполнение.

Перед смертью он бежит не к толстовцам, а к своей сестре – монахине, имея целью «близ нея пожить», и не едет туда прямо, а заезжает в Оптину Пустынь. Зачем? – с целью повидаться с оптинскими старцами. Но тут, в Оптиной, происходит нечто жестокое для

Толстого: его к старцу не пускает противящаяся этому порыву более могущественная сила, которую «своими человеческими силами» он не мог победить всю свою жизнь. Сила эта – собственная гордость Толстого. Толстой идет к скиту, подходит к наружным дверям кельи старца, стоит перед дверьми, но не входит, поворачивает назад.

Темна и мучительна была смерть Толстого. Он был духовно одинок, несмотря на то, что толстовцы окружили его попечениями и спрашивали, чего ему хочется, он отвечал: «Мне хочется, чтобы никто мне не надоедал»…

По словам сестры Льва Николаевича, от него слышали в последние дни слова: «Что мне делать, Боже мой, что мне делать! Руки его были сложены как на молитву»…

Смерть Толстого была длительная, при полном сознании, смерть философа, не обретшего успокоения в своей философии и притом, что всего мучительнее, философа, находившегося под надзором своих учеников, слепых в своем рабском поклонении его заблуждениям.

Религия Толстого, поставленная перед лицом смерти, не дала ему успокоения; последние дни Толстого были днями мятущегося человека, «не знающего, что ему делать».

Теперь послушаем о другом «властителе дум» - Гейне. Он известен, как неверующий и насмешник, для которого не было ничего святого: яд, который он вливает в сердца незрелых юношей, был бы менее вредоносен, если бы читатели Гейне знали о происшедшей перемене в убеждениях поэта в последние годы его жизни. Гейне заражал и заражает читателей не только религиозным вольномышлением, но и циническими остротами о половых отношениях.

Между тем в параграфе 7-м своего завещания он пишет: «Четыре года уже прошло, как я отбросил всякую философскую гордость и вновь пришел к религиозным идеям. Я умираю с верою в вечного Бога, Творца мира, и призываю Его милосердие на свою вечную душу. Я скорблю, что непочтительно отзывался о святых предметах, но я к этому увлечен был не столько внутренним расположением, сколько духом времени. За то, что я почти бессознательно оскорблял добрые нравы и целомудрие, Боже, прошу Тебя простить меня». Об этом параграфе завещания умалчивают заграничные и русские издатели сочинений Гейне. Им ради корыстных и партийных целей надо сохранить за Гейне репутацию невера и циника, ибо это не переносит его в лагерь «консерваторов» и увеличивает спрос на его сочинения.

Но возвратимся к нашей нечуткости, к нашей индифферентности. У нас царит бесконечное невежество в области богословско-религиозного знания, есть даже много интеллигентов, которые наивно хвалятся этим крепким пробелом своего образования. Люди, легко относящиеся к вере, никогда не читали наших первоисточников, не мало людей, которые даже никогда не читали Св. Евангелия, не будем даже говорить о том, что они никогда не пробовали жить жизнью духа, т.е. путем опыта познать наше христианское учение.

Неверы упорны в своем отрицании, но ведь нельзя не видеть, что религиозная истина по самой своей природе допускает не рассудочный, а только опытный путь ее усвоения – и все-таки не делают никакой честной попытки идти к своей цели по пути опыта. Неверующие всегда признают знамением только то знание, которое опирается на опыт, на факты и если б кто сказал им, что совсем не верит в выводы химии и физики, то, несомненно, они такому ответили бы, что в химии или физике, конечно, ничего не

изменится от их неверия, вызванного незнанием, что скептик никогда не изучал опытным путем химии и физики.

Физический мир познается физическими опытами, а духовный мир – опытами духовными, а потому, кто позволяет себе судить о христианстве от имени разума, безличных опытов в области христианской, тот идет не путем разума, сколько бы он не ссылался на разум, а действует, мягко выражаясь, как глупый…

Пора понять, что и в религиозном знании, как везде, разум должен обратиться к обычному для него опытному пути знания, вне которого он теряет свою правоспособность и осужден на совершенное бессилие. Необходимо обратиться к изучению богословской литературы для ознакомления с учением христианства не из вторых и третьих рук, без посредства Ренана и Толстого, и не относиться с презрительным невежеством к книгам людей, многие годы своей жизни проведших в служении Богу, очищая и просветляя свой дух, и находивших в этом радость и смысл, и цель своей богатой духовным опытом жизни.

В нашей интеллигенции, невежественной в богословии, отсутствует, кроме того, чувство греха настолько, что слово «грех» звучит для интеллигентного уха почти так же далеко и чуждо, как «смирение». Вся сила греха, его влияние на всю человеческую жизнь, - все это остается вне поля сознания интеллигенции, находящейся как бы в религиозном детстве. Покаянное настроение духа должно неизменно сопутствовать человеку во всех стадиях его духовного развития, и если нет его, то человек стоит на ложном и опасном пути, и он далеко от спасения.

Убедиться в Божественном происхождении Священного Писания можно одним средством: надо слушаться этого учения, жить по его правилам, отведать и вкусить этого учения, тогда убедишься, что оно не простое, а Божественное; тогда узнаешь, как совершен закон Господен и какая отрада в нем для души. Скажем, быть может, кто: «Я тогда стану жить по учению Св. Писания, когда вполне уверюсь, что оно, точно, Божественное», но возможно ли так увериться? Если бы вам предложили известную пищу и сказали, что эта пища самая вкусная и здоровая, то, не отведав ее, узнали бы вы, что она действительно вкусна и здорова? Вспоминаются слова одного старца, к которому однажды пришел некто и заявил: «Бога нет!» Старец тихо и смиренно ответил: «А куда же Он девался? До тебя все был, а теперь уже Его нет!»… В простоте слов старца заключен такой глубокий, ясный ответ, что трудно придумать еще что-либо столь ясное и основательное. Надо помнить: без меня – спасти меня нельзя! Надо, чтобы ты сам пожелал заняться очищением твоего сердца и тогда начнет в тебе господствовать дух, а не тело. Чтобы дать господство духу, надо побороть то, что ослабляет дух.

Путь Богопознания – во внутреннем духовном опыте. И люди, отдавшие всю жизнь свою на точное исполнение завета Христова, здесь, еще на земле, вкушали радость небожителей, невидимый мир для них был реален, близок так же, как земной, они поднимались на такие вершины духа, что им повиновались силы природы.

Ведь среди авторов богословских творений были не только простецы-пустынники (столь немилые сердцу наших Неверов), а люди глубоко образованные, даже философы, обладавшие сведениями по всем отраслям знаний и обладавшие ими в такой полноте, которая нам, теперешним интеллигентам, и не снилась. Для примера укажем на одного из них – св. Василия Великого. Он изучал науки в знаменитой Афинской школе, привлекавшей к себе в то время цвет ума и таланта. Изучил он ораторское искусство, астрономию, философию, физику, медицину, естественные науки. Был красой и гордостью своих профессоров. Но все светские знания не могли насытить его ума,

искавшего нечто высшее – небесного озарения – и по окончанию курса он отправился в те страны, где жили христианские подвижники и где он мог вполне ознакомиться с истинно-христианской наукой. Был в Египте, Карфагене, Сирии и Палестине. Там он нашел и духовное руководство, и большое собрание богословских творений, прилежно и долго изучал их…, и побольше был образован, чем многие из нас, нынешних интеллигентов! После долгого отсутствия, возвратясь в Афины, он захотел увидеть своего любимого профессора, который был язычником, чтобы обратить его в христианство (что ему потом и удалось) и тем заплатил ему за все доброе, полученное от него. Долго искал его, наконец, нашел у городской стены, где, по обычаю того времени, профессор рассуждал с другими философами о каком-то важном предмете и никак не мог решить некий замысловатый вопрос. Набросив плащ на лицо, св. Василий прислушивается к спору; потом, оставаясь неузнанным, вступает в разговор, блестяще решает затруднявший всех вопрос и, со своей стороны, задает вопрос своему учителю. Все недоумевают, кто бы мог так отвечать, так возражать знаменитому философу, а учитель говорит: «Это или какой-либо бог, или Василий!», т.е. он хотел сказать, что св. Василий имел разум, превосходивший обычную человеческую мерку ума и в этом отношении приближался к богам. И сочинения таких людей находятся в презрении!..

Неверующие гордо заявляют, что разум не признает сверхчувственного мира, потусторонней жизни, но они забыли, что мудрейший из смертных – Сократ – сознавал, что все, что человек знает и что может понять – ничто в сравнении с тем, чего он не знает и не понимает. И это признание Сократа в немощи человеческого ума имеет всю силу убеждения, потому что мудрец приобрел это сознание опытом целой жизни, посвященной исканию истины. До него философия занималась почти исключительно созерцанием внешней природы, не обращая внимание на мир нравственный. Сократ открывает этот мир, оставляя внешнюю природу, в основании своей мудрости полагает самосознание и в глубине человеческой души находит свидетельство о Боге. Он веровал в Бога Единого, Невидимого, Творца и Промыслителя мира. Бог, по учению Сократа, есть Устроитель и Виновник всего. Он один мудр и пред Его премудростью человеческая мудрость малоценна и даже ничтожна. Язычнику, воспитанному в своей чувственной религии, трудно было возвыситься до идеи о Боге Невидимом. «Да ты не видишь своей души, - говорил Сократ, - которая, однако, господствует над твоим телом, следовательно, можешь сказать, что в тебе нет и ума, и что все ты делаешь случайно. Ясно, что душа царствует в нашем теле, но она невидима. Знай, что невозможно видеть лицо Бога, довольно с тебя видеть дела Его, чтобы поклоняться им и чтить их. Тот, кто устроил и объемлет весь мир, в Ком вся красота и благо, созерцается в своих великих делах, но не видим в Своем домостроительстве. Подумай, что и солнце, которое кажется для всех видимым, не позволяет, однако же, пристально смотреть на себя, и если бы кто с наглостью устремил бы на него глаза – потерял бы зрение».

Такое Божество, возражали Сократу, так высоко и величественно, что не имеет никакой нужды в человеческом поклонении.

«Так что же? – сказал мудрец, - чем выше То существо, Которое удостаивает тебя приносить Ему поклонение, тем усерднее ты Его должен чтить. Бог, хотя и невидим, - продолжал он, - печется о людях, видит все в мире и все объемлет Своим промышлением». Последнюю мысль Сократ раскрывал с особенной силою и любовью: «Ты согласен, - говорил он, - что твой ум, живя в твоем теле, управляет им как хочет; должен согласиться и на то, что Ум, живущий во всем, - все устрояет так, как Ему угодно. И твое око может простираться на много стадий, а око Божие будто не может обнять все одним взором? И твоя душа может обтекать мыслью и здешние места, и страны

Египетские, и Сицилийские – неужели же Божья мысль не в силах обнимать все существующее?»

Высокое мнение имеет Сократ о человеческой душе, возвышает ее над всем видимым и временным и, вместо безотрадного и безжизненного бытия в царстве теней, возвещает жизнь бессмертную и лучше настоящей, в союзе с Божеством благим, не таковым, каковы боги, признаваемые языческой религией. «Человеческая душа, - говорит он, - более чем другое человеческое причастна Божеству. Она видимо управляет телом, хотя сама невидима. Посему человек мыслящий не должен презирать невидимое, но, изучая его силу из действий, читать в душу Божественное». Самопознание открыло Сократу, что душа по природе есть существо причастное Божественному естеству. Предсмертные речи Сократа проникнуты верой в бессмертие и во всеблагое Божество, хотя философ по привычке или по иной причине и говорит об этом Божестве языком многобожника. «Если бы я не дума, что пойду к иным богам, мудрым и благим, и к отшедшим людям, которые лучше здешних, - то, конечно, я был бы не прав, равнодушно смотря на смерть. Но теперь знайте, что я надеюсь увидеться с добрыми людьми, хотя этого и не могу доказать решительно; но что я предстану пред могущественными богами, всеблагими, - будьте уверены; это я могу доказать решительнее, нежели что другое, по сему я не скорблю, но уверен, что умершие существуют и что добрым там гораздо лучше, чем злым». Прочитанным легко опровергается распространенное мнение многих, что будто ученые и образованные люди не верят в Бога и бессмертие души. Следя, постепенно, от древних веков до наших дней, - справедливы ли слова воинствующего атеизма, что образование и ум отвергает веру в Бога и потусторонний мир? Приведем сначала мнение другого язычника – философа Платона, язычника, говорим, и, быть может, неверующие и маловерующие христиане – устыдятся!

Слово Платона остается последним и заключительным словом древней философии и древнего мира о будущей жизни человека. «Душа человека бессмертна, - говорит Платон, - все ее надежды и стремления перенесены в другой мир. Истинный мудрец желает смерти, как начала истинной жизни. Потустороннее – предмет его созерцания, всех его помыслов. В том только мире открывается истинная сущность вещей. Здесь мир сам по себе не имеет никакой цены, но имеет значение только по отношению к другому, как его отображение, подобие». В этом заключается величие Платонова учения, возвышающего и устремляющего душу к свойственной ей свободе, к свободе над всеми чувственными ограничениями.

Из туманной дали веков звучат нам эти голоса, но возьмем другие книги, другое время: прислушаемся к голосу человека более близкого к нам по времени, человек этот – великий Гете. Вот его слова: «При мысли о смерти я совершенно спокоен, потому, что твердо убежден, что наш дух есть существо, природа которого остается неразрушимой и непрерывно, вечно будет действовать; он подобен солнцу, которое заходит только для нашего земного сна, а на самом деле никогда не заходит».

Математик Коней говорил: «Я христианин, я верую, что Иисус Христос был Бог, сошедший на землю; верую, как Тихо де Браге, Коперник, Ньютон, Паскаль, Лейбниц, как все великие астрономы, физики и математики. Во всем христианском вероучении я ничего не вижу, что сбивало бы с толку мою голову, было бы ей вредно. Напротив, без этого святого дара веры, без знания о том, на что мне надеяться, и что ожидает меня в будущем, душа моя в неуверенности и беспокойстве металась бы от одной вещи к другой, и эта тревога души и неуверенность в мыслях есть то, что нередко производит отвращение к жизни и может в конце концов привести к самоубийству».

«На наших глазах, - пишет французский историк Тен, - и на виду истории, совершается превращение образованных людей и целых классов в зверей там, где христианская вера забывается. Христианство – это великая пара крыльев, необходимая для того, чтобы поднять человека выше его самого, выше его пресмыкающейся жизни и его ограниченных кругозоров. Всегда и всюду, в течение 19 веков, как скоро эти крылья слабеют, или их разбивают, общественная нравственность понижается».

«Религиозное обучение, по-моему, - говорит Виктор Гюго, - в настоящее время более необходимо, чем когда-либо. Чем больше человек растет, тем более он должен веровать. Несчастье и, можно сказать, главнейшее несчастье нашего времени, составляет стремление все ограничить этой жизнью. Ставя для человека конечным пределом и целью земную материальную жизнь, люди увеличивают свои бедствия отрицанием будущей жизни».

Материализм говори: то, что мы называем духом, душою, мыслью, и т.д., - есть произведение мозга; от свойств мозга зависит и свойство мысли; душа есть только функция телесного организма. Фохт, например, говорит: «Пусть покажут нам душу». В таком случае мы можем сказать таким вопросителям: «Пусть покажут свой ум!»

Почему, например, в преклонном возрасте, часто даже при смерти, когда мозг, следовательно, совершенно сморщен и уже начинает отказываться от исполнения своего назначения, - могут иметь место поразительнейшие проявления духа, и последним словам умирающего придавалось во все времена особое значение? Это наглядно показывает, что душа не есть одно и то же с функцией мозга. Конечно, мозг есть орган мышления, орудие духа. Но всякий инструмент требует играющего на нем, иначе он будет нем, хотя бы в его струнах и заключались все звуки. Материализм смешивает необходимые условия деятельности с причиной ее.

Материалистам можно напомнить глубокую мысль Иннокентия, архиепископа Херсонского, в пользу мнения о бессмертии души: «Если бы душа была одно с телом, - говорит он, - то болезни тела должны были бы отзываться на всех, так называемых, душевных способностях, а мы видим часто, что при совершенном изможденииı тела, в крайних страданиях, сохраняется некоторыми людьми совершенно полное владычество над всеми муками телесными».

Что думают о Боге и о бессмертии души современные нам мыслители и ученые? Трудно было бы в отдельности пересказать то, что они дали нам в опровержение распространенного мнения, будто наука отрицает Бога, и вечную жизнь: лучше расскажем о результатах анкеты по вопросу о бессмертии, с которой Роб Томсен из Чикаго обратился к ученым и мыслителям всех стран, в том числе и России, в начале 20-го века. Ответы размерами от нескольких строк до больших трактатов были собраны в большую книгу под названием: «Доказательства в пользу загробной жизни. Собрание мнений некоторых выдающихся ученых и мыслителей о будущей жизни».

Из сорока семи ответов подавляющим большинством голосов (39 против 6) даны положительные ответы, притом основательно мотивированные, чего совершенно нельзя сказать об отрицательных ответах двух и уклончивых четыре; двумя же не дано никакого определенного ответа. Среди этих тридцати девяти ученых встречаются имена высокого ранга, как физик Крукс, психолог В. Джеймс, психофизик Рише, биолог А.Р. Уоллес и др.

Разлад между верой и разумом наблюдается лишь там, где вера слаба. Если неверующие находят много непонятного в учении о Боге, то это само собой объясняется тем, что само

Откровение пришло к нам не из нашей сферы знания и жизни, а из тех беспредельных сфер бытия, где живет и открывает Себя Верховное Существо. Все возражения разума против Откровения падут сами собою, потому что они большею частью основываются на том, что разум не хочет поглубже вникнуть в высшее Откровение.

Не с умом имеет непрерывную борьбу Св. Церковь, а с «превозношением» ума. С умом, сознающим свою силу и немощь, и широту своего разума, и границы своего познания, - религия не враждует.

Разум далеко не всемогущий царь, он часто слеп и беспомощен: какой рассудок может открыть в цветке запах, когда бывает насморк? Рассудок не может быть единственным условием религиозного познания; для исследования духовных явлений нужен и метод духовных, сердечно-сознательный. В сердце концентрируется жизнь человеческого духа. Идея о тесной связи Богопознания с сердцем выражается в терминологии, как: «разумеют сердцем», «очи сердца», «несмысленные сердцем» и т.д. Добрая жизнь, по свидетельству опыта, является одним из лучших средств к познанию Бога и Его откровений. «Добродетель делает богословом», - говорит святой Иоанн Лествичник. Разум – сила исполнительная, а сила руководящая принадлежит сердцу. Разум может с помощью своих знаний раздробить скалу, сплющить глыбу металла, но смягчить сердце жестокое, сердце черствое – не в его власти. Если человек по своей природе хищная личность, то образование только изощряет ему зубы и оттачивает когти. Св. Евангелие 20 веков тому назад провозгласило: «Из сердца исходят помышления злые и благие».

Божественный сердцеведец Христос Спаситель первый указал миру, что единственный источник общественной, политической и всякой исторической жизни есть дух человека, и что чем он совершеннее, тем совершеннее будет и все созданное. Если вы хотите, чтобы изменилась окружающая вас жизнь, говорит христианство, изменитесь сами, воспитайте ваше сердце.

Братская любовная жизнь, Царство Божие на земле возможны, только их надо искать не где-нибудь вокруг, не в чем-нибудь внешнем, а внутри себя, в своем сердце. Сердце – не область влияния науки, а царство религии. Признавая истинным лишь то, что воспринимается нашими несовершенными пятью чувствами при освещении разума, наши отрицатели – материалисты гордо и смело отвергают все, что не поддается их наблюдению – мир сверхчувственный, невидимый, таинственный, сокрытый от восприятия внешних чувств, тот мир, который выходит из пределов нашего знания. А между тем истинная наука не отрицает той великой и вечной истины, что человек состоит не из одной только невидимой физической природы, или субстанции, но из особого, невидимо-таинственного, неосязаемого животворного начала, которое мы, верующие, называем душою, созданною Творцом по образу и подобию Своему. Даже многие из материалистов называют эту душу «основой или причиной жизни организма», «таинственным животворным началом», «источником жизни тела» и т.д.

Отсюда следует, что объектом ведения внешних чувств служит видимый окружающий мир, а объектом ведения внутренних чувств духовных, веры сердца – невидимый мир, насколько дано его познать человеку. Ибо даже простая логика говорит нам, что если для внешних чувств и ума человека есть предметы ведения и созерцания, то непременно должны быть предметы ведения и для духовных его чувств.

Как есть в человеке высшее духовное начало, то непременно есть сходное ему начало и вне его. Наше тело черпает нужные материалы для своего существования из внешней природы и без пищи долго существовать не может. Откуда же черпаем мы духовную

пищу для возвышения и усовершенствования души и сердца по образу и подобию Бога? Разумеется, из сродной нам природы Божества, для чего существуют молитва, чтения Слова Божия и Св. Таинства.

Заметьте, что желание жить, жить всегда, которое находится в сердце каждого человека, дано Создателем не без цели. Это есть как бы первое указание на бессмертие души, как бы первое побуждение готовится к жизни будущей. Желание жить как бы связано с желанием счастья, которого ждет всякий.. Эта жажда счастья не утоляется здесь, следовательно, должна быть жизнь будущая, где бы могло исполниться это пламенное желание нашего сердца. Мы видим, что Бог, влагая в природу человека известные желания, дает вместе с тем и средства к удовлетворению их. Мучимые жаждой, мы можем напиться; голод мы можем утолить пищей; устав от труда, мы чувствуем нужду подкрепить и обновить свои силы покоем и благодетельный сон подкрепляет их и обновляет. Но счастья мы ждем беспрестанно, и никто не может нам дать его. Неужели это счастье нигде не существует? Неужели Бог вложил в нас это желание, не имея намерения удовлетворить его когда-нибудь? Нет, промысел Божий, который доставляет нашему телу все блага земные, не может навсегда оставить нашу душу – алчущую счастья. Так как счастье не находится здесь, то оно должно существовать за пределами нашей жизни, в жизни будущей, в недрах Божиих. Есть другое желание, близкое желанию счастья, - это желание усовершенствования, которое по кратковременности нашей жизни земной не может быть удовлетворено здесь. Нам кажется разумным думать, что Бог, даровавший нам это желание, - удовлетворит его в жизни будущей.

Заметьте, что способности нашего сердца и нашего разума не развиваются и не усовершенствуются до такой степени, до какой могли бы развиваться и усовершенствоваться. Но Бог не оставляет Своих произведений неполными, неоконченными. Следовательно, надо полагать, что по Своей премудрости Он бережет для нашего духа другую жизнь, где человек сделается тем, кем может быть. Человек способен каждый день приобретать новые познания. От детства до старости сколько успехов он может сделать в науках! Как он может усовершенствовать себя в благочестии! Однако же он умирает, и его умственное и нравственное образование остается неоконченным. Он мог бы еще более усовершенствоваться и в том, и в другом; он мог бы еще лучше изучить чудные явления мира Божьего; он хочет совершенно искоренить в своем сердце пороки, и на место их насадить добродетели, словом, мог бы еще более приблизиться к тому идеалу, который указан Самим Богом, но смерть останавливает человека прежде, чем он окончит тот путь, который должен был бы пройти. В таком случае Бог оставил бы Свое дело неоконченным, скажем более, Он попустил бы человеку умереть навсегда в ту минуту, когда человек наиболее способен усовершенствоваться! Но можно ли представить, чтобы Мудрый Строитель набросал кучу песка на мраморный фундамент, вместо того, чтобы окончить здание? Можно ли представить, чтобы отец, дав превосходное образование своему сыну, запер бы его на остальное время его жизни в четырех стенах, вместо того, чтобы позволить ему продолжить учение и собрать плоды своего воспитания? Так и здесь, невозможно, чтобы тот, который любит добро, который стремится к совершенству, идея которого и чувство даны ему Богом, был оставлен на пути своего усовершенствования. У кого из нас нет желания узнать лучше чудесные законы природы, по которым Промысл управляет миром? У кого нет желания узнать Виновника всего существующего? Какое дитя не желает видеть отца, которого оно знает лишь по благодеяниям, полученным от него? Разве Бог дал бы нам возможность возноситься мыслью к Нему, если мы не должны наслаждаться более ясным созерцанием Его природы, Его совершенств, конечной цели творения мира и т.п.

Прекрасен образ души, совершенствующейся в истине и добродетели! Неужели Бог уничтожил бы ее прежде, чем это усовершенствование будет окончено? Совершенство, как и счастье, растение не из здешнего мира: оно принадлежит другому царству. Всякое растение имеет почву, климат ему свойственный, но для совершенства нет здесь родины. Где же оно, если не в будущей жизни? Человек есть венец всякого земного творения, но это творение не окончено.

Мы – только камни, предназначенные войти в сооружение великолепного здания, мы находимся в подготовительной школе, где получаются только начала учения, мы проходим только детский возраст того длинного века, имя которого – вечность. Смерть только совлечет с нас земную и грубую оболочку, недостаточную для нашего будущего существования. Когда мы припомним, что люди, имевшие самое чистое сердце, непрестанно боровшиеся с врагами духовными и прославившие себя множеством побед, как, например, св. апостол Павел, не были уверены и после непрерывных трудов, что достигли совершенства, к которому стремились, когда подумаем, что Господу должно же быть приятно видеть те успехи, какие делают в благочестии Его создания, приятно видеть, как они все более и более приближаются к уподоблению Ему, - тогда нельзя себе представить, якобы Господь оставил их на половине пути к добродетели, чтобы Он в награду за их заслуги даровал им смерть, уничтожение. Это не сообразно с благостью и мудростью божественною.

Наши «мудрецы» сразу хотят понять мир духовный, сверхчувственный, но как они дерзают так врываться в этот мир таинственный, когда даже земное не все для нас понятно? Знаем ли мы, что такое холод, свет, эфир, электричество, сила тяготения, меняющиеся с каждым пятилетием. Если же земное мы так мало понимаем, как же нам понять небесное? Но гордых сынов века нашего ничто не смущает, они проповедуют, что вся вселенная произошла сама собою. Мнение это не ново, оно существовало уже в древности. Еще Цицерон говорил, что производить мудрое устройство мира от случая – нелепо. «Могу ли, - пишет он, - не удивляться, слыша мнение, будто какие-то тела, увлекаемые неизвестной силой и тяжестью, стремились куда-то и случайным столкновением их произведен этот благоустроенный и прекрасный мир? Если это возможно, то почему же не допустить и того, что стоит только всыпать на землю бесчисленных отлитых из золота букв, и из них составится чудесное литературное произведение. Если столкновение атомов могло произвести целый мир, то почему же это не может составить храма, или дома, или города, что было бы проще и легче?»

Английский философ Бэкон сказал, что нужно ум свой приспособлять к величию Божиих тайн, а не тайны эти втискивать в тесные рамки ума. Подумайте, как муха может что-либо понять в плане какого-либо архитектора или инженера?

Французский математик Паскаль в этом же смысле высказывался, что высший подвиг рассудка, - признание, что существует бесконечно много явлений, превосходящих человеческий рассудок. Божественные вещи надо сначала возлюбить, а потом можно будет отчасти понять. Где у человека тот масштаб, та марка, которыми он мог бы проверить Божью беспредельность? Существо Божие выше всякого познания не только человеков, но и Ангелов, Он есть «Свет неприступный». Если пред сотворенным светом видимого солнца изнемогает наше око, как неизможет око нашего ума перед Светом Вечного Солнца духов, пред Которым и высшие из Ангелов закрывают свои лица. Ограниченный ум человека относится к Богу – предмету познания, как горсть к морю и даже менее, чем горсть. Можно ли горстью исчерпать море? И если бы и возможно было это, потому, что море имеет пределы и меру глубины, то все же невозможным оставалось

бы малым сосудом разума человеческого исчерпать бездну премудрости Божьей, которой широта беспредельна и глубина безмерна.

Кроме природной ограниченности нашего ума, естественному Богопознанию препятствует греховное помрачение его. «Удивляюсь я тем немалочисленным людям, - говорит Симеон Новый Богослов, - которые не трепещут богословствовать о Боге, будучи исполнены грехов… Мы, незнающие ни самих себя, ни того, что перед очами нашими, с дерзостью и бесстрашием приступаем философствовать о том, что непостижимо для нас, особенно будучи пусты от благодати Св. Духа, просвещающего и научающего всему»…

Будет время, когда многие тайны будут нам открыты вполне, но для этого мы должны пройти долгий и весьма ответственный путь правильного духовного развития.

Ведь и детям кажется многое чудом.

Глубокая вера в один разум есть самое жалкое идолопоклонство! Для чего приходил Христос на землю? Для спасения людей, не правда ли? Но если для спасения, то, стало быть, самое роскошное «общее образование», каковым кичился древний мир, - не было спасительным.

Ко времени Христа человечество умело строить так называемые «чудеса света». Оно имело акрополи и капитолии, дивные храмы, прекрасные театры, богатые библиотеки, школы, гимназии, студии, фабрики, мастерские. Ко времени Христа уже давно сказали свое слово Сократ, Платон, Аристотель, Пифагор, Эпикур, Зенон; отгремели великие ораторы, трагики и поэты. Уже если говорить правду, тогдашнее «светское образование» было не ниже нашего и несравненно благороднее, несравненно ближе к великим инициаторам поэзии, философии и науки. Тем не менее мир тогдашний погибал. Потребовалось не светское образование, а некое священное откровение, некая небесная тайна, которую объявил Христос миру в очень не многих поучениях. Если выбрать из четырех Евангелистов одни лишь слова Христа, их наберется всего лишь на десяток страниц. Как же получилось, что тогдашняя тысячелетняя цивилизация вела человечество к погибели, а простой и кроткий закон Христа – к спасению?

Все Евангелие, этот великий факт христианства, есть опровержение чудовищной мысли, будто смысл человеческой жизни лишь в науке и рассудке. Вот что говорит известный физик Гирн: «Господствующее в материализме учение о «вечности материи и круговращении миров» не основано ни на каком факте, ни на одной, самой отдаленной аналогии, соответствующей самым известным фактам. Того, что можно было бы назвать мировоззрением научным – нет и не дано наукой. У науки нет единого общеобязательного для всех ученых своего, так сказать, официального мировоззрения, а если, говорит Роберт Майер, поверхностные умы щеголяют отрицанием существования чего-либо высшего, сверх-материального и чувственно-воспринимаемого мира, то такое жалкое притязание отдельных умов не может быть поставлено в вину науке.

Полная несостоятельность и лживость естественно-научных теорий, позитивных мудрствований, воюющих против Бога и христианства, доказывается тем, что многие из этих теорий, как «построенные на песке», совершенно разрушились и пали в глазах ученого мира, хотя прежде считались чуть ли не за общепринятую непреложную истину. Односторонность и несостоятельность их, таким образом, высказалась их недолговременным существованием. Только Богооткровенное учение, заключенное в Библии, пережило и переживает века, несмотря на козни многочисленных врагов. Библия написана не одним автором и произошла мало-помалу в течение примерно 1400 лет. Она

состоит из 76 отдельных книг; в ее составлении участвовало множество различных авторов, людей самого разнообразного общественного положения, - ученых и не ученых, царей и рабочих, духовных и земледельцев, государственных мужей и пастухов. Содержание Библии составляют: история, пророчества, послания, законы или религиозно-нравственное учение, - чрезвычайно разнообразное содержание! Но от первой до последней страницы Библию проникает один и тот же дух, одни и те же основные взгляды. Если же переплести в одни том какие-нибудь другие сочинения, ну, хотя бы лучшие сочинения по медицине, появившиеся в течение 1400 лет и потом лечить по этой книге больного, то никому от такого лечения непоздаровилось бы, и мы не желали бы быть на месте больных… То же самое и еще более нужно сказать и о других сочинениях, например по философии. Откуда же происходит удивительное единство Библии и как его объяснить? Эта удивительная гармония, проникающая все в Библии от начала до конца, служила главным доказательством богодухновенности Священного Писания еще у Бенгеля, одного из великих богословов-библеистов прошлого века.

Опыт духовный свидетельствует о близости нашему духу Духа Божия, о воздействии Божества на душу, входящую в живое общение с Ним; в этом чувстве присутствия или близости Божества и состоит самая сущность религиозного чувства или веры. Все хорошее в человеке и в человечестве, - говорит Влад. Соловьев, -только в соединении с Божественным предохраняет от искажения и извращения. Как только нарушена Богочеловеческая связь, так сейчас же нарушается (хотя сначала и незаметно) нравственное равновесие в человеке.

Темная сила уже во времена апостолов воздвигала своих борцов против нашей веры. Много веков тому назад любимый ученик Христа сказал: «Не всякому духу верьте, но испытывайте духов – от Бога ли они, потому что много лжепророков». Забыли мы эти слова! Многие из нас с жадностью набрасываются на оккультизм, спиритизм, теософию, не вдумываясь в сущность этих учений, и ослепленные, бредут к пропасти, сами того не сознавая.

Возьмем, например, хоть теософию: она отрицает вечные муки, отрицает Страшный суд, говорит, что только от самого человека зависит его дальнейший прогресс, что благодать свыше совсем не нужна (древнее диавольское искушение: будьте как боги), учит о перевоплощении, о нескольких жизнях на земле одной человеческой личности, и как будто в этих существованиях личность постепенно развивается в хорошую сторону, а христианин должен же знать, что учение о перевоплощении осуждено Вселенским Собором и предано анафеме, ибо сказано в Священном Писании: «Однажды умереть, а потом суд».

Надо поражаться этому ослеплению христиан! Хоть бы раз, увлекаясь теософией, задали они себе вопрос: зачем же тогда Иисус Христос сходил на землю и страдал за нас, если так легко можно достичь нравственного идеала своими силами, без помощи свыше, - стоит только пожить то во времена фараонов, то в эпоху крестовых походов, то среди краснокожих в Америке! Да и почему это, переходя из одного воплощения в другое, личность будет прогрессировать только в доброе? А ну как во злое? И ослепленный человек не видит, что теософия – учение диавольское, учение гордости, что все воображаемые циклы перевоплощений и эволюций – совершеннейший и чистый нуль пред всемогущим действием благодати Божией. А главное, главное, что выпускает из виду (опять-таки точно глухой и слепой!) бедный теософ – это то, что Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа, второе лицо Св. Троицы – теософия считает лишь одним из основателей религии, каким был и Магомет, и Конфуций, и Зароастр: она отрицает, что Иисус Христос – Бог, пришедший во плоти на землю. Русские теософы не читали,

вероятно, книгу Анни Безант, изданную в Лондоне в 1882 году. Книга называется «Евангелие атеизма». В ней Анни Безант, ярая проповедница теософии, провозглашает атеизм «передовым бойцом прогресса, почетным авангардом армии свободы» и в истерическом исступлении в славословии атеизму доходит до восклицаний: «честь и слава тем, кто для улучшения земли забыл Бога!» Вот какие убеждения у вождей теософии, а увлекающиеся этим антихристианским учением забыли божественный голос Иоанна Богослова: «Испытывайте… от Бога ли они… всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти – не есть от Бога, но это дух антихриста». Не ясно ли в этом непродуманном увлечении теософией, оккультными науками, спиритизмом – участие «невидимого агента» - диавола?

Для нас, верующих и верных сынов Церкви, сомнений в Божестве Иисуса Христа, Спасителя нашего и быть не может, но поговорим с холодным скептиком, и он заявляет, что Христос был просто человек. Не ново это: много столетий тому назад Арий, наказанный гнусной смертью, утверждал то же. Теперь пошли еще дальше; сатане мало этой ереси, он спешит проявить свою злую силу, и теперь его слуги проповедуют, что вовсе не было Христа, что просто это легенда, миф! Больно и страшно за тех, кто высказывает эти мысли, но будем говорить хладнокровно: явление великих людей ничем не предварялось так, чтобы их заранее знали и ожидали; пришествие Христа было предрешено за тысячи лет, возвещено с такой ясностью и подробностью, что даже указывалось место, время и почти год Его явления. Ко времени Спасителя уже весь Восток знал и ожидал, что из Иудеи явится Кто-то необыкновенный, Кому должны покориться все народы. Кроме Иисуса Христа не было на земле лица, на котором бы явилась вся совокупность всех прообразов и пророчеств.

Пророчества Исаии о страданиях Христовых настолько ясны, что пророк как бы сам стоял у креста и списывал Голгофские события, как очевидец, за что и назван отцами Церкви ветхозаветным Евангелистом. А пророчества царя Давида, возвещенные чуть не за тысячу лет? С какою буквальной точностью исполнились они!..

Свое великое служение Господь Иисус Христос совершает вполне сознательно, как делает архитектор с предначертанным планом в руках. В Нем нет нетерпеливой поспешности, какая допускается иногда и великими людьми, стремившимися достигнуть намеченной ими цели в ущерб их дела, нет и медлительности, бывающей плодом нерешительности вследствие медлительности будущего: когда ученики хотели Божественного Учителя своего удержать от посещения Иудеи, где ждали Его страдания, то ответом Своим Он дал им знать, что с Ним должно быть, что будущее для Него ясно, как день, и что в отношении к делу, которое Он пришел совершить, не существует таких случайностей, которых Он не предвидел бы и не мог бы предотвратить. Он знает, что Его ожидает в Иудее, куда они боятся идти и однако же пойдет туда, чтобы исполнить то, что должен исполнить, как волю Отца Своего.

Во время Голгофских страданий трепетала вся природа, скрылся свет солнечный, что было предсказано за много веков пророком Амосом: «Зайдет солнце в полудне и померкнет на земли в день свет» (Ам. 8:9). Затмение солнца во время распятия Иисуса Христа – это исторический факт, занесенный тогдашними летописцами-язычниками в хроники. Событие это было так необычайно, против всех законов природы, ибо было полнолуние, - луна стояла между землей и солнцем, что необычайность и достоверность этой тьмы засвидетельствована была тремя язычниками-писателями того времени: римским историком и астрономом Флегонтом, Юнием Африканом, историком Фаллом и еще (не поименованным у историка Евсевия) четвертым языческим историком. В их записях вполне совпадают и часы этой тьмы с апостольскими указаниями. Один из

упомянутых летописцев, пораженный сверхъестественным явлением воскликнул: «Умер кто-либо из богов!»

Еще что поражает нас в личности и жизни Христа – это величие, о котором говорят с живым энтузиазмом сами противники христианства: «По великой силе в словах и делах, - говорит, например, Ренан, - Иисус стоит одиноким, вне всякого сравнения. Его слава остается полной и всегда будет новой. Величие Христа особенное: оно имеет своей основой одну из прекрасных добродетелей, украшающих человеческую душу – смирение.

Бесконечная кротость Иисуса Христа, как выражение его внутреннего смирения, истинно поразительная, выше чем человеческая. И эти две черты, так тесно связанные в Нем, составляют тот отличительный и величественный характер Иисуса Христа, при котором Он безбоязненно и решительно указывает на Себя, как на Образец для подражания: «Научитесь от Меня, потому что Я кроток и смирен сердцем»…

«Ничто меня не поражает в Евангелии более, - говорит один из христианских писателей, - чем великий характер кротости и любви, внутренней чистоты и нежной симпатии, какая открывается и постоянно царит в словах и делах Иисуса Христа и представляет небесную красоту Его жизни» (Гизо).

Образ Иисуса Христа есть образ высочайшей и чистейшей гармонии, как в физическом, так и в нравственном отношениях. Это вполне гармоническая жизнь человека. Иисус Христос есть весь любовь, весь чувство, вместе с тем Он есть также и совершенный дух, совершенная ясность и высота духа. Чувство и мысль у Него неразрывны. И во всем царствует живость чувства и впечатления, и однако эта живость Его духовной жизни никогда не является в страстном возбуждении. Эта жизнь представляет полную картину скромного величия, мирной простоты и возвышенной гармонии (Х. Лютард.) Поэтому-то Господа Иисуса Христа вполне справедливо и называют «величайшим чудом всей Евангельской истории» (Шарев).

Жизнь Иисуса Христа сопровождалась такими великими событиями, какие не встречались в жизни ни одного из великих людей и столь великими делами, каких не совершал никто из основателей религий, ни из других великих людей. Римский сотник, язычник, стоявший у Креста и видевший знамения, совершившиеся во время страдания и смерти Господа, признал в Нем Сына Божия. Император предлагает сенату внести изображение Иисуса Христа в число богов пантеона.

Иисусу Христу не как прочим людям служат, а как Богу и повинуются все: море, и воздух, Ангелы и демоны, смерть и ад. Наконец, Иисус Христос несравненно выше стоит всех великих людей, всех пророков, совершавших силой Божией великие дела тем, что Он не только обладал Божественной силой для совершения сверхъестественных дел, но имел Божественную власть сообщать силу и другим.

Были на земле великие люди по всем отраслям человеческих знаний и искусства, были основатели религий, отличавшиеся напряженностью религиозного чувства, были великие законодатели, философы, естествоиспытатели, но не было ни одного из них, который бы совмещал в себе совершенства человеческой природы. В одном Спасителе нашем, как Богочеловеке, проявилось дивно сочетание совершенств ума, сердца, воли, и в этом отношении на земле не было подобного Ему. Когда Он спросил у ненавидящих Его фарисеев: «Кто уличит Меня в неправде?» - враги молчали, ибо не могли найти, а ведь сердце недруга зорко следит за малейшим пятнышком на неприятной для него личности.

Христос говорил с поразительной живостью о событиях, как близких, так и отдаленных по месту и времени; возвещает с такой же ясностью о событиях, имеющих совершиться не скоро, с какою предрек о предательстве одного ученика и об отречении другого за несколько часов до события.

Кто из основателей религий Востока и Запада предсказал об отдаленных событиях так, чтобы они исполнились? Где Капернаум, до неба вознесшийся? – следов не осталось! Где храм Иерусалимский, строившийся почти полвека, красотой которого гордились? - разрушен до основания, и на месте его стоит мечеть Омара, как мерзость запустения; иудеи рассеяны по всей земле, лишенные отечества. Некоторые великие люди обладали даром слова, способностью привлекать к себе сердца людей, но кто из них сравнится с Тем, о Котором слышавшие речь Его сказали: «Никогда человек не говорил так, как этот человек». Ни один из основателей религий не выдавал свое учение, как всеобщее, предназначенное для всех людей и всех времен. Свое религиозное учение они предназначали прежде всего для своего народа; один только Иисус Христос возвестил о Себе, что Он пришел от Отца, чтобы спасти род человеческий, быть светом для всего мира, преподать учение, которое должно быть проповедано от Иерусалима до последних пределов земли…

Кто сказал что-либо выше того, что возвестил Христос миру? Речи Господа обладают удивительным свойством: они так прозрачны и просты, что по-видимому доступны всякому пониманию, которое как будто исчерпывает их. Но попробуйте коснуться их дна и окажется, что эта прозрачность страшной глубины. И чем больше вы всматриваетесь в нее, тем более широкие горизонты вам открываются и чем глубже проникаете, тем вернее находите разрешение таких вопросов, которые мучают человечество на самых вершинах его развития.

Прошли века со дня явления на земле Прекраснейшего из всех сынов человеческих и, как никто из современников не мог обличить Его в грехе, так и до нынешнего для самая строгая критика не может обрести в Нем ни малейшего нравственного недостатка.

Что касается способностей обладать умами и сердцами людей, то свидетельством этого обаяния служат миллионы людей, следовавших за Ним с такой преданностью, что когда нужно было, они оставляли все ради Возлюбленного и возлюбившего их Христа, не щадя самой жизни своей. Кто укажет такого великого человека, из любви к которому последователи его жертвовали все своим достоянием и своей жизнью, как делали это мученики и подвижники? И теперь есть много самоотверженных, идущих за Ним, только близорукий взор не хочет из замечать, только уши глухи, чтобы слышать о них.

Самым важнейшим свидетельством для нас в пользу несомненной подлинности Личности Христа и Его Божественного Воскресения мы считаем послания ап. Павла: он был не простой свидетель, но знаток Писаний, остроумный, хорошо воспитанный диалектик, ученик знаменитого Гамалиала, а потому со своим светлым умом не мог подчиниться поэтической фикции, пустой мечте той секты, которую преследовал, как агент синедриона и враг Христа. Ап. Павел составил самое большое число записей о жизни Христа (самых ранних 20-30 лет после смерти и воскресения Христа из гроба).

Что может быть выше свидетельства апостола, который не был, как наши критики, удален от событий на расстояние десятков столетий? Он вращался ежедневно среди людей, видевших своими глазами жизнь Распятого от Вифлеема до Голгофы, жил среди ученых и могущественных Его врагов, вел разговоры с теми, кто присудил Христа к распятию, предавал смерти Его последователей; преодолев в себе невыразимый ужас, который для

всякого ортодоксального еврея заключался в мысли, что Мессия повешен на древе, он постоянно слышал достаточные, по мнению других фарисеев, доказательства, что Иисус Христос был обманщиком народа; события, в которые апостол уверовал, как в доказательства Божественности Господа Иисуса Христа, совершались на глазах у всех его современников. Для него не существовало неопределенностей и неясностей, обычных при критике; он вопрошал не древние документы, а живых людей; анализировал не отрывочные сказания, а показания живых очевидцев. У него в руках были тысячи средств дознаться о действительности совершившихся событий, в которые он так сильно и с таким презрением не веровал. Принимая опозоренную веру в Распятого, он, в расцвете своей молодой жизни, терял все в мире, подвергался непомерным страданиям и несмотря на все это, побежденный несокрушимым убеждением, Савл – фарисей стал помощником Христа и предал за Него жизнь.

Христианство доселе не понято и не оценено миром, и оно-то и есть то «сокровище негиблющее», которого с такой жадностью ищут люди. Это сокровище есть внутренно-реальное общение со Христом, развивающееся в бесконечную радость вечности…

И жаждущему сердцу Христос дает Свой Божественный отклик: благоговейной и смиренной веры. Он решает конечные вопросы бытия. И как Он решает их? – Не отвлеченной логикой, не убедительными словами, не внешним чувством. Он решает их путем следования за Ним по Его стопам, путем успокоения Его совершенной жизни, путем духовного и телесного соприкосновения с Ним. И на этом жизненном пути восхождения в меру полного возраста Христова – Господь духовно открывает и разъясняет те великие тайны, постижение которых было и всегда будет недоступно одному гордому рассудку.

Попробуйте последовать учению Спасителя «до конца», ни на миг не лукавя пред собой и не ослабляя подвига, и вы испытаете столь чистые и светлые радости, что сердце ваше истает от восторга.

Но для вступления в Царство Божие и в основанную Господом на земле церковь, для исполнения заповедей Христовых и для познания тайн Его учения необходимо благодатное возрождение от Св. Духа. Если мы решимся идти по стопам Христа, отвергая силу возрождения Св. Духом, то скоро увидим всю нищету наших стремлений. Если будем стараться исполнять Его заповеди, полагаясь только на свои силы, на своего природного, невоздержанного человека, то на первых порах бремя окажется для нас непосильным и мы с отчаянием падем, подавленные его тяжестью. Осуществить закон Христов в жизни нашими слабыми и склонными ко греху силами безусловно невозможно; единственно только при помощи Св. Духа через обновление нашего естества новой стихией благодатной жизни, закон Христов становится удобопонимаемым…

«Ирод, увидев Иисуса, - повествует св. евангелист Лука, - очень обрадовался, ибо давно желал видеть Его, потому что много слышал о Нем и надеялся увидеть от Него какое-нибудь чудо. И предлагал Ему многие вопросы, но Он ничего не отвечал ему»… Сколько среди нас таких же Иродов! Они много если не слышат, то читают о Христе; желали бы видеть чудо от Него, раз Он Сын Божий и Спаситель мире, и предлагают Ему много своих вопросов и сомнений, ища на них ответа в возвещенном Им Евангелии и основанной Им Церкви. И по-видимому – как же не ответить Христу им? Как не показать чудо в удостоверение Своей Божественной Личности? Ведь Его спрашивал царь, ведь Его спрашиваем подчас и мы, великие мира умственного и политического, скептики и реформаторы XX – го века! И что же? Он и теперь так же молчит, как молчал некогда перед Иродом. Он молчит потому, что мы спрашиваем Его только умственно, формально,

внешне, а не сгорая от жажды спасения и отчаянного сознания своей немощи. Он молчит, потому что одно лишь любопытство сквозит на лицах вопрошающих, любопытство и гордыня эгоизма. Да и принесенное Им на землю Царство Божие, царство радости не может быть передано только словами и воспринять одним умом. Не так нужно познакомиться с Господом, как хотели познакомиться с Ним Ирод; не так нам следует спрашивать Его, как некогда спрашивал он.

Царские чертоги гордыни, хотя бы и европейской, и сомнения – хотя бы и научного, - не арена для Его Божественных речей. Он отзывается только на зов сердца и отвечает только лишь на безграничное к Нему доверие. Не звать властно к себе на допрос Христа, а самому смиренно придти к Нему и поучиться от Него; не предъявлять Ему гордо свои вопросы и сомнения, а преклониться перед Ним и доверчиво вручить Ему свою жизнь и душу со всеми ее мятежными тревогами.

Сколько душ, кажется, усердно стремятся ко Христу и не находят в себе полной веры в Него. Постоянно их тревожат сомнения: многого они никак не могут допустить и понять.

Мы напрасно думаем, что наши сомнения – что-то новое и небывалое: они были еще при жизни Господа и затем повторялись и повторяются непрерывно, ибо враг рода человеческого не дремлет и неустанно работает над погибелью нашей. Побороть его злую силу сами мы одни, без Христа, не можем, но возрожденные благодатью в общении со Спасителем нашим, мы получаем возможность бороться и побеждать разъяренного врага.

В беседе нашей мы говорили, что истинные ученые и мыслители, лучшие умы человечества, верят в Бога, верят в бессмертие души человеческой и будущую жизнь; доказывали, как слаб наш разум, как несостоятельны те жалкие чувства, на которых строят свои заключения атеисты; опровергли взгляд теософов на Господа Иисуса Христа, на Его Богочеловечество; коснулись того ложного мнения, что будто бы Христос – миф. Говорили, что человек состоит не из одного тела, а что он – дух, заключенный в тело. Духовная сторона есть высшая сторона человеческой природы, и ею-то мы и соприкасаемся с Божеством. Христос – Бог, а Бог есть Дух. И пребывает в области свободного духа. Мы устанавливаем свои отношения к Нему лишь настолько, насколько обращаемся к Нему именно этой силой. И степень ее свободной энергии определяет степень нашей в Него веры. Область свободного духа раскрывается только свободными усилиями человека, и в этой области Иисус Христос совершает спасение людей. Истинно веровать в Него нельзя, отдавшись стихийным влечениям природы. Сколько бы мы ни неслись по ним, как бы не развивались умственно, в каком бы пункте истории не находились – будем ли мы современными Христу евреями, или русскими нашего века, - все равно мы этими путями к Нему не придем. И это по очень простой причине: они не ведут к Нему, а проходят мимо Него; они лежат в другой стихии и направляются в другую сторону.

Конечно, Его свет можно ощущать даже и в самых заскорузлых словах себялюбия, Его теплом можно пользоваться и самым холодным умам, но придти к Нему, признать Его Божественную Личность, отдаться Ему вполне, - можно только не пути духовной свободы.

А вступить на этот путь мы можем везде, в любом месте и в каком угодно времени; он (путь) всегда у нас под рукой – в высотах нашего духа. Теперь понятно, почему мы не можем иногда обрести полной веры в Христа и победить своего душевного ропота сомнений; почему между нами и Им какая-то преграда, что-то уводящее нас от Него; мы ищем Христа совсем не там, где Он есть на самом деле, идем к Нему совсем не той

дорогой, которая ведет к Нему. А мы должны войти в тот мир, в котором пребывает Христос.

Для этого мы должны своей свободой подняться вверх над сферами нашей притягивающейся к земле жизни, и вступить в сферу духовную, имеющую своим центром притяжения не землю, а Небесного Отца. Там мы сейчас же почувствуем другие влияния. Там все святое в восторге движется вокруг Духовного Солнца и увлекает с собою каждого вступающего. Там в лучезарном эфире мы подпадаем под токи той благодатной притягательной силы, которая и привяжет нас непосредственно к Его Святому Лику. Тот, кто искренно желает очистить сердце свое и очищает по мере сил, кто пламенно желает и ищет Бога, тот найдет Его, ибо еще в древности прозвучал любящий голос Господень: «Сыне, отдай мне сердце твое!».

Старайтесь убедить себя в существовании Бога не большим числом доказательств, а с помощью уменьшения своих страстей! Тогда мир сверхчувственный, тогда жизнь загробная станут для вас понятны, близки и бесконечно дороги.

Подвигни, Господи, и наши вялые сердца, и грешные, расшатанные сомнениями души, - придти к Тебе, преклониться перед Тобою, омочить Твои пречистые ноги слезами веры и умиления и всецело отдаться Твоей любви и Твоему отеческому водительству, не мудрствуя лукаво, а с простотой сердечной исполнять Твои Божественные заповеди. Тогда откроется нам Твое слово, сами собой разрушатся наши сомнения, и увидим мы великое чудо нашего духовного просветления и примирения.

Наше призвание не здесь на земле, наша родина и наша цель «там», в том мире, к которому призвал нас Господь. Люди, несочувствующие Церкви, говорят, что церковное учение о той жизни – какой-то темный и беспредметный мистицизм. Так ли это? Правы ли мы? Мы, христиане, - не от мира сего. Это не значит, что наш мир где-то отсюда за миллиарды километров, где-то за бесконечными звездными мирами. Он внутри нас же самих, в окружающей нас природе, на всяком месте, в каждой душе. Стремиться из этого мира в тот не значит нестись и рваться куда-то в беспредельную звездную даль, в неизвестные пространства солнц и созвездий. Нет, это значит просто войти внутрь того, что находится в нас самих и кругом нас. В моей душе, какова она сейчас ни была, все же просвечивает нечто высшее, благороднейшее и святое, хорошие мысли, чувства и желания, та же душа, но только в более совершенной и прекрасной форме бытия. Идти туда, к тому просвету, вживаться в его атмосферу, такать из нее свои жизненные нити, - это и значит идти в тот небесный мир, к которому мы призваны Господом. Стараться отдавать свое глубокое внимание всему окружающему нас живому, всякой былинке и вещи, входить своим умиротворенным сердцем в то светлое и прекрасное бытие, которое проникает во все и отражается во всем, созерцая все в Боге, отказавшись от себя, - это значит идти в царство «не от мира сего». Тот мир есть лишь просветление, утончение и одухотворение расцвет этого*[впрочем толкования святых отцов и Слова Господа позволяют думать, что «другой мир» - находится за пределами «нашего» и имеет многие с ним отличия. Прочтите хотя бы «Записки Мотовилова» где есть упоминания о восьми небесах со своими небесными системами и светилами – ред. golden-ship]

Милый друг, иль ты не видишь, что все видимое нами

Только отблеск, только тени от незримого очами

Милый друг, иль ты не слышишь, что житейский мир трескучий

Только отклик искаженный торжествующих созвучий. (Вл. Соловьев)

Мы смотрим на то же, что смотрят и другие, но видим в нем тот мир, который для других пока остается сокрытым. Можем ли представить себе, что говорил незаметный цветок – лилия – сердцу и очам Господа, когда Он всю славу Соломона повергал перед нею ниц!

Мы не от мира сего. Это, однако же, не значит, что мы должны чуждаться тех людей, с которыми нас сводит действительная жизнь и мечтать о других существах, которые более подходили бы к нашему идеалу. Да, мы должны быть как можно дальше от всего худого и в нас, и в других, наш долг – бороться с этим неустанно. Верующий в «то» царство – входит в самое внутреннейшее общение с окружающими его людьми, хотя часто и неведомо для них. Не помимо их он ищет того неба, к которому призван, а в них же и через них же. Он идет к тому миру через деятельное общение с ближними, будь он в сфере мысли, дела или невидимой молитвы и любви.. То, что может казаться уединением христианина, только видимость; он ближе к своим ближним, чем сами ближние между собою и к самим себе. Он сквозь них же, в их собственной глубине, видит просветленный чудный мир того царства всякой красоты, жизни и гармонии, который всегда обнимает их, но в который они никак войти не могут, неудержимо скользя по блестящей поверхности этого мира… Наш рассудок склонен протестовать против подвигов, предпринимаемых нашими подвижниками, как например, уединение, столпничество, пост, частая и долгая молитва. Приведем очень характерный образчик такого протеста, сказавшийся в отзыве одного русского публициста о преп. Серафиме Саровском. Как известно, преп. Серафим предался столпничеству в конце 18го столетия, в эпоху крупных революционных движений на Западе, и публицист по этому случаю бросает подвижнику такой укор: «Дух Божий и дух тьмы столкнулись, как два урагана в крутящемся смерче революции, и рушились царства, гибли народы, а он, Серафим, стоял тысячу дней и ночей на камне в безмолвной молитве. Люди боролись с людьми за будущность мира, а он боролся с бесами за одного себя»…

Конечно, если оценивать людей со стороны их способности к борьбе за формальное право, стремящееся установить в мире внешнюю правду, в которой до нашего времени многие видят единственное лекарство от всех зол, то преп. Серафим, как такой общественный деятель (с точки зрения «многих»), был явлением отрицательным; но не следует судить о такой огромной и просветленной силе, как этот праведник Божий, лишь по этой мерке, ибо у него были свои основания искать других средств к врачеванию людей и для этого он стремился прежде всего постигнуть внутреннюю духовную жизнь человека, найти правду внутреннюю во внутренней совести, стремился для этого очистить себя от низменных страстей, а потом помогать людям в этом же направлении. И результаты жизни преп. Серафима, как мы знаем, оправдали его подвиги: преп. Серафим сделал в свое время (и по наше время делает и будет делать) много, о, как много, для страждущего человечества, неизмеримо больше, чем те, которые думают борьбою на баррикадах устанавливать внешнюю правду. Тысячи страждущих душою и телом приходили к старцу за помощью, помощью не призрачной, а действительной, врачующей людей; приходили измученные жизнью, протекшей для многих из них в бесплодной борьбе в среде того самого формального права, в котором малый разум человеческий только и видит свое спасение от всех зол. Всякому св. подвижник давал мир Христов и все, кто имел с Преподобным общение, ощущали его великую любовь и ее благодатную силу.

Одиночество подвижника – только путь к высшему единению.

Подвижники уходили в пустыню, леса, порывали связь с людьми и всецело отдавались подвигам нравственного совершенствования, но разобщение с миром продолжалось только до тех пор, пока они не чувствовали того, что могут быть полезны людям; почувствовав же это, они с энтузиазмом и настойчивостью отдавались делу духовно-нравственного руководства людьми, искавшими спасения. В этом смысле наши подвижники были общественными деятелями в самом высоком и благородном значении этого слова: отдавшись стремлению к идеалу нравственного совершенства, они шли твердо и неуклонно к этой цели, и лучи этого подвига освещали не их одних, но всех, кто соприкасался с ними.

Человек, как существо предназначенное к бессмертию, не может не иметь предчувствия о нем, но в иных людях чувство это сильно, а в других так слабо, что оно почти ни в чем не проявляется. Отчего это? Да оттого, что в теперешнем составе человека два начала: одно – бессмертное, которое не исчезает в смерти, другое смертное, которое живет только до гроба. Каждое из этих начал производит в человеке сродное себе чувство. Оба эти начала так тесно связаны, что составляют теперь одно целое. Поэтому-то и чувство бессмертия с чувством смертности сливаются в одно, неопределенное чувство. Если человек живет более тем, что есть в нем истинно бессмертного, т.е. духом, совестью, то чувство бессмертия усиливается, а если сильно предается тому, что есть в нем временное и мертвое - плоти и крови, - то усиливается чувство смертности. Нашу душу, рвущуюся к свету небесному, нельзя удовлетворить земными благами и потому-то многие люди, по-видимому имеющие все для земного счастья, испытывают великую тоску; недаром бл. Августин, испытав все удовольствия и прелести земные, воскликнул: «Ты создал нас для Себя, и сердце наше неспокойно до тех пор, пока не найдет покоя в Тебе».

А великий святитель Григорий Богослов сказал: «Ты создал все непостоянным, чтобы мы всегда стремились к Тебе Постоянному, Вечнонеизменному!»

Смерть – великое и страшное таинство; и самое таинственное в ней – момент разлучения души с телом, перехождение человека из жизни телесной в жизнь чисто духовную, из временной – в вечную. Люди, говорящие легкомысленно о смерти, люди, сами прерывающие свою жизнь самоубийством, - глубоко несчастные и слепые! Ведь самоубийство уничтожает только тело, но не бессмертный дух его, который, по разрешению от тела, перейдет в вечность и некогда вновь соединится с тем же телом, хотя и измененным. И тогда самоубийца даст отчет не только за свое нравственное поведение на земле, но и за насильственное прекращение своей земной жизни посредством самоубийства, так что, следовательно, освобождая себя самоубийством от временных страданий, он через это подвергает себя величайшему страданию в жизни будущей, вечной. Человек не должен оставлять своего поста на земле, пока не отзовет его Тот, Кто послал его сюда.

Даже в дохристианском мире строго каралось самоубийство. В Греции от тела самоубийцы отсекали руку, которой он лишил себя жизни, и полагали отдельно. В Спарте и Кипре совсем не погребали. В Риме Тарквиний Прииск повелел тела самоубийц распинать на крестах и отдавать их потом на съедение диким зверям и птицам. Аристотель порицал самоубийство, как проявление трусости: страдание и терпение лучшая школа героизма, вот для страдания-то, для терпения и недостает самоубийце сил и мужества, почему он и бежит от жизни. Много сил нужно чтобы переносить жизнь, которая нам не обещает ничего, кроме страданий, гораздо более сил, чем для решения убить себя. И храбрость самоубийц – слепая – и только потому кажется некоторым отважной; индийская поговорка вещает: «Грудной ребенок не боится тигра». И храбрость

самоубийцы сильна только до момента смерти, а в момент смерти душа прозревает, и скажи, храбрая душа, будешь ли ты так же сильна и там, пред тем, что тогда увидишь?

Дух человека скорее и легче отрешается от условий временной жизни, и, в то же время, когда у тела длится еще борьба со смертью, дух освобождается и еще прежде решительной смерти тела он уже витает как будто вне тела. Вот чем объясняют нередкие случаи, что в час кончины, еще не совершившейся, человек, или правильнее, дух его в земном образе является в отдалении от тела близким сердцу людям.

Еще несколько минут – и человек вступает в вечность… Как вдруг изменяется форма его бытия! Дух его видит самого себя, свое собственное существо; он видит предметы (и самые отдаленные) уже не телесными глазами, а каким-то непонятным нам теперь ощущением. Он говорит слова не членораздельными звуками, а мыслью; не руками осязает предметы, а чувством. Движется не ногами, а одной силой воли, и то, к чему он мог приближаться с великим трудом, медленно, через большие пространства места и времени, теперь он настигает мгновенно; никакие естественные препятствия его не задерживают. Теперь и прошедшее ему видно как настоящее, и будущее не так скрыто, как прежде, и нет уже для него разделения, ни малых, ни больших, все сливается в один момент – вечность. Что же он видит и чувствует?

Невыразимым ужасом поражает его открывшаяся вечность; ее беспредельность поглощает его ограниченное существо; все его мысли и чувства теряются в бесконечности! Он видит предметы, для которых у нас нет ни образов, ни названий; слышит то, что на земле не может быть изображено никаким голосом и звуком; его созерцания и ощущения не могут быть выражены никакими словами. Он находит свет и мрак, но не здешний: свет, пред которым наше яркое солнце светилось бы меньше, чем свеча пред солнцем; мрак, пред которым наша самая темная ночь была бы яснее дня. Он встречает там и подобные себе существа и узнает в них людей, так же отошедших из этого мира.

Но какое изменение! Это уже не здешние лица и не земные тела: это одни души, вполне открывшиеся со всеми их внутренними свойствами, которые и облекают их соответственными себе образами. По этим образам души узнают друг друга, а силою чувства узнают тех, с которыми сближались в здешней жизни. Встречаются духу нашему существа, сродные ему по естеству, но такие, которых одно приближение дает ему чувствовать неизмеримо высшею над ним силу их. Одни из них выходят из беспредельного мрака, и все существо их – мрак и зло; неизобразимы страдания в них самих, скорбь и гибель отличают их каждое движение и действие.

Но это еще в низших сферах духовного мира, ближайших к миру земному.

А там, далее, дух видит бесконечное море непостижимого света, из которого выходят и другие существа, еще более могучие: их природа и жизнь – одно необъятное добро, неизобразимое совершенство, невыразимая любовь; божественный свет наполняет все существо их и сопровождает каждое движение…

Итак, в этом чудном мире дух человека силой своей духовной природы и неодолимой силой притяжения родного ей мира летит все далее и далее до того места, или лучше сказать, до той степени, какой могут достигать его духовные силы, и весь, поразительным для него образом, перерождается. Тот ли это дух, который жил в человеке на земле, дух ограниченный и связанный плотью, едва заметный под массою тела, всецело ему служащий и порабощаемый так, что без тела, по-видимому, и жить и развиваться не мог! Теперь, что с ним сталось? Теперь все: и доброе, и худое быстро, с неудержимой силой

раскрывается; его мысли и чувства, нравственный характер, страсти, стремления воли, все это развивается в необъятных размерах; сам он ни остановить их, ни изменить, ни победить не может; беспредельность вечности увлекает их до бесконечности; его недостатки и слабости обращаются в положительное зло; его зло делается бесконечным, его скорби обращаются в беспредельные страдания.

Представляете ли вы себе весь ужас такого состояния? Ваша душа, теперь не добрая, но еще подавляющая и скрывающая в себе зло, там явится злой до бесконечности; ваше худое чувство, здесь еще чем-нибудь сдерживаемое, если вы не искорените его здесь, обратится там в бешенство; если вы здесь владеете собою, там вы уже ничего не сможете с собою сделать: все в вас и с вами перейдет туда и разовьется до бесконечности…

Душа человека, отрешаясь от тела, с многократной силой продолжает развивать в себе те качества, которые она приобрела в земной жизни…

Вследствие этого праведники бесконечно утверждаются в добродетели и преданности святой воле Божией, а нераскаянные грешники – в нечестии и ненависти к Богу. К концу мировой истории и не небе, и на земле будут только две категории людей: беспредельно любящие Бога праведники и так же ненавидящие Его грешники.

Чем же ты сделаешься там, неверующий, грешный человек? Если ты здесь не хорош, то там будешь темным, злым духом. О, тогда ты сам себя не узнаешь, или нет: ты тогда слишком хорошо себя узнаешь, и понесет тебя твое зло собственным своим тяготением туда, где живет вечное, бесконечное зло, в сообщество темных, злых сил. И на этом пути ты ни остановиться, ни возвратиться не сможешь и во веки веков будешь страдать, - чем? бешенством от своего собственного зла, которое не даст тебе покоя, и от той среды, которая будет вечно окружать тебя и терзать без конца.

А что же душа добрая, что с нею?

И добро также раскроется во всей своей полноте и силе; оно будет развиваться со всей свободой, которой здесь не имело, обнаружит все свое внутреннее достоинство, здесь большей частью сокрытое, неузнаваемое, неоценяемое, весь свой внутренний свет, здесь всячески затемняемый, все свое блаженство, здесь подавляемое разными скорбями жизни. И понесется эта душа, всей силой своего нравственно-развитого и добродетельно-возвышенного стремления в высшие сферы того мира, туда, где в бесконечном свете живет Источник и Первообраз всякого добра, в область светлых и чистейших существ и сама сделается ангелом, т.е. таким же светлым, чистым блаженным существом. Она будет уже на веки тверда теперь в добре, и никакое зло, ни внутреннее, ни внешнее, не сможет уже ни колебать ее, ни изменить, ни повредить ее блаженному состоянию. Но и не праздно будет жить душа и наслаждаться блаженством: она будет действовать своим просвещенным умом в созерцании и постижении тайн, здесь не разгаданных и неизвестных: тайн Бога, мироздания, себя самой и вечной жизни (Иоанн еп. Смоленский «Беседа в день Успения Божией Матери»). Состояние наше в будущей жизни не будет состоянием бездеятельного покоя, мертвым, мистически-созерцательным: оно будет представлять гармоническое, всецелое удовлетворение всех потребностей и стремлений нашей души, путем непрерывного, бесконечного развития. Ум, сердце и воля человека найдут для себя много достойных предметов и обильную пищу в этом развитии. Непосредственное общение с Богом, как всеозаряющим Светом, должно раскрыть нам всю беспредельность законов бытия: пред нами откроется такой кругозор, о котором мы в настоящей жизни не можем иметь и понятия. Только тогда удовлетворится та духовная жажда знания, которой томится человек в настоящей жизни. Один Бог – беспредельное

море сущности – будет уже служить неисчерпаемо-возвышеннейшим предметом для нашего ума в его вечном стремлении – постигнуть Виновника всего существующего.

Вторым предметом нашего духовного созерцания будет дело нашего искупления, совершаемое Сыном Божиим, то великое и чудное дело, в которое желают проникнуть и ангельские умы, которым наше человеческое естество возведено в Лице Богочеловека на престол Божества. Третьим предметом нашего познавания будет мир ангельский, мир совершенных, чистейших духов.

Само человечество в его прошедших судьбах и настоящем его состоянии будет так же предметом, размышление о котором будет представлять для нас величайший интерес, как представляет и теперь, при наших ограниченных средствах познавания.

Наконец, преображенный и обновленный мир во всей его красоте и разнообразии будет привлекать к себе наш умственный взор и возбуждать чувство удивления и благоговения к Сотворившему все премудростию.

К этому следует прибавить высокое нравственное удовлетворение, которое будут испытывать праведники вследствие взаимного сближения между собою. Не будет между ними ни зависти, ни ненависти, ни вражды, ни лжи, ничего такого, чем так полна и постоянно отравляется наша жизнь на земле. Братская любовь, ничем не нарушаемый мир, полнейшее согласие, чистейшая правда будут царствовать среди блаженных обитателей Нового Иерусалима на небесах. Какая необъятная область ведения и жизнедеятельности! Какой неисчерпаемый источник блаженства!

При виде близкого существа, лежащего в гробу, многие приходят в отчаяние, смотрят на смерть, как на разлуку вечную, и вместо того, чтобы всеми силами помочь дорогому усопшему в его новой жизни, предаются безумной скорби и плачу. Но, ведь смерть не есть уничтожение, душа продолжает жить за гробом, в том мире, в который, быть может, сейчас пойдем и мы… Послушайте, как смотрит на смерть человек, духовным опытом познавший, до чего близко слиты тот мир и наш. Это была личность выдающаяся по уму и образованию; он с любовью изучал природу, изучал как звездное небо, так и анатомию; много путешествовал за границей, был и в Палестине, обладал знанием многих иностранных языков. В расцвете сил и деятельности он покинул мир и 28 лет провел в затворе. Но его уединение было только кажущимся и покой его не был бездеятельностью, а напротив – полон великого труда. У него была огромная семья его духовных детей; хотя он не видел их в лицо, как и они его, но вел деятельную с ними переписку, и только одни его письма составили 8 книг. Ведя в затворе молитвенно-созерцательную жизнь, он в то же время беспрерывно трудился во славу Божию и оставил нам в наследие неоценимое сокровище – свои творения, которых насчитывается много томов. После одиннадцати лет своей жизни он ежедневно причащался, сам служа Божественную Литургию. Мы говорим о епископе Феофане, затворнике Вышенском, имя которого, к сожалению, чуждо слуху многих. Вот письмо этого праведника, пишущего к своей умирающей сестре: «Прощай, сестра! Господь да благословит исход твой и путь твой по твоем исходе. Ведь ты не умрешь. Тело умрет, а ты перейдешь в живой мир, живая, себя помнящая и весь окружающий мир узнающая. Там встретят тебя батюшка и матушка, братья и сестры. Поклонись им, и наши им передай приветы и попроси попещись о нас. Тебя окружат твои дети со своими радостными приветами. Там лучше тебе будет, чем здесь. Так не ужасайся, видя приближающуюся смерть: она для тебя дверь в лучшую жизнь. Ангел-хранитель твой примет душу твою и поведет ее путями, какими Бог повелит. Грехи будут приходить – кайся во всех и будь крепкой веры, что Господь и Спаситель все грехи кающихся грешников изглаждает. Изглаждены и твои, когда покаялась. Эту веру поживее возставь в

себе и пребудь с нею неразлучно. Даруй же тебе, Господи, мирный исход! День, другой – и мы с тобой. Потому не тужи об остающихся. Прощай, Господь с тобой!» Как трогательно это письмо брата к умирающей сестре! Каким спокойствием, какою крепкою верой, живой уверенностью в будущую блаженную жизнь дышит оно! Будто он провожает в недальний путь – дорогу; путь этот не в невидимую страну; он ведет в дом Отчий, где ждут нас наши близкие, прежде нас туда Богом позванные. Он посылает всем им поклон и привет, просит их молитвенного попечения о себе. А любимой сестре желает мирного, доброго пути – христианской непостыдной кончины.

Вот как христианин смотрит на смерть. Вот как он провожает и дорогих сердцу в загробный мир. Не слышатся ли в его словах победные слова: «смерть, где твое жало? ад, где твоя победа?» А вот послушайте, что он пишет к скорбному мужу умирающей сестры: «Я всегда молился и молюсь, чтобы Господь дал сестре пожить, пока последние дети станут на ноги. Но судя по тому, что вы мне сказали, теперь уже надо молиться о мирной кончине. Что же делать? Что судил Бог, тому надо покориться. Что умирает – ничего необыкновенного нет. Вслед за ней и мы пойдем той же дорогой. Это – общий всех путь. Но все же смерть поражает всех и ко всем умирающим мы относимся так, как бы они нечаянно умерли.

Вы останетесь доканчивать воспитание и устроение детей, а она отойдет, и там что нужно и можно приготовит для встречи вас. Будьте мужем силы. Скрепите силы и мужайтесь. Ведь сестра-то сама не умрет: тело умирает, а личность умирающего остается. Переходит лишь в другие порядки жизни. Вот и вы, пока она отойдет, - в тот же мир переходите вниманием. В теле, лежащем под образами и потом выносимом – ее нет. И в могилу не ее прячут. Она в другом месте. Так же жива, как и теперь. В первые часы и дни будет около вас… И только ни поговорить, да и увидеть ее нельзя, но она – тут. Вникните в это. Мы, остающиеся, плачем об отшедших, а им сразу легче: то состояние отрадное. Те, которые обмирали и потом вводимы были в тело, находили его очень неудобным жилищем. То же самое будет чувствовать и сестра. Ей так лучше, а мы убиваемся, будто с нею беда какая случилась. Она смотрит и, верно, дивится. Я всегда был такого мнения, что по умершим не траур надо одевать, а праздничные наряды. Ну, останкам почившего надо отдавать некий почет, что совершенно справедливо, но зачем к этому телу у нас обращаются, как к живому лицу – удивляться надо. У Господа нет мертвых, у Него все живы. А мы, насмотревшись на тело, - синеватое, глаза впали и т.д. – именно это изображение запечатлеваем, и этот-то обман раздирает сердце. Потом придет в голову мысль: сырая могила… мрачная… увы!... бедный, несчастный наш умерший! А на самом-то деле: он в светлом месте, в состоянии, полном отрады, свободный от всех связанностей… прелесть как ему хорошо. И все так же жив, как был вчера, накануне смерти! Только ему было хуже, а теперь лучше. Что его не видно, это не потеря, он бывает тут. Отошедшие быстродвижны, как мысль, они еще ближе становятся нам, чем были здесь, ибо здесь мы часто отделены от любимых пространством, а невидимое бытие сокращает разделение, так что вспомни лишь об умершем (только сердечной, живой памятью) – он тут и есть.

У отошедших скоро начинается и подвиг переходи через мытарства. Тут нужна сестре помощь. Думайте об этом, и вы услышите вопль: помоги! Вот на что надлежит нам устремить все внимание и всю любовь к ней. Я думаю, самый действенный показатель любви вашей к усопшей будет то, если вы в минуты отхода души погрузитесь в молитву о ней в новом ее состоянии и новых неожиданных нуждах. Начав так, непрестанно молитесь Богу о помощи ей, особенно в продолжение шести недель, да и далее. В сказании Феодоры – мешок, из которого Ангелы брали, чтобы отделываться от злых духов, были молитвы ее старца. То же будут и ваши молитвы. Не забудьте так сделать – вот и любовь!

Поскорее и меня известите… и я тоже начну, и дети пусть так делают… А слишком горевать и убиваться – мало имеет смысла».

А вот еще письмо того же подвижника к матери, схоронившей свою дочь и искавшей у него утешения:

«Милость Божия да будет с вами! Плачьте, плачьте! В этом нет ничего неестественного и укорного. Диво было бы, если бы мать не плакала о смерти дочери. Но при этом надо знать меру: не убиваться и не забывать тех понятий о смерти и умерших, которые даются нам христианством. Умерла! Не она умерла, а умерло тело; а она жива и так же живет, как и мы, только в другом образе бытия. Она и к вам приходит и смотрит на вас. И надо полагать дивится, что вы плачете и убиваетесь, когда ей лучше. Тот образ бытия выше нашего. Если бы вы могли поговорить с нею лицом к лицу и попросили опять войти в тело, - она ни за что не согласилась бы. Зачем же вам вступать с ней в такое разногласие, какая уже тут будет любовь? Нельзя не пожалеть, что вам не пришлось лишний раз взглянуть в очи ее, последнее дать ей объятие материнской любви. Ну, вот и поплачьте. Только все немножко, телесные очи ее закрылись, а душевными она смотрит; смотрите и вы на нее душою своею. Не воображайте ее в могиле. Ее там нет, там тело ее, а она вне, и теперь, может быть, около вас стоит. Язык ее замолк, но она не лишена говорить вам в сердце. Внимайте и услышите: «Мамочка! не тужи и не убивайся! Я с тобою и мне очень хорошо!» Отвечайте же и вы ей: «Ну, слава Богу, что тебе лучше!» Объятия ее застыли, не прострутся более, но она собою, как душа, может обнять вашу душу и так же тепло, как теплы обычные объятия. Отвечайте же и вы спокойно, не метущеюся, теплою памятью о ней… Вот и все. Благослови вас, Господи, и утеши!»

Каким благородным миром веет от этих строк! Но что же значит, что сердце наше часто болезненно сжимается при мысли о смерти, и из груди вылетает невольный вздох: а все же страшно умирать!... дело понятное: ведь все утешения относятся к умирающим «о Господе», а «о Господе» умирает только тот, кто здесь живет для Господа по заповедям Господним. Наша светлая радостная вера говорит нам, что придет то время, когда мы увидимся с нашими дорогими умершими и будем жить вместе, неразлучно, вечно. Вот как одни из служителей Божиих, известный протоиерей Родион Путятин, говорит об этом: «Связанных союзом любви не разлучит Бог, Который есть беспредельная любовь. Слово Божие ничему нас так не учит, как взаимной любви, вечной любви учит нас. Почему же ты думаешь, что научая здесь нас любить друг друга, Бог будет по смерти отлучать нас о этой любви? Неужели же, соединяя нас здесь узами родства и дружбы, сближая нас мыслями и пожеланиями, Бог будет по смерти разлучать, отделять друг от друга, разрывая всякие наши узы?»

Да, это неестественно, это вовсе несвойственно нашему Богу, Который есть любовь беспредельная. Да, кого мы здесь на земле любим, с кем мы делим здесь радости, с теми и там будем радоваться. Родные еще роднее тогда будут нам; близкие сердцу, будут еще ближе, любовь наша взаимная будет еще крепче. А зная эту истину, с каким усердием, с какой готовностью мы должны поминать наших умерших. Может быть твое временное поминовение избавит их от вечных мук. И с какой благодарностью вспомнят они нас там! Но не все христиане в одинаковой степени молятся о своих умерших: одни молятся истинной молитвой, а другие молятся только на словах, а сердце их далече, поэтому не все молящиеся об умерших получают просимое, также и не все умершие удостаиваются через чужие молитвы вечного спасения. Вот что говорит св. Иоанн Дамаскин об избрании Богом живых для ходатайства: «По смерти таких Господь возбудит их родственников, ближних и друзей, направит мысли их, привлечет сердца и преклонит души их к оказанию

им помощи». Чем же мы можем увериться, что Господь услышит нашу молитву за умерших, что Он простит им грехи, что Он успокоит их со святыми?

«Если вы во время молитвы или после молитвы за умершего, - говорит прот. Р. Путятин, - бываете покойны насчет участи умершего; если сердце ваше уверяет вас, что молитва ваша за умершего услышана, - будьте уверены, что умерший ваш покоен там. Спокойствие наше во время молитвы – есть признак спокойствия того, о ком молитесь. Ты скажешь: «Я не имею этого спокойствия, я молюсь и сомневаюсь; я прошу об умершем и с беспокойством думаю, услышал ли Бог молитву мою; прошу об успокоении его со святыми, но все не уверен в его спокойствии там. Что мне делать?» Скажи мне: продолжишь ли молиться об умершем при всей своей неуверенности в силе этой молитвы, и будешь ли, пока жив, молиться об умершем, несмотря на все твои сомнения и недоумения? Если продолжишь молиться, не перестанешь молиться, то будь уверен, что Господь молитву твою услышит. Да это одно, что ты не перестанешь молиться, что ты не отступаешь просить, - это одно довольно тебя вполне уверить, что Бог молитву твою слышит и по молитве твоей сделает. У тебя нет полной веры при молитве? Но есть постоянство, и за это постоянство Бог непременно услышит тебя. Иным Бог дает за веру: «По вере вашей будет вам», а тебе Бог сделает по молитве твоей, за то постоянство, за то, что ты все просишь Его. Когда Бог не хочет услышать, тогда Он и молиться не дает, тех Он не пускает с прошениями к Себе.Цари и владыки земные могут отказать тому просителю, которому они сами позволяют являться к себе в дом с прошениями, но Бог, Отец наш Небесный, так никогда не делает; если уж Он дозволит тебе ходить в церковь молиться, если дозволяет с прошениями к Себе являться, то это так, что рано ли, поздно ли, но непременно услышит твою молитву, исполнит твое прошение. Коли у тебя достанет усердия молиться, то будь уверен – у Бога достанет милости помиловать».

Можно быть далеко или близко к умершему. Чем сильнее любовь к покойному, тем сильнее и наша молитва о нем, тем ближе и умерший к нам. Молитва веры до такой степени может приблизить к нам умершего, что мы сами почувствуем дыхание души его около нас [в переносном смысле – то есть ощутив его присутствие в первые три дня по смерти, пока он еще не покинул этот мир окончательно – golden-ship]. Во время молитвы преимущественно сердце сердцу весть подает.

Об умерших молись так (прот. Иоанн Кронштадтский), как будто бы твоя душа находилась в аду, в пламени и ты сам мучился, чувствуй их муки своим сердцем и горячо молись об успокоении их в месте светлее, где нет печали и слез. «Молитесь друг за друга», - говорит нам Святое Учение. На каждый день и когда лишь можешь – тверди про себя: «Господи, помилуй всех днесь пред Тобой представших!», ибо каждое мгновение тысячи людей покидают жизнь свою на сей земле и души их становятся пред Богом; и сколь многие из них расстались с землей никому неведомо, в грусти и тоске; никто не пожалеет о них и даже не знает о них вовсе. И вот, может быть, с другого конца земли вознесется твоя молитва за упокой… Сколько умиленно душе, ставшей в страхе перед Господом, почувствовать в тот миг, что есть и за нее молитвенник, что осталось на земле человеческое существо и его любящее. Да и Бог милостивее воззрит на обоих вас, ибо если уж ты столь пожалел его, то тем более пожалеет Он, бесконечно более милостивый, чем ты, и простит его тебя ради.

В нашей Церкви, от дней св. апостолов, не было времени, когда бы христиане не молились за своих усопших братий и притом при совершении важнейшего из своих божественных богослужений. Первая литургия была составлена св. апостолом Иаковом, братом Господним, и в ней находится следующая молитва: «Господи, Боже духов и всякия плоти, помяни православных, которых мы помянули, от Авеля праведного и до сего дня, Сам

упокой их в селении живых, в Царствии Твоем, в сладостях рая, в недрах Авраама, и Исаака, и Иакова, Святых Отец наших, откуда отбегла болезнь, печаль и воздыхание, где присещает свет лица Твоего и освещает всегда».

Молитва церковная есть такая всемогущая сила, которая проходит небеса, восходит к самому Престолу Вседержителя, нисходит даже до бездны ада и изводит оттуда узников на свободу. Ибо она приносится Отцу Небесному во имя возлюбленного единородного Сына Его, пребезмерно великою жертвою, принесенною Им за грехи всего мира на кресте, пред предлежащим на Престоле пречистым Телом Его, за нас ломимым во оставление грехов. Она сопутствуется и подкрепляется молитвами всех святых, более же всемогущею молитвою честнейшей Херувимов, Матери Божией.

Всякий раз, когда приносится умилостивительная жертва Тела и Крови Сына Божия, здесь присутствует и с нами молится весь собор Ангелов и святых Божиих. Всякий раз, когда за литургией вспоминаются усопшие братья наши, души их сподобляются предстоять здесь вместе с Ангелами и молиться о спасении своем.

С каким претрепетным желанием душа твоего сродника, быть может, ожидает, пока пойдешь ты в храм Божий поручить священнодействующему помянуть ее при великом и страшном священнодействии и сам помолишься о ней вместе со всей Церковью. Ибо таким только образом она может участвовать в приносимой умилостивительной Жертве. Какой отрадой и утешением преисполнится она, когда призванная в храм Божий поминовением, она предстанет здесь пред Престолом Божиим с ликом ангельским, будет умолять Господа со всей Церковью о помиловании, просить о прощении грехов своих и о добром ответе на Страшном суде Христовом! Какая неизъяснимая радость, восторг и блаженство обымут ее, когда и ее часть, вместе с другими, опустится во Святую Чашу. погрузится в Святейшей Крови Сына Божия, с молитвою священнодействующего: «Омый, Господи, грехи поминавшихся зде, Кровию Твоею!»

Вот бесценная услуга, вот неизъяснимая ничем помощь, которую можешь оказывать умершим родным своим каждый день, если захочешь быть внимательным и сострадательным к их загробной участи. Хотите ли принести что-либо в дар умершим сродникам вашим? – пошлите им туда через руки нищих и страждущих, сотворите по силе своей милостыню во имя их и будьте уверены, что дар ваш дойдет по назначению, а порукою в том – Сам Господь наш Иисус Христос: «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, - говорит Он,- то сделали Мне». А Он ли Всемогущий может оставаться у нас в долгу, хотя на малое время? Он ли Премилосердный и Всещедрый не воздаст сторицей душам отшедших от нас за всякое благодеяние во имя их? Он ли, Сладчайший Утешитель всех скорбящих, не найдет, чем утешить души усопших братий наших, если мы утешим во имя Его хоть одну душу, страждущую за земле?

Может быть, духовная алчба и жажда правды Божией снедает душу брата твоего и сродника. Напитай же во имя его алчущего, напои жаждущего, и Господь насытит ее явлением ей пресветлого для самих Ангелов лица Своего и напоит ее от источника благодати Животворящего Духа Святого. Быть может, обнаженная добрых дел и окаянная нечистотами греховными душа сродника твоего стыдится пред святыми Ангелами, укрывается от Лица Божия? Одень во имя ее нагого, омой ноги утомленному спутнику, укрой и упокой пришельца, и Господь Милосердный облечет ее одеждою заслуг Своих и омоет нечистоту ее Своей Кровью.

Быть может, преследуемая и гонимая духами злобы, душа брата твоего ищет покрова и защиты, но не обретает их за недостоинство свое? Защити во имя ее гонимого от

гонящего, прими и упокой бесприютного сироту или бедствующую вдовицу, и Господь прострет над душою брата твоего покров милосердия Своего, и духи злобы удалятся от нее со страхом, а святые Ангелы оградят ее покровом крыл своих.

Быть может, связанная, как узами, пленицами греховными, душа друга твоего томится в неведении Лица Божия, пребывает в тьме и мраке, далеко от светлого лика праведников? Посети во имя ее заключенных в темнице узников, облегчи сердце их состраданием, утеши их возможною для тебя помощью, и Господь пошлет светлых Ангелов Своих утешить ее в скорби, обрадовать ее обетованием милости Своей.

Быть может, переселившаяся в духовный мир, не переносясь в него прежде богомысленным размышлением, не приучив своего вкуса к его духовным наслаждениям, не сблизившись молитвенно с его святыми обитателями, душа брата твоего или сродника явилась в него, как в страну чуждую, не находя себе сродников в этом небесном Иерусалиме? – укрой во имя ее странника, приими и упокой неимущего где главу преклонити, и Господь дарует ей одну из светлых обителей в дому Отца Небесного и все Ангелы и души праведников примут ее в свое светоносное общество.

Хотите ли когда беседовать с умершими вашими?... Беседуйте с ними посредством Слова Божия. Это такое всемогущее слово, которого слушает и которому повинуется все, что на небесах и на земле и под землею, которое слышат и сущие во гробе. Это такое владычественное и царственное слово, которого страшатся и трепещут духи злобы, которому внимают с благоговением св. Ангелы, которое понимают самые бессловесные твари, тем более услышат и с радостью примут души усопших в вере.

Души умерших, уединенные от мира видимого, удаленные от суеты житейской, жаждут этого слова, как манны небесной. Посещая кладбище, воспойте священные песни Давидовы, разные другие молитвы – это доставит усопшим насказанное удовольствие и отраду, или же прочтите с молитвенным воспоминанием об умерших Св. Евангелие – вы обрадуете их более, нежели радует нас самая приятная весть о неожиданном счастье. Такая небесная беседа с умершими и для нас живущих есть лучшее утешение в мире: она оживляет сердце, возвышает душу, просветляет разум, приводит весь дух наш в восторг небесный. «О! насколько мы были бы чище, возвышеннее и совершеннее и сердцем и душою, если бы чаще беседовали таким образом с умершими братиями нашими! Какое отрадное и для них, и для себя свидание с ними мы приготовили бы себе на случай собственной смерти! Вот что мы можем сделать умершим сродникам нашим», - говорит святитель Димитрий Херсонский. Пребудем в истинной любви к ним, да обрящем и мы духовную помощь в час смерти своей, а по смерти вспомянут и они нас любовию там, как мы с любовию поминаем их здесь; да встретят и они нас с веселием и радостию там, как мы со слезною молитвою проводили отселе…

Св. Иоанн Златоуст пишет: «Не напрасно узаконено апостолами творить пред Страшными Тайнами поминовение об усопших: апостолы знали, что велика бывает от сего польза для усопших, великое благодеяние. Не напрасно бывают моления, не напрасно милостыня: все это установил Дух Святый, желая, чтобы мы получили пользу друг от друга, ибо благотворение живых в память усопших спасает тех и других. Если усопший грешен, то мы своей любовью, заботой много можем ему помочь и из места мрака и скорби перевести его в светлый мир безграничного счастья, а если усопший праведен, то сам он, находясь пред Престолом Божиим, ответит на нашу любовь горячей молитвой о нашей душе, находящейся еще в земной жизни». «Перешедшие за гроб, как праведник, так и грешник, после частного суда, не получают еще окончательного воздаяния, которое еще предназначается получить полному человеку, т.е. по соединении души с телом, что

произойдет в момент воскресения тел человеческих. Неверующие говорят: «Как это тело воскреснет, когда оно давно истлело, обратилось в прах?» Богу легче, удобнее собрать прах тела человеческого, рассеянный по лицу земли, нежели нам собрать платье наше, разбросанное по комнате, и никакие частицы наших тел, как бы они не были рассеяны, хотя бы наши тела истлели, хотя бы мы были сожжены, - не погибают для Бога. Они переходят в те стихии, из которых взяты рукою Вседержителя» (Августин, архиепископ Нижегородский). [тело в течение жизни постоянно меняет частицы – клетки отмирают и заменяются новыми – потому нет смысла говорить о каких-то конкретно «наших» частицах и ожидать сбор тел именно из тех частиц, которые были в нем на момент смерти – ред. golden-ship]. По учению нашей Церкви, праведники находятся в состоянии предначатия блаженства, а грешники – в состоянии предначатия мучения. Теперешний век – это промежуточное время между двумя пришествиями Христовыми, и настоящая жизнь каждого человека есть, следовательно, то время, в которое Христос пришел спасти мир, а не судить его. Время судить – впереди, тот будущий век, в который последует воскресение мертвых и окоанчательное последнее решение загробной участи каждого человека. Настоящая наша жизнь, несмотря на все скорби, которыми она переполняется, должна возбуждать в живущих на земле чувство величайшей благодарности к Богу за возможность испросить прощение грехов себе и умершему. Св. Церковь наша, которая ежедневно сама молится с приношением Бескровной Жертвы о всех православных христианах, дает нам пример любви и памяти об усопших. Будем же молиться и мы сами о них, но чтобы молитва наша была действительна, необходимы, во-первых, благоговение, усердие и смирение в самой молитве. Молитва наша, как за живых, так и за умерших, особенно бывает благотворна тогда, когда соединяется с приношением за них Бескровной Жертвы. Это самое сильное и действенное средство к испрошению милости Божией.

Итак, если вы всем сердцем желаете помочь вашему усопшему и делаете все, чему учит Св. Церковь – никак не допускайте сомнения в его спасении. Знайте что это сомнение – хитрость злого духа, потому что, если бы умерший недостоин был спасения, то вы не допущены были бы к ходатайству за него, как свидетельствует Иоанн Дамаскин, что «за недостойных спасения умерших Бог на молитву за них никого не подвигает: ни родителей, ни жену, ни мужа, ни родных, ни друзей; на таких умерших сбывается пророчество: несчастны те из умерших, о которых не молятся на земле живые!»

До Страшного суда есть время помогать друг другу и изменять загробное состояние наших отшедших. Всем усопшим, за которых приносится Бескровная Жертва, - этим самым приношением заглаждаются грехи, и усопшие получают возможность переходить в лучшее состояние. После Бескровной Жертвы могучим средством к изглажению грехов усопшего служит милостыня. Св. Иоанн Златоуст говорит: «Почти умершего милостыней и благотворениями, ибо это послужит к избавлению от вечных мук». Если вы бедны, - не смущайтесь, помните, что лепта бедной вдовы была в очах Спасителя дороже всех богатых вкладов. Один праведник говорит так: «Если ты идешь в церковь и у тебя денег мало и берет тебя раздумье: дать ли нищему, или свечу поставить – то лучше дай нищему, а сам будь свечой Богу: гори верой и свети любовью ко всему Божьему миру. «Бог есть любовь», - говорит любимый ученик Христа. Спаситель же Сам о Себе сказал, что Он есть жизнь, следовательно, жизнь есть любовь, а любовь есть жизнь. Как вечна жизнь, так вечна и любовь, она бессмертна, «она никогда не отпадает», - учит ап. Павел. И она вместе с душою переходит за гроб в царство любви, где без любви никто не может быть. Любовь, укрепленная и освященная верою, горит и за гробом к Источнику любви – Богу, и к ближним, оставшимся на земле. Какою нежною родительскою любовью любят умершие родители своих оставшихся на земле детей-сирот! Какою крепкою любовью любят переселившиеся супруги оставшихся на земле вдовствующих! Какою ангельскою любовью любят переселившиеся за гроб дети своих оставшихся на земле родителей!

Какой чистосердечной и нежной любовью любят отошедшие от жизни сей братья, сестры, знакомые и все истинные христиане оставшихся здесь своих сродников и друзей, с которыми соединила их вера. Какое множество душ ожидает нас там! «Там, - говорит незабвенный святитель Феофан Вышенский, - душу встречают все, о которых она молилась в продолжение своей земной жизни. Как жто утешительно! Как милостив Господь к нашей душе, что повелевает встретить ее тотчас же при вступлении в еще неведомую ей страну всем, о ком она ходатайствовала и к кому она сама прибегала за помощью. Эту силу веры, эти ощущения «жизни будущего века», спокойную, радостную смерть при полном примирении с жизнь дает нашим подвижникам религия Христа, религия, перерождающая обыкновенных людей – в людей жизни, полных действительных подвигов, действительного самоотвержения. Все это дала им религия, которую они познали опытным путем через свой подвиг. Вот что нам говорят наши Учители Церкви: «Человек пока в нерадении (т.е. не в жизни во Христе) боится часа смерти, а когда приближается к Богу, тогда поглощается сей страх»… «Приобрети чистоту в делах твоих, чтобы озарялась душа твоя в молитве, чтобы памятованием о смерти возжигалась радость в уме твоем». А другой говорит: «Живущий в любви, пожнет жизнь от Бога и в этом еще мире в ощущаемом здесь, обоняет воздух Воскресения»… Этим состоянием души, стяжавшей Духа Святаго, объясняется величие перехода праведника из земного мира в мир духовных, и посмотрите, как спокойно и радостно умирает истинно верующий христианин! Чтобы понять религиозные истины, надо испытать на опыте их животворную и спасительную силу. По одному только созерцанию понять их нельзя, их нужно пережить, ибо они назначены для жизни.

Беда нашей современной жизни в том, что мы, если ищем истинно религиозной истины, то стремимся понять ее только разумом, тогда как она познается только жизнью. Если мы хотим понять христианство, то должны начать жить по-христиански. Тогда только мы познаем Христа. Одним только разумом Его понять нельзя. А между тем наша неверующая часть общества ищет Христа одним только рассудочным путем. И не мудрено, что не находит. Ведь только чистые сердцем узрят Бога. Надо очиститься, надо жить по-христиански, а тогда явится к нам Спаситель, как Он явился ап. Фоме, и мы узрим Его и уверуем в Него. [верит не тот кто увидел, ибо сказано тому же ап.Фоме «блаженны невидевшие и уверовавшие». Говорить, что уверую после того как увижу – это и есть поиск Христа рассудочным путем – ред. golden-ship]

Но… борьба со страстями! Как она непонятна для людей этого мира, преданных служению плоти и земным кумирам! Между тем, эта борьба, внутренняя борьба человека с самим собою, со своими нравственными недостатками и слабостями, с худыми помыслами, со страстными движениями души, со сквернами сердца, с плотскими похотями и пр. – долг каждого христианина. Эта нравственная борьба – закон христианской жизни; в этой борьбе со страстями и в одолении их – весь смысл христианской жизни и вероучений, залог одухотворенного счастья человека на земле и блаженства на небесах. Все люди так страстно ищут счастья и не понимают, что это счастье не вне, а внутри нас, в очищенном от страстей сердце, в возвышенном уме, в просветленной душе, в освобожденном от плотских вожделений духе… Это счастье достается именно путем нравственной борьбы человека с самим собою – борьбы со страстями.

«Все и всегда во что-нибудь верят, но не всякая вера имеет нравственное значение и может служить основанием для дела Божия; если я верю только в то, что мне приятно, или хочется верить, то такая вера, не выражающая собой самоотречения, не имеет нравственного достоинства, - говорит Вл. Соловьев, - она не упраздняет нашей ограниченности, а напротив, обнаруживает и утверждает ее. Нравственное достоинство

принадлежит только такой вере, предмет которой нисколько от моего произвола не зависит, никакого отношения к моим собственным вкусам и мнениям не имеет, который дан мне, и не мне лично, а мне вместе со всеми и для всех. Своими человеческими силами нам не выкрутиться из рабства у дурных сил нашей природы, не уйти из их области в Царство Божие…»

При воздействии благодатной силы от Духа Святаго наш религия ставит человека на такую высоту самоотречения, в такую близость к небу, что естественному человеку, как бы он ни был одарен богато и всесторонне образован, при наличии только своих естественных сил – это недостижимо: «Но невозможное человеку – возможно Богу».

Бог дает верующему, по его вере и любви, силу высшего вдохновения, недоступную никакому философу, художнику, никакому поэту. «Не мерою дает Бог духа» и не исчислит ни на каких весах количественную и качественную содержимость дарований Христова духа. «Верующий в Меня, - говорит Господь, - дела, которые Я творю, и он сотворит, и больше сих сотворит». Чего же после этого еще может не доставать такому идеально-вдохновенному состоянию, которое осуществимо в христианстве? Великий «апостол языков» [апостол язычников, - как называют иногда ап. Павла] неоднократно исповедавший свою естественную немощь и не забывавший никогда о своем прежнем неверии, и ведь он, всегда искренний и смиренный, в непосредственном переживании высшего благодатного озарения, настолько глубоко чувствовал в себе прилив творческих сил, что выразил это с необычайным дерзновением: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе».

Напрасно думают, что высшая цель христианства – в аскетическом отречении от жизни, нет! А в освящении и очищении этой жизни, подъеме ее навстречу нисходящему Богу. Христианство говорит о преобразовании естества, о движении вследствие этого не вперед (внешняя культура), а вверх – к небу, к Богу: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный». Идеал внутреннего преображения, а не внешнего прогресса. За многовековое существование человечества ни один человек только своими силами, без помощи свыше, не мог подняться над жизнью в область духа.

А.Н.

ЧТО ОЖИДАЕТ НАС ЗА ГРОБОМ?

Так как простой человек, размышляя самостоятельно, не может сказать что-нибудь верное и несомненное о нашей загробной жизни, то мы должны обратиться к высшим руководителям, которые освещали пути нашей жизни, удостаиваясь откровения от Духа Божия. У них одних мы можем найти истинные указания в вопросе нас занимающем. Высший Разум, бдящий над нами, озарял их мысль, и благоволил через них ниспустить с высоты небес несколько лучей, при помощи которых мы можем увидеть нечто в той темной области, в которую вступим по разлучении с телом. Мы постараемся собрать и передать вам отголоски, донесшиеся до нас из высшего божественного мира, и если позволим себе присоединить к ним также искания естественной мысли человеческой, то не с тем, чтобы подкрепить ими указания высшего Разума, а чтобы оттенить их этими исканиями.

Но когда мы хотим раскрывать скрижали, содержащие указания высшего божественного Разума, нам слышатся раздающиеся на распутьях мира голоса не то легкомыслия, не то безотрадного отчаяния. Люди, руководимые одной слепой мыслью своей, бессильные что-либо разглядеть за пределами гроба, думают и говорят, что для нас смертью все

кончается: истлеет наше тело, и от нас и следа не останется, кроме короткой памяти о нас у близких наших, и что напрасное обольщение надеяться на то, что для нас будет другая жизнь.

«Коротка и прискорбна наша жизнь, - говорили неправо умствующие сами в себе во времена Соломона, говорят многие и ныне, - и нет человеку спасения от смерти, и не знают, чтобы кто освободил из ада. Случайно мы рождены и после будем как небывшие: дыхание в ноздрях наших – дым, и слово – искра в движении нашего сердца. Когда она угаснет, тело обратится в прах, и дух рассеется, как жидкий воздух; и имя наше забудется со временем, и никто не вспомнит о делах наших; и жизнь наша пройдет, как след облака, и рассеется, как туман, разогнанный лучами солнца и отягченный теплотою его. Ибо жизнь наша – прохождение тени, и нет нам возврата от смерти: ибо положена печать, и никто не возвращается» (Прем. 2: 1-5)

Не слышится ли вам в этих печальных рассуждениях отголоски мыслей и чаяний, вторгавшиеся иногда в потаенную храмину вашего сердца?

Премудрый, изрекший такие слова, замечает, что так могут рассуждать только не умеющие познавать тайны Божии, и закрывающие глаза пред явными судами Божьими. Источником таких рассуждений он считает нечестие и развращение сердца людей, их высказывающих. «Так они умствовали, и ошиблись; ибо злоба их ослепила их» (Прем. 2: 21). Люди отдают себя в рабство страстям своим, без удержу удовлетворяют похотям развращенного своего сердца, не стесняясь чинят обиды и насилия своим ближним, и вообще нарушают и попирают закон, данный нам Богом в управление путей наших. И вот, чтобы заглушить голос о праведном мздовоздаянии за дела, идущий из глубины души нашей, они, для успокоения себя, говорят: умрем, и ничего не будет, а потому «будем же наслаждаться настоящими благами и спешить пользоваться миром, как юностью» (Прем. 2:6)

Не думаем, чтобы тяжелая и безотрадная мысль о полном уничтожении нашем после смерти была тверда и решительна у тех самых людей, которые ее высказывают. В душе нашей слышится голос, требующий жизни, не ограничивающейся узкими пределами данного нам времени, и голос этот не могут полностью заглушить те, кто легкомысленно обрекает себя на полное уничтожение. И на них находят, и нередко, минуты раздумья, и тогда сомнение западает в их душу, колеблет и подрывает те помыслы, какими они хотят успокоить и оправдать себя в своей преступной преданности своим страстям.

Против мысли о полном исчезновении нашем после смерти неумолкаемо говорит сознание живущего в нас нравственного закона, основывающегося на неискоренимой в нас идее правды. Как в мире физическом все живущее приносит плод по роду своему, который является непременным следствием процесса, переживаемого тем или другим живым существом, так точно должно бытии и в мире нравственном. Наше нравственное самосознание требует, чтобы каждое наше нравственное действие сопровождалось соответствующим нравственным следствием, чтобы плодом добродетели было доброе ощущение в душе, - счастье или блаженство, а следствием порока - несчастье или страдание. Но в настоящей жизни мы не видим соответствия между нравственными действиями и теми следствиями, какими они сопровождаются. Порок часто торжествует, а добродетель страждет: люди нечестные нередко живут в неге и роскоши и пользуются всеми благами мира, а люди, старающиеся о благоугождении Богу, по слову Писания, люди, «которых весь мир не был достоин» (Евр. 11: 38), часто влачили и влачат на земле самую горькую жизнь, подвергаются крайним лишениям и испытывают тяжкие мучения, кончающиеся смертью. «Где же правда? – говорит наше внутреннее чувство. – Почему

здесь такое нарушение закона мировой гармонии, по которому везде мы видим полное соответствие между семенем и плодом, между действием и его следствием?» «Ужели одна добродетель, - говорит блаж. Феодорит, - стоящая так много напряжения и борьбы, не приносит никакого плода?» Нет, непременно должен быть такой плод; непременно она должна получить свою награду, а порок – соответствующее наказание. И если мы этого не видим в настоящей жизни, то непременно должна быть другая жизнь, в которой восстановится нарушаемая здесь гармония, и мы получим добрый или худой плод, - награду или наказание, - по роду тех действий, какие совершала душа наша в период земного бытия. «Если бы не было никакого другого доказательства в пользу продолжения бытия за гробом, - говорит Ж.Ж. Руссо, - то одного факта торжества зла на земле и угнетения добродетели было бы достаточно, чтобы удержать меня от сомнения в этой истине. Столь возмутительный диссонанс в общей гармонии мира необходимо заставляет меня искать его разрешения. Я необходимо должен сказать себе: нет, не все кончается для нас с этой жизнью; все должно по смерти придти снова в надлежащий порядок».

Премудрый наставляет нас, что так и будет, - в будущей жизни последует воздаяние за дела наши, нынешнее время – время сеяния, а жатва будет, когда мы, выйдя из тела, перейдем в иной мир. «А души праведных в руке Божией… В глазах неразумных они казались умершими, и исход их считался погибелью, и отшествие от нас – уничтожением; но они пребывают в мире. Ибо, хотя они в глазах людей и наказываются, но надежда их полна бессмертия… Во время воздаяния им они воссияют как искры, бегущие по стеблю» (Прем. 3: 1-4 и 7)

Другой премудрый – сын Сирахов, - согласно с этим, говорит: «боящемуся Господа благо будет напоследок, и в день скончания своего обрящет благодать» (Сир. 1: 13).

На чем основывают свои безотрадные взгляды обрекающие себя на полное исчезновение после смерти? Очевидно на том только, что мы ничего не знаем о будущей загробной жизни, и нет для нас прямых доказательств ее, - на том основании что внешние чувства наши, которыми мы воспринимаем впечатления от мира существующего вне нас, никаких данных не сообщают нам о загробной жизни. Но логично ли, разумно ли отрицать действительность того, что неизвестно? Мало ли чего мы не видим? Мало ли чего мы не знаем? Неужели мы должны признать несуществующим все, чего не знаем и что не подлежит нашим чувствам? И Бога не видел никто никогда (Ин. 1: 18); а между тем, говорит Псалмопевец, только безумный может сказать: «нет Бога» (Пс. 13: 1).

Не подвластна загробная жизнь нашим внешним чувствам. Но кроме внешних чувств у нас есть чувство внутреннее, более глубокое, непосредственно связанное с нашей силой познания. Это внутреннее чувство ставит нас в соприкосновение с высшим духовным миром и дает нам предощущать тайны этого, незримого нами, духовного мира. Из него исходит неумолкаемый протест против грубого, искусственно навязываемого многими, учения, ограничивающего нашу жизнь пределами одного материального мира. Отсюда у всех народов, стоящих на разных ступенях развития и культуры, есть неискоренимое убеждение, что смертью не все для нас кончается, и наступит для нас после смерти новая жизнь. Во всех религиях, какие только существовали и существуют в роде человеческом, верование в загробную жизнь составляет одни из краеугольных камней, наравне с верованием в бытие верховного Существа – Бога. Всюду мы видим молитвенное поминовение умерших и почитание их, превратившееся у иных народов в культ предков: это свидетельство того, что, по общенародному верованию, не преданы уничтожению умершие, а живут в другом мире другой, отличной от нашей, жизнью. Это убеждение, в силу своей всеобщности, не могло явится вследствие какого-либо обольщения. Оно вырастает из души, созданной бессмертной; в нее вложено изначально чувство

бессмертия, вместе с чувствованием бытия своего. Бог, по слову Премудрого, смерти не сотворил. Будучи неиссякаемым источником жизни, «Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия Своего» (Прем. 2: 23). Смерть после вошла в мир завистью диавола, как объясняет Премудрый.

Она в роде нашем нечто неестественное, противное нашей природе. От того все мы боимся смерти, как чего-то чуждого нам, как грозной кары, висящей над нами. У всех нас ничем незаглушаемое желание жить и жить нескончаемые века. Это желание называют зарей, предвестником и предощущением жизни будущей, нами ожидаемой и нас ожидающей.

Во всеобщих верованиях в загробную жизнь нам слышатся отголоски древнего предания, идущего от нашего родоначальника. Созданный по образу Божию, он чувствовал себя бессмертным и видел, каким образом он подвергся наказанию смертью, но в то же время его утешало обетование, что это наказание невечное, и что Господь снова воздвигнет его для жизни блаженной, нескончаемой. Забыт источник этого предания, но оно глубоко запало в души его потомков, и с распространением рода человеческого распространилось по всему лицу земли, и никакие умствования не в силах уничтожить его. Хотят подавить его в себе единицы, пожалуй, сотни, но тысячи и миллионы хранят его и не могут представить человека без веры в его вечное назначение.

Люди, не ожидающие ничего для себя после смерти, укажут кроме полного и окончательного уничтожения, на бездыханное и неподвижное тело умершего, которое скоро после смерти предается тлению и исчезает в массе бездушной материи. Но кроме бренного тела у нас есть душа, отличная от материи. Из персти Господь создал наше тело, но это перстное тело. Он вдунул дыхание жизни (Быт. 2:7), которое, будучи неоднородно с телом, и не им порожденное, не может быть уничтожено вместе с перстью. Душа наша – существо простое, неделимое, не сложенное из материальных частиц. Тело, когда умирает, разлагается на составные части, и разрушается связь, сдерживающая их в единстве. Но в простой душе немыслимо никакое разложение. Эта душа проявляет свою жизнь и силу в мысли, в чувстве, в желаниях и решениях, и при изменении тела она сознает себя единым, самостоятельным существом. Эту силу души мыслить, чувствовать и желать, и вообще сознавать себя, связывают с нервными узлами, составляющими утонченную часть нашего тела. Но эти нервные узлы – часть материи мертвой, неспособной к сознательной жизни. Предоставленные самим себе и не возбуждаемые силой высшей материи и господствующей над ней, они представляют инертное тело, решительно неспособное к какой-либо самостоятельной деятельности. Узлы эти остаются на своем месте, когда душа оставляет тело, и не теряют своей формы. А между тем тогда от них не видно никакого проявления жизни, а тем более мысли, сознательного чувства и вольных движений. Правда, без них душа не может входить в сношения с внешним миром, получать от него впечатления и воздействовать на него. Но это отнюдь не служит основанием к отрицанию самостоятельности души. Премудрому Творцу угодно было соединить бессмертный дух с перстным телом, и этому телу назначить служение для сношения духа нашего с внешним миром. Но органы тела, служащие душе, - положим, нервы наши, - отнюдь не самая душа. Они – машина, которыми пользуется душа, входя в сношение с видимым миром. Машина действует, пока ей управляет живая умная сила, какой в данном случае является бессмертная душа. По разрушении машины, живая сила, ей управлявшая, остается, хотя без нее во внешнем мире по-прежнему действовать не может. У этой живой силы есть вечный дом, в который отходит она, по оставлении тела, с которым была связана в назначенные ей дни земного существования. И вот, когда наступает предел этого, земного существования, перстное тело возвращается в землю, из

которой создано оно, а дух возвращается к Богу, который дал его. Так говорит премудрый Екклесиаст, вдохновляемый Духом Божиим.

(Из книги проф. В.Ф. Певницкого

«О загробной жизни». Киев, 1903)

ВЕРА НАРОДОВ ВСЕХ ВРЕМЕН В ЗАГРОБНУЮ ЖИЗНЬ

Скорее не найдем в каком-либо уголке земли солнца, чем этой веры. История народов и религий показывает, что нигде не смотрели на смерть как на предел бытия человеческого. Жрецы египетские, философы греческие, евреи и язычники, брамины индийские, бонзы японские, ученые поэты, равно как и вся масса простого народа, всегда ожидали после смерти еще иной жизни. И те, которые не верили в будущую жизнь, старались чем-либо обессмертить себя в потомстве. Откуда же происходила эта всемирная вера в бессмертие, хотя и темная, хоть в разъяснении или во внешних своих обнаружениях у многих народов неправильная, даже до безобразия? Она могла произойти и от предания со дней самого Адама, так как Адам вполне чувствовал свое бессмертие, когда находился в раю. Поэтому-то (весьма замечательно) в людях, которые жили ближе к божественному преданию, т.е. в людях глубокой древности, эта вера была ощутительнее. Древностью предания и Цицерон более всего убеждал в правильном веровании относительно бессмертия души. Но тем более всеобщая вера в бессмертие души была отголоском самой природы человека. Да, это такая же коренная и врожденная человеку мысль (идея), как и вера в бытие Божие. Рассудите же: может ли быть ложным то, чему прежде слова Божьего и вслед за словом Божьим верили все народы?

Известна предсмертная речь в темнице философа Сократа. Когда была подана ему чаша с ядом, он выпил чашу с веселым и спокойным духом. Затем повел беседу к друзьям и ученикам о бессмертии души. Платон, знаменитейший затем философ, записывал его философские суждения, чтобы передать их потомству. И когда сердце Сократа перестало биться, каждый из учеников его был уверен, что он в лучшем мире получит награду…

Во все время самые примитивные народы в мире (камчадалы, гренландцы, жители Огненной земли, жители Нагасаки) выражают в своих поверьях и обрядах уверенность в будущую загробную жизнь. Каждый дикарь, умирая, отправляется в царство отцов, в страну духов. Живые не забывают умерших, посвящая для их поминовения известное время. Возьмем, например, краткое извлечение из описания праздника мертвых в Нагасаки. «При наступлении сумерек жители Нагасаки отправляются в процессии по различным кладбищам. На могилы ставятся зажженные бумажные фонари, и в несколько мгновений такие места последнего отдохновения оживляются фантастической иллюминацией. Родные и друзья умерших приносят с собою различные кушанья и в особенности плоды, предназначенные для покойников; часть принесенных яств потребляется живыми, а другая оставляется на могилах. Приготовленные разного рода снеди и единственно предназначенные для умерших укладываются в нарочно для этой цели устроенные маленькие лодочки и пускаются на воду, на произвол течения, которое донесет их душам, за гробом находящимся. Там, вдали за океаном – рай, по их представлению».

Дикари, будучи твердо убеждены в загробной жизни, для успокоения усопших жестоко поступают с военнопленными мстя за кровь кровью, - кровавая месть. Смерть для дикаря не страшна, он равнодушно идет ей на встречу. Отчего? По причине живой веры в загробную жизнь!

Все погребальные обычаи и церемонии, во множестве существовавшие и существующие в каждого народа древних и новых времен, в более или менее ясных чертах выражают верования и представления, гадания и чаяния о своей будущей судьбе за гробом.

Истина бессмертия души, ее загробная жизнь и, кроме того, истина временного союза и взаимного соотношения и общения миров загробного с настоящим – были высказаны представителями народного сознания: Сократом, Платоном, Цицероном и средневековыми писателями. Дикие племена верят, что души умерших в виде теней блуждают у своих жилищ. Сознавая истину загробной жизни души, дикие слышат в самом ветре томный плачь блуждающих теней. Души, по мнению поэтов древности, носясь по ветру, очищались от земных заблуждений, например, так писал Вергилий. Сознавая истинность загробной жизни многие дикие представляли ее чувственно и думали, что душа имеет нужду в удовлетворении чувственных потребностей, а потому клали в могилу вместе с покойником пищу, питье, оружие, предметы удовольствий.

Чтобы души в загробной жизни не оставались одинокими, без семейства, без невольников, без коней и других принадлежностей земной жизни, на могиле для этой цели убивали невольников, закалывали или сжигали жен умершего. На могилы грудных детей матери наливали молоко, а гренландцы в случае смерти младенца убивают собаку и кладут вместе с телом ребенка в могилу, надеясь, что смышленая тень собаки в другом мире будет служить проводником робкому и неопытному дитяти. При всей своей неразвитости, древние языческие народы и нынешние дикари, сошедшие с низшей ступени развития, понимают идею посмертного воздаяния за земные дела. Труды Причарда [Причард Джеймс-Коульс – английский психиатр и антрополог (1786-1848)] и Алжера, собравших факты по этому предмету, служат доказательством сказанного, т.е. убеждения дикарей в загробном воздаянии. Вера в бессмертие и вера в воздаяние за гробом присущи человечеству. «Даже у неразвитых дикарей, - пишет г-н Каро («О происхождении верований в будущую жизнь»), - убеждение это поражает нас тонкостью морального чувства, которому нельзя не удивляться».

Дикари племени Фиджи, которых путешественники представляют нам последним по развитию племенем рода человеческого, убеждены, что душа после смерти предстает перед судилищем. Во всех мифологических сказаниях, под формой более или менее грубой, у всех почти народов, есть даже представление о первоначальном испытании душ, предшествующем суду над ними. «По представлениям Гуронов, - говорит Паркман [Паркман Франсис – американский историк (1823-1893)], - души умерших сначала должны испытать путешествие, полное всяких трудностей и опасностей. Им нужно перейти через быструю реку по утлой перекладине, дрожащей под их ногами; свирепый пес, находящийся на другом берегу, не допускает их переправляться и старается сбросить их в пучину. Далее, они должны идти по тропинке, вьющейся между колебающимися утесами, которые падают на них, сокрушая путников, не умеющих избежать опасности. По мнению негров аниматов, души добрых людей на пути к божеству должны испытывать преследования со стороны злых духов – динис, откуда у этого племени и явился обычай приносить жертвы за умерших этим динис. В классической мифологии мы встречаем при дверях ада трехглавого цербера, которого нужно успокоить приношениями. Гвинейские негры убеждены, что два духа, добрый и злой, сопутствуют душе по отделению от тела. На пути встречается препятствие: стена заграждает путь. Добрая душа, при помощи доброго гения, легко перелетает через стену; злая – напротив, разбивается о стену. Это представление очень напоминает известный мост «аль-сират» у магометан. В загробном мире во всех языческих верованиях есть места награды и наказания.

До озарения человечества истинным светом христианской веры загробная жизнь представлялась в высшей степени смутной и неясной. Для нехристианского сознания навсегда оставалась чуждой полная и живая форма личного бессмертия, а потому, коль скоро вопрос о загробной жизни души из области религии переходил в область философии, эта последняя не находила лучшего исхода для души, как слияние ее с самим божеством или с мировым духом, причем, конечно, не могло быть и речи о личном ее бытии после смерти человека. Все народы верили, что душа после смерти продолжает свое существование и за гробом; продолжая же существование, верили, что не прекратила она и союза с живыми – оставшимися еще на земле. А так как загробная жизнь представлялась для древнего воззрения смутной, тайной, то и сами перешедшие туда души возбуждали в живых какой-то страх, недоверие. Веруя в неразрывность духовного союза мертвых с живыми и во влияние, какое могут оказывать мертвые на живых, последние стремились располагать к себе загробных обитателей, побуждать в них любовь к живым.

ВОСКРЕСШИЕ МЕРТВЕЦЫ

О загробной жизни вопиют все когда-либо воскресшие мертвецы.

Примеры воскресения начались еще в Ветхом Завете. Илья пророк воскресил сына вдовы; от прикосновения к костям преемника его, пророка Елисея, воскрес человек, которого принесли погребать. Спаситель, кроме юноши наинского и дочери Иаира, воскресил всенародно Лазаря. Бесполезна попытка безбожников доказать будто Лазарь только был в обмороке. Против обморока говорят и многодневность Лазаря во гробе, и начавшееся разложение его. Палестина (в отличие от другой какой страны) тотчас покажет действительного мертвеца. Там от сильного жара быстро разлагается мертвец. И потому-то было обычаем иногда в тот же день погребать мертвого и уже в могиле оплакивать его. Затем, в силу обещания Спасителя: «и больше сих сотворит» (Ин. 14: 12) случаи чудесного воскресения мертвецов стали повторяться почти наряду с чудесными исцелениями больных. Сколько и в каких только странах святые Божьи не воскрешали мертвых! Так, апостол Петр воскресил благочестивую девицу Тавифу, а Павел – юношу Евтихия, упавшего с верхнего этажа вниз. Из дивных египетских подвижников Макарий однажды воскресил мертвеца только для того, чтобы доказать еретикам бессмертие души. В стране греческой преподобный Геласий воскресил мальчика, который умер от неосторожного толчка ногой монастырским ключником; преподобные Феодор и Павел возвратили к жизни пустынника, который был моложе их и который от укуса змеи весь истек кровью. Или как много известно случаев, когда святые Божьи для особенных целей только на короткие минуты оживляли мертвецов! Мертвецы по их требованию то вставали на ноги и отвечали, то из самих могил давали ответ! Например, тот же Макарий египетский дважды заставлял говорить мертвецов, которые много уже времени были погребенными. Одного мертвеца он спросил: «Скажи, этот ли твой убийца, которого обвиняют и который приведен к твоей могиле?» Мертвец ясным голосом вслух всем ответил, что обвиняемый в его убийстве невинен. Другому мертвецу, который взял чьи-то дорогие вещи, скрыл их, а потом был застигнут нечаянной смертью, святой Макарий велел ответить, где скрыты вещи, из-за которых томят его же жену и детей. И мертвый открыл тайну.

Подобно святому Макарию один подвижник, живший в пределах Персии, также заставил убитого человека встать и открыть, кто его убийца. Убитый встал и вслух оправдал этого невинного тем, которые держали заподозренного в его убийстве, затем указал на

действительного убийцу, и высказал просьбу, чтобы деньги, которые тот захватил у него, были переданы его детям. Когда все раскрылось, святой сказал мертвецу: «Теперь снова засни смертным сном до того времени, как Господь придет на всемирный суд и разбудит тебя вместе с другими». А один святой из семейных мирян, у которого умерла дочь, не объяснив никому, куда скрыла чужую драгоценную вещь, доверенную ей на хранение, пришел на могилу умершей и молил Бога «прежде времени показать обетованное воскресение». Молитва его была выполнена Богом. Умершая воскресла, сказала о зарытой в земле драгоценности, и потом сделалась невидимой.

Но вот и в нашей православной России известно несколько случаев воскресения! Эти чудесные случаи принадлежат киевским пещерам. Преподобный Афанасий, живший в конце XII века, умер вполне подготовленный к смерти продолжительной болезнью. Но его не погребали в продолжение двух дней и не заботились погрести. Когда же на третий день собрались все, чтобы положить его в могилу, нашли его сидящим и живым. Он прожил после этого еще 12 лет.

Преподобный Марк, живший в XI веке, силой Божьей возвратил к жизни в разные времена трех человек. Этот святой занимался копанием для других пещер и могил. Один раз очень тесной оказалась могила, в которую пришли положить умершего. Все возроптали на него за то, что он до того стеснил могилу, что нельзя было возлить на умершего елей. Тогда святой в простоте души сказал умершему, чтобы умерший встал и сам бы потрудился в тесной могиле возлить на себя масло. И что же? Мертвец приподнялся, протянул руку к маслу, возлил на себя масло крестовидно, и потом снова умер.

В другой раз святой Марк совсем не успел приготовить для умершего могилу. И говорит тому, кто просил его о могиле: «Надобно подождать; пойди и передай от меня умершему, чтобы подождал погребения один день». Погребатель возвращается к умершему и находит, что умершего уже отпевают. Однако решается вслух всех объявить ему слова Марка, и объявляет так: «Марк говорит тебе, что еще не готово место для тебя; подожди до следующего утра». И, вот, мертвец открыл глаза и в продолжение целой ночи оставался живым! На следующее утро погребатель снова пошел к преподобному спросить о могиле и снова принес к мертвецу речь от него: «Марк говорит тебе, чтобы теперь ты отошел…» И мертвец тотчас закрыл глаза и умер.

В третий раз Марк похоронил младшего брата в общем (для двух братьев) гробу по правую сторону, т.е. как бы на первом месте. Старший же брат был жив и во время погребения находился в отлучке. Когда он возвратился в монастырь, то разгневался на Марка, за то, что Марк лишил его первого места в могиле. Тогда Марк для прекращения спора и гнева попросил мертвеца, чтобы тот встал и уступил место старшему брату, который желает в свое время лечь на его место. И что же? Мертвец тотчас встал и занял второе место. Старший брат просил было преподобного Марка, чтобы тот велел мертвецу лечь на прежнее место. Но Марк ответил замечательно: «Божье дело воскрешать умерших…; а это чудо Бог сотворил через меня для того, чтобы ты напрасно не враждовал против меня и чтобы привести тебя к покаянию…»

Живой брат осознал свой грех, что решился спорить о первенстве в виду самой могилы, пал в ноги преподобному Марку и наложил на себя строжайшее покаяние, которое вполне вынес в продолжение остальной своей жизни. Всякий теперь может собственными глазами видеть в киевских пещерах и этих двух братьев, преподобных Иоанна и Феофила, которые лежат рядом, и гроб святого Марка [Четьи-Минеи, 29 декабря].

Применим указанные примеры воскресения к вопросу о загробной жизни. Если же бытие человека совсем оканчивается телесной смертью, то по какому же закону некоторые снова начинали жить полной жизнью после смерти? Так, например, Лазарь после гроба прожил не как-либо сокровенно или сомнительно, но у всех на глазах. В первый раз – на виду многих тысяч людей, которые любопытствовали его видеть, а затем – в ближайшем и постоянном общении с миром, как проповедник христианской веры и епископ на острове Кипр. Или пусть другие мертвецы оживали только на короткие часы и секунды; пусть все они (исключая усопших святых, воскресших вместе с Иисусом Христом) снова умирали, чем же объяснить и одно мгновение новой жизни их после решительной смерти, после разложения даже некоторых из них? Не осязательная ли это истина, что и каждый человек, умирая, не уничтожается совсем, что душа его и за гробом не перестает существовать, что по воле Божьей может она снова войти в тело и что таким же образом и все некогда воскреснут для вечной уже жизни? Но отрицатели, может быть, не поверят и этим вопиющим примерам на том основании, что все это произошло когда-то давно, может быть, назовут все эти примеры или придуманным рассказом, или обманом в свое время людей? Сотни и тысячи людей в свое время могли обмануться в том, что видели собственными глазами и что слышали собственным слухом, а они не обманулись бы! Но поверили бы они истине, если бы непосредственно перед их глазами, ожил какой-либо мертвец? Сомнительно! В Евангелии сказано: «если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят» (Лк. 16: 31). Известны и примеры такого неверия: евреи были очевидцами воскресения Лазаря в Вифании, и, однако же, некоторые из них, поспешив в Иерусалим, еще решительнее стали преследовать божественного чудотворца, Господа Иисуса Христа, замышляли убить и воскресшего Лазаря. Что удивительного, если и нынешние безбожники, когда бы пред глазами их чудесно ожил мертвец, только растерялись бы вначале, не зная что сказать, а потом стали бы объяснять чудесное событие по-своему? До такого упорного неверия может доходить человек!

(Из книги прот. Е.А. Попова

«Вера в загробную жизнь» Пермь, 1880)

ЯВЛЕНИЯ С ТОГО СВЕТА

Загробную жизнь и подтверждают, и раскрывают в самой ее сущности явления с того света.

Говорят: «Никто не возвращался с того света; как знать, что есть там жизнь и какова эта жизнь»? Слово Божье, сколь нужно, открывает нам загробную участь как святых людей, так и нераскаянных грешников. Затем, известны частные практические примеры, поясняющие загробное состояние душ. И как же много можно было бы собрать этих примеров на протяжении двух тысяч лет с рождества Христова! Полностью все эти случаи известны только Всеведущему, который и определяет им быть в то или иное время и в той или иной стране. Укажем, однако, примеры, известные нам по житиям святых и по другим достоверным сказаниям.

Одни из людей удостоились видеть рай, а другие видели только адские муки; некоторым же совместно было показано и то и другое. Так, например, св. Андрей юродивый в продолжение двух недель находился в чрезвычайном возвышении духи и созерцал рай: в теле ли было такое состояние его или вне тела, он сам не мог дать отчета. Преподобной Феодоре Ангелы, направлявшие ее душу, подробно показывали рай. Св. Тихон Задонский удостоился нескольких видений будущего рая. Однажды, прогуливаясь ночью по монастырю, он остановился у алтаря и сам молил Бога, чтобы ему было показано

блаженство, ожидающее на том свете праведников. И, вот, пред ним раскрылось небо и показались райские радости!.. Страх и радостное чувство до того овладели им, что он едва достиг своей кельи. Симеону Дивногорцу было открыто состояние душ и праведных, и грешных: одни там встречаются с Ангелами, а другие встречают стеснение со стороны духов злых. Воин Таксиот умер, не покаявшись в смертном грехе прелюбодеяния. Через шесть часов после погребения он силой Божьей воскрес, но совершенно пришел в себя уже на четвертые сутки. Тогда он со слезами передал местному архиепископу, блаженному Тарасию, как в особенности за грех прелюбодеяния был низведен до преисподней ада. Преподобный Нифонт видел два раза, какая участь постигает грешную душу после смерти: один, не вытерпев притеснений от своего господина, удавился, и его душу увлекли бесы в ад; другой был блудником, занимался волшебством и допускал разбой, притом умер вдруг без покаяния, и душа его поступила в бездну ада.

Обратимся к примерам другого времени. Были два друга светского звания. Со временем они разошлись в нравственном направлении. Один полюбил слово Божье и, глубоко проникнувшись чтением слова Божьего, решился принять монашество; другой же вел жизнь рассеянную и порочную, дошел до такого вольнодумства, что дерзко смеялся над Св. Евангелием. Среди такой жизни последний был застигнут смертью. Друг – монах печалился об его участи и просил Бога, чтобы Бог открыл его загробную участь. Молитва была услышана. По воле Божьей мертвец является к монаху во время ночного сна, но только тонкого сна. Монах тотчас узнает его и спрашивает: «Каково тебе на том свете?» Он отвечает: «О, горе мне, несчастному! Червь неусыпающий не дает мне покоя; мучения мои невыносимы. Только за твои молитвы теперь дана мне некоторая свобода. Если хочешь, ч покажу тебе мои мучения, хоть частью, а не вполне, потому что тебе не вынести полного видения». После этого мертвец открыл свою ногу до колена. И что же видит и слышит спящий? Нога у мертвеца была покрыта страшным червем, от нее исходило зловоние. Сновидение было настолько ясно и потрясающее, что спящий тотчас пробудился. Пробудившись, он был поражен и наяву последствием видения: слышит, в его келье страшный смрад. В испуге он выскакивает из своей кельи, и при этом забывает затворить за собой дверь. От его тревоги пробуждаются прочие монахи. Страх овладевает всеми, не от рассказа только, но от того особенно, что смрад из кельи сновидца прошел по коридорам, проник даже в кельи. Стали чистить стены, мыть полы, курить тем и другим, но смрад не пропадал. Наконец, вынуждены были совсем затворить монастырь и переселится в другое место. Монах же сновидец, первым захвативший адского смрада, не мог и до конца своей жизни совершенно освободиться от дурного запаха на руках, сколько ни обмывал их разными ароматами. Это было на Афоне.

Подобный же случай повторился у нас в России. Одна престарелая монахиня (в Новгородской губернии) видела во сне адские муки. Чтобы сновидению была полная вера, смрад адских мук, который она обоняла, слышался ей в продолжение целой недели, так что она не могли принимать пищи [Еп. Игнатий. «Аскетические опыты» Ч.2. С. 661]

В начале XIX века был в задонском монастыре архимандрит Варсонофий, умиравший на трое суток. Находясь душой в загробной стране, умерший испытывал истязания за свои грехи от бесов-обвинителей. Но за молитвы Божьей Матери, священномученика Мокия и стратилата Андрея (которых он имел, вероятно, особенными ходатаями за себя) получил время на покаяние.

В 40-х годах XIX века в московском Симоновом монастыре был разговор игумена Досифея с престарелым монастырским духовником о недавно умершем иеромонахе Ионе: «Каково-то на том свете состояние умершего?» Духовник говорил, что далек тот мир и трудно оттуда получить какой-либо ответ. Игумен же при этом стал просить его ввиду

коротких уже дней его жизни, чтобы хоть он явился после смерти с того света сказать, что там такое. Старец задумался и отказался. Но игумен через некоторое время повтори ему свою просьбу, притом с такой настойчивостью: «Как игумен говорю тебе, покажись мне после своей смерти». Духовник замолчал. Года через полтора застигла его смерть. И, вот, он вскоре после погребения является к игумену в сновидении в прежней своей келье и говорит: «Силен Бог поставить умершего в живых!»

Перейдем к примерам исключительно в мирской жизни. В алтайской миссии был, между прочим, такой случай. Священник спешил в деревню исповедать и приобщить тяжело больного. Расстояния в Сибири огромные. Таким образом, во время продолжительного пути священник заснул со Св. Дарами на груди. И вот во сне ему видится, что больной уже умер. От испуга он пробудился. По приезде же в деревню узнает, что больной и действительно был умершим, но ожил. Затем сам больной рассказал ему при всех, что видел на том свете: «Видел, - говорит, - различные муки. Духи злые старались увлечь мою душу в какое-то ужасное место. Но святой Ангел, защищавший меня от них, возвратил вот по воле Божьей душу мою к телу на покаяние» [Журнал «Миссионер» №48, 1879 г]. Возвратившийся к жизни, и прежде известный воздержанием и милостынями, стал жить еще строже.

В 30-х годах XIX века умер в Москве сановник Стефан Апраксин. Это был вначале вольнодумец, но, к счастью, приобрел себе друга в одном благочестивом человеке из знатной фамилии Долгоруковых. Долгорукова он был моложе и похоронил. Так как Долгоруков был бедным человеком, то он и похороны, и церковное поминовение друга принял на себя. Покойник на третий день после похорон явился к нему и поблагодарил его. Затем ему самому предсказал долго жить на свете и дал обещание известить, когда будет близка его кончина. Действительно, жизнь Апраксина текла и текла. Узнав из этого чудесного видения цену христианской милостыни, он внимательнее сделался к нуждам бедных людей. Так прошло 42 года. Не переставал он ожидать к себе посетителя с того света. И, вот, дивно ожидаемый тот является к нему снова в один из уединенных вечеров! Загробный вестник объявляет ему, что кончина его последует через 20 дней. Но и еще обещается явиться к нему за три дня до самой смерти. «Какая же, спросят, была нужда в этом третьем явлении, когда все было сказано отходящему из этого мира и когда известие о кончине было принято с верой?» Цель третьего явления, как сейчас увидим, была, главным образом, та, чтобы дать убеждение в загробной жизни и другим. Апраксин, будучи здоровым, стал по-христиански готовиться к смерти. Конечно, все дни и часы были у него сосчитаны. Когда же осталось лишь три дня до его смерти, стал он ожидать явления умершего, по-прежнему в вечерние часы: в это время душа человека, обыкновенно, бывает более сосредоточенной и делается способнее к духовным видениям. На таинственную ночь Апраксин пригласил к себе одного друга, также из высших чинов. Друзья вели беседу о духовных предметах. И вот в 11 часов вечера является пришелец с того света! В этот раз Долгоруков успокаивал Апраксина помилованием от Бога за милостыни, и потом сделался невидимым. Гость также слышал загробный голос, но говорящего не видел. Апраксин через три для действительно умер и при прощании успел рассказать о загробных явлениях к нему Долгорукова некоторым лицам. В Москве громко говорили об этом, даже и в клубах [рассказ передавался сначала устно, в записи сохранил его священник Беляев].

По случаю встречи с фамилией Долгоруковых приведем здесь и другой подобный пример. Были знатными сановниками родные братья, Владимир и Петр Сергеевичи Долгоруковы. Первый, живя в посольстве за границей, стал читать Вольтера и других атеистов: таким образом, скатился к неверию. Последний же был искренно верующим и набожным, в письмах увещевал своего брата верить. Но вольнодумец только смеялся над этими

письмами. Раз он под вечер от усталости бросился в постель и задремал. Вдруг слышит, кто-то подходит к нему и открывает занавес у его постели: дремота тотчас пропадает. Неизвестный человек холодной рукой пожимает ему руку. Тотчас он узнает в этом человеке своего брата и слышит одно только слово: «Верь!». Хотел было он от радости обнять брата, но видение уже окончилось. Все еще он думал, будто брат неожиданно приехал к нему. Поэтому спешит к прислуге и спрашивает: «Куда же девался мой брат?» Но прислуга отвечает, что никто в эти минуты не приходил к ним. Хотел было он по прежнему своему неверию уверить себя, что виденное и слышанное им была одна греза-мечта. Но слово «верь» раздавалось в его ушах и не давало ему покоя. Тогда он записал и день, и час, и минуту, когда являлся к нему брат. И вот письмо из России вскоре уверило его, что в это-то самое время скончался его брат! С тех пор он обратился всей душой к слову Божьему и учению православной веры, сделался набожным, подобно брату. О чудесном же своем видении не стеснялся рассказывать другим [Еп. Псковск. Гермоген (прот. Конст. Добронравин) «Утешения в смерти близких сердцу»]

Не менее вразумителен пример из 30- годов XIX века. Двое молодых офицеров (один из них еще был лютеранином) положили между собой дружеское обещание: «который из них прежде умрет, тот должен явиться с того света к живому и сказать, есть ли там жизнь и что ожидает человека на том свете». Данное обещание по воле Божьей исполнилось. Умер одни из друзей и является к другому, но не в сновидении, как ожидалось, а наяву. Умерший рассказал о загробной своей участи. Рассказ так сильно подействовал на того, который оставался в живых, что этот последний продал свое богатое имение, чтобы раздать все по богоугодным заведениям и на милостыни. Сам же переменил военный наряд на одежду странника; сознавая себя бедным грешником, когда приходил в церковь, часто и не позволял себе проходить здесь дальше порога, словом, всецело посвятил себя Богу [Душеполезное чтение, 1861, Ч.1, С. 575].

Действительно, не хватит времени, чтобы пересказать все эти явления с того света, уже известные и вполне достоверные. Без сомнения, по милости Божьей, они еще будут там и здесь.

Говоря же вообще о них, прежде заметим о том, какой след они оставляли после себя. Все те, которые или совсем умирали и затем воскресали, или только умирали, равно как видевшие мертвецов во сне или наяву, все эти люди делались глубоко сосредоточенными и кающимися. Начнем с Лазаря: как говорит предание, никто уже не видел на лице его улыбки после того, как она начал жить новый свой век. Преподобный Афанасий Печерский после воскресения избрал себе затвор, часто плакал и почти ничего не говорил братии, кроме наставления: «Кайтесь, кайтесь!» Точно так же был молчаливым блаженный Исихий, столько же лет снова проживший на свете. Феофил Печерский, для которого Марк гробокопатель заставил умершего брата его перелечь на другое место, затем так много плакал, что ослеп. Что же доказывает это? Очевидно, то, что довольно пробыть на том свете и две минуты, чтобы почувствовать глубокое впечатление на всю оставшуюся жизнь, что страшно явиться туда не готовым или мало приготовленным и что нужно дорожить в этой короткой жизни каждым часом для приготовления себя к будущей вечной жизни.

Но неверующие тем более эти явления из загробной жизни назовут в простом народе невежественным суеверием, в образованных кругах – обманом чувств, а в тех и других – болезненным каким-либо расстройством (галлюцинациями). Ничтожные возражения! Если они отвергают явления душ с того света к живым, то значит, недостойны веры и явления Ангелов, о которых говорится в Библии. Как Ангел есть дух, так и душа мертвеца – дух: в том и другом случае явления возможны, не как-либо случайно, но по особенным

намерениям Божьим и как чудо. Затем, если мы берем загробные видения из житий святых, то должны помнить, что эти видения святыми же в свое время и были записаны. А Димитрий Ростовский, исправитель житий святых после других жизнеописателей, кроме личного своего внимания к делу удостаивался видений от самих святых, жизнь которых описывал: некоторые святые являлись к нему, когда он писал их житие, чтобы предостеречь его от неточностей. Те же видения, которые мы привели здесь по другим источникам, кроме внешней своей достоверности свидетельствуют сами за себя. Например, как же это монашествующие целого монастыря могли обмануться, когда следы адского смрада оставались неизгладимыми у них во всех комнатах? Или как Апраксин мог бы знать о кончине своей за 20 дней и готовиться к ней Святыми Таинствами, а затем умереть в назначенный день, если бы явления к нему Долгорукова были обманом? Надобно сказать, что и те, кто видел загробные явления, часто относились к ним с особенной пытливостью. Так например, на Афоне один настоятель видел сон об иноке, которого только что похоронили в его отсутствие. Ему снилось, что умерший был задерживаем войти в райские обители из-за какого-то тяжкого греха. Но затем помилован ради того, что уже после самой смерти потерпел некоторое бесчестие и страдание, а именно: когда гроб мертвеца опускали в могилу, то он выпал по неосторожности погребателей из гроба, и так сильно, что разбился у него череп. Новое доказательство того, что человек и после смерти своей жив: мертвое тело, конечно, не чувствует боли, но душа сочувствует бесчестию и поражениям тела. Чтобы убедиться в справедливости этого сновидения, настоятель решил на общем совете со старшей братией выкопать из могилы мертвеца и осмотреть его голову, которая (как и все тело) была плотно обернута мантией. Раскрыли могилу, осмотрели, и что же нашли? Череп у мертвеца действительно был разбитым [«Письма святогорца» 1858. С. 216-217]. Если загробные видения и в прежнее время, и в наши дни бывают чаще у людей духовной и высокой жизни, то кто же еще может быть лучше этих свидетелей? Эти люди по чтению аскетических книг, а многие и по собственному опыту, уже научились различать истинные явления от ложных: они близки к духовному миру. Наконец, и каждый образованный человек или просто рассудительный, конечно, сумеет отличить истину от суеверия, обман чувств или болезненное состояние от здравого состояния. Неужели же, например, покойный Филарет, митрополит Московский (1783-1867), не мог понять загробного явления к нему отца? Когда святителю Филарету за два месяца до смерти явился во сне его покойный отец и назвал ему день его кончины – 19-е число, то святитель не поверил, но и не отверг видения. Посоветовавшись с духовными людьми, он решил чаще причащаться, в том числе и причастился и 19-го ноября – в день своей смерти.

Неужели одни только неверующие-материалисты правы, а весь мир заблуждается? Не безумная ли это гордость – ставить себя умнее и правее всех на белом свете! И как странно, что в то же время гордые отрицатели доходят до самооплевывания и приравнивания себя к животному! Потому что отказаться от бессмертия своей души и воскресения тела – значит уподобиться животному, которое погибает, и в этом-то смысле оплевать себя!...

(Из книги прот. Е.А. Попова

«Вера в загробную жизнь» Пермь, 1880

ГЛАВА 2

ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ ДУШИ ДО ВСЕОБЩЕГО СУДА

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ

Верую, что Ты, Христос, Сын Бога Живаго, пришел к нам грешным, в мир, чтобы спасти верующих в Тебя от греха, проклятия и смерти. Верую, что Ты, Христос, Сын Божий, взял на Себя грехи всего мира, доставив посредством этого верующим в Тебя прощение грехов и жизнь вечную за гробом.

Что же такое загробная жизнь, или какая она жизнь после смерти? Желая приступить к посильному разрешению этого таинственного вопроса, я помню Твои слова, Христе Боже наш, что без Тебя не можем ничего делать доброго, но «просите и дастся вам»; и потому молюсь Тебе со смиренным и сокрушенным сердцем; приди ко мне на помощь, просвещая меня, как всякого человека в мире, к Тебе приходящего. Сам благослови и укажи, при содействии Всесвятаго Твоего Духа, где нам искать разрешения нашего вопроса о загробной жизни, вопроса столь нужного для настоящего времени.

Не было, нет и быть не может ничего истиннее вещаний слова Божьего, или откровенных и божественных истин, заключенных в Св. Предании и Св. Писании. Здесь один источник для разрешения нашего вопроса, источник, к которому человеку и повелено обращаться за разрешением в подобных обстоятельствах. «Испытывайте Писание…» (Ин 5: 39); или «разве вы не читали, что писано древним?» (Мк. 12: 10); или «царствие Божие в вас есть» (Лк. 17: 21), «ищите прежде всего царствия Божия и правды Его» и т.д. Из этих слов Св. Писания мы видим относительно нашего вопроса о загробной жизни доказательства двух родов: внешнее доказательство, вне человека находящееся – Св. Предание и Св. Писание; и внутреннее доказательство, внутри человека скрывающееся – его дух и свойства души.

Итак, Божественное Откровение и разумное учение о душе – два главнейших источника, из которых вытекают несомненные истины загробной жизни. На эти два источника – Откровение и психологию – указал Сам Господь Иисус Христос. Предание и Писание представляют нам загробную жизнь продолжением земной, но в новом мире и при совершенно новых условиях. Загробная жизнь является продолжением земной жизни и, по словам Иисуса Христа, учившего, что царство Божие внутри нас, его составляют правда, мир и радость в Духе Святом. Если у одних – добрых, богобоязливых, - в сердце рай, то, наоборот, у злых – и в сердце ад. Итак, загробное состояние, т.е. рай и ад имеют на земле свое соответствие, составляющее как бы начало загробной вечной жизни. Характер загробной жизни уже виден в жизни и деятельности душ на земле; и потому, изучая нравственное состояние души на земле, мы предварительно узнаем уже и ее загробное состояние.

Душевное состояние христианской кротости и смирения, соединенные с дарованным, по обещанию Божию, покоем, - наполняют душу небесным миром. «Будьте кротки и смиренны сердцем, и обретете покой душам вашим», - учил Господь Иисус Христос. Это начало райской – блаженной, спокойной, безмятежной – жизни на земле.

Неудовлетворенное страстное состояние на земле, как состояние, неестественное человеку, противное его природе, не согласное с волею Божьей, - есть отражение в малом виде, или, лучше, еще только начало нравственной муки. Начало вечного, не останавливающегося развития страстного состояния души: зависти, гордости, любоимения, плотоугодия, чревоугодия, ненависти и лености, делающих душу мертвою еще на земле, если только душа не излечится своевременно покаянием и противодействием страсти.

Всякий из нас, кто внимателен к себе, более или менее испытал и испытывает эти два внутренние духовные состояния души. Бесстрастное: когда душа вся бывает объята чем-то неземным, полным непонятной для нас духовной радости, делающей вместе с тем человека готовым на всякую добродетель, вплоть до всецелого самоотвержения и самопожертвования себя для неба; и страстное: доводящее человека до самозабвения, готовности на всякое беззаконие и всецело ухудшающее всю человеческую природу и духовную – душу, и материальную – тело.

На земле люди называются одни живыми, а другие – мертвыми. Но кто же мертв? Не человек, а часть человека – тело. Оно и предано земле, как семя для прозябания; оно, как клад, сокрыто на кладбище до известного времени. Главная же часть человека – образ и подобие своего Творца – Бога, душа – жива; она перешла с земли в мир загробный, переселилась, и там живет. Эту истину, что мертвых нет: - «Бог же не есть Бог мертвых» - засвидетельствовал Иисус Христос; а все живы для Бога (Лк. 20: 38).

За гробом все мы живы. Если при столь высоком научном развитии ума и сердца, каковым кичится наше время, так глубоко духовно-нравственное падение, что даже забывается истина бытия души за гробом и теряется из виду цель жизни человека, то спрашивается: кому поверить, врагу ли нашего спасения, внушающему сомнения вселяющему неверие к богооткровенным истинам, или Богу, верующий в Которого жив будет во веки, по Его обещанию?

Если бы не было за гробом новой жизни, то для чего бы нужна была и земная жизнь, к чему бы и добродетели? Дивный промысел Божий ясно показывает, что человек сотворен для бессмертия. Земная наша жизнь есть начало, приготовление к жизни загробной, нескончаемой.

Вера в будущую загробную жизнь есть догмат православия и есть 1-й член Символа Веры. Спросят: что такое загробная жизнь? Ответим: продолжение настоящей земной, только в новой сфере, при совершенно иных, новых условиях. Загробная жизнь есть дальнейшее продолжение в вечность нравственного развития добра – истины, либо развития зла – лжи. Как на земле жизнь или приближает человека к Богу, или отдаляет, так и за гробом одни души с Богом, а другие в удалении от Него. Душа переходит в загробное существование, унося с собой все, что ей принадлежит. Все наклонности, добрые и злые привычки, все страсти, с которыми сроднилась и для которых жила, не оставят ее и за гробом. Загробная жизнь есть проявление бессмеритя души, дарованного ей Самим Богом, во исполнение ее назначения и ее сути. Образ, подобие и дыхание жизни сделают душу существом личным и бессмертным, как и ее Творец личен и бессмертен – вечен: «Бог создал человека для нетления и создал его образом вечного бытия Своего» (Прем 2: 23)

С понятием о загробной жизни тесно и неразлучно соединены понятия о вечности и бессмертии души. Вечность есть пространство времени, не имеющее ни начала, ни конца и, следовательно, состоящее только из одного настоящего, не имеющего ни прошедшего, ни будущего. Вечность есть одно постоянное, неизменно-пребывающее настоящее время. Такое понятие о вечности верно только для Бога. С того момента, как младенец в утробе матери получает жизнь, открывается для человека вечность; он вступает в вечность; начинает бесконечное свое существование, которое делает его бессмертным. Итак, по учению нашей Церкви, бессмертие есть состояние души, состоящее как в целости существа души, так и в сохранении личности и сознания души.

В первый период вечности, во время пребывания младенца во чреве матери, формируется для вечности тело – внешний человек; во второй период вечности, когда человек живет на

земле, формируется, так сказать, для вечности душа – внутренний человек. Таким образом, земная жизнь служит началом третьего периода вечности – загробной жизни, которая в этом случае является бесконечным продолжением нравственного развития души. В общем смысле вечность есть безначальное и бесконечное пространство времени; но относительно человека вечность является имеющей начало, но не имеющей конца. Понятия вечности, бессмертия и загробной жизни от рождения свойственны человеческому духу; он знает их, и потому они составляют естественную собственность всего человечества всех времен и мест, начиная с прародителей, на какой бы ступени умственного развития человек ни находился.

Правда, до озарения человечества светом христианской веры понятие вечности, бессмертия и загробной жизни представлялись в сознании в ложных и грубых формах. Древние могилы доисторических времен содержат в себе доказательства существования этих понятий в сознании доисторического человечества. Все верования, выражающие сознание, обещают человеку вечность, бессмертие души и загробное существование – счастливое или несчастное. Следовательно, будущая жизнь, составляя продолжение настоящей, зависит вполне от последней. В какое отношение здесь, на земле, поставит себя душа к источнику жизни, Господу Иисусу Христу, такое отношение и будет вечным, по учению Господа: «верующий начинает свою вечную жизнь на земле, и жив будет во веки, а неверующий осужден и на земле за неверие, и умер на земле для жизни вечной».

Доброе или злое состояние души, начатое на земле и все более и более раскрываемое, будет и за гробом раскрываться все далее и далее, во всю вечность. Однако загробное состояние некоторых душ, участь которых на частном суде окончательно не решена, находится в зависимости и от земной жизни живых. Собственно земная жизнь человека и жизнь оставшихся на земле его близких – обусловливают загробную жизнь некоторых умерших несовершенных.

Вечность, бессмертие души, а следовательно и загробная ее жизнь являются понятиями человеческого духа, то есть это понятия общечеловеческие. Они находятся в теснейшей связи с вероучениями всех народов, всех времен и стран, на какой бы степени нравственного и умственного понимания люди ни стояли. Представления же о загробной жизни в разные времена и у разных народов были не одинаковы – они зависели от их умственного и нравственного развития. У племен, находящихся на низшей ступени цивилизации, загробная жизнь представлялась в самых грубых формах: совершенным продолжением земной жизни, со всеми чувственными удовольствиями и всеми ее прелестями. Другие же представляли загробную жизнь менее приятной, как бы лишенной земных радостей. Мир, по их понятиям, состоял из мира действительного, живущего, настоящего, и из другого мира – царства теней. Таково воззрение на загробную жизнь древних греков, согласно которому души представлялись бесцельно существующими и блуждающими тенями (воззрение Гомера).

Человечество основывает свою веру в загробную жизнь 1) на Божественном Откровении, заключенном в Св.Предании и Св. Писании Ветхого и Нового Завета, 2) на Иисусе Христе и Его славном воскресении, 3) на учении Церкви, 4) на учении св. отцов и учителей Церкви, 5) на понятиях о Боге, душе и ее свойствах, 6) на заключении здравого разума и 7) на свидетельстве светских писателей. Вот на чем человечество, с появлением его на земле и до настоящего времени, основывало и основывает свою веру в бессмертие и непоколебимое убеждение в загробное существование.

Сказано было, что человечество основывает свою веру в загробную жизнь прежде всего на откровенных истинах, содержащихся в Св. Предании и в Св.Писании. Известно, что со

времени первого человека, родоначальника человеческого рода, долго не было еще известно искусство писать, и поэтому не было книг, а истины и правила жизни (и вообще все значение тех времен) передавались на словах. Таким образом, все религиозные истины, переходя из рода в род, дошли и до Ноя, которые передал их своим сыновьям, а те – своему новому, последнему потомству. Народы, вышедшие от сыновей Ноя, знали истину загробной жизни в своем предании, пока не записались у каждого народа в его писанном вероучении. Следовательно, истина бессмертия души и загробной ее вечной жизни хранилась и в устном предании, пока Моисей первым упомянул о ней неоднократно в своем богодухновенном Писании, в разных местах своего Пятикнижия.

Итак, если истина загробной жизни до Моисея хранилась в предании, передавалась от предков к потомкам, чему много помогало долголетие, то возникает вопрос: знали ли наши прародители о своем бессмертии и имели ил какое понятие о загробной жизни?

Услышав от Бога слово «смерть», Адам и Ева тотчас же осознали, что они сотворены бессмертными. Осужденные на смерть, они скоро услышали о своем Избавителе от грехов, проклятия и смерти. Следовательно понятия о бессмертии и загробной жизни были известны Адаму. Эта откровенная истина от Адама стала передаваться из рода в род, так что решительно у всех народов древности идея загробной жизни была известна в предании, но представление о загробной жизни было не одинаковым.

О том, что сознание загробной жизни было общим для всего человечества, свидетельствует и Златоуст, говоря: «С нашим верованием о воздаянии каждому по делам в будущей жизни согласны и еллины, и варвары, стихотворцы и философы, и вообще весь род человеческий». Это утверждение христианского писателя о существовании в преданиях рода человеческого понятия о загробной жизни подтверждается другим свидетельством языческого философа Сократа. Он говорил: «я убежден, что для человека назначена судьба его по смерти и что, по вечной вере всего человечества для добрых эта судьба будет лучше, нежели для злых».

Божественное откровение, как в писаниях Ветхого Завета, так и Нового, открыло человеку истину о его личном загробном существовании. Слово Божье, являющееся истиной, есть и должно быть источником всех наших познаний (наук); на нем должны строиться и с ним должны быть согласны все наши познания; все знание должно вытекать из одной основной истины Христа, который Сам засвидетельствовал: «Я – свет миру, кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме» (Ин. 8: 12), т.е. просвещается духовно. Все науки просвещают духовную сторону человека – душу, а не телесную – тело. Так, первый писатель Откровения Божественного, Моисей, несколько раз в своем писании высказывает эту истину, хотя и не так ясно, как выражена она в Новом Завете. Вот слова, употребленные Моисеем для выражения этого догмата загробной жизни: «Бог говорил Аврааму: ты отойдешь к отцам Твоим в мире» (Быт. 15: 15). Известно, что тело Авраамово похоронено в Ханаане, а тело отца его Фары погребено в Харране, а тела предков Авраама – в Уре. Тела покоятся в разных местах, а Бог говорит Аврааму, что ты отойдешь к отцам своим, т.е. душа твоя соединится за гробом с душами своих предков, в шеоле (аду) находящихся.

И далее Моисей пишет: «И скончался Авраам… и приложился к народу своему» (Быт. 25: 8). Точно таким же образом Моисей описывает и смерть Исаака, говоря, что он «приложился к народу своему» (Быт. 35: 29). Патриарх Иаков, пораженный скорбью о смерти любимого своего сына, говорил: «с печалью сойду к сыну моему в преисподнюю» (Быт. 37: 35). Здесь опять высказывается тот же догмат бессмертия души и продолжения личного бытия за гробом и свидания с любимым сыном. Слово «преисподняя», Иаковом

употребленное, означает таинственное загробное жилище. Иаков, чувствуя приближение смерти, говорил: «Я прилагаюсь к народу моему… и скончался, и приложился к народу своему» (Быт. 49: 29- 32).

Бог повелел Моисею приготовить к исходу от земной жизни брата своего Аарона этими словами: «Пусть приложится Аарон к народу своему… и пусть Аарон отойдет и умрет» (Чис. 20: 24-26). Потом Господь и Моисею сказал: «И ты когда увидишь землю Ханаанскую, приложись к народу своему» (Чис. 27: 13). И сказал Господь Моисею: «Отмсти мадианитянам за сынов израилевых, и после отойдешь к народу твоему» (Чис. 31: 2). Всех людей Коревых, по слову Моисея, поглотила земля, и они живые сошли в преисподнюю (Чис. 16: 30). И говорит Господь: «И умри на горе, на которую ты взойдешь, и приложись к народу своему, как умер Аарон, брат твой, на горе Оре, и приложился к народу своему» (Втор. 32: 50); «И когда весь народ оный отошел к отцам своим…» (Суд. 2: 10) Господь сказал царю Иосии: «Я приложу тебя к отцам твоим…» (4 Цар. 22: 20). «Для чего не умер я, выходя из утробы? – восклицал Иов среди своих искушений, - и не скончался, выходя из чрева? Зачем было мне сосать сосцы? Теперь бы лежал я, и почивал, спал бы, и мне было бы покойно с царями и советниками земли, которые застраивали для себя пустыни, или с князьями, у которых было золото, и которые наполнили домы свои серебром; или, как выкидыш сокрытый, я не существовал бы, как младенцы, не увидевшие света. Там беззаконные перестают наводить страх, и там отдыхают истощившиеся в силах. Там узники вместе наслаждаются покоем, и не слышат криков приставника. Малый и великий там равны, и раб свободен от господина своего»(Иов. 3: 11-19). «Я знаю, - говорит Иов, - Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою эту; и я во плоти моей узрю Бога. Я узнаю Его сам; мои глаза, а не глаза другого, увидят Его» (Иов 19: 25-27). Далее, разве в книге царя и пророка Давида, в его книге Псалтирь, не открывается сознание будущей, вечной, загробной жизни?

Св. Давид свидетельствует, что состояние умерших улучшается попечениями живых, и что уже умершие сами себе ничем не могут помочь (Пс. 6: 6); «и возвратится прах в землю, чем он и был, а дух возвратится к Богу, Который дал его»(Ек. 12: 7); все эти и подобные им выражения заключают в себе идею вечности. Далее, говорит пророк Иов: «Прежде нежели отойду, - и уже не возвращусь, - в страну тьмы и сени смертной, где нет устройства, где темно, как самая тьма» (Иов. 10: 21-22). Приведенные здесь места Ветхого Завета служат прямым опровержением ложного мнения некоторых критиков, будто в Ветхом Завете вовсе не говорится о бессмертии души и о ее загробной, личной жизни. Такое ложное мнение совершенно опровергнуто Анри Мартеном и профессором Хвольсоном, оказавшим в этом случае важную услугу своими исследованиями в Крыму могил и надгробных памятников евреев, умерших еще до Рождества Христова. В надписях видна живая вера евреев в бессмертие души и в ее загробную жизнь. Этим важным открытием вполне также опровергается другая нелепая мысль Ренана, будто евреи идею о бессмертии души заимствовали у греков.

И всех вышеприведенных место Ветхого Завета о загробной, личной, сознательной и действенной жизни наглядно раскрывается ложность мнения, будто в Ветхом Завете нигде не говорится о бессмертии загробной жизни. Клевещущие на Ветхий Завет, будто в нем умалчивается о загробной жизни, называют нами приведенные места ни более ни менее как поэтическими картинами. Основатель Нового Завета, Господь Иисус Христос, рисует человечеству подобные же картины загробной жизни, например в притчах: «Царев пир» (Мф.22: 1-14), картинное представление общества празднующих пришествие на пир царя и изгнания вон неприлично одетого, «О десяти девах», «О богатом и Лазаре». Разве все учение Господа не дышало не земной, а небесной жизнью? Его Нагорная проповедь,

разговор с саддукеями, - есть учение о загробной жизни, и притом такой жизни, которая подобна ангельской. Давший откровенные истины Ветхому Завету, служившему как бы приготовлением для Нового, открыл непроницаемую до этого завесу, отделявшую загробную жизнь от настоящей.

Ссылаясь часто на Ветхий Завет и сказанные в нем места о загробной жизни человека, Иисус Христос показал на действительных фактах реальность воскрешения мертвых: сына наинской вдовы, дочери Иаира, четыредневного покойника Лазаря, вызванных из загробной жизни. Разве не действительный факт, свидетельствующий о загробной жизни, явление Илии и Моисея во время славного преображения на Фаворе? Открыв человеку тайны загробной жизни, бессмертия души, участь праведников и грешников, Господь Своим учением, жизнью, страданием, искуплением человека от вечной смерти и, наконец, Своим воскресением фактически показал бессмертие, а следовательно, и загробную жизнь.

Свидетельство и неоспоримое доказательство истины бессмертия души и ее загробной жизни есть Сам Иисус Христос и Его воскресение из мертвых. Он первый, как новый Адам, основатель нового человечества, воскрес из мертвых, и тем самым наглядно, осязательно, ничем неопровержимо показал и доказал всему мир загробную, вечную жизнь. Всякая попытка кичливого ума посягнуть на истину загробной жизни могла бы еще сколько-нибудь иметь основание, если бы не было воскресения Христова. Только тогда бы могли блуждать во тьме материалисты, атеисты, нигилисты и другие им подобные, плоско мудрствующие. Главная господствующая мысль Нового Завета – возвращение потерянного соединения человека с Богом для вечной жизни, для жизни настоящей, истинной, которая, предназначенная для блаженства, и начинается для человека только за гробом. Идеал христианства – это загробная жизнь, и смерть не существует для верующих во Христа. Торжество смерти уничтожено, и жизнь загробная зримо выражается над могилою каждого христианина. Что значит, например, крест, поставленный на могиле? Видимое знамение, полное убеждение, что покоящийся под этим крестом не умер, а живет, потому что его смерть на этом знамении преодолена и этим же крестом дарована ему вечная жизнь. У бессмертного можно ли отнять жизнь? И вот Сам Спаситель, указывая нам на наше высшее на земле назначение, научает так бессмертию наших душ: «Не бойтесь, убивающих тело, души же не могущих убить» (Мф. 10: 28). Значит, душа – бессмертна. Это же бессмертие души Он показывает и в притче «Богач и Лазарь», где души того и другого, по отделении их от тела – существуют; и еще: «Бог же не есть Бог мертвых, но живых» (Лк. 20: 38). Вот ясно учение Самого Бога о бессмертии души. «Живем ли или умираем, мы Господни», свидетельствует апостол Павел.

Если же мы Господни, и Господь наш есть Бог не мертвых, а живых, - следовательно, перед Богом все живы: как пребывающие еще на земле, так равно и переселившиеся в загробный мир. Они живы для Господа, живы для Церкви Его, как Ее члены, ибо сказано: «верующий в Меня, если и умрет, оживет» (Ин. 7: 44; 11: 25). Если умершие живы для Церкви, значит, живы и для нас, для нашего ума и сердца. Душа, с усвоенными ею на земле наклонностями, добрыми или злыми, переходит и в загробный мир. Полная любви, она не может не любить своих оставшихся еще на земле и забыть их.

Святые апостолы, их преемники и многие святые разве не показали, вместе со своим учением о бессмертии и о загробной жизни подтверждение на деле этой истины? Воскрешали мертвых, говорили с мертвыми, как с живыми, обращались к ним с разными вопросами, как, например, апостол Фома к убитому юноше, сыну жреца, о том, кто его убил – и получил ответ. Доказывая прежде всего Божественность Господа Иисуса Христа,

эти чудеса свидетельствовали вместе с тем и о бессмертии, о загробной жизни души. Все учители Церкви главным предметом своего учения считали загробную жизнь и стремление сохранить человека от вечной погибели. Употребление Церковью средств к улучшению участи умерших свидетельствует о непоколебимой вере в загробную жизнь.

Вера в загробную жизнь всегда соответствовала мысли и вере в Божественное Верховное Существо. С уменьшением веры в Бога терялась и вера в загробную жизнь и загробное воздаяние. Итак, кто не верит в загробную жизнь, тот не имеет и веры в Бога.

МЕСТА ПРЕБЫВАНИЯ ДУШ ЗА ГРОБОМ

Все высокие умы древности, например, Платон, Сократ и другие, сознавая и предчувствуя свое бессмертие в загробной жизни, при всех усилиях ума выяснить обстоятельства загробной жизни, однако не могли. Само собой разумеется, что на низших и древнейших ступенях развития человек еще не знал, куда поместить души умерших, и, по его представлению, о каковом мы судим по верованиям современных дикарей, эти души в неопределенной , воздухообразной форме блуждали около своих покинутых жилищ.

Мало-помалу мысль и воображение создавали более или менее определенные места для жилища отошедших душ, которые носят обобщенные названия: страны, поля душ, острова блаженных и т.д. Далее, из осознания различий добра и зла, справедливости и воздаяния за то и другое, эти места обыкновенно разделялись на две области, типический характер которых имеет более или менее отдаленное сходство с представлениями о рае и аде.

Бог вездесущ, однако есть особенное место присутствия Его, где Он является во всей Своей славе и вечно пребывает с избранными Своими, по словам Иисуса Христа: «где Я, там и слуга Мой будет» (Ин. 12: 26). Верно и обратное: кто не был слугою истинного Бога, тот не будет из гробом с Богом, а потому для таковаго требуется и особенное загробное место во вселенной. Здесь начало учения о двух загробных состояниях: награды и наказания.

В таинстве смерти душа, отделившись от тела, живет и чувствует. Она переходит в страну ей однородных существ, в страну существ духовных, в царство Ангелов. И, в зависимости от характера земной жизни, присоединяется или к Ангелам добрым, в Царство Небесное, или к ангелам злым – в аду. Эту истину засвидетельствовал Сам Господь наш Иисус Христос. Благоразумный разбойник и нищий Лазарь тотчас после смерти были помещены в раю; а богатый тотчас был взят в ад. «Мы веруем, - так провозглашают Восточные Патриархи в своем Исповедании Православной Веры» (член 18), - что души умерших блаженствуют или мучаются, смотря по делам своим. Разлучившись с телом, они тотчас переходят или к радости, или к печали и скорби; впрочем, не чувствуют ни совершенного блаженства, ни совершенного мучения, ибо совершенное блаженство или совершенное мучение каждый получит после общего воскресения, когда душа соединится с телом, в котором жила добродетельно или порочно».

Внимательное рассмотрение слова Божьего открывает нам, что за гробом для отошедших душ условия неодинаковы. Глава 3 книги Премудрости Соломона излагает учение о двойственном загробном состоянии: 1) блаженства – состояние праведных и 2) наказания – состояние нечестивых и грешников. Вообще от 3-й до 5-й главы включительно

излагается учение о загробной жизни: о покое праведников и самоукорении нечестивых – грешников.

Эти два состояния праведников и грешников, а соответственно, и места пребывания их – по различию их свойств носят и разные наименования. Первое состояние спасенных, а также места их пребывания, называются в слове Божьем разными именами: Царством Небесным (Мф. 8: 11), царством Божьим (Лк. 13: 20, 29; 1 Кор 15: 50), раем (Лк. 23: 43), домом Отца небесного, чертогом небесным, как поет Св. Церковь: «чертог Твой вижу, Спасе мой, украшенный». Состояние же отверженных, или место их пребывания, называется геенною, в которой червь не умирает и огнь не угасает (Мф. 5: 22, 29, 30; 10: 28; 18: 8,9; 25: 41, 46; Мк 9: 43, 48), печью огненною, в которой плач и скрежет зубов (Мф. 13: 50), тьмою кромешною (Мф. 22: 13; 25: 30), бездною, страшною и для самых злых духов (Лк. 8: 21), тартаром, адским мраком (2 Петр. 2: 4), адом (Ис. 14: 15; Мф. 11: 23; Откр 20: 13, 14), темницею духов (1 Петр. 3: 19), преисподнею (Флп. 2: 10; Откр. 5: 3) и кладезем бездны (Откр. 9: 2)

Это-то загробное состояние осужденных душ Господь Иисус Христос и называет преимущественно состоянием смерти, или просто «смертью»; а души осужденных грешников, находящихся в этом состоянии, называет «мертвецами», или «в смерти нет памятования о Тебе, во гробе кто будет славить Тебя» (Пс. 6:6), «а мы, народ Твой и Твоей пажити овцы, вечно будем славить Тебя, и в род и род возвещать хвалу Тебе» (Пс. 78: 13). Следовательно, понятия «смерть и мертвец» относятся к загробной жизни и преимущественно к состоянию осужденному, геенскому, ибо смерть есть удаление от Бога, от Царства Небесного, короче, лишение истинной жизни, блаженства.

ПЕРИОДЫ ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ

Загробная жизнь человека состоит из двух периодов: 1) загробная жизнь человека до воскресения мертвых и всеобщего суда – жизни души, и 2) загробная жизнь после этого суда – вечная жизнь человека. Во второй период загробной жизни все имеют один возраст, по учению слова Божьего.

Сам Господь Иисус Христос Свое учение о загробной жизни души высказал саддукеям так: «Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы» (Лк. 20: 38). Это доказательство личного продолжения бытия (жизни) души за гробом вообще. Все люди, как на земле пребывающие, так и за гробом, как праведные, так и неправедные – живы, живут жизнью нескончаемою, поскольку предназначены быть свидетелями вечной славы и силы Божьей и Его правосудия. Господь Иисус Христос учил, что Бог «не мертвых, а живых», и что в загробном мире уже не женятся, как это было на земле, и живут как Ангелы Божьи. Спаситель прямо сказал, что за гробом души живут, как Ангелы (Лк. 20: 34-36); следовательно, загробное состояние души – сознательное, а если души живут, как Ангелы, то их состояние и деятельное, как учит этому наша Православная Церковь, а не бессознательное и сонное, как некоторые думают.

Ложное учение о сонном, бессознательном, а следовательно и не деятельном состоянии души в первый период ее загробной жизни не согласуется ни с Откровением Ветхого и Нового Завета, ни со здравым разумом. Появилось оно еще в III веке в христианском обществе вследствие неправильного понимания некоторых выражений слова Божьего. Так, аравийские ученые, называемые психопаннихитами, учили, что душа человека как во время сна, так равно и по разлучении с телом в первый период ее загробной жизни, до

воссоединения опять со своим телом, находится в состоянии сонном, бессознательном и не действенном, как и ее орган – тело. В средние века это ложное учение давало о себе знать, и даже Лютер иногда приписывал душам за гробом бессознательное сонное состояние. Во время реформации главными представителями этого учения были анабаптисты – перекрещенцы, секта которых возникал во Фрисландии в 1496 году. Далее это учение развивали социниане-еретики, отвергавшие Святую Троицу и божественность Иисуса Христа, и арминияне – последователи учения Арминия – в Амстердаме в XVII веке.

Ложное учение не перестает развиваться даже и в наше время; сочинение Фриза 1856 года есть доказательство сказанного. Откровение как Ветхого, так и Нового Завета предлагает нам догмат загробной жизни души, и вместе с тем дает знать нам, что состояние души за гробом есть личное, самостоятельное, сознательное и действенное. Если бы было не так, то слово Божье не представляло бы нам спящих действующими сознательно. В Ветхом Завете, например, вся 5-я глава книги Премудрости Соломона описывает сознательное бытие души в аде. Далее пророк Исаия в 14й главе рисует пророческую картину входа в ад вавилонского царя и его встречу там. Картину, полную поэзии, но вместе с тем выражающую и полное сознание пребывающих на земле о личной загробной жизни душ, разлученных с их телами. И притом, загробной жизни сознательной и деятельной. «Ад преисподний пришел в движение ради тебя, чтобы встретить тебя при входе твоем; пробудил для тебя Рефаимов, всех вождей земли; поднял всех царей языческих с престолов их. Все они будут говорить тебе и ты сделался бессильным, как мы! и ты стал подобен нам… Видящие тебя всматриваются в тебя, размышляют о тебе: тот ли это человек, который колебал землю потрясал царства…»(Ис. 14: 9, 10, 16)

Подобную же поэтическую картину пришествия в ад Фараона и встречи его другими царями, опередившими его телесной смертью и прежде его душами в ад сошедшими, живо изображает пророк Иезекииль: «Кого ты превосходишь? сойди, и лежи с необрезанными. Те падут среди убитых мечом, и он отдан мечу; влеките его и все множество его. Среди преисподней будут говорить о нем и о союзниках его первые из героев; они пали и лежат там между необрезанными, сраженные мечом. Там Ассур и все полчище его, вокруг него гробы их, все пораженные, павшие от меча. Гробы его поставлены в самой глубине преисподней, и полчище его вокруг гробницы его, все пораженные, павшие от меча, те, которые распространяли ужас на земле живых. Так Елам со всем множеством своим вокруг гробницы его, все они пораженные, павшие от меча, которые необрезанными сошли в преисподнюю, которые распространили собою ужас на земле живых и несут позор свой с отшедшими в могилу. Среди пораженных дали ложе ему со всем множеством его; вокруг него гробы их, все необрезанные, пораженные мечом; и как они распространяли ужас на земле живых, то и несут на себе позор наравне с отшедшими в могилу и положены среди пораженных. Там Мешех и Фувал со всем множеством своим; вокруг него гробы их, все необрезанные, пораженные мечом, потому что они распространяли ужас на земле живых. Не должны ли и они лежать с павшими героями необрезанными, которые с воинским оружием своим сошли в преисподнюю и мечи свои положили себе под головы, и осталось беззаконие их на костях их, потому что они, как сильные, были ужасом на земле живых. И ты будешь сокрушен среди необрезанных и лежать с пораженными мечом. Там Едом и цари его и все князья его, которые при всей своей храбрости положены среди пораженных мечом; они лежат с необрезанными и сошедшими в могилу. Там властелины севера, все они и все Сидоняне, которые сошли туда с пораженными, быв посрамлены в могуществе своем, наводившем ужас, и лежат они с необрезанными, пораженными мечом, и несут позор свой с отшедшими в могилу. Увидит их фараон и утешится о всем множестве своем, пораженном мечом, фараон и все войско его, говорит Господь Бог. Ибо Я распространю страх Мой на

земле живых, и положен будет фараон и все множество его среди необрезанных с пораженными мечом, говорит Господь Бог». (Иез 32:19-32)

Сознание бессмертия, личной загробной жизни души по разлучении ее с телом, притом, загробной жизни сознательной и действенной, а не бесчувственной и сонной, - это сознание, как принадлежность человеческого духа, составляет общее сознание всего человечества всех времен и мест, на какой бы степени умственного развития люди не находились. Каждый человек, и добрый и злой, за гробом продолжает свое личное бесконечное существование, как учит наша Св. Церковь. Душа, переходя в загробный мир, переносит с собой и все свои страсти, наклонности, привычки, добродетели и пороки. Все особенные ее дарования, которыми она проявляла себя на земле, остаются при ней.

О ТОМ, ГДЕ ПРЕБЫВАЕТ ДУША В ПЕРВЫЕ СОРОК ДНЕЙ ПОСЛЕ ОТДЕЛЕНИЯ ОТ ТЕЛА

Где же душа сразу после разлучения с телом? Что же значат третий, девятый и сороковой день? В какой срок душа проходит воздушные мытарства и когда, после разлучения с телом, совершается частный суд?

Св. Макарий Александрийский передает нам следующее ангельское откровение о состоянии душ умерших в первые сорок дней после отделения их от своих тел.

Когда совершается таинство смерти и душа отделяется от тела, она – душа, в течение первых двух дней пребывает на земле и в сопровождении Ангелов посещает те места, в которых имела обыкновение творить правду. Она скитается около дома, в котором разлучилась со своим телом, а иногда пребывает около гроба, в котором покоится ее тело. В третий же день, в подражание воскресению Христову, происшедшему в третий день, всякой христианской душе полагается вознестись на небеса для поклонения Богу. Вот причина, почему, Св.Церковь имеет благое обыкновение в третий день совершать приношение и молитву за душу умершего.

Третий день после смерти человека называют и третинами, и поминают усопшего, принося о нем Богу молитвы – служат панихиду. Этот день для почившего и для нас, еще живых, имеет прямое духовное отношение к воскресению Начальника жизни нашей, положившего начало нашему (следовательно, и твоему усопшему) блаженному воскресению. В третий день покойника хоронят. Предавая земле дорогое нашему сердцу тело, обратим ум и сердце к Победителю смерти, даровавшему торжество жизни над смертью; торжество наше, а следовательно, и твоего усопшего торжество, совершившееся в воскресении Христовом. Церковь торжественно уверяет нас, своих чад, что Христос воскрес из мертвых и сущим во гробах даровал жизнь. И твоему покойнику, - слышишь ли? – дарованы жизнь и воскресение только через Христа.

В третий день тело предается земле, а душа должна вознестись на небо: «и возвратится прах в землю, чем он и был, а дух возвратится к Богу, Который его дал» (Еккл. 12: 7)

Неизмеримое пространство между Небом и землею, или между Церковью торжествующей и воинствующею, это пространство в обыкновенном разговорном языке человеческом, и в Св. Писании и в писаниях святых отцов, называется воздухом. Итак, здесь воздухом называется не тонкое эфирное вещество, окружающее землю, а самое пространство. [понятие Небес некоторые святые относят к другому измерению «миру» и поэтому

переходное место – или «воздух» не надо понимать сугубо пространственно, иначе мы рискуем запутаться в терминах –ред.golden-ship]

Это пространство наполняют отверженные, падшие ангелы, вся деятельность которых состоит в том, чтобы отклонять человека от спасения, делая его орудием неправды. Они хитро и враждебно действуют на наши внутреннюю и внешнюю деятельность, чтобы и нас сделать сообщниками их погибели: «Ища, кого поглотить» (1 Петр. 5:8), - свидетельствует о Диаволе ап. Петр. Что воздушное пространство есть жилище злых духов, о том свидетельствуют избранные сосуды Св. Духа, и мы веруем этой истине.

Так зритель великих тайн Божьих в Апокалипсисе свидетельствует, что падшие ангелы лишились своего небесного жилища (Откр. 12: 8,9). Поэтому, где же их пристанище? В книге Иова поднебесная является их жилищем (Иов. 1:7), и учитель языков (Павел – «апостол язычников») уже прямо называет их духами злобы поднебесными, а главу их – князем власти воздушной [или князем господствующим в воздухе – (Еф. 2:2)]

С того самого момента, как последовало падение наших прародителей и изгнание из рая сладости, к древу жизни был поставлен Херувим (Быт. 3: 24), но и другой, падший ангел, в свою очередь стал на пути к раю, чтобы пресечь человеку вход. Врата небесные заключались для человека, и князь мира с того времени не пропустил к раю ни одной души человеческой, разлучившейся с телом. И праведники, кроме Илии и Еноха, и грешники нисходили в ад.

Первым безобидно прошел этот непроходимый путь к раю Победитель смерти, Разрушитель ада; и двери райские с того времени открылись. За Господом безобидно прошел и благоразумный разбойник и все ветхозаветные праведники, из ада Господом изведенные. Святые проходят этот путь безобидно, или, если и терпят иногда бесовские остановки, то добродетели их перевешивают падения.

Если мы, будучи уже просвещены светом Христовым и имея свободную волю делать правое или неправое, постоянно делаемся пленниками их, делателями неправды, исполнителями их гнусной воли, то тем более не оставят они душу, когда она отлучится от тела и должна будет идти к Богу через воздушное пространство. Разумеется, они представят душе все права на обладание ею, как верною исполнительницею их внушений (мыслей, желаний и чувствований).

Бесы ей представляют ее греховную деятельность во всей полноте и душа осознает справедливость этого показания.

Христиане, проводящие земную жизнь не без грехов, не получают прямо блаженной вечности. Необходимо, чтобы их недостатки, падения, уклонения были взвешены и оценены.

Если душа не познала себя, не сознала себя совершенно здесь на земле, то, как существо духовно-нравственное, должна по необходимости сознать себя за гробом; сознать, что выработала в себе, к чему приспособилась, к какой привыкла сфере, что составляло для нее пищу и удовольствие. Сознать себя и таким образом самой произнести над собою суд, прежде суда Божьего – этого хочет небесное правосудие. Бог не хотел и не хочет смерти, но сам человек ее пожелал. Но за гробом же, чтобы привести душу к сознанию своей греховности, стоят падшие духи, которые, являясь наставниками всякого зла на земле, теперь и представят душе ее греховную деятельность, напомнят все обстоятельства, при которых совершилось зло. Душа осознает свои грехи. Этим она предупреждает уже и суд

Божий над нею; так что суд Божий как бы уже определяет то, что сама душа произнесла над собою.

Покаянием соделанные грехи уничтожаются и уже нигде не упоминаются, ни на мытарствах, ни на суде.

Ангелы добрые на мытарствах со своей стороны представляют добрые дела души.

Все пространство от земли до неба представляет двадцать отделений или судилищ, на которых приходящая душа обличается бесами в грехах. Каждое судилище или, как называется в отеческих писаниях, мытарство, а злые духи – мытарями, соответствует группе известного рода грехов.

Мытари не только уличают душу в совершенных ею грехах, но и в таких, которым никогда не подвергалась, как свидетельствует св. Иоанн Лествичник (Лествица, ступень 7-я, см. 50 стр.)

Порядок, в котором следуют мытарства одно за другим, заимствуют из повествования о них преподобной Феодоры. На пути к небу, направленном к востоку, душа встречает первое мытарство, на котором злые духи, остановив душу, сопровождаемую добрыми ангелами, представляют ей ее грехи словом (многословие, пустословие, празднословие, сквернословие, насмешки, кощунство, пение песен и страстных гимнов, бесчинные восклицания, смех и хохот и т.п.) Второе мытарство – лжи (всякая ложь, клятвопреступление, излишнее призывание имени Божьего, неисполнение обетов, данных Богу, утаивание грехов перед духовником на исповеди). Третье мытарство – клеветы (оклеветание ближнего, осуждение, уничтожение, обесславление его, ругательство, насмешки при забвении собственных согрешений и недостатков, при невнимании к ним). Четвертое мытарство – чревоугодие (объядение, пьянство, еда без молитвы, нарушение постов, сластолюбие, пресыщение, пирование, словом – все роды угождения чреву). Пятое мытарство – лень (леность и нерадение в служении Богу, оставление молитвы, тунеядство, наемники, исполняющие свою обязанность с небрежением). Шестое мытарство – воровство (всякого рода похищение – грубое и благовидное, явное и тайное). Седьмое мытарство – сребролюбия и скупости. Восьмое – лихвы (ростовщики, лихоимцы и присваиватели чужого). Девятое мытарство – неправды (неправедные: суд, мера, вес и все прочие неправды). Десятое мытарство – зависти. Одиннадцатое мытарство – гордости (гордость, тщеславие, самомнение, самовеличание, невоздаяние должной чести родителям, духовным и гражданским властям, неповиновение им и ослушание их). Двенадцатое – ярости и гнева; тринадцатое – злопамятства; четырнадцатое – убийства; пятнадцатое – волхование (чародейство, прельщение, составление отравлений, наговоры, шепоты, чародейное призывание бесов). Шестнадцатое мытарство – блудное (все, что относится к этой скверне: мыслями, желаниями и самими делами; блуд лиц, не связанных таинством брака, услаждение грехом, сладострастные воззрения, скверные осязания и прикосновения). Семнадцатое – прелюбодеяние (несохранение супружеской верности, блудные падения лиц, посвятивших себя Богу). Восемнадцатое мытарство – содомское (противоестественные блудные грехи и кровосмешение). Девятнадцатое мытарство – ересей (ложное мудрование о вере, сомнение в вере, отступничество от православной веры, богохульство) и, наконец, последнее, двадцатое мытарство – немилосердия (немилосердие и жестокость). (В святоотеческой письменности нет точных указаний, на какой именно день после смерти начинается прохождение мытарств. Большинство авторов говорит о том, что сразу же после смерти (редко – за несколько минут до нее, еще в этом мире) начинается спор демонов с Ангелами за душу человека. – прим. Фомина А.В) [если три дня душа свободно

пребывает где хочет – то вероятно чаще всего мытарства начинаются когда Ангелы берут душу и уводят из этого мира – то есть после третьего дня – хотя в случае со святыми – нередко восхождение души начинается сразу же – ред. golden-ship]

Преосвященный Макарий пишет: «Непрерывное, всегдашнее и повсеместное употребление в Церкви учения о мытарствах, особенно между учителями четвертого века, непререкаемо свидетельствует, что Оно передано им от учителей предшествующих веков и основывается на Предании апостольском» [Православное догматическое богословие. Том 5, стр. 85, 86].

Зная загробное состояние души, т.е. прохождение мытарств и явление к Богу для поклонения, соответствующее третьем дню, Церковь и родственники, желая доказать, что помнят и любят почившего, молят Господа о безобидном прохождении душой воздушных мытарств и о прощении ее согрешений. Освобождение души от грехов составляет для нее воскрешение для жизни блаженной, вечной. Итак, по примеру Господа Иисуса Христа, воскресшего из мертвых в третий день, служится панихида по успошему, дабы и он воскрес в третий день для бесконечной, славной жизни со Христом.

После поклонения Богу, повелевается показать душе различные обители святых и красоту рая. Хождение и рассматривание райских обителей продолжается шесть дней. Душа удивляется и прославляет Создателя всего – Бога. Созерцая же все это, она изменяется и забывает скорбь свою, которую имела, будучи в теле. Но если она виновна в грехах, то, при виде наслаждений святых, начинает скорбеть и укорять себя, что провела жизнь в беспечности и не послужила Богу, как должно: После рассмотрения рая душа в девятый день (от своего разлучения с телом) опять возносится на поклонение к Богу. Итак, хорошо делает Церковь, что приносит приношение и молитвы в девятый день за умершего.

Зная загробное состояние почившей души, соответствующее девятому дню на земле, в которой происходит второе поклонение Богу, Церковь и родственники молят Вседержителя о причислении преставившейся души к девяти ликам ангельским.

После второго поклонения, Владыка повелевает показать душе ад со всеми его муками. Водимая душа видит повсюду мучения грешников, слышит плач, стон, скрежет зубов. В продолжении тридцати дней душа водится по адским отделениям, трепеща, чтобы и самой не быть осужденной там на заключение. Наконец, в сороковой день после разлучения с телом, душа в третий уже раз возносится на поклонение Богу. И только теперь праведный Судья определяет ей приличное по ее делам и земной жизни местопребывание. Значит, частный суд над душою происходит в сороковой день после ее исхода из тела. Итак, правильно Св. Церковь совершает поминовение по умершим в сороковой день. Сороковой день, или сорочина, является днем определения участи души в загробной жизни. Это частный суд Христов, определяющий судьбу души только до времени Страшного всеобщего суда. Это загробное состояние души, соответствующее нравственной жизни на земле, не окончательно и может измениться.

Господь наш Иисус Христос в сороковой день от Своего воскресения превознес человеческое естество, воспринятое Им в Свою Личность, в состояние славы – восседание на Престоле Его Божества «одесную Отца» (Мф. 22: 44); так, по этому первообразу, умершие, в сороковой день после смерти входят своими душами в определенное, соответственное своему нравственному достоинству, состояние. Как Господь, совершив дело нашего спасения, Своей жизнью и смертью увенчал его Своим вознесением в сороковой день ,так и души усопших, завершая свой жизненный путь, в сороковой день после смерти получают воздаяние – свой загробный жребий.

Как Господь, в сороковой день вознесшись, всегда сидит одесную Бога Отца, ожидая покуда положатся враги его у подножия ног Его (Евр. 10:12,13), так и души усопших, получив по частному суду Христову свой загробный жребий, остаются в нем (хотя и не без возможности перемены) до всеобщего суда Христова.

Это соответствие между Христовым состоянием и состоянием душ усопших признается словом Божьим (Евр. 9: 27, 28).

Итак, сетуя о смерти близкого твоему сердцу, в сороковой день с верою возведи ум и сердце к восшедшему в сороковой день по воскресении Начальнику жизни нашей, чтобы предстал Он «нынче пред лице Божье за нас» (Евр. 9: 24), живых и усопших. Откажет ли всещедрый Отец Ему в этом ходатайстве, имея пред Собою Своего возлюбленного Сына в крестных за нас язвах? Держись же верою крепко такой любви Господа, в славе Своей занятого вечной судьбою нашей, судьбою твоей и твоего покойника. Умоляй Его за усопшего, чтобы благодатью Своею уврачевал немощное в отшедшей душе, оскудевающее – восполнил, все согрешения простил и очистил и дал бы ей жребий помилованных. Твоя вера и молитва, осененная Св. Церковью, много поможет усопшему на частном суде Христовом при определении его участи до Страшного суда. Зная загробное состояние почившей души, соответствующее на земле сороковому дню, когда решается, хотя и не окончательно еще, участь почившего, Церковь и родственники спешат ему на помощь. Служится в это день панихида, чтобы сколько зависит от нас, умилостивить Бога относительно почившего.

Итак, из предыдущего видно, что душа, после разлучения с телом, два дня бывает на земле и в третий день возносится к Богу на поклонение; затем в следующие сесть дней бывает в раю и, наконец, далее следующие тридцать дней бывает в аду; и в сороковой день она уже на месте, в состоянии еще не окончательно решенном. Окончательное решение душа получит в день всеобщего суда.

Дни – годовой, а в следующие годы уже он будет день кончины, Дни – именин, рождения для добрых христиан остаются навсегда памятными днями. Желая доказать, что смерть не расторгла духовного союза и отношений между живыми и умершими, они служат панихиду и молят Того, в Ком наше спасение и жизнь: молят Того, Кто Сам сказал нам: «Я жизнь!» (Ин 11: 25)

Мы молим и надеемся несомненно на Его обещание услышать молящихся: «Просите и дастся вам, ибо Я не хочу смерти грешника, за которого пострадал, пролил Свою кровь и которому теперь дарую жизнь… только веруй!» (Мк. 5: 36)

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДУШИ ЗА ГРОБОМ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ

После разлучения с телом на земле, душа в загробном мире самостоятельно продолжает свое бытие в течение всего первого периода. Дух и душа продолжают за гробом свое существование входят в состояние или блаженное, или мучительное, от которого могут быть избавлены по молитвам Св. Церкви.

Таким образом, первый период загробной жизни заключает еще возможность для некоторых душ избавления от адских мучений до наступления последнего суда. Второй

же период загробной жизни душ представляет только блаженное или мучительное состояние. Жизнь загробная первого периода есть движение к новому, окончательному периоду бытия, - в соответствии со свойствами, усвоенными душой на земле. Первый период загробной жизни души есть ее состояние тотчас после разлучения на земле со своим телом и пребывание ее в загробном мире до соединения с воскресшим телом для получения воздаяния за земную жизнь. Состояние души или участь ее после частного суда до всеобщего суда – составит предмет или содержание этого раздела.

Если бы человек был произведением одной только природы, как думают и учат материалисты, признавая в человеке только одну материальную сущность и отвергая ее главную духовную часть, то спрашивается: отчего же в поразительной деятельности людей видны, помимо дел, принадлежащих вообще животным, и дела единственно возможные, только одному духу?

Например, насыщение, отдых, отправление половых надобностей и др. – эти дела ясно показывают, что человек, наряду с животными, есть произведение земли. Дела же любви (не плотской, а духовной), стремление к истинному, прекрасному и доброму – показывают в нем другую природу: духовную. Как дело рук Божьих, предназначенное стать свидетелем славы и силы своего Творца, не мог быть человек существом конечным и по телу, и по душе. Не для того Бог созидал, творил, чтобы потом Его творение уничтожилось. Душа и тело – дела Божьи, следовательно, и души и тела бессмертны, не уничтожаются.

После разлучения души со своим телом душа живет в мире духовном, соответствующем ее природе, а тело возвращается в землю; человек, поставленный среди миров видимого и невидимого, природы и духа, живет и действует в обоих мирах, и на земле и вне земли; телом на земле, умом же и сердцем вне земли: или на небе или в геенне. Так крепок и таинственен союз души с телом и сильно взаимное влияние их между собою, что вообще деятельность души на земле, направляемая к истинному, высокому и прекрасному, много задерживается и ослабляется телом, как свидетельствует и Сам Иисус Христос: «дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26: 41). Этого не было тотчас по сотворении человека, ибо тогда было все совершенно, несогласия не случалось ни в чем: тело предназначалось быть, как оно и есть на самом деле, орудием проявления невидимой, богоподобной души, ее могущественных сил и удивительной деятельности. Оттого, что дух бодр, а плоть немощна, идет борьба непрестанная, борьба за истину. И в этой борьбе ослабляется душа и часто, вместе с телом, как бы невольно нравственно падает, против желания уклоняясь от истины, от своего назначения, от цели своей жизни, своей естественной деятельности. «Не то творю, - с прискорбием взывал избранный сосуд Святаго Духа ап. Павел, - не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Кто избавит меня от сего тела смерти?» (Рим. 7: 15, 24).

Деятельность души на земле в большей или меньшей мере представляет смесь добра со злом, правды с неправдою. Тело на земле служит помехой душе в ее деятельности, там же, за гробом, в первом периоде, - эти препятствия устранятся отсутствием тела, и душе можно будет действовать единственно по своему настроению, усвоенному ею на земле; или добром, или злому. А во втором периоде своей загробной жизни душа будет поступать хотя и под влиянием тела, с которым опять соединится, но тело уже изменится в тонкое, духовное, нетленное, и его влияние будет даже благоприятствовать деятельности души, освободившись от грубых плотских потребностей и получив новые духовные свойства. Кроме того, Самый Дух Божий, который «все проницает и глубины Божии» (1 Кор. 2: 10) и на земле пребывающий в душах и телах, любящих Бога, тем более за гробом не оставит таких боголюбцев в дальнейшем раскрытии истины. И все силы

душевные под таким благотворным действием Святаго Духа достигая желаемого, непременно наполнятся радостью, выражением удовольствия, и душа достигнет своего блаженства, естественного своего назначения.

На земле вся деятельность души в своем стремлении к истине постоянно сопровождается личными трудностями, скорбями: «в мире будете иметь скорбь» (Ин. 16: 33). Таков удел человека на земле после его падения в раю; удел, однажды и уже навсегда определенный Самим Богом Адаму (Быт. 3: 17), а в лице его и всему человечеству, и данный повторно Господом Иисусом Христом и для нового духовного человека. Только принуждение себя, т.е. преодоление препятствий, доставляет удовлетворение желания, а следовательно, и радость. Все добродетели, несмотря на препятствия к совершению их, доставляют своему делателю неземную духовную радость, в которой потом более или менее принимает участие и немощное тело. И человек, как говорится, блаженствует.

За гробом же немощное тело преобразится к своему времени и будет способствовать деятельности души в ее назначении. Тогда зла, в котором лежал и лежит весь мир, за гробом не будет, и человек будет вечно блаженствовать, т.е. вся деятельность души будет достигать своего вечного назначения. Если на земле истинное блаженство души достигалось стремлением к совершенной свободе от тройственной похоти славолюбия, сластолюбия и сребролюбия, то за гробом душа, будучи от этого зла совершенно свободна, станет вечно блаженствовать, как чуждая всякого рабства, всякого плена греховного.

Основанием всей видимой земной деятельности человека служит невидимая, внутренняя, духовная деятельность души; так что видимая настоящая жизнь человека вполне изображает невидимую душу и все ее свойства. Если душа, по назначению Самого Спасителя, бессмертна, т.е. продолжает жить за гробом, а жизнь обыкновенно выражается в деятельности, то справедливо, что где жизнь – там и деятельность, и где деятельность, там и жизнь. Следовательно, и за гробом продолжается деятельность души. В чем же состоит деятельность души за гробом? В том же самом, в чем состояла ее деятельность на земле. Деятельность души составляет совокупные деятельности ее отдельных сил. Как действовали ее силы на земле, так будут они действовать и за гробом.

Жизнь души составляет самосознание, а деятельность души состоит в исполнении духовно-нравственных обязанностей. Деятельность самосознания слагается из деятельности отдельных душевных сил, из деятельности мышления, деятельности желания и деятельности чувств. Жизнь духовная, жизнь внутренняя состоит из полного самоуглубления души в себе, самомышления и потому самопознания. Отрешенная от тела и мира вещественного, душа не развлекается попусту, и ее силы действуют уже беспрепятственно, стремясь к истине. В таком виде изобразил загробную жизнь и деятельность душ в первый период загробной жизни Господь Иисус Христос в своей притче о богаче и Лазаре, где души праведника и грешника представлены живыми и сознательно действующими внутренне и внешне, т.е. изображена их внутренняя и внешняя жизнь или деятельность. Души их мыслят, желаю и чувствуют, если загробная жизнь есть продолжение, дальнейшее развитие земной жизни, то душа, переходя в загробный мир со своими земными наклонностями, привычками, страстями, со всем содержанием своего характера, и за гробом продолжает свое развитие – деятельную добрую или злую, смотря по характеру земной жизни. Земная деятельность души есть только начало будущей ее загробной деятельности. Правда, на земле душа может измерить свою добрую деятельность на злую и, обратно, злую на добрую, но с какой перешла за гроб, та деятельность уже будет развиваться целую вечность. Предмет

деятельности души как на земле, так равно и за гробом – то же стремление к истине, которая должна быть естественно присуща и внешней деятельности.

Тело вообще и все органы делают то, чего хочет душа; они исполняют ее волю. Это естественное назначение, предмет их деятельности. Невидимая душа, действует наглядно только при посредстве своих органов; органы сами по себе – мертвые орудия. Следовательно, если отнять у души эти органы, то неужели она перестанет быть душою? Не тело оживляло душу, но душа – тело; следовательно, и без тела, без всех своих внешних органов, она сохранит все силы и способности. И действие ее продолжается и за гробом, с тем только различием, что оно будет несравненно совершеннее земного. В доказательство вспомним притчу Иисуса Христа: несмотря на неизмеримую пропасть, разделяющую рай от ада, умерший богач, в аду находящийся, увидел и узнал и Авраама и Лазаря, пребывающих в раю; мало того, беседовал с Авраамом.

Итак, деятельность души и всех ее сил в загробном мире будет гораздо совершеннее. Здесь, на земле, мы видим предметы на далеком расстоянии при помощи зрительных труб, и все-таки действие зрения не может быть совершенно, оно имеет предел, за который зрение, даже вооруженное линзами, не простирается. За гробом же и пропасть не препятствует праведникам видеть грешников, и осужденным – спасенных. Еще на земле праведники своей христианской жизнью очищали чувства и достигали естественного состояния, в котором находились первые люди до грехопадения, и деятельность их праведных душ далеко уходила за пределы видимого мира. Они были в общении с духами и душами. После этого как же сомневаться, как не утешаться этой загробной жизнью, когда мы вечно будем вместе жить, узнаем друг друга и всегда будем видеть другого. Душа, пребывая в теле, видела человека и другие предметы, - видела именно душа, а не глаз; слышала душа, а не ухо; обоняние, вкус, осязание ощущала душа, а не члены тела; следовательно, эти силы и способности души будут с ней и за гробом; ибо она или награждается или наказывается, поскольку она живая и чувствует награду или наказание.

Деятельность души человека должна быть основана на любви, которая является сущностью чистого, здравого ума. Деятельность эта, управляемая бескорыстной, христианской любовью, имеет своей целью и назначением Царство Небесное, по заповеди Господа Иисуса Христа: «прежде всего искать царства Божьего и правды Его». Во всяком поступке должно святиться имя Божье, так как жизнь человека стремится быть выражением воли Божьей. Это естественная деятельность души, составляющая ее назначение, в противоположность деятельности неестественной, противной ее природе, вытекающей не из воли Божьей, а из злого произволения человеческого.

Вообще, естественное, природное назначение деятельности души – стремление к истине на земле. А так как наши желания и стремления бесконечны, то и за гробом это стремление к истинному, доброму и прекрасному продолжается в вечности. Об этом назначении жизни и деятельности души еще язычники писали, например, Платон: «Достойная и единственная цель жизни человеческой есть достижение истины». Значит, эта мысль принадлежит духу человеческому; следовательно, она есть мысль общечеловеческая, естественная, прирожденная духу.

Если жизнь души за гробом личная, самостоятельная и деятельная, то эту активность души за гробом составляет деятельность: 1) относительно Бога, 2) относительно ближних и 3) относительно самой себя. Все силы и способности души, проявляясь вместе, составляют деятельность души; так что без души ее силы отдельно не существуют, и нет их действия. Силы души, действуя на земле, с переходом в загробный мир проявляются и там. Так, упомянутый в Евангелии Спасителем богач (Лк. 16: 22-25) после смерти душой

сходит в ад. Здесь Иисусом Христом представлена вся деятельность души в аду во всем своем объеме. Все силы души в деятельности: сознание представляет причины неизбежного уже бедствия; действие чувств внутренних и внешних производит безотрадное мучение; и, наконец, деятельность воли безуспешно стремится к облегчению положения души.

Если душе естественно жить в обществе ей подобных существ, если чувства души соединяются еще на земле Самим Богом в союзе неумирающей любви, то, согласно силе неумирающей любви, души гробом не разъединяются, но, как учит Св. Церковь, живут в обществе других духов и душ. Это необъятное семейство одного Отца небесного, члены которого – дети Божьи; это неизмеримое царство одного Царя небесного, членов которого Церковь нередко называет небесными гражданами. Но дети в семействе, граждане в государстве, живут в разных между собой отношениях. Душа, живя в обществе, существует: 1) для Бога, 2) для себя и 3) для ближних, для других ей подобных существ. Эти отношения души к Богу, к самой себе и к другим душам производят двоякую ее деятельность: внутреннюю и внешнюю. Внутренняя деятельность души слагается из отношений ее к Богу и к себе самой, а внешнюю ее деятельность составляют различные отношения к прочим существам и ко всему окружающему: как в настоящей жизни на земле, так и в загробном мире. Такова двоякая деятельность души на земле и за гробом. Внутреннюю, самоличную деятельность души составляют: самосознание, мышление, познание, чувствование и желание. Деятельность же внешнюю составляют многоразличные влияния на все окружающее: на существа и предметы неодушевленные.

ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДУШИ

Самую первую и низшую степень или, так сказать, основание деятельности души составляет активность ее чувств – внешних и внутренних. Чувство есть способность души принимать впечатления от предметов при посредстве своих внешних органов – орудий своей деятельности. Таковых внешних органов и им соответствующих чувств – шесть, а соответствующих им внутренних – три.

Чувства внешние: ощущение, обоняние, осязание, вкус, зрение, слух. Чувства внутренние: внимание, память, воображение.

Душа, как существо духовно-нравственное, обязана и жизнь проводить духовно-нравственную. А потому вся ее деятельность, а равно и деятельность каждой отдельной ее силы или способности, должна быть нравственная. Следовательно, и чувство, как способность души, должно основывать свою деятельность на естественных ему природных, нравственных обязанностях.

Исполнение нравственных, естественных душе обязанностей составляет ее деятельность на земле, а следовательно, и за гробом. Исполнение нравственной естественной обязанности, или просто закона, есть благо, добро для человека, его души, так как назначение человека - быть блаженным. Следовательно, и законное действие всех чувств как внутренних, так и внешних, если они состоят в гармонии, приводят душу в состояние блаженства. Итак, блаженство достигается только через исполнение нравственного закона, через исполнение своей нравственной обязанности. Какого состояния для своей души хочешь за гробом, в такое состояние приводи ее и на земле, хотя и понудительно. И приучай к той деятельности все силы души. Итак, чувства имеют для своего действия

нравственный закон, с которым должны сообразовать свою деятельность: что делать и чего не делать.

Единственное природное назначение деятельности чувств есть стремление к истине – истинному, доброму, прекрасному. Наши чувства во всяком творении Божьем должны находить и видеть только одну славу Божью. Все же, что противно назначению наших чувств, что влечет к противозаконному и греховному – должно быть отвергаемо, так как оно неестественно, противно природе души. Чувства, приученные к природному действию, услаждаются тем, что относится к славе Божьей. Стремление слышать, ощущать Бога, как Творца всего видимого и невидимого, привычка находить удовольствие во всем законном и отвращаться от всего несогласного с характером деятельности чувств – продолжится и за гробом, в царстве славы Божьей, где естественное назначение деятельности чувств будет вполне удовлетворяться.

Деятельность чувств достигает цели и в достижении цели заключается блаженство. Посредством чувств, принадлежащих душе, она принимает от предметов впечатления, вызывающие то или иное состояние души. Благой предмет производит, посредством чувств, в душе светлое желание, и это состояние блаженства, начавшись еще на земле, тем более продолжится за гробом, где, по словам апостола, чувства встретят для своего действия предметы, которых око еще не видело, ухо не слышало и в уме душа не помышляла. Здесь-то откроется радостное действие чувств, а следовательно, и бесконечность желаний.

Итак, деятельность чувств есть изначальная деятельность души, служащая основанием другой деятельности – воли (желаний или не желаний). Эти две деятельности – чувств и воли – составляют главную деятельность души, деятельность ума (мышления и познания). Деятельность ума, заключая в себе все способности души, составит деятельность ее самопознания.

Итак, для загробного состояния души (блаженного или мучительного) – необходима активность души, без которой немыслима ее жизнь, проявляющаяся в действии (чувствовании, желании, мышлении и самопознании)

Первейшее из внешних чувств есть зрение. О законном или незаконном его действии, причиняющем все душе или благо или зло, учил Сам Господь Иисус Христос, когда говорил: «Кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф. 5: 28). Названное действие зрения противозаконно, неестественно, отлучает человека от Бога и лишает его блаженной жизни за гробом. Епископ Нон, при взгляде на красавицу Пелагею, заплакал от того, что он не так печется о своей душе, как она о своей внешности. Вот законная нравственная деятельность зрения, совершенно противоположная действию зрения жены Пентефриевой, любовавшейся красотой Иосифа.

Стремление к истине – свет – развевает мглу нечистоты. Главный закон для душевной деятельности – стремление к истине, с каковым вообще неразлучна и духовная неземная радость, как плод законной нравственной жизни. Этот же закон деятельности, в частности, принадлежит и каждой силе душевной, каждому чувству. Следовательно, он служит основанием и деятельности зрения, которое должно иметь своей целью на земле все то, в чем святилось бы имя Божье. А таких предметов и за гробом достанет на целую вечность – для деятельности зрения как внешнего, так и внутреннего. В блаженной жизни (в раю) можно будет вечно видеть Бога в обществе св. Ангелов, видеть участников блаженства: всех святых, а также своих ближних, которые еще на земле были дороги нашему сердцу и с которыми мы были соединены Самим Богом неразрывным вечным союзом любви; и,

наконец, можно будет видеть все красоты рая! Какой неисчерпаемый источник блаженства для чувства зрения!

Но так как со времени первого греха прародителей к добру примешалось зло, то предметом для деятельности чувства вообще и в частности для деятельности зрения никак нельзя допускать ни вещей, ни свойств, ни действий, в которых виден яд, могущий умертвить самую душу; следует удалять взоры от таких соблазнов (Мф. гл 28). В чем будет находить удовольствие чувство зрения на земле, того будет искать оно и за гробом во всю вечность, в царстве истинного, прекрасного и доброго, в царстве Того, Кто Сам о Себе сказал: «Я – Истина» (Ин. 14: 6).

Но тот, кто приучал на земле свое чувство зрения к неестественному состоянию, к действию, противному природе и назначению, кто находил на земле для своего чувства удовольствие в нарушении истины, - какое он может надеяться иметь дальнейшее развитие этого удовольствия за гробом? Все противоестественное, противное природе есть зло. Следовательно, противозаконное действие найдет за гробом отсутствие того, к чему оно привыкло на земле. Если и на земле лишение чувства зрения составляет для человека не малую потерю, то и загробная жизнь для грешников; разумеется, в числе первых лишений, составляющих дня них наказание, по учению слова Божьего, приведет к отсутствию зрения. В аду, при огне мрачном, не видят друг друга страдальцы, как учит Церковь. Следовательно, блаженство праведников требует наличия чувства зрения, ибо без чувства зрения невозможно блаженство. От рассмотрения этого чувства переходим к более общему заключению, что только при наличии чувств и возможно блаженство или наказание.

Ветхий и Новый Завет, свидетельствуя о загробной жизни, представляет души с чувством зрения. Богач и Лазарь представлены Господом видящими друг друга. В раю все спасенные видят друг друга. Св. Писание Ветхого Завета свидетельствует о загробной жизни души, не лишенной своих чувств. В аду, в состоянии нерешенном, души друг друга не видят, ибо лишены и этой радости, но, к увеличению своей скорби, видят спасенных в раю. Это происходит в первый период, пока длится состояние нерешенное. Зрение души, по учению Св. Писания, является высшим чувством души, чувством, по преимуществу обнимающим всю психическую жизнь и проникающим от самых сокровенных глубоких ее основ до внешнего проявления ее в общении с миром видимым – материальным, и невидимым – духовным. Зрение души проникает во все, что каким бы то ни было образом касается восприятия и усвоения внешних впечатлений.

Естественное назначение деятельности слуха, равно как и деятельности зрения – стремление к истине. Если бы слух Евы был открыт заповеди Божьей и отвращен от обольстительных слов диавола, это было бы естественное, законное, природное действие слуха, и блаженство его и всей души не прекратилось бы. Итак, слух должен быть обращен на земле к естественному, доброму и прекрасному и доставлять душе впечатления спасительные, законные. Развивая на земле естественное назначение силы слуха, и за гробом душа в этой силе найдет для себя и своей деятельности неисчерпаемый источник блаженства. Там, где вечно слышатся радостные ликования, там душа услышит и то, чего ухо на земле не слыхало. Ничто не нарушит блаженства слуха, обуславливаемого райским состоянием души. Блаженство души требует постоянного блаженства и отдельных ее сил, следовательно, и соответствующего состояния силы слуха. Ветхий и Новый Завет, говоря о загробной жизни, везде представляют души не лишенными чувства слуха. Евангельский богач и Авраам представлены Господом в загробной жизни обладающими слухом.

Назначение деятельности ума – стремление к истине, т.е. познание своего Творца- Бога, начала всех начал, устроителя бытия и видимого, и невидимого. Искание истины есть общечеловеческое стремление ума. Сознание божества присуще, прирожденно духу человека, следовательно, понятие о божестве есть понятие общечеловеческое, принадлежащее всему человечеству всех времен и мест. Далее, предметом деятельности ума служит, познание видимой и невидимой природы, и наконец, главнейшая деятельность ума есть познание самого себя: истинное самопознание духа как существа отдельного, личного, самостоятельного. Итак, содержание деятельности ума, или, как говорят еще, деятельности самопознания, составляет совокупность деятельности отдельных духовных сил: мышления, познания, чувствований и желаний. Деятельность ума на земле – познание как добра, так и зла, - навсегда останется ограниченным. По учению апостола Павла, это «познание отчасти», т.е. при всем усилии ума человеческого его развитие на земле не оканчивается, и, по закону вечной жизни, умственная деятельность продолжится и за гробом, и тогда познание будет, по учению того же апостола Павла, гораздо совершеннее, познание уже не «отчасти», а «подобно, как я познан» (1 Кор. 13: 12). «Во свете Твоем, Господи, узрим свет» в нашем уме и нашей совести.

Деятельность сознания, сложенная из деятельности отдельных душевных сил на земле, если она помрачена страстями, привычками, наклонностями – не естественна, и тогда сознание действует не истинно. Как яд, принятый человеком даже в малейшей дозе, действует в большей или меньшей мере разрушительно и вредно на весь организм, так точно нравственная неправда, как бы ни была мала, если будет принята умом, то заразит весь душевный организм, и вся деятельность души и ее отдельных сил станет поражена нравственным недугом. За гробом же самопознание каждого человека при содействии всех отдельных душевных сил (например, памяти и других), представит душе во всей полноте и ясности наиподробнейшую живую картину всей земной ее деятельности: как доброй, так и злой. Все дела, слова, мысли, желания; чувствования предстанут на суде душ перед взором всего нравственного мира.

Наиглавнейшее действие ума, зорко и строго наблюдавшего за состоянием души, за всей деятельностью отдельных сил человеческого духа – составляет самопознание. Оно дает истинное убеждение в своей немощи, слабости, ничтожестве. Только такая смиренная деятельность ума при искании и стремлении к истине дает предвкушение блаженства за гробом. Она опирается на вечный закон для человека, «без Меня не можете творити ничего», на стремление человека к вечной блаженной жизни в Боге, с Богом. Потому что Сам Иисус Христос научил нас, что царство Божье – «внутри вас есть».

И в раю деятельность самопознания продолжается, что доказывают слова праведников, обязанных отвечать на суде: «когда мы видели Тебя алчущим или жаждущим» (Мф. 25: 44). Богач в аду также осознает причину своего скорбного положения, и потому стремится освободить от погибели своих родных братьев, еще пребывающих на земле: «пошли к ним (братьям, еще на земле находящимся) Лазаря, да свидетельствует о загробном воздаянии, чтобы и они не пришли сюда в муки и переменили бы греховную жизнь на добродетельную». Вот доказательство наличия сознания у несчастного богача в аду, сознания загробного, заключающего в себе и деятельность отдельных душевных сил: памяти, воли и чувств.

Жизнь души составляет ее самосознание, следовательно, самосознание, делающее душу существом личным, принадлежит ей и за гробом; ибо душа продолжает свое личное бытие и после смерти. Посмотрим на проявления отдельных сил души за гробом. Деятельность

самосознания составляют: 1) деятельность мышления, 2) деятельность познания, 3) деятельность чувствования и 4) деятельность желания.

Предмет деятельности силы мышления как на земле, так и за гробом – истина. Естественное назначение этой частной силы – достижение общего назначения души – вечности. Все приятное Богу, все согласное с Его всесвятейшей волей и составляет предмет деятельности мышления на земле и за гробом. Образ мысли человека на земле уже указывает на то состояние, в каком каждый будет пребывать за гробом; потому что за гробом душа не отступит от усвоенного ею образа мысли на земле, - стремления к доброму или к злому.

Предмет деятельности силы познания есть тоже – истина. Все истинное, прекрасное и доброе есть естественное назначение деятельности познания, и поэтому душа стремится познать благо. Объем познания до того бесконечен, что на земле, при всем стремлении человечества к знаниям, все они составляют только малейшую долю объема познаваемого. И сила познания, принадлежащая бессмертной душе, продолжает свою деятельность и за гробом, в течение всей вечности. Предметов для познания достанет, и оно не сможет дойти до своего конца, при котором вынуждена будет остановиться деятельность познавательной силы. Такое утверждение согласуется с догматом бессмертия души, вечно деятельной.

Везде, где только описывается загробная жизнь, как в Ветхом, так и в Новом Завете, всюду душа представлена сохраняющей полную память о земном пути, о собственной своей жизни, а также память о всех тех, с кем была на земле в различных отношениях. Так учит Святая наша Церковь, учение которой – истинно и согласно с выводом здравого ума.

Евангельский богач помнит своих оставшихся на земле братьев и заботится об их загробной жизни. Поскольку деятельность души слагается из деятельности всех отдельных ее сил, то полного самосознания (действия ума) и совершенного самоосуждения (действия совести) невозможно достичь без действия памяти, воспроизводящей в сознании все прошедшее.

В первый период загробной жизни пребывающие в раю находятся в единении, союзе и общении с еще живущими на земле; живо помнят и любят всех, кто дорог их сердцу. Ненавидевшие же ближних во время жизни, если не исцелились от этого недуга, ненавидят и в загробной жизни. Разумеется, пребывают они в геенне, где нет любви.

Воля есть способность, располагающая всею деятельностью души и отдельных ее сил по своему желанию. Естественное назначение воли – направлять деятельность души и отдельных ее сил по требованию закона Божьего и совести. Воля должна организовывать всю активность души так, чтобы в ней выражалось исполнение естественного, природного ее назначения – воли Божьей. Свойства действия воли – согласие или несогласие с законом Божьим и совестью. Это согласие или несогласие, начавшееся на земле, за гробом обращается или в совершенно слияние с волей Божьей, или в соединение с врагом правды, в ожесточение против Бога.

Деятельность чувств и желаний есть основание для деятельности мышления и познания. А поскольку самопознание неотъемлемо от души даже за гробом, то и деятельность чувств и желаний, составляющих фундамент познания, необходимо допустить и в загробном мире, где нет деятельности чувств, там нет желаний, познания, там нет жизни. Выходит, что бессмертная душа имеет действие чувств и за гробом, ведь иначе невозможно и воздаяние. Сказанное подтверждается и словом Божьим и здравым рассудком.

Естественное, природное свойство, действие, принадлежащее известному предмету (или предметам) и характеризующее его, есть отличие его от других предметов, закон, по которому он непременно должен действовать, чтобы исполнить свое назначение и достигнуть цели своего бытия. Но так как цель творения – не тягость бытия, но блаженство, при котором только и возможно прославление своего Творца, и поскольку все естественное, прирожденное предмету, не может отягощать его, а наоборот, составляет для него благо добро, - следовательно, закон Божий в этом случае не есть тяжесть. Об этом засвидетельствовал и св. апостол Иоанн: «заповеди Его не тяжки» (Ин. 5: 3). Закон не есть принуждение, насилие. Закон Божий – это естественное требование, делающее исполнение его необходимым и легким. И поскольку это требование природное, то исполнение его должно составить благо, добро для действующего по закону предмета. Например, любовь – свойство, прирожденное духу человеческому и в высшей степени ему одному принадлежащее. Любовь для человека – естественное, природное свойство, без которого он теряет значение людское и, не достигая цели своего сотворения, извращает свою природу. Любовь для человека – закон, исполнение которого доставляет ему добро, благо радость: и на земле, и за гробом. Исполняя закон своей природы, человек исполняет требование совести, которая и есть внутренний закон, голос Самого Бога, веселящего сердце своего раба неземной радостью еще на земле. Закон исполнен, назначение достигается, а назначение человека – покой, радость, блаженство. Сам Господь наш Иисус Христос засвидетельствовал эту истину: «будьте кротки и смиренны сердцем, и обрящете покой душам вашим».

Проявление совести, ее действие – покой на сердце, или наоборот, беспокойство сердца: при уклонении от естественного назначения, от требований духовно-нравственной природы. На земле есть средства приводить совесть в мирное состояние, но что за гробом может успокоить ее, что может умиротворить? Действие совести на земле, а равно как и действие прочих душевных сил, есть только начало их действия загробного. Простота души и чистота сердца – вот состояние души, соответствующее райской блаженной жизни в будущем. Итак, деятельность ума, воли и совести состоит в исполнении законного, природного их назначения.

Деятельность совести за гробом прежде всего составляет внутреннюю жизнь (или деятельность души). Деятельность совести как на земле, так равно и за гробом есть голос ее суда, обличения. И затем приходит покой или угрызения – как следствия самоосуждения. Самопознание – действие ума – и самоосуждение – действие совести – составляют внутреннюю духовную жизнь души за гробом. Кто не испытал на самом себе влияние совести, еще пребывая на земле? После совершения всякой добродетели сердце наполняется особенной неземной радостью. И наоборот, после совершения зла, нарушения закона, сердце приходит в чуждое покоя состояние, преисполняется страха, за которым иногда следует ожесточение и злобное отчаяние, если только своевременно душа не исцелится от сделанного ею зла способами, дарованными человеку врачом душ и телес – Богом. Вот два совершенно противоположных состояния душ, вызванных действием совести. Эти два состояния получат за гробом свое дальнейшее развитие при той же деятельности судящей совести, награждающей или карающей за прежнее земное нравственное состояние.

Совесть – это глас закона, глас Божий в человеке, по образу и подобию Божьему созданный. Как естественная прирожденная сила души, совесть не оставит человека никогда, где бы душа ни была. Действие совести – суд и осуждение, приговоры вечные, никогда не умолкающие. Ее воздействие (на спасенных в раю и на осужденных в аду) не прекращается никогда. Суд совести, суд Божий – нестерпим. Вот почему еще на земле

души, преследуемые своей совестью и не умеющие умиротворять ее покаянием блудного сына, или мытаря, или апостола Петра, или блудницы – посягают на самоубийство, думая в нем найти конец терзанию совести. Но бессмертная душа лишь переходит в бессмертное загробное бытие, соответствующее предсмертному своему состоянию; и душа, преследуемая совестью на земле, переходит за гробом в то же самое состояние самоосуждения и упрека вечного.

Освободившись от тела, душа вступает в естественную вечную жизнь. Полное сознание (при действии памяти) всей своей земной жизни, живая картина прошедшей земной деятельности как основания загробного состояния, блаженного или отверженного, - составит жизнь души, загробное самопознание. А действие совести, покой или самоосуждение, наполнит эту жизнь либо вечным блаженством, либо вечным упреком, при котором уже быть не может и тени покоя, ибо покой бывает там, где нет укоризны, упрека, преследования со стороны закона.

СОЮЗ И ОБЩЕНИЕ ЗАГРОБНОГО МИРА С НАСТОЯЩИМ МИРОМ

Если при бессмертии души полнота ее внутренней жизни, соответствующая ее назначению, требует бытия не уединенного, но в сообществе существ себе подобных, то, как учит Господь Иисус Христос, для такой общественной жизни необходима и внешняя деятельность души за гробом, выражающая как взаимные отношения между духовно-нравственными существами – духами и душами, так и их отношение ко всему окружающему.

Следовательно, содержание внешней деятельности душ за гробом составит единение, союз, отношение и общение с пребывающими еще на земле и между собой в первый период загробной жизни; а во второй – только между собою в Царстве Небесном, в царстве славы. Во второй период, когда последует окончательное разъединение и разобщение спасенных от погибших, тогда прекратится между ними всякое взаимодействие. Взаимодействие же в раю продолжится во всю вечность, ибо без него невозможно представить и блаженства; тогда как в аду оно прекратилось со времени воскресения Христова и изведения оттуда праведников. В аду нет взаимодействия; жители ада лишены этого блаженства, они не видят друг друга, а видят только одних злых духов.

Духовно-нравственные существа, духи (добрые и злые) и души, как пребывающие еще на земле в теле, так и разлученные с телом и пребывающие в мире загробном, в царстве, вполне соответствующем их природе, - взаимно действуют одно на другое, где бы ни находились. Загробный, духовный мир и настоящий (земной) взаимно влияют друг на друга. Следовательно, и существа духовно-нравственные, души, пребывающие в загробном мире, взаимно действуют друг на друга.

Слово Божье открыло нам, что Ангелы Божьи живут не уединенно, а находятся между собой в общении. То же слово Божье, а именно свидетельство Господа Иисуса Христа, гласит, что за гробом праведные души в царстве Его будут жить как Ангелы; следовательно, природа души подобна природе Ангелов, а потому и души будут между собою в духовном общении.

Общительность есть природное, естественное свойство души, без которой бытие души не достигает цели – блаженства; только при общении, взаимодействии душа может выйти из того неестественного ей состояния, о котором сказал Сам ее Творец: «не хорошо быть

человеку одному» (Быт. 2: 18) Эти слова относятся ко времени, когда человек был в раю, где нет ничего кроме райского блаженства. Для совершенного блаженства, значит, недоставало только одного – ему однородного существа, с которым он был бы вместе, в сожительстве и в общении. Эту истину засвидетельствовал Сам Бог в раю, а потом Дух Святый повторил ее устами св. пророка царя Давида: «Как хорошо и как приятно жить братьям вместе» (Пс. 132: 1). Значит для полноты блаженства нужно сожительство с душами благочестивыми, по свидетельству того же Давида, говорящего и повелевающего не пренебрегать общением с людьми вообще, но избегать общения только с неблагочестивыми: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных, и не сидит в собрании развратителей» (Пс.1:1). Отсюда ясно, что блаженство требует именно взаимодействия, общения. Сказано, что взаимодействие есть общение, основанное на единении, союзе и взаимном отношении.

Душа, отрешившись от своего тела, продолжает свою деятельность как существо живое и бессмертное. Если общение составляет естественную потребность души, без которой, следовательно, невозможно и самое блаженство души, то эта потребность совершеннейшим образом удовлетворится за гробом, в обществе избранных угодников Божьих – в Царстве Небесном. После всех свидетельств Божественного Откровения о сожительстве и общении в загробной жизни праведников (в раю), и сам наш разум приходит к тому же заключению о сожительстве и общении избранников Божьих в загробной жизни. Сам Господь Иисус Христос это взаимодействие душ в первый период загробный жизни представляет в притче о богаче и Лазаре.

Настоящая глава должна показать, в чем заключается единение, союз, отношение и общение преимущественно со стороны загробного мира относительно пребывающих еще на земле. А именно будет рассматриваться отношение душ, пребывающих в состоянии нерешенном, с живыми.

Внешняя жизнь (деятельность) загробного мира состояний спасенного и нерешенного основана, проникнута и управляется одним общим законом, связующим все духовно-нравственные существа с их Творцом-Богом и между собою: законом бессмертия, который есть – вечная любовь.

Души обоих состояний загробного мира, спасенного и нерешенного, если они были соединены еще на земле (и в особенности почему-либо близкие сердцу друг друга, скрепленные тесным союзом родства, дружбы, знакомства), и за гробом продолжают искренно, чистосердечно любить: даже более, чем любили во время земной жизни. Если же любят, то, значит, и помнят своих оставшихся еще на земле. Помня своих, на земле оставшихся, перешедшие в загробный мир думают о них. Зная жизнь живых, загробные жители принимают участие в ней, скорбя и радуясь с живыми. Имея общего единого Бога, перешедшие в загробный мир надеются на молитвы и ходатайство живых и желают спасения равно как себе, так и живущим еще на земле, ожидая их ежечасно к себе на покой в загробное отечество. Ежечасно, потому что знают обязанность всех живущих на земле быть готовыми к переходу в загробный мир в любой час.

«Бог есть любовь»(Ин. 4:8), - учит апостол Иоанн. А Спаситель Сам о Себе сказал, что Он есть жизнь; следовательно, жизнь есть любовь, и наоборот, любовь есть жизнь. Как вечна жизнь, потому что вечен Бог, так, следовательно, вечна и любовь. Поэтому-то апостол Павел и учил, что любовь никогда не отпадает, т.е. не умирает любовь, а переходит в иной мир вместе с душой, для которой любовь, как жизнь, - необходимость, потому что душа бессмертна. Следовательно, любовь для живой души есть естественная принадлежность, без которой она – мертва, как свидетельствует и само слово Божье: «не любящий брата

пребывает в смерти» (Ин. 3: 14). Итак, любовь вместе с душой переходит за гроб в царство любви, где без любви никто существовать не может. Любовь – божественное свойство, естественное, данное душе от рождения, - по учению святого апостола, остается принадлежностью души и за гробом. Любовь, зароненная в сердце, освященная и укрепленная верою, горит и за гробом к источнику любви – Богу – и к ближним, оставшимся на земле, с которыми была Самим Богом соединена крепким союзом любви. Если мы, христиане, все в различных отношениях связаны крепкими священными узами неумирающей любви, то сердца, исполненные этой любви, разумеется, и за гробом горят той же любовью к Богу и ближним, и особенно к тем, с которыми были соединены, при благословении Божьем, особыми, частными, родственными союзами любви.

Здесь, кроме общей заповеди Христа Спасителя: «Любите друг друга, как Я возлюбил вас», - заповеди, данной не телу, а душе бессмертной, - присоединяются и другие виды святой родственной любви. «Пребывающий в любви пребывает в Боге» (Ин. 4: 16), - учит апостол любви Иоанн. Значит, умершие, пребывающие в Боге, любят нас, живых. Не только пребывающие в Боге – совершенные, но и не удаленные еще совершенно от Бога, несовершенные, сохраняют любовь к оставшимся на земле.

Только одни погибшие души, как совершенно чуждые любви, которым еще и на земле любовь была тягостна, сердца которых постоянно были полны злобы, ненависти, - и за гробом чужды любви и к своим ближним. Что душа усвоит на земле, любовь или ненависть, с тем переходит в вечность. О том, что умершие, если имели только истинную любовь на земле, и после перехода в загробное состояние любят нас, живых, - свидетельствуют евангельские богач и Лазарь. Господь ясно высказывает: богач, находясь в аду, при всех своих скорбях, еще помнит о своих оставшихся на земле братьях, печется об их загробной участи. Следовательно, Он любит их. Если так любит грешник, та какою нежной родительской любовью любят переселившиеся родители своих оставшихся на земле детей-сирот! Какою пламенною любовью любят перешедшие в иной мир супруги своих оставшихся на земле вдовствующих! Какою ангельской любовью любят переселившиеся за гроб дети своих оставшихся на земле родителей! Какою чистосердечной любовью любят отшедшие от этой жизни братья, сестры, друзья, знакомые и все истинные христиане оставшихся на земле братьев, сестер, друзей, знакомых и всех, с которыми их соединяла христианская вера! Св. апостол Петр, отходя от этой земной жизни, обещал современникам помнить их и после смерти: «Буду же стараться, чтобы вы и после моего отшествия всегда приводили это на память» (2 Петр. 1: 15). Итак, и находящиеся в аду любят нас и заботятся о нас, и пребывающие в раю молятся за нас. Если любовь есть жизнь (что несомненная истина), то можно ли допустить, что наши умершие нас не любят? Часто бывает, что мы судим о других, приписывая им то, что находится в нас самих; сами не любя ближнего, думаем, что и все люди не любят друг друга, тогда как любящее сердце любит всех, не подозревая и в ком вражды, ненависти, злобы, и в самых недоброжелателях видит и находи себе друзей. Следовательно, не допускающий любви умерших к живым обнаруживает в подобных умозаключениях собственное холодное сердце, чуждое божественного огня любви, чуждое жизни духовной, далекое от Господа Иисуса Христа, соединившего всех членов Своей Церкви, где бы они ни были, на земле или же за гробом, неумирающей любовью.

Не все люблю, что помню; а все что люблю, то и помню, и забыть не могу, пока люблю, а любовь – бессмертна. Память есть сила, способность души. Если для деятельности душе необходима была и деятельность ее памяти на земле, то лишится же душа памяти за гробом! Память земной жизни или успокоит душу, или предаст суду совести. Если допустить отсутствие памяти за гробом, то каким же образом может быть и самопознание, и самоосуждение, без которых немыслима загробная жизнь с наградой или наказанием за

земное странствие? Сообщники земной жизни не могут поэтому изгладиться из памяти, поскольку они соучастники деятельности души. О том, что усопшие помнят своих оставшихся еще на земле, свидетельствует притча Спасителя о богаче и Лазаре, да и просто здравый ум. Богатый в аду, несмотря на свое горькое состояние, помнит о своих пяти братьях, оставшихся на земле. Следовательно, почившие наши, дорогие нашему сердцу, помнят нас, оставшихся еще на некоторое время, на земле.

Душевное состояние человека составляют: мышление (думы), желания (хотения) и чувствования; это – деятельность души. Бессмертие души делает бесконечной ее деятельность. Деятельность доброй либо злой души относительно близких продолжается и за гробом. Первая, т.е. добрая душа, думает, как спасти близких и всех вообще. А вторая – злая, - как погубить. Добрая душа думает: «как жаль, что оставшиеся на земле верят, да мало, или вовсе не верят; думают, да мало, или вовсе не думают о том, что Бог за гробом приготовит человеку». Евангельский богач, в аду любя и помня своих братьев, думает о них и принимает участие в их жизни. Воскресение мертвых, в момент смерти Господа Иисуса Христа на кресте, есть пример участия мертвых в жизни живых.

Если же любят, помнят, думают о нас отошедшие наши, то естественно, что их любовь принимает живое участие в нашей участи. Умершие ясно видят плоды земной жизни, а потому и принимают в судьбе живых трепетное участие. Они скорбят и радуются вместе с живыми.

Могут ли умершие знать жизнь оставшихся на земле? Почему же евангельский богач просит Авраама послать из рая кого-нибудь к своим братьям, чтобы предохранить их от загробной горькой участи? Из прошения его открывается, что он доподлинно знает: братья живут, как и он сам жил, в беспечности. Откуда же он знает? А может быть, братья живут добродетельно? Сам Спаситель научает в этой притче, что земная наша жизнь имеет влияние на загробное состояние умерших. В какое душевное состояние приводила умершего богача жизнь его братьев? Он сокрушался от неправильной жизни их. Как сильно тревожила она несчастного богача в аду! Ничего не сказал Спаситель, заботились ли живые братья об усопшем. А их попечение об умершем было бы куда как необходимо! Быть может, две причины побуждали несчастного богача просить Авраама подвигнуть их к жизни нравственной, богоугодной. Первая: он не думал на земле никогда о спасении своем и своих братьев; любя себя, он и жил для себя. Здесь же, видя нищего Лазаря в славе, а себя в уничижении и скорби, и как бы испытывая уколы самолюбия и чувство зависти, он просит у Авраама посланничества на землю из-за гроба. Вторая причина: спасая братьев, он надеялся и на свое собственное спасение – уже через них. Разумеется, если бы они переменили образ жизни, то вспомнили бы и о нем, а вспомнив, приняли бы и участие в его загробном состоянии молитвами и жертвами к Богу.

Благочестие живых доставляет умершим радость, а нечестивым доставляет скорбь. Покаяние, а с ним и исправление жизни грешника (на земле) доставляет радость Ангелам; а потому все ангельское воинство, а с ним и все сообщество праведников, - радуется и веселится на небе. Св. Писание свидетельствует, что причиной радости на небе является исправление грешника на земле. Небожители и так блаженствуют, но к их блаженству еще присоединяется новая радость, когда мы, еще пребывая на земле, начинаем отрешаться от суетного, временного, плотского и входить в сознание того, как далеко удалились от своего назначения, удалились от Бога.

Устанавливая предел беззакониям, неправдам, мы вступаем в новую деятельность, основанную на учении Христовом. Итак, наша земная жизнь во Христе и для Христа,

жизнь богоугодная, нравственная – доставляет радость и небожителям. Не одни небожители будут иметь отраду, но и не достигшие еще совершенства умершие, и даже уже осужденные, по признанию черепа одного жреца св. Макарию Египетскому, имеют отраду от жизни живых, боящихся Бога, молитвы которых Господ приемлет.

Умершие найдут в нас, живых, своих благодетелей, постоянно улучшающих их загробное состояние. Теперь понятно, что на было на небе радости для несчастного богача от земной жизни братьев, да и его самого участь была безотрадная в аду, по свидетельству Евангелия, именно от того, что не было причины, производящей радость в загробной жизни, не каялись и не исправлялись братья. А ведь они могли бы улучшить загробное состояние своего несчастного брата!

Что богатый в аду знал жизнь своих братьев на земле, может подтвердить и разговор св. Макария Египетского с черепом жреца. Череп свидетельствовал: «Когда ты о нас молишься, то мы получаем некоторую отраду…» Следовательно, евангельский богач мог знать о состоянии жизни братьев на земле из своего собственного загробного состояния, - не видя никакой загробной отрады, как повествует Евангелие, он и делал заключение об их беспечной жизни. Если бы они вели жизнь более или менее набожную, то не забывали бы и своего умершего брата, и чем-нибудь помогали бы ему; тогда и он мог бы сказать, как череп жреца, что получает некоторую отраду от их молитв за него. Не получая же никакой отрады за гробом, богач прямо заключает об их беспечной жизни, и потому просит Авраама, чтобы он послал к ним кого-нибудь из-за гроба. Вот первая и главная причина, почему умершие знают нашу земную жизнь, добрую и злую; из-за влияния ее на их собственное загробное состояние.

Деятельность души, нуждающейся в теле, во многом ограничивается им, грубым и вещественным. Горизонт деятельности души от тесного ее соединения с телом, подчиненным закону пространства и времени, находится в зависимости от того же закона пространства и времени, и потому деятельность души ограничена возможностями обыкновенного плотского существа. Отрешившись же от тела, делаясь свободной и не подчиняясь уже закону пространства и времени, душа, как существо тонкое, эфирное, вступает в деятельность, выходящую уже за пределы вещественного мира. Она видит и познает то, что скрывалось от нее. Душа, вступив в естественное свое состояние, и действует уже естественно; и чувства ее вступают в их присущую деятельность. Так как прижизненное состояние чувств было состоянием неестественным, болезненным – следствием греха. Некоторые сновидения (разумеется, не все), экстаз, сомнамбулизм, - подтверждают сказанное.

Следовательно, после отделения от тела душа вступает в естественные пределы своей деятельности, когда пространство и время уже не существуют. Если совершенные знают (видят, чувствуют) загробное состояние несовершенных, несмотря на неизмеримое пространство (существующее, например, между Авраамом и богачом) и вступают в общение между собою, - то они знают и наше земное состояние, несмотря на еще более непреодолимое пространство между раем и землею. Если же и несовершенные знают (видят и чувствуют) состояние совершенных, то отчего же первые, в аду находящиеся, не могут точно таким же образом знать и состояние живых на земле, как знал несчастный богач в аду состояние своих пяти братьев, еще на земле пребывающих?

Итак, три основания, по которым несовершенные умершие знают жизнь живых: 1) собственное загробное состояние, 2) совершенство чувств за гробом и 3) сочувствие живым.

То, что называют истинно прекрасным, мы сознаем в творении Божьем. Сам Творец-Господь говорит о своем творении. что все – «весьма хорошо» (Быт. 1: 31). Мир духовный, нравственный, физический составляет одно целое, стройное, гармоническое. Не могло из рук Бога-Создателя выйти нечто уродливое. В творении Божьем все произошло и происходит не случайно (как учат материалисты, ни признающие ничего, кроме материи), но совершилось и совершается по известному плану, в стройной системе, для известной цели, по неизменным законам. Все участвует в общем, все служит друг другу, все зависит одно от другого; следовательно, все влияет друг на друга, и состояние чего-либо одного состоит в союзе и отношении с состоянием другого и с состоянием целого. Развитие миров духовного, нравственного и физического – идет параллельно, рука об руку: по закону жизни, однажды данному и неизменному. Состояние целого, общего – отражается на состоянии его частей. Состояние частей целого, взаимодействуя друг на друга, приводит их к согласию, к гармонии. Согласие, гармония состояния духовно-нравственных существ называется сочувствием. Т.е., чувствуя состояние другого, и сам невольно приходишь в то же состояние.

В царстве Бога, в царстве духовно-нравственных существ, каковы духи и души человеческие, властвует единая природа, одна цель бытия и один закон единомыслия, вытекающий из закона любви, связующий все духовно-нравственные существа и души. Бытие – жизнь души не только для нее одной, но для ее Творца-Бога и для ближних. Ева сотворена для Адама, и бытие ее души предназначено не только для нее одной, но и для полноты бытия Адама.

Итак, состояние души обуславливается состоянием ее окружающих душ, с которыми она состоит в различных отношениях. Скоро же отозвалось на Адаме падшее состояние Евы! Самолюбие – противоестественно душе: полнота жизни души обуславливается ее отношением к Богу и к существам ей подобным. Жизнь души тесно связана с жизнью существ ей подобных и состоящих с ней в разных отношениях, а потому и невозможно чтобы один и тот же дух, животворяющий их, не был проводником, приводящим души к согласию, единомыслию – при разных состояниях, особенно в радости, печали и в других сильных состояниях.

Чувство радости, печали и вообще состояния души, принимаемые близко к сердцу другой душой, составляют чувствования. Сердцу принадлежат: чувства, предчувствия, сочувствия. И потому радость и печаль тоже неотъемлемо принадлежат сердцу. Если в народе поговорка, не лишенная истины, что «сердце сердцу весть подает». Не значит ли это проявлять сочувствие? Сочувствие есть естественное свойство души; и плакать, и радоваться вместе с ближними свойственно душе. Нравственное падение человека исказило природные свойства души, и прирожденная любовь и ненависть стали действовать превратно. Уменьшение веры и любви, плотское мудрствование, испорченность сердца – сочувствие обратили в нечувствие. Человек так мало знает в сравнении с тем, что он в состоянии познать (насколько ему это будет дозволено Богом), что ныне имеющееся знание равняется почти незнанию. Истина эта, подтверждаемая здравым умом, высказана и св. апостолом Павлом, избранным сосудом Святаго Духа. Сколько таинственного в человеческой природе, которую составляют плоть, душа и дух! Душа и тело сочувствуют друг другу, и душевное состояние тела отражается на состоянии души.

Итак, для существ духовно-нравственных сочувствие есть природное свойство. Из сочувствия друг другу частей малого тела, каково – наше, безошибочно заключаем о сочувствии частей, членов большого тела – Церкви Христовой, царства Божьего, которое

«добро зело», потому что только в нем – правда, мир, радость, высокое, прекрасное и доброе.

Смерть поначалу производит скорбь – по причине видимого разлучения с любимым лицом. Сила, степень скорби зависит от силы любви, связующей двух лиц, и от взаимных между ними отношений: в плаче, слезах. Говорят, что скорбящей душе бывает гораздо легче после пролития слез. Скорбь без плача сильно гнетет душу. А поскольку душа находится в тесном, таинственном союзе и отношении с телом, при посредстве которого, как орудия, душа может изъявлять свои различные душевные состояния, то слезы выражают душевную скорбь. Плач, слезы поэтому – требование природы. А верою предписывается только воздержанный умеренный плач. Итак, природа требует плача, слез. А вера утешает: дескать, духовный союз с умершим не расторгнут смертью, умерший с нами, живыми, пребывает своим духом, он жив.

Закон сочувствия состоит в том, что плач, слезы одного производят скорбное состояние в душе другого, и нередко слышим: «твои слезы, твой плач, твоя скорбь, твое уныние наводят тоску и на мою душу». Уезжающий куда-нибудь далеко и надолго прости того, с кем разлучается, не плакать, а молиться Богу. Умерший в этом случае, совершенно подобен уехавшему, удалившемуся; с тем только различием, что разлука с первым: т.е. умершим, быть может, наиболее коротка, и каждый следующий час может стать опять часом радостного свидания – по заповеди, данной Богом, быть готовым к переселению в загробный мир во всякий час. Поэтому неумеренный плач бесполезен и вреден разлучившимся; он мешает молитве, через которую верующему все возможно.

Молитва и сетование о грехах полезны обоим разлучившимся. Души через молитву очищаются от грехов. Эту истину засвидетельствовал Сам Господь Иисус Христос, говоря в одном случае: «Не плач!» а в другом ублажая: «Блаженны плачущие!» Поскольку любовь к отошедшим не может угаснуть, потому и повелено проявлять сочувствие к ним – носить тяготы друг руга, ходатайствовать за грехи умерших, как бы за свои собственные. А отсюда рождается плач о грехах усопшего, через что подвигается Бог на милости к умершему, по непреложному обещанию услышать просящего с верою. Вместе с тем Спаситель доставляет блаженство и ходатаю за умершего.

Эта психическая истина – сочувствие души – должна быть свойственна и душам отошедшим. Они, умирая, уже просили не плакать о них, как о якобы не существующих, а молиться за них Богу, не забывать и любить. И потому неумеренный плач об умершем вреден и живому, и умершему. Плакать нужно не о том, что наши близкие переселились в иной мир, (ведь тот мир лучше нашего), а о грехах. Такой плач и Богу приятен, и умершим доставляет пользу, и плачущим готовит верную награду за гробом.

Но как же помилует Бог умершего, если живой не молится о нем, не благодушествует, а предается неумеренному плачу, унынию, а быть может и ропоту? Итак, не чувствуя на себе милосердия Божьего, ушедшие скорбят о нашей беспечности.

Усопшие на опыте узнали о вечном житии человека, и нам, еще оставшимся здесь, остается только стремиться к улучшению их состояния, как заповедано нам Богом: «ищите прежде всего царствия Божьего и правды Его» и «тяготы носите друг друга». Наша жизнь много поможет состоянию умерших, если мы принимаем участие в них.

Чтобы ясно представить себе загробное состояние умерших, еще в Ветхом Завете слово Божье предписывало для удержания человека от зла постоянно помнить смерть, неизбежность перехода в загробную жизнь. Имея перед внутренним взором загробную

жизнь, тем самым мы уже как бы не разлучались с умершими, а, уклоняясь от всего земного, греховного, прилеплялись к загробному состоянию. А так как все грешны перед Богом, и умершие и живые, то по необходимости мы должны разделять участь усопших, которая и нас ожидает после смерти. Состояние умерших есть будущее наше состояние, а поэтому оно и должно быть близко нашему сердцу. Все, что только может улучшить это скорбное состояние загробное – приятно умершим и полезно нам.

Иисус Христос повелел быть готовым к смерти во всякий час. Значит, быт в постоянном союзе и общении с опередившими нас на пути в загробную жизнь. Нельзя исполнить этой заповеди (помнить о смерти, представлять и предощущать – суд, рай, ад, вечность), если не представляешь себе и обитателей загробного мира; следовательно, память об умерших находится в тесной связи с этой заповедью. Нельзя представить суд, рай и ад без людей, в числе которых находятся и наши родственники, знакомые и все любезные сердцу нашему. А что же это за сердце, которое не тронулось бы состоянием грешных в загробной жизни. Видя утопающего, поневоле спешишь подать руку помощи, чтобы спасти. Живо представляя загробное состояние грешников, невольно станешь искать средств к их спасению. Итак, если заповедана нам память о смерти, то, значит, и память об умерших заповедана.

Если, видя погибающего, я стал бы только плакать, не употребляя никаких возможных для меня средств к его спасению, стоял бы перед ним и, - чем бы улучшил его состояние? И Спаситель о таких бесполезных слезах наинской вдовы, хоронившей единственного своего сына, опору старости, утешение вдовства, сказал ей: «не плачь!» Эту истину подтвердил и святой апостол Павел христианам, плачущим о своих умерших. «Не скорбите!» - учил он. Понятно, что запрещается нам только вредное, а повелевается полезное. Плач запрещается, а великодушие повелевается. Сам Иисус Христос объяснил, почему плач бесполезен, сказав Марфе, сестре Лазаря, что брат ее воскреснет, а Иаиру, что дочь его не умерла, а спит; и в доругом месте учил, что Он Бог не мертвых, а Бог – живых; следовательно, перешедшие в мир загробный все живы, что же плакать о живых, к которым и мы в свой час придем? Златоуст учит, что умершему честь творят не рыдания и клики, но песни и псалмопения и житие изрядное. Хочешь ли почтить умершего? Твори милостыни, благодеяния и литургии. Какая польза от многих рыданий? Такой плач Господь запретил, сказав: «не плач». Но молись и рыдай о грехах умершего, что и доставит ему радость вечную. Господь такие рыдания о грехах похваляет, и за спасение умершего спасающему также обещает блаженство: «блаженны плачущие!» Плач неутешный, безнадежный, не проникнутый верою в загробную жизнь, - запретил Господь запретил и апостол Павел. Но плач, выражающий скорбь от разлучения сожития на земле, плач, который явил и Сам Иисус Христос на могиле Лазаря, - такой плач не воспрещен.

Златоуст умоляет нас верных, чтобы мы не подражали неверным, не знающим, как христиане, обещанного воскресения и будущей жизни. Чтобы не раздирали наших одежд, не били себя в грудь, не рвали волос на голове и не делали бы тому подобные бесчиния, и тем самым не творили бы пакости и себе, и умершему. Из этих слов Златоуста понятно сочувствие умерших к состоянию живых. Ясно и то, насколько бесполезен, и даже вреден и тягостен, неблагоразумный плач живых о перешедших за гроб.

Явление во сне священнику-вдовцу умершей жены открыло, как тягостно умершим нашим от нашей дурной жизни и как сердечно умершие желают, чтобы мы, живые, проводили жизнь по-христиански, имея обетование воскресения и вечной жизни за гробом.

Итак, если и в аду души, участь которых еще не решена, при всем своем горестном состоянии, помнят своих любезных сердцу, оставшихся на земле, и заботятся об их загробной участи, то что же сказать о пребывающих в преддверии блаженства, об их заботливости, попечении о живущих на земле? Их любовь, теперь уже ничем земным, никакими скорбями и страстями не умаляемая, горит еще сильнее, и их покой нарушается лишь любвеобильным попечением о пребывающих на земле. «Они, - как говорит св. Киприан, - уверившись в своем спасении, беспокоятся о спасении еще пребывающих на земле».

Дух человека, имеющий божественное происхождение, уверяет человека в несомненном получении от Бога просимого, желаемого, оставляя для человека спасительную надежду на Бога. Итак, надежда есть успокоение человеческого сердца в Боге, в получении от Него просимого или желаемого. Можем заключит, что надежа есть понятие общечеловеческое, как состояние души, основывающееся на вере, составляющей естественную принадлежность души и, следовательно, всего человечества.

Не было и нет ни одного народа, который не имел бы каких-либо верований, с тем только различием, что у диких, необразованных племен религия не составляет, как у нас, последовательного учения. Если вера естественна человеку, то, следовательно, «надежда» есть понятие общечеловеческое. Успокоение сердца в достижении чего-либо составляет надежду вообще. Люди на земле находятся в таких отношениях друг к другу, что в различных обстоятельствах надеются друг на друга, например, имея нужду в защите, в помощи, в утешении, в ходатайстве. Так, например, дети надеются на родителей, жены на мужей и мужья на жен, родственники на родственников, на знакомых, друзей, подчиненные на начальников, общества на общества, подданные на государя и государь на подданных; и, далее, государство надеется на государство. И такая надежда согласна с волею Божьей, если только надежда на человека или государство не превышает надежды на Бога. Любовь ест основание надежды и, связанные любовью, мы надеемся друг на друга. Мысли, желания и чувствования составляют содержание невидимой деятельности души, деятельности, носящей в себе отпечаток нематериального.

Душе присуща надежда на Бога и на себе подобные существа, с которыми она находится в различных соотношениях. Разлучившись с телом и вступив в загробную жизнь, душа сохраняет при себе все, что ей принадлежит, в том числе и надежду на Бога и на оставшихся на земле близких и дорогих ей людей. Блаженный Августин пишет: «Почившие надеются получить помощь через нас; ибо время делания отлетело от них». Ту же истину подтверждает и св. Ефрем Сирин: «Если на земле, переселяясь из одной страны в другую, мы имеем нужду в путеводителях, то как это станет необходимо, когда будем переходить в жизнь вечную».

Надежда – принадлежность бессмертной души. Мы надеемся через ходатайство святых пользоваться благословением Божьим и получить спасение, и, следовательно, имеем в них нужду. Так точно и умершие, не достигшие еще блаженства, имеют в нас, живых, нужду и на нас надеются.

Как уже было сказано, душа, переходя за гроб со всеми силами, способностями, привычками, наклонностями, будучи живой и бессмертной, продолжает и за гробом свою духовную деятельность ее отдельных сил. Следовательно, и желание, как способность души, продолжает свою деятельность за гробом. Предмет деятельности желания – истина, стремление к высокому, прекрасному и доброму, поиск правды, мира и радости, жажда жизни, стремление к дальнейшему развитию, совершенствованию жизни. Жажда жизни –

стремление к естественному источнику жизни, к Богу – ест изначальная принадлежность духа человеческого.

Желания, хотения, которыми душа на земле себя обнаружила, не оставят ее и за гробом. Мы желаем теперь, еще будучи живыми, чтобы за нас молились Богу; равно желаем, чтобы не забыли нас и после смерти. Если желаем теперь, то что же воспрепятствует желать этого и за гробом? Разве не будет этой душевной силы? Куда она денется? В притче Спасителя о богаче и Лазаре разве не открываются желания богатого, например, утолить духовную жажду, известить братьев, на земле живущих? Приближаясь к смерти ап. Павел просил, чтобы верующие молились о нем самом (Еф. 6: 18, 19). Если даже избранный сосуд Святаго Духа, бывший в раю, желал молитвы за себя, то что же сказать о несовершенных усопших? Разумеется, и они желают, чтобы мы не забывали их, ходатайствовали за них перед Богом и чем только можем помогали им. Они точно так же желают наших молитв как мы, еще живые, желаем, чтобы о нас молились святые, и святые желают спасения и нам, живым, а равно и усопшим несовершенным.

Желая наших молитв и вообще ходатайства перед Богом, несовершенные усопшие в то же время хотят и для нас, живых, спасений; желают исправления нашей земной жизни. Вспомним попечение богатого в аду о своих братьях, оставшихся на земле. В этом-то желании наших молитв и заключается прежде всего отношение умерших к нам. Св. Церковь, зная их загробное состояние и понимая, что все мы грешны перед Богом, чтобы успешнее подействовать на сердца живых, обращается к нам от имени почивших с такими словами: «Помолитесь о нас; никогда ваши молитвы так не нужны нам, как в настоящие минуты. Мы теперь к Судье отходим, где нет лицеприятия; просим всех и молим: помолитесь о нас Христу Богу, да не низведены будем, по грехам нашим, на место мучения; но да упокоит нас, где свет живой, где нет ни печали, ни болезни, ни воздыхания, но есть жизнь бесконечная». Это – общая нужда каждой отошедшей от земли души, и Церковь выражает ее нам, живым, чтобы мы сочувствовали им. За наше к ним сочувствие, за наши молитвы и они с того света пришлют нам свое благословение, как выразился протоиерей Путятин. Любя нас чистосердечно, они страшатся, беспокоятся за нас, чтобы мы не изменили вере и любви. И все их делание состоит в том, чтобы мы следовали учению Господа Иисуса Христа, подражая жизни добрых христиан.

Нам приятно, когда наши желания исполняются. Отходящий, желая продолжить исполнение своих дел на земле и после смерти, поручает воплотить свою волю другому, оставшемуся. Умерший, таким образом, действует посредством живого так точно, как старший посредством младшего, господин через раба, больной посредством здорового, отъезжающий через оставшегося. В этой деятельности участвуют два лица: заповедавший и исполняющий. Плоды деятельности принадлежат ее вдохновителю, где бы он ни был; ему принадлежит слава, благодарение и воздаяние. Исполнение христианского завещания доставляет завещателю покой, так как за него возносятся Богу молитвы о вечном его упокоении. Не исполнение же такого завещания лишает завещателя покоя, так как получается, то он уже ничего не предпринимает для общего блага. Неисполнивший завещания подлежит суду Божьему как убийца, как отнявший средства, которые могли бы спасти завещателя из ада, избавить его от вечной смерти. Он похитил жизнь почившего, он не использовал возможности, могущие доставить тому жизнь, он не раздал его имение нищим! А слово Божье утверждает, что милостыня избавляет от смерти, следовательно, оставшийся на земле – причина смерти живущего за гробом, то есть – убийца. Он виноват как убийца. Но здесь, правда, возможен случай, когда не принята жертва покойного. Наверное, не без причины, на все – воля Божья.

Последнее желание, разумеется, если оно не будет противозаконно, последняя воля умирающего исполняется свято – во имя покоя отошедшего и собственной совести исполнителя завещания. Исполнением христианского завещания подвигается Бог на милость к умершему. Он услышит просящего с верою, а вместе с тем доставит блаженство и ходатаю за умершего.

Вообще, все наши нерадения относительно умерших не остаются без печальных последствий. Есть пословица: «мертвец у ворот не стоит, а свое возьмет!» По всей вероятности, она выражает те неприятные следствия, которые происходят от несохранения верного отношения живых к почившим. Нельзя пренебрегать этой поговоркой, ибо она содержит немалую часть истины.

До окончательного решения Божьего суда даже праведники в раю еще не чужды скорби происходящей от их любви к грешникам, еще пребывающим на земле, и к грешникам, пребывающим в аду. И скорбное состояние грешников в аду, чья судьба окончательно не решена, увеличивается нашей грешной жизнью. Почивший, где бы ни был, в раю или в аду, желает, чтобы его завещание было исполнено точно, в особенности же если исполнение завещанного может улучшить загробное состояние почившего. Если же умершие лишаются благодати через нашу небрежность или злой умысел, то они могут вызвать к Богу об отмщении, и истинный Мститель не опоздает. Кара Божья вскоре постигнет таких несправедливцев. Похищенное имение почившего, ставшее собственностью похитителя, не пойдет последнему впрок. Как говорят: «все взял огонь, все пошло прахом!» За попранную честь, имущество, права почившего страдали, страдают и поныне многие. Муки бывают до бесконечности разнообразны. Люди страдают и не понимают причины, или, лучше сказать, не хотят сознаться в своей вине, в несохранении любви к ближнему.

Живые, опередившие нас своим переходом в загробную жизнь, если они любят нас, заботятся о нас, то естественно, что ждут нас к себе. Наслаждающиеся бессмертием наши отцы, братья, сестры, друзья, супруги в загробной жизни желают опять с нами свидеться. Какое множество душ ожидает нас там? Мы странники… Так как же не желать нам достигнуть отечества, закончить странствия и почить уже в безбедном пристанище, где все опередившие нас ждут. И мы рано или поздно соединимся с ними и будем навеки вместе, лицом к лицу, по словам апостола Павла: «всегда с Господом будем» (Фес. 4: 17). Значит, и вместе со всеми угодившими Богу.

Все младенцы, умершие после св. Крещения, несомненно получат спасение, по силе смерти Иисуса Христа. Ибо если они чисты от общего греха, потому что: очищаются Божественным крещением, и от своего собственного (так как дети не имеют еще своего произвола и потому не грешат), то, без всякого сомнения, они спасаются. Следовательно, родители при рождении детей обязаны позаботиться: ввести через св. Крещение новых членов Христовой Церкви в православную веру, чем и сделать их наследниками жизни вечной во Христе. Если без веры невозможно спасение, то, понятно, что загробная участь некрещеных младенцев незавидна.

О загробном состоянии младенцев свидетельствуют слова И. Златоуста, сказанные им от имени детей в утешение плачущим родителям: «Не плачьте, исход наш и прохождение воздушных мытарств, в сопровождении Ангелов, были беспечальны. Диаволы ничего в нас не нашли и милостью Владыки нашего, Бога, находимся там, где пребывают Ангелы и все святые, и молимся о вас Богу» (его Слово в субботу Мясопустную). Итак, если дети молятся, значит, сознают существование своих родителей, помнят и любят их. Степень блаженства младенцев, по учению отцов Церкви, прекраснее, нежели даже девственников

и святых; они – чада Божьи, питомцы Духа Святаго («Творения святых отцов» ч.5, стр. 207). Загробный голос мертвецов к своим родителям взывает устами Церкви: «Я рано умер, но зато не успел и очернить себя грехами, как вы, и избежал опасности грешить; поэтому лучше о самих себе, согрешающих, плачьте всегда» (чин погребения младенцев). Родители с христианским смирением и преданностью воле Божьей должны переносить скорбь разлуки с детьми и не должны предаваться безутешной скорби о смерти их. Любовь к умершим детям должна проявляться в молитве за них. Мать – христианка видит в своем умершем ребенке своего ближайшего молитвенника перед Престолом Господним, и в благоговейном умилении благословляет Господа и за него и за себя. Господь наш Иисус Христос прямо возвестил, что таковых (т.е. детей) за гробом ожидает Царство Небесное, блаженная вечная жизнь (Мф. 18: 3; Лк. 18: 16).

Сходное верование о блаженстве умерших младенцев мы встречаем и у древних перуанцев: смерть новорожденного ребенка даже считается у них радостным событием, которое празднуют танцами и попойками, так как они убеждены, что умерший ребенок непосредственно превращается в ангела (Гельвальд. «Естественная история племен и народов» т.1, стр. 481)

СОЮЗ И ОБЩЕНИЕ ДУШ В ЗАГРОБНОМ МИРЕ

Душа, пребывая в теле, на земле действовала всеми своими силами среди существ ей подобных. Перейдя за гроб, она продолжает жить, так как она бессмертна. И, по учению Св. Церкви, опять же обитает среди таких же существ – духов и душ, а следовательно, и действует посредством всех своих сил, способностей, как жила и действовала на земле.

Если земная жизнь должна стать приготовлением к жизни загробной, по учению Господа Иисуса Христа, то загробная деятельность будет продолжением земной деятельности доброй (праведной) или злой (грешной). Напрасно некоторые приписывают душе за гробом какое-то сонное состояние, бездеятельность. Подобное не согласуется с учением Церкви и со свойствами души. Отнять от души ее деятельность – значит отказать ей в возможности быть душой. Неужели же она должна изменить своей вечной, неизменной природе?

Существенное свойство души – бессмертие и непрестанная деятельность, развитие вечное, совершенствование постоянного перехода от одного сознания к другому, или от одного душевного состояния к другому, более совершенному, доброму (в раю), или злому (в аду). Итак, загробное состояние души – деятельное, т.е. душа продолжает действовать, как действовала и прежде на земле.

Здесь, на земле, происходит взаимодействие между душами. То есть несмотря на многие препятствия и трудности, производимые телом душе, все-таки происходит взаимное воздействие душ на души, по естественному назначению деятельности их. Исполняется закон, и душа достигает своего желания воздействием на другую душу настолько, насколько ей здесь возможно. Ведь не только душа отягощена тленным телом, но и ум наш обременен земным жилищем (Прем. 9: 15). Если сказанное верно, то что же можно предположить о деятельности души за гробом, когда она освободится от своего тела, столько препятствующего ей в деятельности на земле? Если она на земле познавала и чувствовала только отчасти (по выражению апостола – несовершенно), то за гробом ее деятельность будет гораздо совершеннее, и души, взаимодействуя, будут познавать и чувствовать друг друга совершенно. И будут видеть, слышать друг друга и беседовать

между собой непонятным теперь для нас образом. Впрочем, и на земле мы не можем себе объяснить доподлинно всю деятельность души. Деятельность эта – изначальная, невидимая, нематериальная, - состоит из мыслей, желаний и чувствований. И, однако же она видима, слышима, чувствуема другими душами, хотя и в теле находящимися, но проводящими жизнь духовную, по заповедям Божьим.

Земная жизнь всех святых есть доказательство сказанного; от них не утаивалось тайное, сокровенное, внутренняя духовная жизнь и невидимая деятельность других. На мысли, желания и чувствования некоторых из них, святые отвечали словами и делами. Не это ли самое убедительное доказательство того, что и за гробом души без тел будут взаимодействовать, не имея нисколько нужды в видимых органах. Так, как угодники Божьи видели, слышали и чувствовали без всякой помощи внешних органов, внутреннее состояние других. Житие святых на земле и их взаимодействие есть начало приготовления к загробной жизни. Они иногда общаются без помощи внешних органов, иногда же посредством их. Вот, между прочим, где причина, почему они так мало заботились, а то и не радели вообще о теле, считая для духовной жизни этот орган даже излишним.

Если знание, основанное на опыте, доказывает истинность того или иного положения, то на основании тех же опытов, произведенных самой жизнью по закону Господню, желающие могут убедиться сами в действительности богооткровенных истин, испытав их на самом себе: подчиняя плоть – духу а ум и сердце – послушанию веры. И вы увидите доподлинно, что настоящая жизнь души, ее деятельность на земле есть начало загробной ее жизни и деятельности.

Разве не являются убедительными свидетельством взаимодействия душ после смерти, например, такие известные факты: человек, объявив заранее близкому человеку о желании своем беседовать с ним, прямо назначает для этого время – сон. И действительно: независимо от тел, покоящихся на своих ложах, души ведут беседу, предмет которой был еще прежде сна им известен.

Говорят, что сон есть образ смерти. Что же такое сон? Состояние человека, при котором прекращается активная деятельность тела и всех внешних чувств. Потому прекращается и всякое общение с миром видимым, со всем окружающим. Исключим тут органические отправления, которые составляют тело только при действительной его смерти. Но жизнь, вечная деятельность души – не замирает в состоянии сна. Тело спит, а душа работает, и объем ее деятельности иногда бывает гораздо обширнее, чем когда бодрствует тело. Таким образом, души, ведя во сне условленную беседу, как об этом было сказано выше, взаимодействовали одна с другой. А так как души таинственно соединены и со своими телами, то известное состояние душ во сне отражалось и на теле, хотя взаимодействие душ во сне происходило без всякого участия в том их тел. В состоянии же бодрствования люди приводят в исполнение то, о чем души беседовали во время сна. Если на земле души взаимодействовали одна с другой без всякого участия в том их тел, то как же и почему не возможны взаимодействия тех же душ за гробом, по отдалении их от своих тел?

Здесь мы говорили о деятельности душ, происходящей с совершенным сознанием, причем заранее было назначено время сна. Есть и другие опыты, подтверждающие нами сказанное и доказывающие, что деятельность души гораздо совершеннее, когда она (душа) во время сна делается свободною от тела. Об этом свидетельствует и Соломон (Прем. 9: 15). Так известно, что многие высокие мысли впервые являлись в душах гениальных людей во время сна, при полной деятельности души, т.е. всех ее сил. И апостол учит, что деятельность души, т.е. деятельность всех ее сил, достигает совершенства только за гробом, в отсутствии тела в первый период, а во второй и с телом,

уже помогающим в деятельности души, а не препятствующим, ибо тело и душа во второй период будут в совершенной гармонии между собой, не как прежде на земле, когда дух воевал с плотью, а плоть восставала на дух.

Все беседы воскресшего Господа со Своими учениками не суть ли прямое свидетельство узнавания, свидания и, общения душ в загробной жизни как в первый, так и во второй период? Не тело Христово, которое еще было Его учениками прославлено, и не внешние потому чувства, а внутренние, принадлежащие единственно душе, открылись. Так сказано в евангельской беседе Господа с двумя учениками. Что же будет препятствовать и душам в первый период за гробом видеть, слышат, чувствовать, быть в общении между собой точно так, как видели, слышали, чувствовали, были в общении с воскресшим Господом на земле Его ученики? Апостолы и все видевшие возносящегося на небо Господа, дают веское доказательство союза и общения душ в загробном мире.

Разве все примеры общения мира видимого с невидимым, душ, пребывающих еще на земле, с духами и душами, находящимися в загробном уже мире, не служат верным и несомненным доказательством, что в загробной жизни увидим, узнаем друг друга, будем вместе, если только окажемся того достойными? Что будем во взаимодействии, и что радостям либо печалям, смотря по роду нашей земной жизни, не будет конца.

Итак, если взаимодействие душ, еще находящихся в теле на земле с уже пребывающими а загробной жизни без тел, возможно, то как же отрицать это за гробом, когда все будут или без грубых тел – в первый период загробной жизни, или в телах новых, духовных – во второй период?..

Теперь приступим к описанию загробной жизни, двух ее состояний: райской жизни и жизни адской, основываясь на учении Св. Православной Церкви о двояком загробном (посмертном) состоянии душ. Но слово Божье свидетельствует и о возможности избавления некоторых душ из ада по молитвам Св. Церкви. Где же находятся эти души до своего избавления, коль середины между раем и адом нет? В раю они не могут быть. Следовательно, их жизнь – в аду. Значение ада и нерешенного состояния есть доказательство сказанного. Ад содержит в себе два состояния: нерешенное и погибшее. Отчего не решены на частном суде некоторые души окончательно? Оттого, что не погибли для Царства Божьего, значит, имеют надежду на жизнь вечную, жизнь с Господом.

По свидетельству слова Божьего, участь не только человечества, но и самых злых духов еще окончательно не решена, что видно из слов, сказанных бесами Господу Иисусу Христу: «что прежде времени пришел мучить нас» (Мф. 8: 29) и прошения: «чтобы не повелел им идти в бездну» (Лк. 8: 31). Только со времени всемирного суда Христова ясно открываются два вечных определения загробных состояния: вечная жизнь и вечная мука. Церковь учит, что в первом периоде загробной жизни одни души наследуют рай, а другие – ад, середины – нет. В Ветхом Завете хоть загробных состояний было два – рай и ад, но все ветхозаветные люди и даже праведники, умирая, нисходили в ад. В Новом Завете состояния душа, перешедших в загробный мир, два: рай и ад. Праведные, угодившие Богу, переходят с земли прямо в рай, присоединяясь к ветхозаветным праведникам, переведенным Господом Иисусом Христом из ада в рай, во время Свого славного воскрешения. Он оставил там (в аду) только от века осужденных, число которых будет увеличиваться постоянно за счет не верующих во Христа, до великого суда. Не одни не верующие во Христа, а и все верующие, но не излечившие себя на земле законным порядком, т.е. деятельным покаянием, следовательно, как грешники, не взирая на степень виновности, переходят после смерти в ад.

Где находятся за гробом те души, участь которых на частном суде окончательно не решена? Чтобы постичь этот вопрос, посмотрим, что значит вообще нерешенное состояние и ад. И для наглядного представления этого вопроса возьмем нечто подобное на земли: темницу и больницу. Первая предназначена для преступников закона, а вторая для больных. Одни из преступников, смотря по роду преступления и степени виновности, определяются на временное заключение в темнице, а другие на вечное. Так точно и в больнице, в которую поступают больные, не способные к здоровой жизни и деятельности: у одних болезнь излечима, а других – смертельна. А потому первые выздоравливают и выходят из больницы, а вторые остаются в ней уже навеки, не выходя, и там умирают. Грешник – нравственно больной, преступник закона: его душа после перехода в загробный мир, как нравственно больная, носящая в себе пятна греховные, сама собою не способна для рая, в котором не может быть никакой нечистоты. И потому она поступает в ад, как в темницу духовную и как бы в больницу нравственных недугов. Поэтому в аду одни души, смотря по роду и степени своей греховности, задерживаются дольше, а другие – меньше. Кто же меньше?.. Души, не утратившие желания спасения, но не успевшие принести на земле плодов истинного покаяния. Они подвергаются временным наказаниям в аду, от которых освобождаются только молитвами Церкви, а не через терпение наказания, как учит католическая Церковь. Все же остальные души в аду остаются до всеобщего суда, после которого уже поступают в то место, которое было приготовлено диаволу, а не человеку, - поступают в геенну.

Итак, в первом периоде и рай и ад, смотря по роду и степени добродетели либо греха (порока), представляют разные степени блаженства и мучения, и потому разные обители. Как немало обителей в доме Отца небесного, точно так же немало камер в темнице и отделений в одной и той же больнице. Но поскольку еще не было окончательного суда и окончательного разделения на праведников и грешников, то существует единение, союз и общение между пребывающими в раю и аду. Сам Господь Иисус Христос представляет этот первый период загробной жизни в притче о богаче и Лазаре.

Предназначенные к спасению, но временно пребывающие в аду, наравне с жителями рая об имени Иисусовом преклоняют свои колена. Это третье, нерешенное, состояние душ в загробной жизни первого периода, т.е. состояние, которое должно стать позже состоянием блаженства, следовательно, и не совершенно чуждое ангельской жизни. О чем поется, например, в одной из пасхальных песен: «Ныне все исполнилось света: небо, и земля и преисподняя..», а также подтверждается словами апостола Павла: «дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних…» (Флп. 2: 10). Здесь под словом «преисподняя» именно и нужно понимать переходное (или нерешенное, но предназначенное ко спасению) состояние душ, которые наравне с обитателями неба и земли преклоняют колена перед именем Иисуса Христа; преклоняют, потому что не лишены благодатного света Христова, просвещающего и освещающего души. Конечно, не преклоняют колен перед Христом обитатели геенны, чуждой совершенно света благодати. Не преклоняют своих колен, демоны и их сообщники, не верующие в Сына Божия Иисуса Христа; поскольку совершенно лишены благодати и потому погибли для жизни вечной.

Итак, в аду есть преклоняющие колена перед именем Иисуса, а есть и не преклоняющие, предназначенные к осуждению еще на земле, умершие для жизни вечной.

Иисус Христос представил картинно в Своей притче о богаче и Лазаре союз и общение трех состояний: живущих на земле с угодившими Богу и пребывающими в раю, а также находящимися в аду в первый период загробной жизни. Представителями трех состояний являются: Авраам и Лазарь из рая, богатый из ада и пять братьев с земли. Если между

преклоняющими колени перед именем Иисуса – жителями рая, и погибшими, не преклоняющими своих колен (в аду), есть союз и общение в первый период, по свидетельству Самого Иисуса Христа, то более теснейший и неразрывный союз и вечное общение существуют между поклоняющимися Господу Иисусу Христу в раю и временно пребывающими в аду. Окончательных состояний Царства Небесного и геенского в этот период еще нет, они откроются после суда, но места для них приготовлены от сотворения мира. Подобную картину общения загробного мира рисует и святитель Димитрий Ростовский: праведники укоряют своих обидчиков-грешников, в аду находящихся (читай далее «Жизнь в аду»).

В римско-католической Церкви есть тоже понятие об особом загробном состоянии, имеющее сходство с учением Православной Церкви о состоянии нерешенном. Это состояние католики именуют «чистилищем». Различные католические богословы отводят ему различные места. Наше нерешенное состояние находится в аду, по учению Православной Церкви. А чистилище, по учению римско-католических богословов, имеет свое место, не зависимое от неба (рая) и внутренности земли (ада). И помещают его одни – в соседстве с небом, другие – на воздухе, третьи – по соседству с адом, внутри земли. А некоторые думают, согласно с Православием, что души могут очищаться в том же самом месте, где находятся осужденные на вечные мучения, т.е. в аду. Подобно тому как в одной темнице могут быть заключены люди двоякого рода: осужденные только на заключение временное и осужденные навсегда.

Есть сходство и различие догмата католической Церкви о чистилище с православным догматом о состоянии нерешенном. Сходство учения заключается в оценке того, какие души принадлежат к этому загробному состоянию. Несходство же состоит в способе и средстве очищения. У католиков очищение требует для души за гробом наказания, если она не имела его на земле. В Православии же – Христос есть очищение для верующих в Него, ибо Он взял на Себя и грехи и следствия греха – наказание. Не совершенно очищенные на земле души нерешенного состояния, по неисповедимому устроению Божьему, врачуются и восполняются благодатью, по ходатайству Церкви торжествующей и воинствующей за умерших несовершенных, в аду пребывающих. Сам Дух Божий ходатайствует о Своих храмах (людях) невыразимыми вздохами. Он беспокоится о спасении Своего создания, падшего, но не отвергающего своего Бога, Господа Иисуса Христа. Умершие же в Св. Пасху, в один из дней ее, особенную от Бога получают милость; если они покаются в своих грехах, то им грехи прощаются, хотя бы они и не принесли плодов покаяния. [Указ о провождении усопших во святую Пасху].

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ И ОПИСАНИЕ РАЯ

Человек, имея нравственное стремление, еще находясь на земле, может переменить свой характер, свое душевное состояние: доброе на злое, или наоборот, злое на доброе. За гробом же этого сделать невозможно; добро остается добром, а зло – злом. Загробная жизнь, как было уже сказано, есть только продолжение развития нравственного состояния души – доброго и злого. Развития, уже не имеющего конца, развития непрестанного. И душа за гробом является уже существом не самовластным, ибо переменить своего развития она уже не в силах, если бы даже и пожелала, чему доказательством служат слова Иисуса Христа: «Связав ему руки и ноги, ввергните во тьму…», а также и слова Авраама, сказанные несчастному богачу, что между раем и геенною – великая пропасть, и что переход из геенны в рай и из рая в геенну – невозможен.

Состояние души после смерти, за гробом, не самовластное, т.е. душа не может свободно начать нового действия. Душа не может приобрести новый образ мыслей и чувствований, и вообще не может переменить себя, но в душе может только далее раскрываться начатое здесь, на земле. Что загробное состояние имеет своим основанием земную жизнь, служит свидетельством слово Божье, дающее земной жизни значение времени сеяния, а загробной жизни – времени жатвы. Что сеется, то и жнется. Таково значение земной жизни, как основания начала относительно жизни загробной – счастливой или несчастной.

Еще в древности в языческом мире был известен нравственный закон самопознания и внимания к себе – каким путем идешь? Несамовластие души за гробом открывается из того, что полная самостоятельность души обусловливается телом, как существенной составной частью человека, и тем, что в противном случае настоящая жизнь не имела бы никакой цели и цены по отношению к будущей, по учению апостола Павла: «Сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную» (Гал. 6:8) Если земная деятельность человека не будет основана, проникнута и управляема христианской верой, то никакие добродетели, никакие подвиги, ничто не спасет человека! Святая христианская вера, выражаемая всей жизнью и делами, есть состояние души, составляющее на земле начало загробной райской жизни, по слову Иисуса Христа: «верующий жив и спасен будет вовеки»

Добро станет все более и более развиваться в вечности. Этим развитием объясняется блаженство, потому что оно есть следствие непрестанного радостного действия и чувства. Однако одно и тоже постоянное ощущение притупляет чувства, и душа делается равнодушной, бесчувственной к ощущаемому, что не согласно с ее бессмертием. А если нет радости, значит, нет блаженства. Спаситель учил: «царство Божье внутри вас». Покоряющие плоть духу, трудящиеся во имя Бога со страхом – радуются неземной радостью, потому что предмет их жизни – Господь Иисус Христос, небо, блаженство и будущая жизнь со Христом и со всеми помилованными (и своими родными, искупленными Господом). Их ум и сердце – в Боге и в небесной жизни; для них все земное – ничто. Их неземной радости ничто не может нарушить; вот начало, предвкушение блаженной загробной жизни! Душа, находящая себе радость в Боге, перейдя в вечность, имеет лицом к лицу предмет, услаждающий чувства.

Итак, в заключение всего нами сказанного о начале этого райского, блаженного состояния на земле, закончим свидетельством самого слова Божьего, что на земле пребывающий в любви с ближним (разумеется, в любви христианской – чистой, духовной, небесной) пребывает уже в Боге и Бог в нем пребывает. Пребывание и общение с Богом на земле есть начало того пребывания и общения с Богом, которое последует в раю. Предназначенным быть наследниками царства Божьего Сам Иисус Христос сказал, что во время их пребывания еще на земле телом – царство Божье уже есть внутри их. То есть телом они еще на земле, а ум и сердце их уже усвоили себе духовное, бесстрастное, свойственное царству Божьему состояние правды, мира и радости.

Не это ли в конце концов ожидает весь мир: вечность поглотит самое время, уничтожит смерть и раскроется перед человечеством во всей своей полноте и беспредельности!

Древние народы и наши современные дикари с понятием о верховном существе, бессмертии души, загробной ее жизни – соединяют понятие и загробного воздаяния за земное странствование. Мысль о загробном воздаянии есть общечеловеческая, как скоро человек (племя) познает свои права и обязанности. Познавши, он чувствует уже необходимость воздаяния за исполнение или нарушение права и обязанности.

За все худое, по понятиям всего человечества, за гробом особое место: место наказания, место отмщения, особое нравственное состояние души. А за хорошее – ждет нас другое место, место награждения, особое нравственное состояние души, отличное от первого. Понятие воздаяния у разных народов и в разные времена было не одинаковое; однако господствующая, основная мысль о награде, и наказании была в основании всех вер. В чем же состояли загробные награды и наказания? Представление о них зависело от степени умственного и нравственного развития племен – применительно к обстоятельствам, сопровождающим земную жизнь.

Итак, сознание необходимости воздаяния за гробом есть следствие нравственного закона, скрывающегося в глубине человеческой природы, закона духа.

В период времени до второго пришествия Христова на суд мира имеются следующие состояния душ: 1) пребывающие еще на земле и 2) находящееся уже в загробном духовно мире: а) в раю и б) в аду, в котором два состояния: нерешенное и погибшее.

Место, куда отходят праведники после частного суда, или вообще состояние их, в Священном Писании имеет разные наименования; самое употребительное и чаще всего встречающееся название – рай. Блаженное состояние праведников называется также лоном Аврамовым, Царством Небесным, царством Божьим, домом Отца небесного, градом Бога Живаго, Иерусалимом небесным. Раем место пребывания, праведников в загробной жизни назвал Сам Господь Иисус Христос, когда сказал благоразумному разбойнику на кресте: «днесь со Мною будешь в раю»; и апостол Павел место пребывания праведников на небе также называет раем (2 Кор. 12: 4). Слово «рай» означает собственно сад, и, в частности, благодатный сад, полный тенистыми и прекрасными деревьями и цветами. В жарких странах востока во время солнечного зноя сад был местом истинного наслаждения и упокоения, а потому слово «рай» стало образным выражением места блаженства праведников в загробном мире.

В другом месте Господь употребляет для обозначения места праведников за гробом другое выражение – лоно Авраама (Лк. 16: 22). Евреи были твердо уверены, что Авраам – друг Божий – живет в раю, и что после смерти души праведников св. Ангелы относят на небо; это верование евреев Господь и подтверждает в Своей притче о богаче и Лазаре. Быть и возлежать вместе с другом Божьим есть уже блаженное состояние для усопших.

Господь Иисус Христос, предлагая учение о блаженстве праведных в загробной жизни и как бы исчисляя добродетели, доставляющие своим делателям блаженную жизнь за гробом, говорит, что нищие духом, а также и изгнанные за правду, суть наследники Царства Небесного. Вот уже третье название состояния праведников, или места пребывания их в загробной жизни. Чтобы уничтожить гордое заблуждение иудеев, думавших, будто бы они одни только войдут в царство Мессии, а также те из язычников, которые примут их веру, - Господь сказал, что все уверовавшие в Него, со всего мира, придут и возлягут с Авраамом, Исааком, Иаковом в царстве небесном (Мф. 5: 3-10; 8: 11).

Иногда же Господь место пребывания праведников на небе называл царством Божьим, например, в речи, обращенной к осужденным: «там будет плач и скрежет зубов, когда увидите Авраама, Исаака и Иакова, и всех Пророков в царстве Божьем; а себя изгнанными вон. И придут от востока и запада, и севера и юга, и возлягут в царстве Божьем» (Лк. 13: 28, 29). И апостол Павел место пребывания святых называет царством Божьим, когда говорит, что плоть и кровь царства Божьего наследуют (1 Кор. 15: 50). Далее в заповеди, данной христианам: «ищите прежде царства Божия и правды Его, и это все приложится вам», т.е. ищите, заботьтесь, старайтесь, чтобы ум и сердце были заняты небесным,

вечным стремлением к приобретению Царства Небесного, чтобы небесное было предпочтено земному. Тогда при такой заботе о вечной загробной жизни, при таком усердии сделаться истинным членом царства Мессии, царства Христова, при таком старании удовлетворить прежде всего потребности души, - все земное приложится как было само собою.

Такому искателю царства Божьего в награду прилагается все нужное, потребное, чувственное. Для ищущих царства Божьего не много нужно на земле чувственного; они довольны бывают малым, и видимая скудость (по понятию светского мира) составляет для них совершенное удовольствие. В другом месте Господь Иисус Христос местожительство праведных называет домом Отца небесного со многими обитателями (Ин. 16: 2), что выражает загробное состояние праведников, определенное место, где Бог особенным образом являет Свое присутствие святым, и где Господь Иисус Христос пребывает в славе со Своим прославленным телом – на небесах. Св. апостол Павел райское состояние праведных за гробом называет градом Бога Живаго, Иерусалимом небесным (Евр. 12: 22; 4: 26).

Из всех наименований, принадлежащих загробному состоянию праведных душ, одни составляют наименования мест или блаженного состояния праведников в первом периоде, именно: рай, лоно Авраамово. А небо и другие наименования относятся к месту или состоянию спасенных во втором периоде. О двух периодах загробной жизни праведников свидетельствуют слова св. апостола Павла; он, вознесенный до третьего неба, слышал там голоса, которыми невозможно человеку разговаривать. Это – первый период загробной райской жизни, жизни блаженной, но еще не совершенной. И далее апостол продолжает, что Бог уготовил праведникам за гробом такое совершенное блаженство, которого нигде на земле не видел глаз человека, ни ухо не слышало, и вообразить, представить себе что-либо подобное человек на земле не может. Это – второй период загробной райской жизни совершенного блаженства. Значит, по словам апостола, второй период райской загробной жизни – уже не третье небо, а другое совершеннейшее состояние или место – Царство Небесное, дом Отца небесного.

Сказанное нами, что одни наименования относятся к названиям первого периода загробной райской жизни, а другие – ко второму периоду, подтверждают еще некоторые из древних святых отцов и учителей Церкви. Св. Афанасий Великий, св. Амвросий, блаж. Августин, св. Григорий Двоеслов выражали это в таких словах: «праведным душам тотчас после частного суда назначалось лоно Авраамово, рай, который считали только преддверием Неба («Богословие Макария архиепископа Харьковского» Т.2, с 550).

И места вечной жизни и покоя, и обители смерти и мучения, по свидетельству Господа Иисуса Христа, уготованы Богом прежде сложения мира; первое – для работающих для Бога, а второе – для диавола и работающих на него. Наследники жизни вечной (или Царства Небесного), по слову Писания, называются земными ангелами, небесными человеками и небесными гражданами.

На земле добрые очень и очень редко вступают в какое-либо общение со злыми, да и невозможен такой контакт из-за различия характеров самих душ. Естественно, и за гробом общение спасенных с осужденными случается нечасто, и только любовь заставляет первых сочувствовать последним.

Состояние святых, нерешенных и погибших – пространственно разделяются между собою глубокой пропастью, по учению Самого Господа Иисуса Христа. Значит рай должен иметь свою определенную местность, отдаленную от ада и геенны. Где же находится рай

по учению слова Божьего? Духовной природе дух будут соответствовать и их будущие жилища. Так, Церковь, учит, что природа рая вполне соответствует природе душ добрых. Как вода заключает в себе все условия, необходимые для жизни в ней рыбы, так рай заключает все необходимое для жизни, т.е. для блаженства. Но где же это место блаженства – рай? Где та обитель, в которой живут праведники за гробом? Само слово Божье оставляет этот вопрос нерешенным и ответ на него – сокрытым. Рай, по учению Церкви, есть определенное место на Небе, где Бог особенным образом являет Себя блаженным духам и избранным Своим, являет Себя им во всей Своей вечной славе, где присутствует Господь Иисус Христос со Своим прославленным телом. Где же на небе рай? Небо – велико! Письменный ответ находим в Откровении, в книге Бытия. Моисей пишет, что Бог насадил рай сладости на востоке (Быт. 2:8). Рай – первое небо, ближайшая к земле горная страна, за которой следуют другие небеса.

Место рая Священным Писанием определяется на востоке. В таком направлении находится рай по отношению к земле. Преподобная Феодора поведала, что после исхождения ее души из тела она с сопутствующими ей Ангелами для достижения небесных обителей направилась к востоку (житие пр. Василия Нового, Четьи-Минеи 26 марта); Великий божий угодник Симеон Дивногорец видел рай на востоке (Четьи-Минеи 24 мая); на востоке видела его преподобная Ефросиния Суздальская в дивном видении своем (Рукописное житие преподобной). Веды (священные книги древнейших жителей Индии), во многом согласны с Библией Моисея и полагают рай на востоке.

И действительно, восток по сравнению с другими сторонами света обладает особой таинственностью, вселяет в душу человека что-то неземное, веселит сердце духовной радостью. Ежедневное восхождение солнца доставляло и доставляет отраду человечеству. Не остается на земле ни одного сердца, в которое тотчас при восходе солнца не пал бы луч духовного света радости. Христиане, чувствуя действие невидимого солнца на душу, обращаются с благодарственной молитвой к Господу Иисусу Христу, просвещающему и освещающему Свое создание, взывая: «Слава Тебе, показавшему нам свет!»… Если же на земле льется с востока радость в души людей, то, вероятно, там-то и есть блаженное жилище духов и душ, уготованное Богом от сложения мира. Предчувствие не обманывало и не обманывает человека!

Православная Церковь, не занимаясь специально отысканием местонахождения рая во вселенной, в своих молитвах, особенно в Великую Субботу и Воскресенье Христово, высказывает свое мнение о месте рая на небе. Так, например, в похвалах к 16-му и 17-му стиху 18-го псалма: «под землею хотением нисшед яко мертв, водищи от земли к небесным оттуда падшие, Иисусе. Аще и мертв виден был еси; но живый яко Бог, взводиши от земли к небесным, оттуда падшие, Иисусе».

В Святую Пасху, на утрени, после 6-й песни канона в синаксаре, Церковь опять высказывает свое мнение о месте рая в словах: «древнее достояние» (т.е. рай) указывается на небе, «воскресением Твоим, Господи, рай паки отверзеся, и иже на небеса восход обновил еси нам».

Слово Божье и здравый разум свидетельствуют, что слово «рай» прежде всего означает название места для святых духов и душ, приготовленного Богом от вечности. Один только Бог не подлежит закону времени и пространства. Он вечен и беспределен; все же остальное, как Его творение, подлежит законам времени и пространства, т.е. существует в известное время, занимая определенное место в пространстве; иначе и быть не может. Следовательно, существа духовно-нравственные – духи и души – подлежат закону

времени и закону пространства. То есть для загробной жизни душ должны существовать определенные места.

Касательно местонахождения рая напомним ответ св. Иоанна Златоуста, что человеку гораздо полезнее и необходимее понимать, что в действительности, существует рай, нежели точно знать, где это место находится. Для спасения довольно знать, что рай есть. Ты спрашиваешь, в каком месте пространства расположен рай? Полагаю, что вне этого мира. Давайте думать не о том, где он находится, но о средствах приобрести его. Златоуст, не одобряя любопытства; относительно месторасположения рая, не воспрещает, однако, тех полезных размышлений и изысканий о рае, которые приводят к страху Божьему и уклонять от зла. Более того, он завещает постоянно упражняться в них, непрестанно имея перед глазами рай.

Рай получают только за добродетели. Награду за гробом имеют только добродетельные. Даже в сознании дикарей счастливой загробной жизни соответствуют довольство и радость. Так, эскимос, житель полярных стран, обреченный на жизнь среди льда, снега и мороза, под тяжким гнетом окружающей его природы, мечтает и надеется на лучшее за гробом, руководимый бессмертным духом. По представлению эскимоса, его загробная жизнь – блаженная, вечно теплая страна со всегдашним сияющим солнцем. Расположен этот рай за океаном, которые есть единственный источник существования эскимоса. Скудость продовольствия на северной земле восполняется за гробом с избытком; и поскольку дикарь не имел в совершенном довольстве рыбы, единственной его пищи, постольку его загробное жилище (вдали за океаном) изобилует рыбой и дичью. Основная истина духа, что загробное лучше земного и что за великодушное терпение на земле бывает воздаяние после смерти, выражается в представлении эскимоса в чувственных формах; скорби и все лишения суровой земной жизни эскимос преодолевает с надеждой на лучшую участь за гробом.

Рай камчадала также преисполнен чувственности. Здесь нет недостатка в пище, в рыбе и дичи. В раю камчадала нет вулканов, болот, казаков и русских. Спутник его земной жизни – собака – в раю уже не издыхает. Там будет много собак. Большая часть диких племен полагают рай а небе, в Млечный Путь считают дорогой к небесному раю. Полярные дикари в северном сиянии видят небесных духов, летающих на небе. Из слов Иисуса Христа: «а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов… а негодного раба выбросьте во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов» (Мф. 8: 12; 25: 30), определивших характер геенны, видно, что блаженной жизни необходимо такое место, где были бы и свет и теплота, ибо без них есть лишь плач и скрежет зубов.

Что же такое свет и теплота в местожительстве праведников?

Свет и теплота суть два физических явления (силы), при которых только и возможна жизнь, а следовательно и деятельность. Где нет света и теплоты, там нет и жизни, там все мертво, безжизненно.

Как для физической природы души и тела необходимы физические свет и теплота, так и для нравственной духовной природы души необходимы духовные свет и теплота, просвещение и согревающие душу благодатью блаженства.

Итак, если и душа имеет свою телесность, то местопребывание ее должно обладать природой физической, телесной, чувственной, эфирной. Для вечного чувственного света не нужно наше видимое солнце. Перечисленные свойства вполне могут удовлетворить

электричество, как оно и было в начале творения земли, пока не явилось солнце, скрытое в густоте атмосферы. Если, как свидетельствует наука, жизнь на земле, освещенной еще не солнцем, а электричеством была так сильна, то что же мешает признать этот электрический свет сияющим и в месте упокоения праведников, где жизни и развитие не прекращаются?

Библия (Быт. 2: 8-9) представляет рай дивным и обширнейшим садом на востоке, и потому-то восток в Христианской Церкви имеет столь большое значение. Так, храмы строятся алтарем на восток; покойники кладутся лицом к востоку; православные молятся на восток. Многие угодники Божьи Новозаветной Церкви видели рай садом. Он и в действительности таков; но вещество его и природа, кроме того, соответствует естеству его жителей – духов. И поэтому рай недоступен для наших чувств, огрубевших от грехопадения.

При погребении Божьей Матери св. Иоанн Богослов шел с райской ветвью, принесенной на землю из рая Архангелом Гавриилом. Св. Макарий Великий пишет, что после смерти наследующие рай встречаются, и отводятся в особенные сады, в приготовленные заблаговременно обители, где на них надеваются драгоценные одеяния (Бесед. 16: 8). Св. Григорий Синаит пишет, что рай есть низшее небо; что деревья садов там, постоянно покрыты цветами и плодами; посреди рая течет река, разделяющаяся на четыре рукава. Об этой реке повествует Моисей в своей бытейской книге (2: 10).

У всех святых отцов и учителей Церкви рай представляется садом дивной, неописанной красоты, природа которого вполне соответствует тонкой эфирной природе души, недоступной нашим огрубевшим чувствам. Однако же при содействии Святаго Духа для некоторых рай был доступен и на земле: для тех, чьи тела являлись совершенным храмом, сосудом Святаго Духа. Рай воспринимался ими посредством очищенных чувств, т.е. через живую веру действием Святаго Духа приведенным в естественное свое состояние, соответствующее состоянию прародителей до их грехопадения.

Подобно апостолу Павлу, вознесенному однажды в рай, был взят в рай и один благочестивый подвижник, игумен Власий. Он начал служение Богу с ранних лети был украшен всеми добродетелями. Власию явилось непреодолимое желание узнать, в какое место за гробом вселяются души монахов, хорошо потрудившихся во время земной жизни. После трехлетней келейной еженощной молитвы, в одну из ночей игумен Власий, по обычаю молясь, внезапно был вознесен в рай. Вдруг он чувствует, что ходит по какому-то полю; то был рай Божий. Блаженный Власий вошел в рай, который представлялся цветущим садом, исполненным ароматом, где росли разные фруктовые деревья. В раю он увидел монаха своего монастыря Ефросима, Власий подошел к нему и спросил: «Это ты, сын мой Ефросим? Что ты здесь делаешь?» «Я поставлен здесь от Бога стражем», - отвечал Ефросим. «А можешь ли мне что-нибудь дать, если я у тебя попрошу?» - продолжал Власий. «Могу, проси». Тогда Власий, показав рукою на яблоню, сказал: «Дай мне с этой яблони три яблока». Ефросим снял три яблока и подал их игумену. Игумен принял их в мантию и тотчас пришел в себя.

Он опять видит себя в келье и три яблока в мантии. Зазвонили к утрене. По окончании богослужения игумен приказал братиям, чтобы никто из них не выходил из церкви. Призвав из поварни Ефросима, спросил его: «Сын мой, где был ты в эту ночь?» Ефросим, опустив глаза в землю, стоял и молчал. Старец, не переставал его допрашивать; тогда Ефросим отвечал: «Там, авва, где ты видел меня». «А где я видел тебя?» - настаивал старец. Ефросим отвечал: Где просил у меня три яблока, в Святом Божьем раю, и я тебе их дал, а ты принял». «Вот эти три яблока, полученные мною в Божьем раю»,- продолжил

игумен, показывая их братии. «В эту ночь Бог сподобил меня быть в раю и видеть его». Яблоки на благословение были разделены между братией. И кто из монахов был болен, после вкушения райских плодов делался совершенно здоровым. (Алфавитный патерик).

Из этого сказания видно, что Ефросим и Власий были в раю только своими душами, находившимися в полном сознании. И внешний вид души соответствовал внешности человека в его теле. При душах были органы чувств с полным своим действием, как, например, зрение. Души разговаривали, употребляя в разговоре слова; умственная способность также была при душах.

Закончим описание рая первого периода словам апостола Павла, бывшего там, видевшего все и слышавшего непередаваемые голоса, «которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12: 3,4)

Западное учение о небесном рае весьма неопределенно; лучшие из западных богословов (Бережье) как бы невольно приходят к заключению, что рай находится на небе.

В рай идут души праведников и истинно покаявшихся грешников после частного суда Христова, в 40-й день по разлучении души с телом. По учению Самого Господа Иисуса Христа, рай наследуют только одни верные – верующие в Господа Иисуса Христа и потому крещеные, как видимым знаком, засвидетельствовавшие свою веру: «Кто будет веровать и крестится, спасен будет» (Ин. 5: 29). Следовательно, другого пути ко спасению нет, кроме деятельной веры. Одни только верующие в Господа Иисуса Христа делаются наследниками Царства Небесного. Однако не все верующие и крестившиеся получат спасение, а только те, которые будут жить согласно с верой, - жить по закону Христову, как об этом засвидетельствовал Сам Иисус Христос: «И изыдут творившие добро в воскресение жизни» (Ин. 5: 29), т.е. оправдавшие свою веру делами. Учение Иисуса Христа о блаженстве определило тех, которые могут быть жителями рая. Это: нищие духом, плачущие о грехах, кроткие, алчущие и жаждущие правды, милосердные, чистые сердцем, миротворцы, претерпевшие за правду гонение, поругание и изгнание и т.д. (Лук. 6: 20-21).

Апостол Павел пишет, что в рай войдут только жившие на земле по духу Христову, который выражается в следующих девяти добродетелях: в любви, в радости, в мире, в долготерпении, в благочестии, в милосердии, в вере, в кротости, в воздержании (Гал. 5: 22). Кто эти добродетели имеет, тот наследник рая. Творящие дела веры, любви – получают рай. Милосердные, милостивые на земле – будут помилованы на суде и сделаются жителями рая. В рай войдут чистые сердцем, милостивые, сострадательные, воздержанные, целомудренные, постники, строгие блюстители своего и других благочестий и благонравий. Блудников, прелюбодеев будет судить Бог (Евр. 13: 4). Ни блудники, ни прелюбодеи царства Божьего не наследуют (1 Кор. 6: 9-10), если не принесут должного покаяния. Следовательно, рай наследуют девственники и хранящие супружескую чистоту и верность, а также хранители вдовства, как не расторженного на небесах брака. Красота добродетели и благодать Божья сияют на лицах добрых Ангелов; этот характер запечатлен и на лицах жителей рая.

Представители двух полов на земле – Адам и Ева – до грехопадения были бессмертны и душой и телом. Следовательно, тело по воскресении, соединившись со своею душой, опять даст нового духовного человека известного пола. Воплотившийся Сын Божий и Божья Матерь суть представители двух полов в загробной райской жизни. Явление святых земным людям подтверждает истину о существовании двух полов за гробом. Загробная

жизнь – уже не земная, а ангельская. Там нет нужды в браке, да он уже и невозможен. Брак необходим был на земле для поддержания рода человеческого.

Духовные отношения людей, начавшиеся на земле, сохраняются, иначе и быть не может, и в загробном мире, для которого эти отношения и предназначались.

Брат останется и тем братом, относительно своей сестры, если она была у него на земле и если тоже стала участницей райской жизни. Жена останется относительно своего мужа женой, ее права на это будут при ней; ее духовные отношения к мужу определены Самим Богом. Если не кончается бытие души телесной смертью, если ей предстоит отдать отчет в своих действиях, например, в исполнении или неисполнении обязанности жены, - отдавая отчет, душа ведь должна сохранить и пол свой. Не согласно со здравым рассудком, чтобы бесполая душа отдавала бы отчет в действиях, ей не принадлежащих или ей не свойственных.

Слово Божье научает нас, что после воскресения тела соединятся со своими душами; следовательно, всякая душа опять навеки соединится со своим телом. Тело есть орган души, орудие ее видимого проявления. Ошибочно думать, что различие полов заключается только во внешних качествах. Характер, свойство того и другого пола принадлежат не столько телу, сколько душе. С этими естественными свойствами, отличающими одну душу от другой, душа переходит с земли в загробный мир. Еще без тела несчастный богач в аду узнал тоже бестелесных Авраама и Лазаря. Но ведь почему-то не спутал их с Евою, Сарою, Ревекою и другими женщинами, находящимися в раю. Справедливо на земле говорят: такой-то с характером женским, а такая-то с характером мужским; однако ни тот- не женщина, ни эта – не мужчина; здесь только говорится о некотором сходстве характеров. Точно так же, как бывает, что мужчины имеют женское лицо, и женщины – мужское, сохраняя, однако же, при себе свой пол – естественный характер души.

О существовании полов в загробной жизни Блаженный Августин пишет так: «тогда изгнано будет из плоти лишь недостаточное, а сама природа ее сохранится. Но пол женщины вовсе не есть недостаток (как учили догматики средних веков о несовершенстве женского пола), но природа, которая, конечно, тогда не будет ни зачинать, ни рождать, поэтому не будет и бракосочетаний, но будет продолжать существовать в своих женских членах не для прежнего употребления, но для нового украшения, и никогда не будет она возбуждать похоти, того, кто будет созерцать это. Напротив, она послужит новой причиной прославить мудрость и благость Бога, который некогда сотворил то, чего не было, и избавил от нетления то, что сотворил. Кто таким образом сотворил оба пола, Тот и сохранит их».

Число спасенных праведников, святых – гораздо меньше числа погибших, что видно из слов Самого Господа Иисуса Христа: «не бойся малое стадо!.., много званных, а мало избранных» (Лк. 12: 32; Мф. 22: 14). И Священная история подтверждает нам эту истину: Лот с семейством были праведны, а весь осужденный город – грешен; Ной с семейством были единственные праведники на все тогдашнее человечество. И всегда видно, что сынов Божьих насчитывается гораздо меньше, чем собственно сынов человеческих. При втором славном пришествии, по словам Иисуса Христа, мало найдется верных.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ БЛАЖЕННОЙ ЖИЗНИ

Основанием блаженства в раю в первом периоде есть пребывание и общение с Господом Иисусом Христом, лицезрение Его, как Сам Он об этому учил, говоря, что верующие будут с Ним и станут участниками славы Его. Далее сказано и о лицезрении Господа верными: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5: 8). И потому апостол Павел от нетерпения говорил: «Имею желание разрешиться и быть со Христом» (Флп. 1: 23). Видение Бога открывается тем, кто имеет святость, «без которой никто не увидит Бога» (Евр. 12: 14). Вместе с тем тот же апостол свидетельствует, что блаженство наше за гробом довершится местожительством со всеми Ангелами и праведными душами, а следовательно, и с близкими нашему сердцу, если только они единомышленники наши: «так всегда с Господом будем» (1 Фес. 4: 17).

Иоанн Богослов пишет верующим: «Возлюбленные! Мы теперь дети Божии, но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобные Ему, потому что увидим Его, как Он есть» (1 Ин. 3: 2).

Святые ученики Христовы и апостолы утешали и услаждали себя и всех верующих небесною надеждою всегдашнего единения с Иисусом Христом и между собой (1 Фес. 4: 13-18).

В первом периоде прославление праведников двоякое: на небе – в Церкви торжествующей и на земле – в Церкви воинствующей.

Первую истину о блаженстве святых тотчас же после смерти на небе, в раю, высказал Сам Господь Иисус Христос в притче о богаче и Лазаре, что Лазарь тотчас после смерти был Ангелами отнесен на лоно Авраамово; или в другом месте: «В доме Отца Моего обителей много. А если бы не так, Я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам. И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму к Себе, чтобы и вы были где Я» (Ин. 14: 2-3). Под приготовлением и взятием апостолов разумеется уход, смерть каждого из них, за которым состоится вечное общение с Господом. Вот свидетельство Господа, что святые, угодившие Богу, и праведники тотчас после смерти душами своими в загробном мире вступают в преддверие вечного блаженства через непосредственное и тесное единение с Господом и через участие в славе Его.

Это – слова Господа, обращенные к ученикам – апостолам при времени разлучения их (разумеется, видимого), с возлюбленным Господом Иисусом Христом. Они проникнуты верой в духовный, невидимый союз, который через сошествие Святаго Духа должен объединить навеки учеников Христовых и вообще всех верных. «Днесь со Мной будеши в раю», сказал Господь благоразумному покаявшемуся разбойнику на кресте, значит, с момента перехода в загробный мир, разбойник будет вечно в раю со Христом, а следовательно, и участником славы Его.

Перед самым крестным страданием Иисус Христос в Своей первосвященнической молитве к Богу-Отцу о Себе, о святых учениках и вообще о всех истинно верующих в Него просил: «Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне» (Ин. 17:24). Это желание, воля, как бы завещание, молитва Господа Иисуса Христа, совершенно согласная с волей Отца небесного, - есть явное доказательство для всей Церкви Христовой, т.е. для всех истинных живых ее членов, что они тотчас после смерти, перейдя в загробный мир, будут с Господом на небе, в раю, и станут участниками Его славы. Достойные Царства Небесного, сразу же после перехода в загробный мир будут там, где и Господь пребывает, как Богочеловек с прославленным Своим телом.

Загробный мир, загробная жизнь Самим Господом раскрыты человеку, еще на земле пребывающему. Раскрыты настолько, насколько ограниченный ум может вместить. Итак, вот картина загробного состояния праведников в раю, в первый период загробной жизни: они – вместе с Господом Иисусом Христом, и как сонаследники Царства Небесного, вместе с Ним сопрославляются.

Св. апостолы были уверены в истине учения Господа о пребывании верных с Ним в загробном мире тотчас же после разлучения на земле души от тела, которое предается земле, как семя, для произрастания нового тела, а верная душа идет к Господу. Свою веру в непреложность этой истины засвидетельствовали они и словом, и писанием. Св. апостол Павел, горевший любовью к Господу, относительно себя самого изрекал: «Влечет меня то и другое: имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше, а оставаться во плоти нужнее для вас» (Флп. 1: 23-24). В другом же месте эту истину пребывания верных со Христом в первом периоде загробной жизни он провозглашает от лица всех апостолов: «знаем, что когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворный, вечный… то мы благодушествуем и желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа» (2 Кор. 5: 1,8). Здесь св. апостол выражает следующую мысль: мы знаем, что после смерти – разрушения земной нашей храмины, т.е. нашего тела – получим тотчас же нерукотворную храмину на небесах, т.е. душа по отделении от тела отходит к Господу и со Иисусом Христом пребывает вечно. Св. Павел утешает всех христиан не скорбеть о смерти близких сердцу, уверяя, что они с Господом находятся в обителях Отца небесного.

Обещанное Господом (что праведники, по отшествии от земли и после частного суда, пребывают в Ним) воочию видел св. апостол Иоанн в откровении: на небе окрест престола стоят двадцать четыре престола и на них старцы в белых одеждах и с золотыми венцами на головах (Откр. 4:4); далее, видел под небесным алтарем души избиенных за Слово Божье и за свидетельство, которое они имели (6:9); и еще видел «великое множество людей, которого никто не мог перечесть, из всех племен и колен и народов и языков, стояло пред престолом и пред Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих. И восклицали громким голосом, говоря: спасение Богу нашему, сидящему на престоле, и Агнцу»(Откр. 7: 9-10)

Учение Св. Православной Церкви о загробной блаженной жизни праведников в теснейшем единении и общении с Господом Иисусом Христом, наступающим тотчас после смерти, выражалось в писаниях св. отцов и учителей Церкви. В творениях их (писаниях) на предмет загробной жизни праведников в первый период основная мысль – одна. Она – общая для всех церковных писателей, как истина, уже не имеющая нужды в подкреплении, так как высказана Господом, повторена св. апостолом Павлом и в действительности открыта св. Иоанну Богослову.

Блага райской жизни, как внутренние (блага для духа и души), так и внешние (для тела), составляющие загробное состояние праведников в раю или просто их блаженство, имеют главным основанием Бога – источника всего истинного, доброго и прекрасного, с которым, по учению апостола Павла, праведники будут жить вечно.

Итак, жить и непрестанно видеть Бога! При таком состоянии человека все наши желания удовлетворяются, так что уже человеку не останется ничего более и желать. А так как первый период загробного состояния души, по учению Церкви, есть продолжение бытия души без тела, то блаженство души в этот период состоит только в удовлетворении одних внутренних чувств. Душа переживает духовное наслаждение нематериальными благами, ощущает благое действие внутренних чувств, действие радостное, но не совершенное, так

как тело примет участие в блаженстве только по соединении с душой. Об этом состоянии райской жизни писал и пророк Давид: «Пробудившись, буду насыщаться образом Твоим» (Пс. 16: 15).

На земле, при исполнении наших желаний, при всех Твоих благословениях, всегда чего-то еще недостает; но за гробом, когда буду с Тобою, буду видеть Тебя лицом к лицу, какой Ты есть: тогда буду доволен своим бытием – насытюсь, все чувства мои будут удовлетворены.

В содержание блаженства, не допускающего и малейшей тени печали, входит и радость от сопребывания и общения со своими: с близкими и дорогими нашему сердцу. Так, святитель Димитрий Ростовский об этом предмете пишет: «Праведники, видя себя прославленными в царстве Отца их небесного, не только себя, но и своих близких прославленными, чувствуют как сердца их исполнены вечной радостью, необъяснимой словами. Возрадуется отец о спасении сына, сын – о спасении отца, мать – о дочери и дочь – о матери, муж – о спасении любимой жены и жена – о муже; возрадуются братья и сестры о спасении своих, братьев и сестер, родственники возрадуются о родственниках, ближние – о ближних, знакомые – о знакомых и о спасении незнаемых: ибо во всех будет единодушная, единосердечная любовь как к Богу, так и друг к другу, не разоримая и никогда не отпадающая любовь» («Соч. св. Дим. Ростовского» Ч. 5: с.11). Все возрадуются взаимной радостью от взаимного сочувствия друг к другу. Иначе и быть не может; исполнение естественного психического закона сочувствий – радоваться с радующимися и плакать с плачущими.

Жизнь, состояние, деятельность души – одно и тоже. Где жизнь, там и состояние или деятельность, которая может быть или блаженством, или мучением. В постоянном достижении всех возвышенных – не земных, а духовных – мыслей, желаний и чувствований, к которым стремится душа всеми своими силами, заключается естественное назначение жизни и деятельности: блаженство. Вечная смена природных желаний, вечное блаженство, по учению апостола Павла, бывает двояким: внутренним и внешним.

В первом периоде райской жизни блаженствует лишь душа. Только при посредстве чувств душа находится или в состоянии блаженства, или в состоянии скорби. Без чувств нет ни блаженства, ни мучения. А так как чувства бывают внутренние и внешние, то и самое блаженство либо мучение будут и внутренними и внешними. Душа блаженствует, когда желания ее удовлетворены благами внутренними и внешними. Пользование внутренними благами составит внутреннее блаженство, а внешними – внешнее блаженство. Итак, в состав блаженства входит, во-первых, внутреннее блаженство, и во-вторых, внешнее блаженство. Содержание блаженства составляют а) отношение души к Богу, или деятельность относительно Бога и б) отношение самой к себе, или ее внутренняя деятельность – глубокое самопознание, проникнутое творящим радость действием награждающей и оправдывающей совести. Внешнее блаженство составляет отношение души ко всему ее окружающему, или ее деятельности относительно всего, вне её находящегося, а именно а) относительно духовно-нравственных существ, ее окружающих, блаженных духов и святых душ и б) ко всей райской природе.

Воздаяние праведников в первом периоде еще несовершенное, не полное, как учит наша Св. Православная Церковь. В этом периоде райской загробной жизни праведники сияют только одной славой душ, как свидетельствует тайнозритель св.Иоанн Богослов: «И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят

число» (Откр. 6: 11). Прославление их на небесах следует тотчас же после частного суда и продолжается до Страшного суда, когда уже последует воздаяние полному человеку, состоящему от духа и тела. Если бы праведники и грешники тотчас после смерти, на частном суде, получили окончательное воздаяние – полное блаженство – или совершенное наказание (мучение), то для чего бы и всеобщий суд? Можно ли судить, когда все уже решено окончательно! Если же, как учит нас наша православная истинная Церковь, опять приидет Иисус Христос, чтобы судить живых и мертвых, значит, мертвые, перешедшие в загробный мир до Его пришествия, еще не подлежали окончательному суду и загробная участь их еще окончательно не решена. Следовательно, до Страшного суда как пребывающие в раю, так и в аду не получили еще полного своего воздаяния. Притом, если в земной деятельности человека участвует полный человек, т.е. душа и тело, то и воздаяние должно быть и душе и телу. Св. апостол Павел свидетельствует, что каждый получит за дела, в которых участвует и тело, т.е. и душа и тело получат воздаяние, и это будет после воскресения тел и соединения их со своими душами и после всеобщего суда.

Полный человек получает полное воздаяние: или совершенное блаженство, или совершенное мучение. Так апостол учить относительно всех людей: «всем должно явиться на суд и каждый получит за свои земные дела» (2 Кор. 5: 10). И в другом месте он повторяет ту же мысль, упоминая также и о собственном воздаянии, которое получит в день всеобщего суда: «А теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его» (2 Тим. 4:8). Далее апостол ясно указывает, когда говорит уже о другом, особенном (кроме первого) воздаянии: «да не без нас совершенство (награды или наказания) приимут» (Евр. 11: 40). Воздаяние получают тотчас после частного суда, но окончательное воздаяние получают при всех, что будет на Страшном суде, куда предстанут все.

Добро и зло развиваются, и садовники и делатели их должны получить свою награду за все плоды, которые вызрели на земле. Вот почему делатели добра и зла могут получить полное воздаяние лишь тогда, когда уже окончится всякая земная деятельность. Тогда только каждый увидит сам, до каких ужасающих размеров достигло в его потомстве добро или зло. Тогда-то увидим сами, что причиною спасения одних и погибели других были мы первые, творцы добра или зла. Вот почему апостол и говорит: «да не без нас совершенство приимут».

Итак, отсутствие тела, неоконченное нравственное развитие делают первый период загробной жизни души несовершенным. Так учили св. Григорий Богослов и Иоанн Златоуст.

Не только за свои дела, но и за жизнь ближних, продолжающих наши дела и подражающих нам, следует нам принять воздаяние. А земная жизнь и всякое развитие мысли кончится в последний день мира.

Тогда-то одни услышат тьму проклятий от погибающих за следование злу, посеянному ими; другие же встретят благословение от спасенных, следовавших их доброй жизни. Тогда только в полной и совершенной степени откроется перед всеми добро, а также и зло, если только оно не было своевременно заглажено истинным покаянием и всей жизнью. Откроется добро и зло каждого, со всеми бесконечными добрыми и злыми последствиями, и садовники прежде всех должны вкусить своих плодов. О несовершенном блаженстве праведников в первый период загробной райской жизни, а равно и о несовершенном мучении осужденных в геенне – учили и учат все святые отцы и учители.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДУШИ В РАЮ

В первый период загробной райской жизни блаженствует только одна душа. И поскольку деятельность души слагается из деятельности ее отдельных сил (о чем было сказано прежде в статье о деятельности души и ее отдельных сил на земле и за гробом), то для блаженства души необходимо, чтобы и все силы ее действовали на сотворение радости. Соответственно трем главным душевным силам: уму, воле и чувствам, - содержание внутреннего блаженства составляет действия этих сил: любовь, познание и прославление своего Бога-Творца, Господа Иисуса Христа, Источника блаженства, Истину, из которой истекают все истины, - Того, Кто Сам о Себе засвидетельствовал, что Он – «Истина». Он, т.е. Господь наш Иисус Христос, становится для души предметом жизни и деятельности, по учению апостола Павла: «О Нем живем и движемся», т.е. в Нем и для Него проходит вся наша жизнь как на земле, так и за гробом. Следовательно, предмет жизни и деятельности души за гробом (в раю) остался тот же самый: любить, познавать и прославлять Бога; вот блаженство человека! Любовь, познание и прославление Бога суть содержание загробной райской жизни, содержание представляющее совокупность действий трех главных душевных сил: ума, воли и чувств. Неперестающая никогда, совершеннейшая и вечно (далее и далее в бесконечность) развивающаяся деятельность душевных сил ума, воли и чувств в стремлении к истине – вот что составляет внутреннюю деятельность души в райской блаженной жизни. Это и есть внутреннее блаженство, или внутренняя деятельность души относительно Бога. Так учит Св. Православная Церковь.

Из основания блаженства, о котором сказано прежде, т.е. из сопребывания, общения с Богом и лицезрения Его происходит направленное к радости действие всех душевных сил. Одно действие, сменяясь другим, более совершенным, будет все далее и далее развиваться во всю вечность. Желания и соответствующие им удовлетворения уйдут в бесконечность. Все силы души достигают своего назначения в стремлении к истинному, прекрасному и доброму.

Таким образом, и здесь любовь к Богу и любовь Бога к человеку были основным началом своего блаженства. Без любви человека к Богу нет спасения, нет и блаженства. Любовь естественно стремится к познанию любимого. Любя и познавая, прославляем уже тем самым любимое и познаваемое, и душа при таком настроении блаженствует. «Не умру! но жив буду!» - полон любви к Господу, пишет Давид: «Не умру! но жив буду»(Пс. 117: 17), жив буду, как на земле, так и за гробом. Живым он назначает славить Бога, находясь еще в этой жизни. «Мы, живые, благословим Господа отныне и до века» (Пс. 113: 26). И здесь, и за гробом одно дело – славословить Бога, хвалить имя Его.

Внутреннее состояние души выражается во внешних знаках, и внутреннее блаженство относительно Бога составляет следующие духовные блага: стояние пред Агнцем, прославление и служение Ему (Откр. 7: 9-17), сожитие с Ним (Ин. 14: 3): соцарствование со Христом и соучастие в Его вечной славе (2 Тим. 2: 11-12), и, наконец, лицезрение Бога и более совершенное познание Бога. На земле было познание несовершенное, частичное. Равно и видение Бога на земле, что требуется от всех в Него верующих и о чем свидетельствовал Давид: «Всегда видел я пред собою» (Пс. 15: 8). Это лицезрение Бога на земле, по учению того же апостола Павла, несовершенно: «как бы сквозь тусклое стекло, гадательно» познаем ныне Бога; в раю же «лицеем к лицу» будем видеть (1 Кор. 13: 12; 2 Кор. 5: 8; Евр. 12: 14).

Все это мы называем: быть, жить, состоять в общении, теснейшем единении с Господом Иисусом Христом. О Нем же мы живем, движемся (сначала на земле, а потом и за гробом) в Его царстве. Это единение, союз и вечное общение с Господом есть главное основание блаженства праведников, первое основание блага, из которого вытекают и все остальные блага – внутреннее и внешнее – и без чего невозможно блаженство. Наслаждение Богом производит постоянное ликующее действие всех сил, душевных и телесных, как уже прежде было говорено вообще о деятельности души и ее отдельных сил на земле и за гробом.

Так как зло есть источник всех печалей и страданий и оно человеку не естественно, - человеку естественно добро и блаженство, для которого он сотворен, - поэтому зла в раю уже нет. Следовательно, состояние праведных душ в этот период совершенно свободно от всякой скорби: «Они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной, ибо Агнец, который среди престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод, и отрет Бог всякую слезу с очей их…» «и смерти не будет, ибо прежнее прошло»(Откр. 7: 16-17; 21: 4) Точно такое же описание загробного состояния праведников находим и у Исайи (Ис.25: 6-9). Но видение святыми загробного адского состояния грешников и живое участие в их бедственном состоянии производит некоторую скорбь, полезную и им и адским страдальцам. Скорбь, подвигающую святых на молитву за адских узников и потому доставляющую спасение и этим последним.

Покой, или вечное успокоение от трудов, совершенных на земле ради царства небесного (Откр. 14: 13; Евр. 4: 3, 11), составляет отличительный характер блаженной деятельности в раю в этот период. Здесь под словом «покой» не следует понимать бездействие, недеятельность. С понятием о душе всегда соединяется и мысль о ее деятельности, ибо деятельность выражает жизнь души, и при бессмертии души деятельность является непрерывной. Значит, словом «покой» характеризуется известного рода состояние и деятельность души, в противоположность беспокойству. Деятельность души, доставляющая ей удовольствие, наслаждение, - делает душу покойной. Естественное состояние души, чуждое страстей, по свидетельству Самого Господа Иисуса Христа, и на земле еще доставляет боголюбивой душе покой: «Будьте кротки и смиренны сердцем и обретете покой душам вашим». Предвкушение еще на земле небесного покоя, ожидание решительной участи, которая наступит после Страшного суда Христова, дает душам то неизреченное блаженство, которым они будут наслаждаться в вечности.

Сердца праведников, исполненные истинной любви, принимают живое участие в судьбе тех душ в аду, участь которых еще не решена и о которых ходатайствует воинствующая Церковь, призывая к такому же ходатайству всех благих и угодных Богу. Члены Церкви торжествующей находятся в живом союзе и общении с членами Церкви воинствующей через живое участие, которое питают они к своим братьям, странствующим еще на земле и состоящим еще в Церкви воинствующей, помогая им своими молитвами перед Богом и действенными поступками. Первое несомненно открывается из Апокалипсиса, где говорится, что святые вопиют к Богу и просят у Него скорее суда и мзды праведным, угнетенным на земле. Последнее явствует из бесчисленных опытов явления и чудесного покровительства святых Божьих, - опытов, которыми исполнена история Церкви Христовой. Как на земле в их деятельности святилось имя Божье, так точно они продолжают делать благодеяния и из загробной райской жизни. Эта благотворительная деятельность есть продолжение земной. О жизни святых Иисус Христос учил так: «В воскресении бо ни женятся, ни посягают, но яко Ангелы Божии на небеси суть», т.е. будут подобны Ангелам, и следовательно жизнь святых совершенно будет ангельская; потому что и на земле они были земными ангелами с признаками небесной деятельности, которая, по словам Самого Иисуса Христа, будет продолжаться и после смерти, во всю вечность.

Поскольку жизнь души составляет самопознание, то жизнь в раю составит истинное познание себя, - совершенное самопознание, полное сознание всего прошедшего и настоящего, чего (т.е. истинного самопознания) на земле достигают весьма немногие, при строгом и внимательном самонаблюдении.

Внешнее блаженство составляют: а) взаимное вечное общение со всеми Ангелами; б) сожитие и взаимное ближайшее общение со всеми святыми; и, наконец, в) красота самого рая, которую видел ап. Павел, вознесенный до третьего неба. Видел всю красоту райскую, но рассказать о ней рожденным на земле не нашел и слов в человеческом языке. А если бы и мог поведать, хоть сколько-нибудь, о бесконечно прекрасной райской красоте, то слушавшие не поняли бы, не постигли; точно так, как не понимают дети многое из того, что ясно взрослым. Не вместив, не поняв райской красоты, плотское мудрствование, принимающее только опытное знание, отвергло бы рай. Так обыкновенно делалось и делается поныне мудрецами этого мира, отрицающими все сверхъестественное духовное, чудесное.

Итак, внешнее блаженство составляют самое жилище – рай с его невообразимыми красотам – и общество св. Ангелов и св. душ. Вот какое внутреннее и внешнее блаженство ожидает тотчас же после частного суда всякую святую душу!

Теперь остается привести свидетельство слова Божьего о невыразимо блаженной жизни святых в раю в союзе и общении между собой.

Патриарх Иаков, в скорби своей о потере любимого сына Иосифа готов был к нему идти в ад, чтобы только непрестанно быть с ним и видеть его, т.е. готов был умереть, чтобы только быть с сыном (Быт. 37: 45). И св. пророк Давид имел живую веру на свидание за гробом, когда говорил после смерти своего сына, рожденного от жены Урия: «Я пойду к нему» (2 Цар. 12: 23). Св. апостолы Петр, Иаков и Иоанн на Фаворе узнали с первого раза загробных обитателей: Моисея из ада и Илию из рая, хотя их прежде нигде не видели, а только знали, что они существуют. Теперь же точно узнали, что этот – Моисей, а другой – Илия; узнали доподлинно и их имена. Далее житие святых нам тоже свидетельствует, что они, например, не зная прежде некоторых лиц, при свидании с ними ясно видели их душевное состояние, видели гражданское положение, которое они занимают в обществе, видели их семейную жизнь, и, как бы видя начертанные буквы, называли незнакомцев по имени. И все это узнавали немедленно в момент первого свидания! Все было доступно для их очищенных чувств. Все тайное для них – явно. Отсюда естественно заключить на основании свидетельства Св. Писания, что эти души, одаренные еще на земле таким совершенством чувств, и после переходи в загробный мир не потеряют этих способностей, и деятельность чувств получит еще большую силу, освободившись от тела смерти, по выражению св. апостола Павла. Следовательно, все удостоившиеся блаженной жизни в раю увидят и узнают друг друга; все любезные нашему сердцу, живущие с нами на земле, и если только получат райскую жизнь, будут немедленно познаны нами, а также и они познают нас.

Св. апостол Павел так утешал солунских храстиан, разлученных смертью с близкими и дорогими сердцу: ваша разлука временная! Вы несомненно скоро увидитесь с вашими отошедшими друзьями – для того, чтобы никогда уже более не разлучаться с ними. «Итак, всегда с Господом будем» (1 Фес. 4: 17); а также в общении со всеми истинными христианами, и в особенности с теми, кого Господь еще на земле соединил союзом родства и дружбы. Утешая таким образом солунских христиан, св. апостол заповедует им свидание и сопребывание, и всем нам предлагает «утешайте друг друга сими словами» (1

Фес. 4: 18). Утешение для христиан в разлуке с близкими сердцу заключается в этих двух догматах нашей православной веры, которая заключает в себе 11-й и 12-й члены Символа Веры. Можно несомненно веровать этим двум истинам: 1) воскресению мертвых и 2) блаженному соединению с отошедшими от нас.

Там только, в загробной жизни – в раю – вполне и обнаружится значение человека (1 Ин. 3:2).

Итак, если находящиеся в раю будут вместе с Господом, как учит св. апостол Павел и Сам Господь то пребывая с Господом, будем и все друг с другом; находясь же вместе в обществе, как живые, нравственные существа, по необходимости будем состоять и в общении между собою.

Бог создавая на земле человека, сказал: «Не добро быть человеку одному» (Быт. 2: 18), что свидетельствует о назначении человека вообще жить в обществе. Для общественной жизни, соответствующей ангельской на небесах, люди естественно соединяются с Богом неразрывным святым союзом божественной любви. Соединяясь с Богом, соединяются между собою, по воле Божьей, тоже неразрывным союзом любви. Не для того Бог скрепляет людей на земле духовным союзом любви, чтобы, сведя здесь, там разлучить. Следовательно, разъединение душ неестественно и за гробом. Из слов несчастного богача (вспомним опять евангельскую притчу) видно, что Авраам и Лазарь находятся в раю не разъединенными один от другого, но вместе, а следовательно в союзе и общении между собой. Верные будут вечно с Господом, как учит Сам Господь Иисус Христос; верные будут с Ним, а следовательно, и во взаимодействии между собой, и будут видеть друг друга, о чем свидетельствует и апостол Иоанн (Откр. 4: 4; 6: 9 и 11).

Две истины – единство природы душ и прирожденная душам любовь, служащая основою общественной жизни, - приводят нас к заключению, что человек имеет природное стремление жить в обществе, т.е. иметь непременное желание быть с себе подобными существами. Итак, если природа требует жизни в обществе существ себе подобных, а назначение души – жить на небе, следовательно, и загробная общественная жизнь не будет противоестественна природе души. Не было и нет народа, который не веровал бы в загробную общественную жизнь, за исключением тех, которые думают, что со смертью кончается все, например, последователи учения Будды со своей нирваной, нынешние нигилисты, материалисты и другие, находящиеся в диавольской прелести неверия и плотского мудрствования.

Ум человеческий не может себе представить такого общества людей, какое составляют святые в раю. Соединенные вечною любовью и постоянным общением, они тем самым дополняют блаженное состояние друг друга. На земле грустно бывает расставаться с хорошими людьми, с нравственным обществом, потому что в сопребывании с ними душе было отрадно, весело; а так как в раю этого расставания не будет, то и блаженство души станет вечным. Все духовно-нравственные существа, святые духи и праведные души войдут в теснейший союз и общение между собой.

Загробное состояние первого периода как праведников, так и грешников (не только до воскресения мертвых) представлено Самим Господом Иисусом Христом в Его притче о богаче и Лазаре, из которой св. Иоанн Златоуст заключает, что как ни велика пропасть между теми и другими, тем не менее познают праведники грешников и грешники праведников, как знакомых, так равно и не знакомых. Несчастный евангельский богач, находясь в аду, познал Авраама, которого никогда и нигде прежде не видал. Значит, после отделения души от тела ее чувства приобретают свою естественность и действие их

простирается далеко. Жители рая видят и познают жителей ада и жителей земли. А обитатели ада видят и познают жителей рая и земных людей. Если бы богач не видел и не знал состояния своих братьев, на земле еще находящихся, то не просил бы Авраама послать к ним Лазаря. Значит, наши умершие, где бы ни были они, в раю или в аду, знают наше состояние; так сказать, видят и слышат нас и всю нашу жизнь, и наше сокровенное уже теперь от них не скрывается. Для такого познания, друг друга послужит внутреннее, душевное око. Чтобы видеть нужно иметь чувство зрения, о котором апостол Иоанн в Апокалипсисе пишет: «Се, грядет с облаками, и узрит Его всякое око» (Откр. 1:7). Следовательно, видя Господа, увидим и весь загробный мир и всех его обитателей: духов и души.

Вот как рассказывает блаженная Феодора о том, как ее встретили в раю: «Все, увидя меня, радовались о моем спасении, выходили ко мне навстречу, лобызали меня, восхваляли Господа, избавившего меня от сетей вражьих» (Житие преп. Василия Нового, 26 марта)

Св. Пимен Великий говорил своей престарелой матери, желавшей его увидеть, так: «Здесь ли хочешь видеть нас (твоих детей), или в том мире?» Она сомневалась: «Если не увижу вас здесь, точно ли увижу там?» Пимен отвечал: «Если решишься не видеть нас здесь, то там непременно увидишь».

Однажды авва Иосиф, заболев, велел пойти к авве Феодору Фермейскому и сказать: «Приди ко мне, чтобы видеть мне тебя прежде разлучения с телом». Это было среди недели. Старец не пошел, а послал ответ: «Если ты проживешь до субботы – приду, а если отойдешь, увидим друг друга в том мире» (Дост. сказан, о подвиг., св. и бл. отцов., стр. 339)

Две утешительные истины предлагает плачущим о смерти близких сердцу св. Иоанн Златоуст: «Если тело предается тлению, то не только не стоит плакать, но еще и радоваться нужно, потому что смерть истлевает, смертное погибает, а не сущность тела. Помни, что эти сомкнутые уста некогда лучше будут говорить, а эти закрытые глаза тогда увидят лучше и больше, и эти ноги понесутся некогда по облакам, и разрушающееся тело это облечется в бессмертие, и ты получишь твоего присного». Слышишь, плачущий! Ты опять получишь твоего присного, но уже лучшего и светлейшего. «Не плач! – говорит Сам Бог. – Не умер почивший, он жив и спит»; «Не скорби, - говорит апостол Павел, - веруй несомненно, и ты опять увидишься и будешь навеки вместе»; и, наконец, Златоуст добавляет, «Ты опять получишь твоего присного».

Великий вселенский учитель св. Григорий Богослов в своих надгробных словах брату Кесарию и сестре Горгонии называет все эти блага внутренние и внешние, составляющие блаженство праведников на небе в первый период. Так, брату Кесарию говорит: «Войди в небеса, упокойся в недрах Авраамовых; узри лик Ангелов, славу и великолепие блаженных, или лучше, составь с ними один лик и возвеселись!» Здесь видно: покой, веселие, рай и сожитие со всеми Ангелами и всеми святыми – внешнее блаженство. Далее учитель продолжает: «Да предстоишь великому Царю, исполняясь горнего света!» Внутреннее блаженство – стояние пред Богом, лицезрение Бога и участие в Его славе. И сестре Горгонии говорит: «Я уверен, что твое настоящее состояние несравненно превосходнее бывшего, видимого состояния: глас празднующих, веселие Ангелов, небесный чин, видение славы, а более того чистейшее и совершеннейшее осияние всесвятой Троицы, уже не скрывающейся от ума, как связанного и рассеваемого чувствами, но всецелым разумом созерцаемой и приемлемой, и озаряющей наши души полным светом Божества. Ты наслаждаешься всеми теми благами, потоки которых достигали до тебя еще и на земле, за искреннее твое к ним стремление».

Св. Киприан утверждает: «Великое число возлюбленных, родителей, братьев, сыновей восприимут нас там; многочисленная и густая толпа тех, которые уже уверены в стремлении к нам, достигнут того, чтобы увидеть и приветствовать их. Какая великая общая радость как для них, так и для нас!» (Слово увещат. к мучен, гл. 12)

Святитель Амвросий Медиоланский пишет: «Какое осталось для меня утешение, кроме того, что надеюсь скоро перейти к тебе, любезный брат; надеюсь, что разлука наша недолговременна будет, да и ты сам ходатайством своим можешь меня, желающего, скорей позвать; ибо кто не пожелает себе: «да тление сие облечется в нетленное и смертное сие облечется в бессмертное» (Сочин. Амврос. Мед. кн. 2, стр. 113).

Св. Иоанн Дамаскин в своем «Слове об Умерших» говорит о нашем свидании так: «Да не вознадеется кто, будто на том Страшном суде некоторые останутся неузнанными: воистину каждый узнает ближнего своего, не телесным образом, но проникновенным душевных оком».

Святитель Димитрий Ростовский относительно загробного свидания пишет: «Все будут видеть друг друга»; разумеется, в первый период загробной жизни. На основании учения Господа Иисуса Христа об этом предмете в притче о богатом и Лазаре мы знаем, что все будут видеть дуг друга только до окончательного разделения праведников от грешников, а равно и в день Страшного суда. Если на суде все сделается явным, открытым для всего духовно-нравственного мира; если земная жизнь каждого человека с делами явными и тайными будет очевидна для всех св. Ангелов, угодников Божьих и для всех грешников (Лк. 12: 2-3), то очевидно, что и все узнают один другого. После перехода души за гроб она, где бы ни было ей суждено быть – в раю или в аду, тотчас же будет познана святыми, а в день суда и грешниками. Далее святитель Димитрий Ростовский пишет: «На нас будут смотреть не только наши братья грешники, но и всех святых лики: пророки, апостолы, мученики, святители, преподобные и праведные».

«За гробом, - продолжает святитель, - цари увидят подданных своих и подданные – царей; увидят господа и вельможи своих слуг и рабов, а слуги увидят своих господ; увидят обиженные своих обидчиков и обидчики своих обиженных; увидят друзья друзей и враги врагов, как свидетельствует Слово Божье: «это тот самый, который был у нас некогда в посмеянии и притчею поругания» (Прем. 5: 3). «Увидят неправедные судьи тех, кого безвинно осуждали и неправедно на смерть предавали; узрят мучители тех, кого без милосердия мучили, увидят их прославленными и услышат их воззвания к Господу: Суди, Господи, обидевших нас и отмсти, Господи, озлобивших нас! Увидят родители детей своих и дети родителей своих; свидятся братья, сестры, родственники, супруги; увидят праведники грешников и грешники праведников. Там, за гробом, увидят Каин Авеля, Ирод – Иоанна Предтечу; и увидят гонители христиан: Нерон, Диоклетиан, Максимилиан и другие гонители увидят прославленными замученных ими исповедников имени Христова» (Св. Димитрий Ростовский, ч.1. Поучение в неделю страшного суда).

Святитель Тихон Задонский о загробном познании друг друга, а следовательно и о взаимном свидании, пишет так: «Видят тех, которых на земле поносили, ругали, гнали, смеялись, озлобляли, попирали, видят их в великой славе и радости».

Вот так святые отцы и учители Церкви изображали загробную райскую жизнь праведников в первый период: в союзе и общении, при полной деятельности души и ее отдельных сил.

Итак, слово Божье уверят нас, что в загробном мире, куда перейдем и мы скоро и очень скоро, души, пребывая в союзе и общении с Богом, видятся и общаются между собой еще до всеобщего суда. Дай Бог только быть в раю, где союз и общение нерасторжимы; в геенне же того нет, так как там будет состояние душ, лишенное всякой отрады.

Истинно верующий, умирая, без всякого уныния расстается со своими кровными и друзьями – в надежде, что скоро снова соединится с ними в доме Отца Небесного, если и они будут жить верою и упованием на Божественное милосердие. Слово «если» означает, что для одних будет вечное радостное соединение с родными и друзьями, а для других – вечная и горестная разлука. Какие же обстоятельства производят разлуку? Деятельная вера соединяет в будущем, а отсутствие ее разделит нас в вечности.

Если родители будут воспитывать своих детей в страхе Божьем, то благо прибавится и родителям на земле, ибо о сыне премудром веселится душа родителей (Притч. 23: 24). А равно будет им благо и на небесах, где добрые родители возвеселятся, когда предстанут пред лицом Божьим вместе с детьми своими и скажут: вот мы и дети наши, их же дал Ты нам, Господи.

Еще мудрейшие и лучшие из язычников, руководствуясь одним разумом и внутренним чувством, признавали за истину то, что в будущей жизни они увидят других мудрых и добродетельных людей всех времен и мест, соединятся с ними и войдут в приятнейшие связи и отношения. Уверенность в этом, т.е. в будущем всеобщем свидании и всегдашнем сопребывании, была как некий утешительный луч света среди мрака язычества для всех тех, кто образом мыслей и действий поднимались выше обыкновенного круга. Вот что говорил, например, Сократ своим судьям: «Смерть, к которой вы меня приговариваете, считаю скорее приобретением, чем потерей. Она – или непробудный сон без видений, или средство переселиться туда, где я могу беседовать с тенями знаменитых умерших. Я иду на смерть, вы остаетесь жить; но чья доля завиднее, знают одни боги». В самом деле, для чего человек находится здесь в столь тесных отношениях с другими, что без них не может продолжить своей жизни, или по крайней мере ею наслаждаться? Для того ли, чтобы, соединяясь с людьми теснейшими узами, вдруг прервать их и навсегда забыть о тех, с кем он вместе наслаждался бытием своим? Для того Закон Божий от рождения привязывает человека особенными чувствами любви к некоторым людям, дает ему на земле познать сладость чистого дружества, удовольствия благотворения и благодарности, любовь отеческую и сыновнюю, - чтобы он, испытав эти чувства и их сладость, потом отказался от них на всю вечность и разорвал все связи, которые здесь взаимно соединяют людей? Так разум гадает о будущем взаимном общении людей, смотря по образу и согласию их чувств и действий.

Итак, само слово Божье свидетельствует нам и уверяет нас в неопровержимой истине, составляющей догмат православия, что за гробом будут вместе праведники с праведниками и с Господом. А грешники – с грешниками, в удалении от Господа. Первые будут вместе, будут и видеть друг друга, и узнают один другого, вступят в общение между собой, и, по свидетельству Ветхого и Нового Завета, будут говорить друг с другом. Встретили в аду узники пришедшего к ним царя вавилонского и говорили ему: «И ты к нам сюда пришел» (Ис. 14: 10-11). Говорил Авраам, находящийся в раю, с богачом, находящимся в аду. Апостол Павел, вознесенный до третьего неба, слышал там голоса и потому в другом месте упоминает уже о языки небесном, ангельском. Из повествования св. бл. Феодоры, св. Андрея Христа ради юродивого, св. апостола Фомы и многих других святых видим, что души после разлучения со своими телами, находясь уже в мире духов, разговаривали с Ангелами и между собой о разных предметах. Все свидетельствует, что сопребывание душ, их взаимное свидание и общение будут сопровождаться взаимной

передачей мыслей, чувств и желаний, - передачей, соответствующей духовной природе души.

Чтобы сколько-нибудь понять, как же разговаривают в загробном мире бестелесные существа, вспомним, что говорить – значит передавать один другому свои мысли, желания и чувства, принадлежащие собственно невидимой душе. Сообщаем их другому посредством видимых и слышимых знаков, звуков и букв. И это необходимо, пока душа находится теле. Жития святых представляют нам немало примеров того, что мысли, желания и чувствования одних были без слов или жестов познаваемы святыми. Тайны ума, воли и сердца были видимы святыми, и эти последние отвечали словами, обличая людей в их мыслях, желаниях и чувствах. Если еще на земле очищенные души имеют способность видеть, читать мысли, желания и чувства других, то что же препятствует душам праведных в загробном мире взаимно видеть и читать мысли, желания и чувства друг друга? С тех пор, как одухотворенная плоть, каковы были Адам и Ева, до падения, стала земной из-за падения прародителей, общение невидимой души с невидимым миром прекратилось, и для общения души с душой потребовалось посредство – видимые знаки. Как темница лишает своих узников общения с находящимися на свободе, так тело препятствует душе в непосредственном общении с другой душой.

Отрешившись же от тела, душа опять приобретает совершенство своих чувств, и нет ей препятствия видеть и, так сказать, читать мысли, желания и чувствования другой души – и таким образом обмениваться ими, составляющими внутреннюю деятельность души. Как разговаривали на таком неизмеримом расстоянии Авраам с несчастным богачом? Можно с достоверностью заключить, что души, где бы они не находились, в раю или аду (разумеется, мы подразумеваем только первый период загробной жизни) имеют способность, свойственную их природе и новой жизни: делиться мыслями и желаниями. Но эта способность говорить в загробном мире – отличается от земного общения посредством звуков и знаков, как свидетельствует разговор Авраама с несчастным богачом, разделенными неизмеримым пространством. Это – особенная, духовная способность души видеть и читать мысли и желания (и вообще все душевное состояние) другой души. Слово Божье только праведникам приписывает в загробном мире взаимное общение, составляющее одно из условий блаженства души человека и на земле и за гробом.

Истина, открытая нам (преимущественно – христианам), проводящим земную жизнь в духе Христовом, по Его святым заповедям, эта истина уверяет человека-христианина в наследовании им царства Божьего, уготованного от вечности. Жизнь духа на земле проявляется в человеке, в его семейной жизни прежде всего. А потом и в жизни общественной – государственной; и члены семейства, и члены государства за гробом делаются участниками жизни райской, блаженной. Члены семейства – супруги, родители и их дети, далее родственники, знакомые – после праведной земной жизни, вступая в новую загробную жизнь, как учит Святая наша Православная Церковь, не разъединяются, но живут вместе, как Ангелы Божьи. Супруги, их дети и родственники находятся между собой во взаимном общении – взаимно влияют друг на друга и навеки уже не разлучатся. Христианское супружество не есть супружество ветхозаветное, это брак нового духовного человека, это теснейший духовных союз супругов, о котором Сам Иисус Христос засвидетельствовал, что соединенные однажды Богом не могут быть разлучаемы ни на земле, ни за гробом: потому что, по свидетельству апостола, любовь бессмертна. Соединенные на земле любовью и за гробом не разлучаются; ведь непрекращающаяся любовь соединяет навеки тех, кто однажды был связан ею на земле.

Господь, установив на земле таинство брака, соединил супругов таким крепким союзом, какой уже ничто не в силах расторгнуть ни на земле, ни за гробом. Господь в своей притче приглашает на вечерю званных: супруги тоже окажутся среди них и наследуют Царство Небесное, если, работая Богу со страхом и трепетом, исполнят все христианские обязанности, данные от Бога супругам. Вот учение Самого Господа Иисуса Христа о райской жизни супругов. Выразив в этой притче, что и супруги призываются к жизни вечной, показывает истинность Своего учения и на самом деле; войдя в дом Закхея говорит: «Ныне пришло спасение дому сему» (Лк. 19: 9). Дому, который, разумеется составляют родители, дети, сродники и прислуга. Супруги за гробом остаются супругами-ангелами, горящими чистейшей, небесной, божественной любовью к Богу и взаимною – друг к другу. Муж и жена, говорит, апостол Павел, суть наследники благодатной жизни Царства Небесного (1 Петр. 3:7). Для этой-то цели, т.е. чтобы супруги могли достигнуть своего назначения, св. апостолы определили для них на земле права и обязанности. Нарушение супружеских обязанностей доставляет им за гробом жизнь, преисполненную плача и страданий.

Слово Божье уверило нас, что смерть не разлучает нас. Не разъединяет, следовательно, и супругов. Церковь, исповедуя этот догмат, прославляет христианских супругов, возвещая нам об их загробной жизни в своих хвалебных песнях, например, в двух кондаках 26-го января на память св. преп. Ксенофонта, супруги его Мари и их детей: «В заповедях бодрствовал Владычник, с нищими делился своим богатством блаженно тихо, с супругой и чадами своими и потому наследует божественное наслаждение. Житейского моря избегнув, Ксенофонт праведный с супругой честною на небесах свеселится с чадами, Христа величая».

Супруги никогда не разлучаются, точно так, как не разлучается Христос с верными Ему: «Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28: 20). То же повторял и апостол Павел: «Всегда с Господом будем», - когда говорил о загробной жизни. Святость и крепость брачного союза как таинство тот же апостол уподобляет высочайшему и непостижимому таинству – вечному и неразрывному союзу Христа с Его Церковью. Отсюда делается понятным, что супруги христианские и за гробом не разделяются, но, по учению Господа, живут там как Ангелы Божьи.

Сама природа души (по свидетельству ее Творца-Бога: «не добро быть человеку одному») требует сожития с существами ей однородными. Чего не доставало Адаму в раю при его совершенном и полном блаженстве, в теснейшем союзе и общении с Богом – источником внутреннего ликования, не говоря уже о внешнем, райском блаженстве? Однако же Сам Бог-Творец говорит, что не добро быть человеку одному, и дает ему помощницу на жизненном пути. Чудесное происхождение Евы от Адама показывает, сколь близки должны быть супруги. И близость эта не могла предназначаться только для земли: не для того Бог соединил супругов, чтобы за гробом разлучить! Да и все человечество, происходящее от супружества, соединено бессмертной любовью не для одного только земного пребывания. Нет! Бессмертие душ, существование их за гробом, по свидетельству Самого Господа Иисуса Христа, обнаруживается в сожитии с другими душами. Притча о богаче и Лазаре и притча о брачном пире есть учение Господа о взаимном загробном сожитии. «Не добро быть человеку одному» открывается и в словах Иисуса Христа, свидетельствующих, что праведники все будут вместе в Царстве Небесном и осужденные тоже вместе, в муке вечной.

Итак, если на земле бытие души обуславливается союзом и взаимным отношением с другими душами, то очевидно, что загробная жизнь, далеко во всем превышающая земную, требует союза и общения душ между собой; это выражается в сожитии, во

вкушении плодов бессмертной божественной любви в Царстве Небесном, куда без любви никто не входит. Следовательно, и супруги христианские переходят в этот мир не расторженными (потому что не добро быть человеку одному!) и живут, соединенные ангельской, непорочной любовью, как Ангелы Божьи.

Однако же есть случаи, когда христианские супруги, несмотря на свой крепкий союз на земле, к несчастью разлучаются, и прежний союз их за гробом навеки разрывается. Причина этого – разноверие, не единомыслие супругов.

Только единомыслие, единоверие супругов, пребывающих во Христе Иисусе Господе нашем, единой надежде христиан, единой радости и на земле и за гробом, - делают сожитие супругов нерасторжимым и за гробом. Если же этого необходимого для спасения условия у кого-нибудь из супругов не будет, то, несмотря на все благочестие другого, загробная жизнь разлучает их. И радость Господа будет суждено разделить только одному верному. Нечестивость и неверие одного из супругов, как чуждого тем благам, что обещаны верующим, увлечет его в страну вечного сетования и плача.

Вообще, человек-христианин делается участником блаженной вечности благодаря исполнению обязанностей, наложенных на него Св. Церковью; следовательно, и христианские супруги, как члены Христовой Церкви, при условии святого исполнения своих обязанностей делаются наследниками Царства Небесного. Не исполняющие же своих обязанностей супруги, равно как и их дели и вообще все члены семейства, да и каждый человек-христианин в частности, - пожинают горькие плоды за гробом; а исполняющие обязанности отделяются за гробом от нарушителей Закона Божьего; «и идут праведные в живот вечный, а грешные в муку вечную», как засвидетельствовал об этом Сам Иисус Христос.

Если так, то и христианские супруги или пребывают за гробом неразлучно; в раю или в геенне, либо же отделяются друг от друга навеки. Святость супружеской жизни, проникнутой Духом Христовым, есть основание их спасения. Христианские, благочестивые супруги за свою добродетельную жизнь, говорит св. Иоанн Златоуст, наследуют в будущем веке венцы и вечное блаженство.

Итак, истинно христианские супруги и воспитываемые ими в страже Божьем дети, точно так же как и благоразумные, боящиеся Бога их слуги и все члены семейства, соединенные на земле крепким союзом христианской любви, и за гробом остаются неразлучными. То, что сейчас сказано о супругах, распространяется и на целые семейства: на прадедов, дедов, родителей, детей, внуков и на весь род, члены которого за гробом находятся или вместе в раю, или в геенне, или отделены один от другого, смотря по роду земной жизни.

Но свидание за гробом может быть или в высшей степени блаженное, или в высшей степени томительное. Вечное сожитие и непрестанное свидание в раю до того возвышенны, что нет слов в языке, чтобы высказать блаженство, которое наследуют истинно благочестивые христианские супруги с их детьми и всеми членами семейства за все их благочестие, которое прежде всего наличествовало в главных членах семейства (муж и жена) и ими поддерживалось и во всех остальных членах семейства.

Какая радость о Господе будет услаждать души, проработавшие на Него на земле со страхом и любовью! И напротив, что ожидает за гробом супругов неблагочестивых, их детей и всех членов их семейства, если в таком браке развивалось одно только бесчестие, неверие, равнодушие ко всему святому? Ад – их наследие! Не вечный ли плач о потерянном никогда уже невозвратимом? Не укоризну ли и негодование и даже проклятия

будут слышать в свой адрес те, кто был виновниками погибели несчастных? Неблагочестивые супруги не могут и детей приучить жить в страхе Божьем. Глядя на первых членов семейства, и остальные позволяют себе без зазрения совести следовать их примеру жизни. И вот за гробом польются проклятия на первых виновников злосчастья! Не проклянет ли день своего рождения жена, увлеченная мужем к греховной жизни? Не будут ли вечно проклинать и муж и жена друг друга, как виновников своей погибели? Не худший ли укор будет слышаться и от погибших детей – за небрежность родителей в деле их спасения?..

Мало того, что узнаем, увидим друг друга, но, по свойству духовной природы души, свободной в первый период загробной жизни от тела – темницы своей – постигнем и все тайны сердечные. Прекрасно, если нас на земле соединяла истинная, чистая, непорочная, небесная любовь. Тогда ожидает нас свидание безукоризненное, полное небесной радости в царстве мира и любви!

Но если лицемерной была любовь на земле… Горе лицемеру за гробом! С презрением отвратится от него сердце, которое любило его безукоризненно. Христианские супруги, чтобы вам быть за гробом вместе, не расторгайте союза; чтобы свидеться в радости, сохраните до гроба обеты, данные вами при венчании.

Страшно и горестно будет за гробом первое свидание с теми, кто любил нас на земле, и кто, отойдя в загробный мир, надеялся на оставшихся, не зная, что любовь их притворна. Зря, выходит, надеялись на их молитвенное ходатайство, на правильное исполнение оставленного духовного завещания! Но как встретят виновников своего злополучия те, кто надеялись – и обманулись? Не прольются ли слезы укора нечестивым за их неблагочестивую беспечную жизнь и за нерадение о спасении своем и близких? Св. Иоанн Дамаскин в своем «Слове об умерших» пишет: «На Страшном суде, и еще до Страшного суда, как богатый видел Авраама и Лазаря, мы увидим друг друга, узнаем один одного, и близкая встреча на Страшном суде будет не радостна для неблагочестивых. Укоры, проклятия, слезы – вот встреча нерадивых». Дружба и родство между осужденными навсегда прекращаются. Родители не защитят своих погибших детей, так же как и дети не помогут своим осужденным родителям. Злые дети будут проклинать своих родителей, что те не научили их вере и добрым делам, и мучения нечестивых родителей усугубятся адским мучением своих детей. Заблудшая паства вознегодует на своих пастырей, что они не учили их богоугодной жизни, не исправляли их пороков, не наполняли сердце страхом Божьим, были равнодушны к непростительным их слабостям.

Нелегкая обязанность и страшная ответственность лежат на пастырях Церкви! Они неусыпно должны заботиться о спасении своих духовных детей, печься о постепенном приготовлении их к исходу от здешней жизни, направлять их ум и сердце к вечности! И горе, горе тому нерадивому пастырю, у которого хотя одна душа погибнет от его небрежности, когда спасение ее зависело совершенно от иерея. И когда, не очищенная от грехов последним иерейским напутствием, предсмертным покаянием и причащением Тела и Крови Христовых, предстанет с грехами на суд нелицеприятного Судии. Не вечно ли будет проклинать такая душа своего пастыря? Не вечная ли тоска будет тяготеть на душе нерадивого иерея? Скорбь пастырей о погибели того, кто не верил им, не приобщался к Богу, - будет вечно мучить их совесть. Свидание друзей с друзьями, тяготевшими на земле к греховной жизни, будет грустным, исполненным проклятий в адрес виновников их вечной погибели. Не следующие же дурному примеру на земле навеки разлучатся с преступниками Закона Божьего. А с каким стыдом и укорами совести погибшие мужья, жены, дети, братья, сестры, знакомые, родственники и все члены семейства станут смотреть на спасенных, с которыми были на земле в равных отношениях, и которые,

однако, презрев греховную жизнь на земле и очистившись истинным покаянием, за гробом являются в числе спасенных! В первый период загробной жизни, на основании учения Господа Иисуса Христа в притче о богаче и Лазаре, видно, что жители рая видят жителей ада, и наоборот: жители ада видят спасенных. Итак, один супруг может быть в раю, а другой – в аду; неверие погубит последнего. В первый период загробной жизни и в самый день Страшного суда, когда еще все находятся в общении между собой до окончательного разделения: «идут одни в муку вечную, а другие в жизнь вечную, - свидание для спасенных исполнено неописанной радости, а для осужденных – проникнуто негодованием, плачем и вечным проклятием. Загробное состояние их таково, что в аду они уже не имеют места ни перед Богом, ни перед всем духовно-нравственным миром. Не смогут ни оправдаться в делах, ни вымолить прощения. Между погибшими уже нет ни заступничества, ни ходатайства друг о друге.

О блаженной жизни праведников в раю и красоте самого рая в первый период райской жизни заключим словами того, кто сам видел все это, будучи вознесен до третьего неба. Но передать виденного и слышанного вернувшись на землю не мог: во-первых, из-за недостатка в языке человеческом слов для выражения загробного состояния праведников, и во-вторых, потому, что всякому периоду в жизни соответствует известная степень понимания. И если бы апостол даже и рассказал о загробном блаженстве живущим на земле, то не вместили бы они услышанного. Не поняли бы точно так, как не понимают дети того, что понятно взрослым; каким образом преподать в низших классах те истины, которые без труда преподаются в высших классах? Понимаемое учениками старших классов не может быть понято учениками младших. Каждому времени соответствует свое познание, а познание за гробом далеко превышает познание земное, по свидетельству апостола Павла.

Если Сам Иисус Христос, для представления иудеям загробной жизни, брал вообще образы, символы и видимые предметы из земной жизни, то истинно будет заключить, что природа земли и ее красоты, все истинное, высокое, прекрасное и доброе – может для нас служить образцом, символом будущей блаженной жизни, начатки которой здесь, на земле, образовываются. Если всякая земная добродетель, отражаясь в совести, веселит душу, исполняя ее сердце какой-то таинственной неземной радостью, то каково же будет душевное состояние добродетельных людей в раю в награду за их праведную земную жизнь, когда земное в сравнении с небесным превратится в ничто? Если еще на земле было отрадно душе за добродетель, то каково же будет блаженство этой душе за гробом – в раю?

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В АДУ И В ГЕЕННЕ

Начало адского и геенского состояния на земле

Если на земле есть состояние души, удаляющееся от Царства Небесного, однако же совершенно не предрасположенное к состоянию адскому, то это – падение человека по причине его немощи, по неведению. Тут сочетаются падение и желание воспрянуть, стремление ума и сердца к небу (по их неземному происхождению), а вместе с тем и тяготение плоти к земле; неземная радость, по временам веселящая душу, особенно после всякой добродетели, - и угрызения совести, следующее за падением. Такое состояние душ на земле есть начало загробного несовершенного состояния, где совесть укоряет, а вера и надежда подкрепляют. Грешник, искупленный Иисусом Христом, врачуется в аду за неисполнение надлежащего покаяния, сокрушаясь о том, что оскорблял Господа.

Сокрушение присуще нерешенному состоянию; оно невозможно в состоянии отверженных. Чувствуя на земле отвращение ко злу, однако против желания творя запрещенное, и почему-либо не успев изгладить на земле своих преступлений молитвами, слезами, добрыми делами и другими знаками покаяния, такие грешники после смерти поступают в ад и, не отрекаясь Господа Иисуса Христа, там о имени Его преклоняют колена, как поклонялись Господу Иисусу Христу на земле.

Если, по свидетельству Самого Бога, просимое дается только просящему, то, разумеется, и характер загробной жизни – блаженство или мучение – зависит от нашей земной жизни. Если не велась истинно христианская жизнь, то за гробом удел – геенна; если же жизнь на земле была совершенно в духе Христовом, по Его заповедям, то загробный вам удел – рай. Нерешенное загробное состояние – ад – соответствует рассеянной, невнимательной христианской жизни на земле. Вследствие чего человек переходит в загробный мир, не совершив на земле плодов истинного, деятельного покаяния.

Состояние души после смерти, за гробом – несамовластное, т.е. душа не может свободно начать нового рода деятельность. Душа не может принять новый образ мыслей и чувствований, и вообще, не может переменить себя и явиться другой, противоположной ее земной жизни. Но может в душе только далее раскрываться начатое здесь на земле.

То, что загробное состояние имеет своим основанием земную жизнь, этому служит свидетельством слово Божье, дающее земной жизни значение времени сева, а загробной жизни – времени жатвы: «что сеется, то и жнется». Еще в древности в языческом мире был известен нравственный закон самопознания и внимания к себе: каким путем идем? Несамовластие души за гробом вытекает из того, что ведь полная самостоятельность души возможна лишь с телом, как с существенной составной частью человека. Иначе настоящая жизнь не имела бы никакой цели и цены по отношению к будущей, по учению св. апостола Павла, что «сеющий в плоть свою, от плоти пожнет тление» (Гал. 6:8). Сам Господь Иисус Христос научил, что всякий неверующий уже осужден; следовательно, состояние души, пока пребывает в неверии, есть начало геенской вечной жизни. И такой неверующий после смерти, как уже на земле осужденный за неверие, не подлежит частному суду Христову, а прямо поступает в загробное, ему соответствующее, состояние: в геенну.

Зло, сотворенное человеком, станет все более и более развиваться в вечности. Этим развитием объясняется все возрастающее мучение в аду – как следствие непрестанного скорбного действия на чувства. Ведь постоянное ощущение притупляет чувства, и душа делается равнодушной, бесчувственной к ощущаемому, что не согласно с ее бессмертием. И со скорбью, с постоянным по силе наказанием, наконец, душа свыкается. Мучительное ощущение не производит уже той скорби. А если нет скорби, значит, нет мучения.

Из слов Иисуса Христа видно, что геенна может быть внутри нас точно также, как бывает внутри нас царство Божье. Много ли спокойных среди живущих страстями? Удовольствие от страсти – моментально; страсть удовлетворена, но тотчас же она воспламеняется с новой силой. Хорошо, если удовлетворяется!.. А если нет, например, сребролюбие и др.? Неудовлетворенная страсть производит скорбь, злобу, ненависть; вот начало предвкушения геенны внутри нас! Душа, находящая удовольствие в потакании страстям, за гробом, разумеется, не встретит предмета, который услаждал ее на земле. Если душа на земле действовала без Христа и не по Его святейшей воле, то в загробной жизни это отчуждение от Христа станет погибельным и отчаянным уделом.

Заключим все сказанное нами о начале этого геенского загробного состояния на земле свидетельством самого слова Божьего, что предпосылки его находятся на земле. Не любящий ближнего пребывает в смерти, т.е. в таком душевном состоянии, при котором человек находится в удалении от Бога, а следовательно, и не в общении с Ним. Такое состояние, как совершенно противоположное состоянию райскому, и есть – уже на земле – начало загробного, геенского состояния, совершенно чуждого любви.

Если же внутри нас не царство Божье, то значит – геенна еще на земле! Это духовно-нравственное состояние души на земле, естественно, должно иметь себе и за гробом соответствие в духовно-нравственном царстве. Такая истина заключена в словах Иисуса Христа: «Не верующий на земле уже находится в состоянии осуждения». Осужденное состояние на земле имеет соответствие и за гробом – геенну.

Разные наименования состояний душ: нерешенного и осужденного

Как учит наша Православная Церковь (Православное догматическое богословие Макария арх. Харьковского. Т.2, С. 589), состояние или местопребывание душ, участь которых на частном суде окончательно не решается в загробном мире, называется в Св. Писании по-разному. Так, чаще прочих наименований встречаются названия: ад, преисподняя, темница духов, дальнейшие страны земли, сердце земли. Все это - названия тождественные, означающие болезненное загробное состояние души, еще не решенное.

Души же погибшие, осужденные еще при жизни и утратившие царство Божье, прямо с земли переходят за гробом в особые отделения – затворы ада, составляющие в первый период как бы преддверие будущей геенны, состояние осужденных второго периода. Некоторые св. учители Церкви, например, св. Амвросий Медиоланский и др. учили, что также и рай – состояние праведных душ первого периода – есть только преддверие неба – блаженного состояния второго периода.

Общее наименование состояния грешников после смерти (или их местопребывания) есть ад. Все же остальные названия, как то: геенна, в которой червь не умирает и огонь не угасает; печь огненная, в которой плач и скрежет зубов; озеро огненное и жупельное (серное), тьма кромешная; бездна страшная для самых злых духов; тартар; земля тьмы вечная; где нет света. Все эти наименования, встречающиеся в Св. Писании, составляют название отдельных затворов ада. Ад второго периода уже не то, что в первый период, а потому ад и другие наименования имеют между собой различие, как видно из слов Апоскалипсиса (Откр. 20: 13-14). И действительно: то, что составляло наказание только для адских душ в первый период, то же самое уже не может быть наказанием для совершенно полного человека, состоящего из души и тела, во второй период. Поэтому слово Божье и приписало этому новому состоянию души с телом, как совершенно отличному от состояния первого периода, и новое наименование, более или менее определяющее загробное состояние ада через сравнения, подобия и символы, что видно из описания этих состояний. Так, одно отделение называется адом, другое – геенною, третье – тартаром, четвертое – огненным озером и т.д. (Богословие Макария арх. Харьковского Т.2, С. 593)

Ад и геенна должны иметь свои определенные местности, разделяющие одно состояние от другого. Где находится ад и геенна, по учению слова Божьего? Духовной природе душ будут соответствовать и их будущие жилища. Так, Церковь учит, что природа ада и геенны вполне соответствует природе душ этих состояний: ад и геенна заключают в себе

все необходимое для смерти, т.е. для мучения; и жители геенны сами не согласятся быть в раю и одного часа, потому что для них чуждо и тягостно все истинное, прекрасное и доброе, составляющее жизнь добрых.

Где то место, в каком за гробом определено вечно страдать нераскаявшимся грешникам? Где Престол Божий? Где пределы мира? Когда и как совершится кончина мира? Эти вековые вопросы занимали людей от сотворения мира и до нашего времени, и человечество для решения их употребляло и употребляет все усилия ума. Само слово Божье оставляет этот вопрос без окончательного ответа. Однако из многих место Священного Писания Ветхого и Нового Завета открывается, что место ада – во внутренности земли. Тотчас после падения прародителей Бог, прогневанный за нарушение данного Им закона, определяет преступникам и наказание – гибель человеку, состоящему из души и тела: смерть и душе, и телу. Но сотворенный по душе и телу для вечности бессмертным – человек не мог и после падения уничтожиться, как не уничтожились падшие ангелы. Следовательно, смерть есть только наказание человеку, наказание душе и наказание телу: наказание, но не уничтожение! И бессмертный человек все-таки остается бессмертным. Истина гласит, что цель наказания – исправиться, загладить преступление. Чтобы Бог мог оправдать виновного и пресечь дальнейшее развитие зла. Следовательно, наказание есть благодеяние для преступников закона.

Что же такое смерть и в чем она состоит для души и для тела? Для первой, т.е. для души, смерть состоит в удалении ее от Бога. А для второго, т.е. для тела, смерть состоит в разлучении с душой, с которой оно было так крепко и таинственно соединено, и в превращении в землю, из которой было сотворено. Одна участь постигнет и душу и тело, как неразрывно между собой соединенных – удаление от Бога. В этом – смысл всякого наказания, простирающегося и в состояние посмертное. «В землю возвратишься» и душою и телом, значит, земля дает приют и телу и душе; поэтому для бессмертной души, прогневавшей Бога, определяется Им и место пребывания, и место наказания в земле.

Человеческое сознание, руководимое духом, не зря определило такое место заключения повинной душе. Ведь оно должно быть лишено всего радостного, находиться далеко от живых, быть скрытым в земле и притом в глубине ее. Слова Бога-Творца человеков: «в землю возвратишься» (Быт. 3: 19) глубоко запали в сущность человека: народы всех времен и мест представляли себе ад во внутренности земли.

По мнению древних, ад находится под землей, которую они себе представляли плоскостью, и находится на таком расстоянии от поверхности земли, на каком она отстоит от неба. Существовало мнение, что попавшим один раз в ад нет уже выхода оттуда; но Платон говорит, что после года мучений волны уносят нас в другое, более спокойное место. Не только каббалисты, но и все иудеи шеол (ад) – состояние душ, временно здесь пребывающих, - помещают во внутренности земли. Но простой иудейский народ отводит место аду в воздухе. Вот слова народной философии: «Душа после смерти тела, остается бессмертной и не тотчас достигает радостей небесных; она целый год блуждает в этом мире, и особенно около своего трупа, много терпит от демонов, которые находятся в воздухе; здесь очищается от пороков, и это есть геенна высшая. Неверные будут содержаться в аду вечно, а иудеи – только до времени. Ад же есть двоякий: один высший, а другой низший». Кто от кого заимствовал воззрение о месте ада в воздухе – греки от иудеев или иудеи от греков – решить трудно, потому что позднее греки помещали свой ад также в воздухе. Об этом свидетельствует Плутарх, который, сам не определяя места для ада, приводит об этом свидетельства других своих современников, изъясняющих стих Гомера: «душа, вылетевшая из тела, пришла в ад», принимая ад за темное, невидимое место, где бы оно ни находилось, - в воздухе или под землею.

Весь Ветхий и Новый Завет представляет ад во внутренности земли. Все праведники Ветхого Завета – представители народной веры – считают ад находящимся во внутренности земли. Так, патриарх Иаков, поразясь скорбью о смерти возлюбленного Иосифа, желает сам к нему сойти в ад, считая его умершим. Многострадальный Иов среди испытаний (искушений) воспоминает о своем загробном месте, называя его темной и мрачной землей, землей вечной тьмы, где нет ни света, ни жизни человеческой (Иов. 10: 21-22). Судьба Корея и его сообщников, по пророчеству Моисея, сбылась: земля поглотила их, и они живыми сошли в ад (Чис. 16: 29-35). Св. пророк царь Давид посмертное состояние душ называет адом преисподнейшим, т.е. во глубине земли находящимся (Псал. 85: 13). Св. пророки Исаия и Иезекииль видят ад во внутренности, во глубине земной…

Основатель Нового Завета Господь наш Иисус Христос свидетельствует Сам, что ад находится в земле, когда говорит о Себе, что Сыну человеческому должно будет быть в сердце земли три дня и три ночи. Об этом свидетельствует Его нисшествие в ад, необходимое, чтобы вывести оттуда всех ветхозаветных праведников с верой ожидавших Его, по пророчеству Осии: «от власти ада Я искуплю их» (Ос. 13: 14).

Златоуст высказывает свое мнение о местонахождении ада в своих торжественных молитвах в Великую Субботу и в Воскресенье Христово. Величественное песнопение на утрени Великой Субботы, после прочтения шестопсалмия и великой ектении, начиная с двух глубоко-умилительных и вместе с тем изящно- поэтических тропарей, из которых в первом воспевается погребение Господа, во втором нисшествие Его в ад. «Благообразный Иосиф с древа снем пречистое тело Твое, плащашицею чистою обвив и вонями, во гробе новее закрыв положи». «Егда снишел еси к смерти, Животе бессмертный, тогда ад умертвил еси блистанием Божества, егда же и умершие от преисподних воскресил еси, вся силы небесные взываху: Живодавче Христе, Боже наш, слава Тебе». После этого все священнослужащие, а в монастырях и все братство, выходят с зажженными свечами на средину храма, становятся пред плащеницею и начинают возглашать так называемым церковным уставом похвалы Господу, соединяя их со стихами 118-го псалма.

Из этих похвал напомним те, в которых с наибольшею ясностью упоминается, что ад находится внутри земли: «Зашел еси под землю Светоносец правды, и мертвые якоже от сна воздвигал еси, отгнав всякую тьму, сущую во аде» (к ст. 56). «Землю содержай дланию, умерщвлен плотию, под землею ныне содержится, мертвые избавляя адова содержания» (и ст.17). «Послушав Слово, Отца Твоего, даже до ада лютаго сошел еси и воскресил еси род человеческий»: (к ст. 59). «Зашел еси под землю, рукою Твоею создавый человека, да воздвигнеши от падения соборы человеческие всесильною державою» (к ст. 80). «Возстани, Щедрее, от пропастей адских возставляй нас» (к ст. 166). «Под землю хотением нисшед яко мертв, возводиши от земли к небесным, оттуда падшия, Иисусе» (к ст. 38). «Аще и мертв виден был еси, но живый, яко Бог, возводиши от земли к небесным, оттуда падшия, Иисусе» (к ст. 47). В последних двух похвалах Церковь во всенародное услышание объявляет не только о местонахождении ада, но о местонахождении рая.

В синаксаре Великой Субботы читается, что в этот день мы празднуем погребение Господа и Его сошествие во ад, что Он сошел во ад нетленною и Божественною Своею душой, отделенной смертью от тела. Употреблены выражения об аде как о глубокой пропасти, которая, как явствует из всей службы, признается подземной и находящейся внутри земли (Триодион).

То же мнение о местонахождении ада и рая видим в службе на Святую Пасху. С наибольшей определенностью мнение о месте ада выражено в ирмосе 6-й песни канона: «Снишел еси преисподняя земли, и сокрушил еси вереи вечные, содержащие связанные, Христе». В синаксаре 6-й песни говорится: «Господь ныне из адовых сокровищ человеческое естество исхитив, на небеса возведе, и к древнему достоянию приведе нетления. Обаче сошед во ад, не всех воскреси, но елицы веровати Ему изволиша. Души же от века святых, нуждою держимые, от ада свободи, и всем даде на небеса взыти». Здесь опять древнее достояние, т.е. рай, указывается находящимся на небе.

Везде, где только Церковь употребляет слово «ад», она представляет его находящимся во внутренности земли; например, используя такие выражения: преисподняя земли, утроба земли, страны преисподней ада, последние земли, преисподний ад, земля плача, место тьмы, и другие. Учение, что ад находится во внутренности земли, есть учение Православной Церкви; так думали и все святые отцы и учители Церкви: Иоанн Девственник, Афанасий Великий, Василий Великий, Кирилл Александрийский, Димитрий Ростовский, Иоанн Златоуст, Патрикий, Епифаний Кипрский и другие. Для убеждения в сказанном позволим себе выписать некоторые рассуждения из творений упомянутых отцов и учителей Церкви.

Святой Епифаний Кипрский со всей определенностью указывает местонахождение ада во внутренности земли, описывая в слове своем на Великую Субботу спасение человеков Богочеловеком. Мы помещаем здесь это слово с немногими исключениями: «От чего толикое безмолвие на земле? Что значит это безмолвие и молчание великое? Безмолвие великое; ибо Царь погрузился в сон. Земля убоялась и замолкла: потому что Бог во плоти уснул. Бог во плоти уснул и ад ужаснулся. Бог уснул на краткое время, и спящих издревле от Адама, воскресил. Ныне спасение сущим на земле и от века сущим под землею; ныне спасение всему миру, и видимому и невидимому. Ныне сугубое пришествие Христово, сугубое промышление, сугубое человекам посещение: Бог приходит с небес на землю, с земли под землю. Врата ада отворяются, и вы, спящие от века, радуйтеся! Сидящие во тьме смертной, свет великий приимите: с рабами Господь, с мертвыми Бог; с умершими жизнь, с находящимися во тьме Свет».

ОБИТАТЕЛИ АДА И ГЕЕННЫ

В ад, так же как и в рай, поступают после частного суда Христова, в 40-й день после смерти, лица обоего пола, т.е. мужского и женского. В ад же временно поступают и те души христиан, впавших в смертные грехи, которые принесли покаяние, не отчаялись в своем спасении, но не успели дать плодов покаяния. В ад поступают грешники, которых участь на частном суде окончательно не решена. Заключенные здесь души пребывают временно.

Кроме падших духов, которым от вечности за их отступничество было приготовлено вечное мучение, делаются его наследниками и сообщниками те из людей, кто, живя на земле, постоянно пребывали в союзе и общении не с добрыми Ангелами, а со злыми духами. Так, по учению Господа, в сообществе с падшими отверженными духами находятся все немилостивые, жестокосердные, чуждые дел любви и милости, и потому не могущие быть в царстве любви за гробом. Они наследуют загробное состояние, соответственное настроению их душ – наследуют геенну. По учению Православной Церкви, тотчас после смерти поступают в геенну осужденные еще на земле: нераскаянные (ожесточенные, отчаянные) грешники, неверы, вольнодумцы, богохульники,

человеконенавистники. Они прямо и невозвратно низвергаются в геенну, как безнадежные и решительно потерянные для царства Божьего; нечестивые, т.е. неверующие во Христа, злочестивые еретики и те православные христиане, которые проводили жизнь во грехах или впали в какой-либо смертный грех и не излечили себя покаянием – все они наследуют вечное мучение вместе с падшими ангелами.

Отличительный характер нерешенного состояния душ подобен тому болезненному состоянию души на земле, в которых жизнь берет верх над разрушением. Так точно и души нерешенного состояния, несмотря на свое греховное тяготение, полны веры и надежды на Бога-Искупителя, взявшего их грехи на свои плечи. И в таком настроении духа они вместе с небожителями преклоняют колена перед Господом Иисусом Христом и Его Пречистой Матерью, воспевая торжественную хвалебную песнь «аллилуя». Во аде до времени находятся предназначенные ко спасению. Находятся ныне, как находились и прежде. К ним после смерти входил в ад Иоанн Предтеча – для проповеди им о пришедшем на землю Спасителе. Так Православная Церковь говорит в тропаре, в честь его написанном: «Память Праведного с похвалами, тебе же довлеет свидетельство Господне, Предтече; показался еси воистинно и пророков честнейший, яко и в струях крестити сподобился еси Проповеданного; темже за истину пострадав радуяся, благовестил еси и сущим во аде Бога явленного плотию; вземлющаго грех мира, и подающего нам велию милость» (Канон Предтечи).

К таким душам нерешенного состояния, наконец, сошел и Сам Господь Иисус Христос Своею божественною душой. «Обожженная душа, - пишет св. Иоанн Дамаскин, - низошла во ад, дабы как на земле Солнце правды воссияло, так и под землею свет озарил сидящих во тьме и сени смертной; дабы как на земле Христос благовестил мир, плененным дал отпущение и слепым прозрение, и потому был виновником вечного спасения веровавших и обличителем неверия неверовавших, - так и в аду; да поклонится Ему всяко колено небесных, земных и преисподних, и таким образом, разрешив окованных от века, наконец воскрес из мертвых, показав нам путь ко спасению» (Обстоятельное изложение православной веры. кн. 3, гл. 29). Спаситель сошел к тем душам, которые имели веру и надежду; а к незнающим Его и к упорно восстающим против веры в Него не нисходил в геенну. Так точно, как и на земле, не ходил туда, где не предвидел и возможности веры. Вот отличительный характер жителей ада, имеющих возможность стать жителями рая: вера и надежда, перенесенные душами с земли в ад. Подобного нет в геенне.

В первом периоде адской жизни, поскольку душа существует без тела, то и мучение принадлежит только одной душе. Удаление грешников от Бога – Источника жизни, света, радостей и вообще блаженства – есть первое, главное основание мучения. Так как душа в первый период пребывает без тела, то удаление от Бога составляет для нее внутреннее, духовное мучение.

Сказано, что в аду, имеющем многие затворы, в первом периоде находятся два состояния душ, нерешенное и осужденное; поэтому и мучения тех и других имеют свои отличия. Внутреннее духовное мучение душ нерешенного состояния ублажается надеждой на Бога, Который не хочет смерти и погибели грешных. Эти души признают себя повинными в аде, и, перед именем Иисуса Христа, наравне со всеми жителями рая, преклоняют свои колена и тем самым все более и более принимают в себя благодать, врачующую немощи и восполняющую недостающее. Поэтому нельзя сказать, чтобы души состояния нерешенного были удалены совершенно от Бога, как удалены от Него осужденные в геенне за неверие. Неверные, низверженные в геенну, не преклоняют своих колен перед именем Господа Иисуса Христа.

Мучение есть состояние души, совершенно противоположное блаженству; состояние неестественное и потому болезненное, страдательное. Состояние, в котором душа со всеми своими силами и чувствами страдает особенной, уже никогда не прекращающейся мукой. По учению Православной Церкви, жизни святых противоположна жизнь тех душ, которые на частном суде не удостоятся блаженства.

Состояние душ, заключенных в аду и геенне, их деятельность относительно Бога и самих себя – составляют мучение внутреннее, духовное. Они соотносят свои грехи и поступки с деятельностью нравственных существ: добрых Ангелов, святых, а также с жизнью других людей, сопребывающих с ними в аду или в геенне. И, наконец, душа из ада взаимодействует с пребывающими еще на земле, - это деятельность внешняя. Следовательно, для души в геенне мучение в первом периоде будет и внутреннее и внешнее. Поскольку в злой деятельности человека, в его греховных поступках участвовали душа и тело, то воздаяние должно быть и душе и телу. Поэтому в первый период мучение будет неполное, несовершенное, а во второй – полное, совершенное.

Несовершенное мучение в первый период, а совершенное – во второй период бывает и внутреннее и внешнее. Притча (Лук. 16: 24-28) представляет загробное состояние душ первого периода. Спаситель говорил о душах, пребывающих в загробном мире (о несчастном богаче, Лазаре и Аврааме), и о братьях богача, еще пребывающих на земле. Здесь представлено загробное состояние первого периода. Если богач, по слову Иисуса Христа, страдает в пламени, то, разумеется, в том тончайшем эфирном жару, который соответствует тончайшей эфирной природе души и злых падших ангелов, так как Бог есть только дух, а все Его творение не дух, а материя; и этой-то эфирной материи, т.е. душе и злому ангелу, соответствует и геенский огонь тончайшей природы; телу же человека: как чувственному, по соединению его с душой во второй период будет соответствовать и огонь чувственный, чья природа грубее.

Что касается душ состояния нерешенного, которые хотя и умерли во грехах (а потому осуждены на мучение), но вместе с тем положили еще на земле начало покаяния и имели во глубине души своей семена добра, хотя еще не совсем раскрытые, - об их состоянии Св. Писание не благоволило открывать нам ничего определенного. Впрочем, милосердие Божье и сила заслуг Христа Спасителя, простирающихся на людей еще до последнего суда, равно как и самое правосудие Божье, которое, наказывая за зло, не может оставить без всякого вознаграждения добро, - дают нам право веровать, что мучение таких душ смягчается некоторой отрадой. Эти души не безнадежны. И, хотя не могут воспринять сами из своего состояния, но жаждут и ожидают для этого посторонней помощи и способны воспользоваться ею. Это исповедует наша Православная Церковь: души людей впавших в смертные грехи, и при смерти не отчаявшихся, но еще до разлучения с настоящей жизнью покаявшихся, только не успевших принести никаких плодов покаяния, - нисходят в ад и терпят за учиненные ими грехи наказания, не лишаясь, впрочем, надежды облегчения от них».

О внутренней и внешней жизни и деятельности душ нерешенного состояния свидетельствует апостол Павел, когда говорит, что их деятельность относительно Бога выражается в коленопреклонении перед именем Господа Иисуса Христа; а с поклонением уже соединяется и стояние перед Богом и в некоторой степени и видение Бога. Со всем же этим соединяется и надежда на Бога, следовательно, в некоторой степени и радость о Господе, утешение, отрада. А так как, по учению Церкви, эти души после покаяния, не отчаявшись, перешли в загробный мир, то осталась надежда на бесконечное милосердие. За гробом состояние душ кающихся грешников, хотя и страдательное, но все-таки проникнуто надеждою. Как страдательное оно тяготит душу греховной тяжестью, но как

проникнутое надеждой успокаивает ее. Непрестанная смена сокрушения и успокоения – вот их внутренняя деятельность относительно самих себя. Поклоняясь Богу, они не чужды поэтому уважения и благоговения ко всему святому, воздают честь и слугам Божьим – святым Ангелам и праведным душам. К их деятельности относительно Бога, святых Ангелов и святых угодников Божьих присоединяется и деятельность их относительно еще пребывающих на земле. Последняя выражается в желании и надежде на их помощь к улучшению из загробного состояния.

Итак, если души нерешенного состояния имеют некоторую отраду, то можно предположить о сопребывающих в аду, что они вместе поклоняются Господу Иисусу Христу. Вот внутренняя и внешняя деятельность душ нерешенного состояния. Сходное полагают о таковых душах и Восточные Патриархи в своем Исповедании Православной Веры (член 18).

Деятельность погибших грешников, так же как и праведных душ в раю, бывает трех родов: в отношении к Богу, в отношении к ближнему, и в отношении к самим себе. В отношении к Богу их деятельность составляет ненависть к Нему, хуление Его и желание того, что противно Его воле. Внутреннее мучение души состоит в самой себе: в ясном и подробном сознании грехов, которыми души оскорбляли Бога в этой жизни, в угрызении совести, которая за гробом пробудится со всей силой; в мучительном томлении и тоске от того, что привязанность души к земному и плотскому теперь не может у нее находить себе удовлетворения, а к небесному и духовному желание и вкус у нее не раскрыты и не могут уже раскрыться. И, наконец, в отчаянии и в желании прекратить свое бытие.

Самосознание, делающее душу существом личным, не оставит ее и в геенне. Деятельность сил души продолжится и там. Мышление, познание, чувствования и желания отличаются от проявления этих сил в раю. Свойства внутренней деятельности души, ее самосознания – совершенно противоположны состоянию и внутренней деятельности в раю. Предметы деятельности вообще в геенне, как внутренней, так и внешней, суть ложь, и их отец – диавол. Все греховное, противное Богу, было предметом силы мышления на земле; зло будет предметом деятельности мышления и за гробом. Вольномыслие, стремящееся к уничтожению нравственного порядка на земле, и за гробом, как несогласное с волей Божьей, будет принадлежать к царству врага Божьего и человеческого, к царству диавола.

Дарованная Богом душевная сила познания может уклониться по злому произволению человека от своего естественного, истинного назначения к неестественному, когда предметом деятельности познания станет развращение и погубление себя и ближнего, распространение всего безнравственного. Познание зла, по закону бесконечного развития, переходит и в загробное состояние, в царство зла, и здесь продолжает развиваться во всю вечность. И в геенне немало найдется предметов для деятельности злонамеренного познания для «совершенствования в направлении, противоположном истинному, доброму и прекрасному».

Если на земле деятельность чувства составляла противоположность истинному, доброму и прекрасному, и чувства постоянно упражнялись в неестественному, противозаконном, - то и за гробом действие их будет соответствовать земному, наполнится не радостью, а невыразимой горестью. Привычка чувства к греху не найдет себе здесь удовлетворения. А лишение желаемого уже есть страдание. Несмотря на всеусиленное стремление чувств к удовлетворению, за неимением предметов желания действия чувств останутся вечно неудовлетворенными.

Неестественное состояние души, - болезненное, противное ее природе, называется состоянием страстным. Страсти суть язвы, недуги, которые на земле врачуются: Св. Крещением, покаянием, причащением, молитвою, постом, вниманием к себе. На земле благодать, врачующая все немощное, - исцеляет страсти. Действие страстей – известно всякому, какого труда стоит их преодоление! Страсти земные или побеждаются благодатью, или удовлетворяются самим человеком; в первом случае – он победитель, во втором – человек побежден. Поскольку душа крепко и таинственно соединена с телом, и они взаимно действуют друг на друга, то состояние души отражается на состоянии тела, и наоборот. Подобным образом и страсти – душевные и телесные – взаимно влияют и на душу и на тело. Страстное состояние души не только проявляется в видимых действиях человека, но и в состоянии тела; особая бледность, трясение, скрежет зубов – есть выражение зависти, злобы, гнева. До чего на земле доводят страсти человека? До самозабвения, если они не удовлетворяются и вместе с тем не врачуются; но и постоянное удовлетворение страстей расстраивает все силы и способности души и человека.

Душа, перешедшая за гроб с неисцеленными ранами – со своими страстями, остается там в страстном, болезненном состоянии и, неисцеленная на земле, уже здесь не может избавиться от своих страстей. И как неврачуемая болезнь развивается все более и более, так за гробом страстное состояние души, по закону жизни, все более и более развивается доходя до ужасающих размеров. В геенне нет исцеления, нет освобождения от страсти, нет уже благодати для грешников и нет удовлетворения страстей, но есть лишь гнев Божий. Неудовлетворенная и неудовлетворяемая страсть – вот состояние души, вполне соответствующее геенне. Постоянно неудовлетворяемой страстное состояние души приводит ее, наконец в отчаяние, в ожесточение, а потом и в состояние самых злых духов – богохульства и ненависти к святым.

Развитие страстей не может остановиться по закону жизни. Если в земной жизни предмет ума и сердца был Бог и Царство Небесное, то после смерти душа достигает желаемого. Наоборот, если предмет души на земле был мир со всеми его светскими прелестями, то за гробом этого предмета для души не будет. Привычка к греху, к исполнению своих страстей, обратившаяся в природу и сделавшая страстное состояние отверженных как бы естественным, будет непрестанно целую вечность терзать душу. Предмет желаний святых постоянно растет и удовлетворяется, а желания (страсти) осужденных развиваются, но не имеют предмета, в котором бы они воплотились. Вот в чем состоит внутреннее мучение грешников в геенне! Ничем непреодолимые страсти, - безнадежные, никогда не искореняемые, - терзают и будут терзать душу всю вечность. И можно утвердительно заключить, что действие страстей за гробом гораздо сильнее, чем на земле. Что все усвоенное душой на земле, как доброе, так и злое, переходит с ней за гроб, характеризует ее там, определяя и состояние, соответственное качествам души. Об этом свидетельствует св. Григорий Нисский: «Если кто вполне погрузится душой своей в плотское, то такой человек, хотя бы он уже более и не был во плоти, все-таки не будет свободен от похотей и пожеланий плоти. Как те, которые проводили жизнь в местах нечистых, хотя бы они были перемещены на чистейший и свежий воздух, все-таки не могут тотчас освободиться от остающегося при них запаха, так и погрязшие во плоти всегда будут носить с собой плотский запах».

Таким образом, смерть, по учению его, разрушая союз души с телом, сама по себе вовсе не очищает душу, погрязшую в чувственности, от ее плотских страстей и привычек. Эти страсти и привычки продолжают существовать и, вследствие своей неудовлетворенности, являются источником мучений для души. Чем кто согрешает, тем мучится, если только не уврачуется на земле. Ап. Павел свидетельствует: «Бог поругаем не бывает. Что посеет

человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою, от плоти пожнет тление; а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную» (Гал. 6:8).

Плач есть видимое, внешнее выражение душевного состояния, проникнутого действительной радостью или скорбью, от того плачут иногда и от радости, и всегда от скорби. Сознание своей греховности, угрызения совести, сетования о невозвратимом вызывают состояние души, называемое отчаянием. Это внутреннее мучение грешников в геенне называется в Св. Писании плачем и скрежетом зубов: «Тогда, сказал царь слугам, связав ему руки и ноги, возьмите его, и бросьте во тьму кромешную; там будет плач и срежет зубов». Место заключения грешников не есть только беспросветная тьма; оно и содержит в себе нестерпимые муки. Подобные душевные состояния на земле выражаются названными видимыми знаками: плачем и скрежетом зубов.

Человек, состоя из духа, души и тела, есть существо духовно-нравственное, назначение которого уже показывает самый его образ и подобие его Богу. Назначение человека доброжелательное: «будьте милосердны, как милосерд Отец ваш небесный»; или «Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе» (Фил. 2:5). Человек сотворен для вечности. Существо духовно-нравственное должно и жизнь вести нравственно-религиозную. Чтобы человек выполнил свое назначение или волю Божью о нем, Бог дал ему совесть, как начало нравственно-религиозной жизни, жизни духовной, которая будет продолжаться и за гробом – в вечность. Следовательно, совесть – неразлучный спутник души, принадлежность человеческого духа.

Совесть современна человеку и предназначена непрестанно напоминать ему, чем он должен быть на земле и за гробом – согласно цели, для которой сотворен. Если дух – необходимая, существенная часть человека, то и совесть, по словам апостола Павла, принадлежит всякому человеку. Но отчего же ее проявление у разных народов в разные времена и при различной степени умственного развития одного и того же народа различны? И даже у лиц с совершенно одинаковым умственным развитием, - внутренняя, а, следовательно, и внешняя деятельность совести не одинаковы? Ответ на это видим в слове Божьем и в примерах из жизни. Одни живут по духу, другие – по плоти: первые признают для себя обязательными требования совести, другие же нет!

Требование совести есть требование самой духовной природы человека. Исполняя требования совести, человек исполняет свое назначение; не исполняя, не считая себя обязанным слушать внутренний голос, - поступает против природы, отвергает свое назначение, не признает цели своего бытия. Слово Божье свидетельствует прямо о совести, как о принадлежности духа, бывшей уже и у первых людей. Если бы не совесть заговорила у прародителей тотчас по падении, то к чему бы страшиться и укрываться им от Бога, к чему бы и покрывать свою наготу? Стыд – выражение совести и побудил их к этому.

Стыд, стыдливость – есть чувство, составляющее принадлежность человеческого духа. Значение стыда – это стремление человека скрыть свою наготу, слабость, безобразие скрыть то, что ему неестественно – порок, страсть, короче – свое зло.

На Страшном суде и во втором периоде загробной жизни опять возникнет полный человек, состоящий из духа, души и тела. А так как слабость, немощь бывает и духовно-нравственная и телесно-физическая, то желание человека скрыть свою неестественность от взоров окружающих его людей, или стыд осужденного, - доходит до крайности. Двум природам человека соответствует и два стыда: физический и нравственный. Однако духовно-нравственный стыд и есть главная сущность стыда, который и определяет

достоинство затеваемого или уже исполненного дела. Стыд есть выражение совести, и, как принадлежность человеческого духа, - современен человеку. Стыд свойственен всем: и детям, и старцам, и грубому, и образованному, и глупому, и умному. Только в разной степени! И этому стыду подвергнутся все (в той или иной степени) на суде и во второй период загробной жизни.

Духовно-нравственный стыд есть выражение оскорбленной совести или нарушенного внутреннего закона. В Св. Писании совесть называется внутренним законом, «написанным в сердце каждого человека». Стыд есть неразлучная принадлежность духовной природы человека, а так как духом одарен только человек, то и стыд свойственен только человеку и, составляя неразлучную принадлежность его духа, как бы высказывает сознание духом своего несовершенства, своего слабости. Стыд предохраняет человека от дурных поступков и наказывает за соделанное зло. Совесть, как начало религиозно-нравственной жизни, есть высшая, нравственная сила в человеке, - сокрытая в существе духовной природы и являемая в нашем сознании. Потребность того, чем человек должен быть по своему назначению. Бесстыдство есть высочайшая степень духовного разврата, состоящего в отвержении истины и в устроении зла. Такое нравственное состояние свойственно падшим духам и осужденным грешникам.

Деятельность ума, воли и сердца ясно дает нам понять, насколько мы исполняем свое назначение – жить по Богу, - высказывает нашу совесть; ее требование от человека жить по Закону Божьему. Это – главный, коренной предмет совести. Всей жизнью человека, деятельностью ума, воли и сердца управляет совесть. Жизнь – деятельность человека на земле – должна быть согласна с требованием совести. Отчего жизнь и дела по требованию совести дают человеку еще на земле, так сказать, предвкушать неземную радость, веселие, спокойствие, мир, которые являются началами вечной, загробной, блаженной радости? Если на земле, среди всего враждебного человеку, находящемуся в беспрерывной борьбе, добродетель вселит душу, то что же сказать о том загробном состоянии добродетельных, которое уже будет совершенно свободно от всего враждебного? Правда, мир и радость – вот блаженный удел райской жизни!

Действие совести на душу, а, следовательно, и на человека, двоякое. Здесь, на земле – начальное, а за гробом – совершенное: внутреннее блаженство или мучение, покой или угрызения совести. Если каждое дело на земле отражается немедленно в совести, если после всякого неправого дела следует на земле угрызение совести, то каково же будет угрызение ее в геенне, где идет развитие только одного зла? Жизнь есть развитие. Как свидетельствует опыт, зло в человеческих личностях может развиться до такой степени, что о нем можно говорить то же, что говорят вообще о привычке, - что она становится второй природой человека. Усвоив зло, человек за гробом находится в состоянии падших духов. Жизнь в геенне есть бесконечное развитие зла. Жизнь – развитие добра либо зла – может меняться только на земле. Дурной, порочный человек делается добрым христианином, и добрый человек становится дурным. Покаяние, при содействии благодати, врачующей слабости, злое житие изменяет в доброе. Добрая же жизнь от самонадеянности, забвения Бога и гордости, оставляется благодатью, и человек идет путем развития зла; за вечным злом следует и вечное осуждение совести, карающей преступников закона.

Совесть, через исполнение или неисполнение посредством силы воли своих требований, является удовлетворенной или оскорбленной. В первом случае вменяет человеку заслугу, во втором – вину. За заслугу, как свободное дело, согласное с законом, она обещает награду. За вину же, как за самовольное дело, не согласное с законом, обещает наказание. Действие совести простирается не только на заслуги или вину, но вместе и на достоинство

награды или наказания. Послушным совести – обещается благо, а непослушным – зло. Такое действие совести апостол Павел приписывает и язычникам (Рим. 2: 15; 8: 16) и вообще всем и каждому.

Итак, осужденные, находящиеся в геенне, видя спасенных, находящихся в раю (разумеется, только в первый период загробной жизни), по свидетельству св. Макария Египетского, не видят рядом с собою других заключенных, находясь к ним спиною. И св. Афанасий Великий в слове об усопших пишет, что «до страшного дня судного грешники, в геенне находящиеся, не познают друг друга, несмотря на то, что пребывают вместе». Они лишены и этого утешения.

Внешнее мучение состоит в сообществе с другими такими же несчастными душами, а особенно со злыми духами, и в других действительных муках геенны. Все это, впрочем, служит только началом и предвкушением будущих вечных мук. Это предвкушение будущих мук так велико, ужасно, что видевший и испытавший их, если бы только с кем это случилось, был бы не в силах пересказать того, что терпят в геенне осужденные первого периода. Так точно, как не мог апостол Павел рассказать обитателям земли о рае, в который он был взят. Деятельность погибших душ в геенне носит характер, свойственный злым духам. Так как на земле эти души были совершенно чужды любви, преисполнены злобы, ненависти, злонамерений и злорадства, то с этим душевным настроением, противоположным любви, пребывают и за гробом в геенне. И деятельность их относительно еще пребывающих на земле весьма сходна с деятельностью злых духов. Вследствие добровольного отпадения от любви к Богу, они все более ожесточаются в ненависти к Богу и человеку. Естественные их дары: знание (ум) и позволение (воля), хотя и остались при них, но получили превратное направление. Цель всей деятельности ума теперь – зло. А воля направляется к исполнению злых намерений. Следовательно, ум и воля не оставляют и душ грешников, обреченных на вечное мучение. Желание зла и погибели еще пребывающим на земле – вот к чему направляется вся деятельность погибших душ относительно живых.

ГЛАВА 3

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ ПРАВЕДНИКОВ И ГРЕШНИКОВ ПОСЛЕ СТРАШНОГО СУДА

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ СУД БОЖИЙ.

Придет некогда день, последний день для этого рода человеческого (Ин. 6: 39); как бывает последний день для каждого человека порознь, день кончины века и мира (Мф. 13: 39), как бывает день смерти человека, - придет день, установленный Богом, «в который будет праведно судить вселенную» (Деян. 17: 31), т.е., суд всеобщий и решительный. Этот день потому и называется в Писании днем судным (Мф. 11: 22 и 24); днем суда (2 Петр.3:7); днем гнева и откровения праведного суда Божия (Рим. 2:5); днем Сына Человеческого (Лк. 17: 22); днем Господним (2 Пет. 3: 10); днем Христовым (2 Фес. 2:2); днем Господа нашего Иисуса Христа (2 Кор. 1: 14) потому что Господь Иисус Христос явится на землю уже во славе Своей, чтобы судить живых и мертвых; днем великим (Деян. 2: 21; Иуд.6), по тем великим событиям, которые тогда совершатся.

Второе пришествие на землю Господа Иисуса Христа есть догмат православия и содержится в седьмом члене Символа Веры. В этом же члене изложен и догмат будущего Страшного суда Божьего над человечеством за его земную жизнь, за его дела.

Понятно, что открытие суда предворяет пришествие судьи и потом явление на суд судимых: людей и бесов. Следовательно, все свидетельства Св. Писания о втором славном пришествии Господа Иисуса Христа на землю, о воскресении мертвых – остаются свидетельствами о действительности всеобщего суда. Вот свидетельство Самого Господа Иисуса Христа об окончательном суде, свидетельства св. апостолов, св. отцов и учителей Церкви.

Иисус Христос учит: «Ибо Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну… дал Ему власть производить суд»(Ин. 5: 22 и 27); и в другом месте говорит: «Ибо приидет Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими; и тогда воздаст каждому по делам его» (Мф. 16: 27). И апостолы проповедывали о суде: «Ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых» (Деян. 17: 31); «Се идет Господь со тьмами Святых Ангелов Своих – сотворить суд над всеми и обличить всех между ними нечестивых во всех делах» (Иуд. 14: 15); апостол Павел многократно свидетельствует о всеобщем, окончательном суде, и, наконец, о том же пишет Иоанн Богослов (Откр. 20: 11-15)

Св. Церковь всегда исповедовала этот догмат всеобщего суда. В символе Афанасиевом читаем: «Приидет (Христос) судить живых и мертвых, Его пришествием все человеки воскреснут с телами своими, и воздадут о делах своих ответ». Этот догмат свидетельствуется всеми святыми отцами и учителями Церкви в их писаниях.

Вот потрясающая душу картина окончательного суда над человечеством, картина, которую представляет нам слово Божье (Мф. 25: 31-46) и которая подтверждается здравым умом. Части этой картины суть: 1) Судья – Бог, 2) соучастники в суде – Ангелы и апостолы, 3) подсудимые, 4) предмет суда, 5) разлучение праведных от грешных и 6) окончательный приговор тем и другим.

На первом месте картины Страшного суда, по свидетельству Самого Иисуса Христа, предстанет Сын Божий, как Бог-Царь и Судья, сидящий на Престоле Своей славы, окруженный всеми св. Ангелами и св. апостолами. Сидение на Престоле – выражение образное, взятое от обыкновенных царей! Они восседают на троне в особенно важных обстоятельствах.

Далее представляются исполнители воли Божьей, или как бы соучастники в суде – Ангелы и апостолы: «и пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их» (Мф. 24: 31), и соберут от царства Его все соблазны и делающих беззаконие, и отделят злых из среды праведных». Вот участие, деятельность Ангелов на Страшном суде. Иудеи обыкновенно созывали в собрания посредством труб, что послужило Иисусу Христу символом для образной речи собрания всего человечества на суд посредством Ангелов с громким трубным гласом. Это речь образная, и не стоит думать, что Ангелы будут посланы с трубами. Нет, будет греметь одна последняя труба (1 Кор. 15: 52), труба Божья (1 Фес. 4: 16), при звуке которой будут посланы Сыном Божьим св. Ангелы; вместе с тем по гласу той же трубы последует и воскресение мертвых. [впрочем учение о многих трубах (семь в Откровении) вероятно было распространено в Иудее, потому что в 3й книге Ездры, где описываются события явно относящиеся к последним годам сказано об одних – «при третьей трубе» произошло (3Ездр.5:4) – ред. golden-ship] Страны света (восток, запад, север и юг) иудеи обыкновенно называли ветрами. Посланные Ангелы соберут на суд всех людей из всех стран света, соберут и праведных, и злых, и отделят первых от последних.

Затем участие, которое примут на суде св. апостолы, так высказано Господом: «Истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, - в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых»(Мф. 19: 28). Здесь престолы апостольские не означают их тронов, но прежде всего славу и честь, которыми они будут почтены преимущественно перед всеми, когда станут вместе с Господом царствовать и участвовать в славе. Судить всех будет Мессия, которому одному дал Бог весь суд (Ин 5: 22); но Господь говорит, что и апостолы будут судить – в том смысле, в каком и все верующие, участники славы и господства Мессии, будут и соучастниками в суде над миром, о чем потом писал и апостол Павел: «Разве не знаете, что святые будут судить мир?» (1 Кор.6: 2)

И здесь апостольский суд, представленный Господом, имел своим образом, символом суд советников, царедворцев, окружающих земных царей и помогающих им в деле суда. Двенадцать колен израилевых – имя народа Божьего, народа, избранного некогда и возлюбленного Богом; в настоящем же изречении Господа «двенадцать колен» принимает значение всего народа, возлюбленного Господом и искупленного Им, именно – всех христиан, подлежащих суду. Так и апостол Иаков всех христиан называет двенадцатью коленами.

Рай представит на место суда своих небожителей – праведные души, а ад своих мертвецов – души грешников, и последует соединение душ с их телами. Потом произнесется роковой приговор праведным и грешным, и получит каждый полное свое воздаяние по делам земной жизни.

Неверующие, как не принявшие искупления, на Страшном всеобщем суде Христовом будут осуждены на лишение вечной блаженной жизни во Христе; а с ними и те из верующих и крещенных, которые проводили земную жизнь вопреки закону Христову. Ко времени Страшного суда воскреснут все без исключения когда-либо жившие, и подвергнутся последнему суду, чему служат доказательством слова: «воззрят на Него, которого пронзили» (Зах. 12: 10). Воззрят (число множественное) все воскреснувшие, в том числе и те, кто распял Господа Иисуса Христа. Значит, и неверующие, короче – все человечество. Не только люди предстанут на суд, но и падшие духи, которых, по свидетельству апостола «Бог не пощадил, но связав узами адского мрака, предал блюсти на суд для наказания» (1 Пет. 2:4). И апостол Иуда тоже пишет: «И ангелов, не сохранивших своего достоинства, но оставивших свое жилище, соблюдает в вечных узах, под мраком, на суд великого дня».

Если человек состоит из духа, души и тела, то видимая, внешняя жизнь и деятельность человека есть не что иное, как выражение, проявление жизни и деятельности души. Мысли, желания, чувствования – предметы мира невещественного. Они составляют невидимую деятельность невидимой души, и, будучи выражены словами и делами, составят видимую деятельность тела, как органа души, т.е. деятельность человека. Итак, на суде будут судимы и внутренняя (духовная) и внешняя (телесная) деятельность человека. По двойственной природе человека и двойственной его деятельности, которая осудится на всеобщем суде, и награда и наказание последуют двоякие: духовные, внутренние (для души) и внешние, чувствования, соответственные новому телу человека.

Каждый человек на последнем суде отдаст строгий и полнейший отчет во всех мыслях, желаниях, чувствованиях, словах и делах за всю земную жизнь. Конечно, греховные мысли, желания, чувствования, слова и дела не вспомнят на суде, если своевременно на земле еще будут смыты истинным раскаянием.

Деятельность души проявляется в видимой деятельности человека, в его словах и делах, так что слова и дела всегда верно характеризуют нравственное состояние души, доброе или злое. Все, что подразумевается под употребленным Спасителем словом «праздное» - несвойственное, несоответственное, неприличное христианской деятельности – осудится на суде; «сказываю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда» (Мф. 12: 36).

Слова – суть выражение мыслей и чувств человека и вообще внутреннего, нравственного состояния его; по ним познается человек, как дерево – по плодам. Если слова человека – правдивы, честны, благочестивы, назидательны, то они показывают человека хорошего, и такой человек получит оправдание на суде; если слова – ложны, нечестивы, то они указывают на злое сердце человека, и таковой не может получить оправдания, а подвергнется осуждению. Оправдание и осуждение на суде зависит от веры и дел, слова же означают только внутреннее, нравственное состояние души. Праздное слово есть такое, которое заключает в себе ложь, клевету, возбуждающее неприличный смех, т.е. слово позорное, бесстыдное, пустое, не имеющее никакого отношения к делу.

Апостол Павел о суде над невидимой, тайной душевной деятельностью пишет: «Посему не судите никак прежде времени, пока не приидет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения и тогда каждому будет позвала от Бога» (1 Кор. 4:5). Итак, на суде каждый человек отдаст строгий и полнейший отчет за всю свою деятельность, как за внутреннюю, духовную (Мф. 12: 36), так и за видимую, внешнюю, т.е. за все слова и дела воздаст Господь каждому (Рим 2: 6; 2 Кор. 5: 10).

На последнем суде пред взором нравственного и духовного царства духов и душ будет видна вся жизнь, земная деятельность каждой души, как добрая, так и злая деятельность. Не утаится ни один сокровенный помысел, ни один вздох, ни взгляд, ни наималейшее действие телесное. Все правое и неправое, если только заблаговременно не очистится должным покаянием, все будет видимо всеми: и Ангелами, и святыми, и людьми. «Не без причины, - говорит Иоанн Златоуст, - так долго нет суда, не без цели отсрочен на столь долгое время всеобщий, окончательный суд над человечеством; дано время ходатайства перед Богом друг за друга». С наступлением же решительного часа участи человечества это ходатайство рушится; тогда уже ни молитвы, ни прошения, ни дружба, ни родство, ни слезы, ни добрые намерения и желания, ни добродетели не помогут нам. В тот роковой час ни молитва грешников ко святым, ни молитвы святых к Богу о помиловании грешников станут недейственны. Молитвы святых не помогут осужденным, ни ходатайство отца не облегчит участи осужденного сына, ни слезы детей не освободят от вечной муки несчастных их родителей; ни муж не поможет легкомысленной своей жене, ни жена – своему мужу. Да и сама любовь к истине не дозволит уже ходатайствовать за отвергших ее окончательно; было бы противоестественно просить Царство Небесное для того, кто решительно не хотел его, а потому и не приспособлен к жизни, полной мира и любви, не годится к жизни святых. Тогда любовь, родство, дружба, знакомство потеряют свое благотворное значение, и всякое отношение между душами, любящими правду и истину, и враждующими с ними – окончательно исчезнет и, память грешников перестанет тревожить души святых, благоугодивших своему Господу.

На Страшном суде, когда все тайное откроется, праведники и грешники увидят и узнают друг друга. Грешники в аду, видя до этого времени святых в раю, но не видя друг друга, теперь увидят и узнают, как пишет Афанасий Великий в «Слове об Усопших». Но свидание их будет нерадостно! Почему? Потому что причиной вечного осуждения были мы сами и наши близкие на земле, с которыми нам теперь и придется свидеться. Неужели

благодарность услышим от наших близких, когда мы, оставшись на земле после них, провели жизнь так, как родные братья евангельского несчастного богача?

Св. Иоанн Дамаскин, предостерегая нас от такой ужасной встречи со своими близкими в день суда, пишет: «Мы постараемся всеми силами, чтобы в оный ужасный и страшный день родные не укоряли нас в небрежении о них; наипаче те из нас, которым они вверили попечение об их имуществе и оставили оное. Ибо да не подумает кто-либо, что на том страшно событии мы не узнаем друг друга». Принципиальное око душевное есть орган зрения и познания, как свидетельствует Сам Господь Иисус Христос в притче о богаче и Лазаре.

Правда, богатый, будучи на земле, знал и, быть может, не раз видел Лазаря, а потому и не удивительно, что узнал его; а как же он узнал, по свидетельству Господа Иисуса Христа, Авраама, которого прежде не знал и никогда, нигде не видел? Значит, заключаем и как истину свидетельствуем, что на суде узнают все друг друга, и знакомые и незнакомые. Св. Иоанн Златоуст об этой истине пишет так: «Мы узнаем не только тех, которые здесь нам были знакомы, но и тех увидим, которых никогда не видали».

Св. Ефрем Сирин пишет: «Тогда дети будут обличать своих родителей в том, что они не делали добрых дел; в оный день несчастными увидят многие своих знакомых, а некоторых из них, приметивши поставленными одесную, пойдут прочь от них, со слезами прощаясь с ними».

«Тогда, - говорит св. Григорий Богослов, т.е. в день всеобщего суда, - я увижу тебя, моего возлюбленного брата Кесария, светлым, славным, веселым, точно таким, как ты мне часто являлся во сне».

Св. Димитрий Ростовский, обращаясь к плачущему родителю, о смерти сына как бы в утешение говорит: «Узришь его (т.е. умершего сына) в благодати Божьей между праведниками, в месте светлом и прохладном».

Так учат все пастыри и учители Церкви, что все увидим в свое время друг друга. Следовательно, на суд предстанет все человечество от первого до последнего человека: «Соберутся пред Ним все народы» (Мф. 25: 32); «Который будет судить живых и мертвых» (2 Тим. 4:1), поскольку «Он есть определенный от Бога Судия живых и мертвых» (Деян. 10: 42).

Что может быть ужаснее и смраднее того состояния душ, когда перед взором каждого откроются все наши тайные и явные дела, слова, мысли и желания, когда каждый ясно увидит всю деятельность другого? Тогда-то очевидно для всех откроются наша любовь и лицемерие, правда и неправда. Иоанн Дамаскин говорит: «Это будет великий небесный стыд, когда всякий узнает другого и сам будет узнан». И тогда Господь «поставит овец справа Себя, а козлищ – слева» (Мф. 25: 33), т.е. Господь отделит праведных от грешных; тогда неверие отлучит отца от сына, дочь – от матери, и супруги должны будут расстаться навеки. Вера спасет одних, а неверие погубит других.

«И разлучит их (судимых) друг от друга, как пастырь разлучает овец от козлищ. И поставит овец справа от Себя, а козлищ – слева». Так как на суде будут христиане и нехристиане, то одна часть суда есть суд над христианами, что из вопросов Иисуса Христа и ответа судимых, которые относятся прямо к христианам. Это же подтверждает и избранный сосуд Святаго Духа учитель языков, говоря: Всем нам (т.е. христианам, и праведным и грешным) подобает явиться перед судилищем Христовым, чтобы каждый из

нас получил за внутреннюю и внешнюю деятельность свою на земле (т.е. за свои мысли, желания, чувствования, слова и дела) полное воздаяние: или награду или наказание (2 Кор. 5: 10).

Другая же часть суда (над нехристианами) кратко изображается в словах Св. Писания. Суд над христианами произведет Сам Иисус Христос; судимы будут верующие по своим делам, а потому дела наши нас осудят или оправдают. Дела любви и милосердия, предложенные Господом на суде христианам, как знающим Его всесвятую волю, одним доставят Царство Небесное, уготованное уже для них от вечности; а другим, стоящим на левой стороне, как тоже знающим волю, заповеди Божьи, но пренебрегающим ими, объявится наказание; они пойдут в муки вечные.

Вся христианская деятельность, все наши взаимные, между собою отношения должны быть основаны на вечной божественной любви. Сообразно степени любви христиан, одни будут поставлены по правую сторону, а другие – по левую. Правая сторона вообще почетнее левой; она обыкновенно предназначается для высших особ, царей и вообще старших, для близких, для родственников, друзей. Правая сторона, по слову Господа Иисуса Христа, есть место для благословенных, место для детей Божьих, наследников Царства Небесного, а левая – место для проклятых, отверженных, потому что они сами добровольно отвергались уготованных человеку благ в его загробной жизни.

Потому Иисус Христос обратится к стоящим по правую сторону и произнесет приговор вечной участи, объясняя и причины ее: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте царство, уготованное вам от сложения мира за ваши добрые дела на земле. Они (дела) прямо относятся ко Мне потому, что вы их делали Моим меньшим братьям. Вы кормили голодных, поили жаждущих, принимали странных, давали одеяние имеющим в этом нужду, больных посещали и в темницах находящихся на забывали. Всеведущий Бог от вечности предвидел действия людей, и потому соответственно их поступкам от вечности же определил и награды и наказания. За добрые дела – жизнь, Царство Небесное. А за злые – смерть, мучение вечное.

Истинных христиан, последователей Своих, Иисус Христос называет Своими братьями, как близких Ему по духу, по расположению и по страданиям: «Кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и матерь» (Мф. 12: 50) Об этом признании Иисусом Христом Своих верных рабов братьями свидетельствует и апостол Павел: «Ибо и освящающий, и освещаемые, все – от Единого; поэтому Он не стыдится называть их братьями, говоря: возвещу имя Твое братиям Моим» (Евр. 2: 11, 12). Единение Господа со своими истинными последователями есть единение самое тесное: единение веры, любви, духа и действий. Поэтому все, сделанное нами для ближних, Господь относит к Себе и награждает как бы за сделанное Ему Самому: «Мне сотворите», или: «Принимающий вас, принимает Меня»…

Потому он обратится к христианам-грешникам, стоящим по левую сторону, и скажет: «Идите от Меня проклятые в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» (Мф. 25: 41), - за то, что вы не имели живой веры и деятельной любви. Спаситель в речи, обращенной к праведным и к осужденным, ничего уже не говорит о вере, потому что вера здесь показывается делами. Следовательно, дела веры одних оправдывают, а других осуждают. Дела любви и милосердия оправдывают стоящих по правую сторону суда, а отсутствие этих дел осуждает на вечный огонь стоящих по левую сторону.

Другую часть окончательного суда составляет суд над нехристианами, над неверующими во Христа. Этот суд Спаситель предоставляет совершать апостолам: «Истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, - в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престол славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых» (Мф. 19: 28). Как понимать значение этого суда? Апостолы, будучи с вами, со всеми прочими иудеями, одного рода, получив одинаковое с вами образование, воспитываясь в тех же самых законах и по тем же обыкновениям, ведя такой же образ жизни, как и вы, - уверовали в Меня, а вы – нет. Что же препятствовало и вам поверить Мне? Поэтому они будут вам судьями! Двенадцать колен Израилевых – это имя народа Божьего, народа, избранного некогда и возлюбленного Богом. Настоящее изречение берется в смысле всего человечества, которое так возлюбил Бог, что и Сына Своего Единородного дал, чтобы всякий верующий в Него спасся. Возлюблен Израиль – возлюблен и весь мир: человечество, искупленное Господом Иисусом Христом. Но поскольку искуплением воспользовались только уверовавшие, то те из двенадцати колен, которые не уверовали, соответствуют всей массе народа, не знающего своего Искупителя.

Верующие спасенные будут явным обличением для неверующих, будут уликою, судом и осуждением за неверие их. «Они (т.е. ученики Христовы) будут вам (неверующим иудеям) судьями». «В пакибытии» - под этим выражением разумеется будущее преобразование мира, восстановление первоначального, бывшего до грехопадения Адама совершенства мира; восстановление, преобразование, имеющие последовать при кончине мира. Ученики Господа св. апостолы в новой загробной жизни будут вместе с Ним царствовать и участвовать в славе, и будут судить – в том смысле, в каком все верующие, участники славы и господства Мессии также станут соучастниками в суде над миром. Это образное выражение, взятое от царя-судьи, окруженного советниками, присяжными, помогающими ему в деле суда. Златоуст понимает суд апостолов в том же самом смысле, в каком говорил Иисус Христос о суде южной царицы, о суде ниневитян.

О том суде святых не только над неверными, но даже и над злыми духами апостол Павел учит так: «Разве не знаете, что святые будут судить мир? Если же вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела?» (1 Кор. 6:3) Все святые отцы и учители Церкви признавали это изображение всеобщего суда несомненно истинным.

(из книги монаха Митрофана (Алексеева В.Н.)

«Как живут наши умершие и кА будем жить

и мы после смерти». СПб., 1897)

КОНЕЦ ВЕКА - МИРА

После всеобщего, торжественного, открытого, строгого, страшного, решительного и последнего суда над существами духовно-нравственными, немедленно в тот же день и момент последует кончина мира, конец на земле благодатного царства Христова и начало царства славы, начало новой, блаженной жизни праведников и вечной жизни – страдания грешников.

После суда последует конец мира, кончина века.

Эту истину засвидетельствовал Сам Иисус Христос в Своей притче о семени: «Жатва есть кончина века, а жнецы – суть Ангелы. Посему как собирают плевелы и огнем сожигают; так будет при кончине века сего» (Мк. 13: 39-40). Не следует понимать под этим словом –

конец – уничтожение мира; бытие мира не кончится, мир не уничтожится, но только изменится – как не уничтожится человек, изменяясь и превращаясь из состояния тленного в нетленное, из смертного в бессмертное.

С изменением человека последует новое устроение мира, соответственно наступающему новому порядку в царстве Христовом. Изменение мира будет произведено огнем, по свидетельству слова Божия. Так, апостол Петр говорит: «Нынешние небеса и земля, содержимые тем же Словом, сберегаются огню на день суда и погибели нечестивых человеков… Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, рушатся. земля и все дела на ней растают» (2 Пет. 3: 7, 10, 12). Что действительно рано или поздно последует кончина века, конец мира, в том удостоверяет нас Божественное Откровение и наука. Откровение приписывает изменение мира огню, а наука, кроме огня, допускает в средство изменения этого и другие способы, которые могут положить конец настоящему состоянию земли, а следовательно, живущему на ней человечеству.

Вот свидетельства слова Божьего о действительности конца мира. В Ветхом Завете пророк и царь Давид о конце мира писал так: «В начале Ты, Господи, основал землю и небеса – дело Твоих рук; они погибнут, а Ты пребудешь; и все они, как риза, обветшают, и, как одежду, Ты переменишь их» (Пс. 101: 26-27). Как благоприятно соответствовала природа состоянию душ первых человеков до их падения, так стала неблагоприятно она соответствовать человеку после падения «тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее… Ибо знаем, что всякая тварь совокупно стенает и мучится доныне» (Рим. 8: 20, 22). Т.е. вследствие падения человека вся тварь невольно покорилась работе тления, кручинится и соболезнует с нами, чего не было с природой до падения прародителей. Тогда, т.е. до падения прародителей, по словам апостола Павла и книги Бытия, видно, что творение было «добро зело» (весьма хорошо), что в всем творении духовном и чувственном царствовал мир, т.е. согласие, союз, гармония, радость, блаженство. Следовательно, все, созданное Богом, было в единении, союзе, взаимном отношении и общении со своим Творцом-Богом и между собою. Все было в мире и согласии, пока не нарушил их сам человек – царь природы. С падением человека расстроился союз всего создания. Из мирного согласия проистекло враждебное восстание, посеянное в творении Божьем врагом мира и любви. Так точно должна природа соответствовать и новому духовному человеку. Весь видимый вещественный мир, во зле лежащий, должен очиститься от гибельных следствий человеческого греха и обновиться, чтобы прейти в соответствие с обновленным человеком: «и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божьих».

Обновление мира совершится в последний день посредством огня, так что на новом небе и на новой земле не останется уже ничего греховного, а будет жить одна правда. За изменением человека немедленно последует и изменение природы, и будет тогда новая земля и новое небо, по свидетельству Самого Творца неба и земли, их создавшего и могущего их изменить по их назначению: «небо и земля прейдут», и в другом месте: «доколе стоит мир», или «скорее прейдет небо и земля, скорее миру настанет конец» (Мф. 5: 18); «Я с вами во все дни до скончания века». И всех слов Самого Господа Иисуса Христа видно, что нынешнее небо и земля только прейдут, но не уничтожатся, а по словам Давида, как старая одежда, изменится в новую (Пс. 101: 26,27), что подтверждает и апостол Петр, говоря: «Мы ожидаем, по обещанию Господа, нового неба и новой земли, где будет царствовать только одна правда» (2 Пет. 3: 13). И Иоанн Богослов действительно видел в Откровении небо новое и землю новую; «И увидел я новое небо и новую землю» (Откр. 21: 1).

Точно так же учили о конце мира и все учители Церкви. Св. Ириней: «Не сущность и не вещество творения упраздняется (ибо истинен и силен Тот, Кто устроил его), но переходит образ мира этого, т.е. то, в чем произошло расстройство… Когда же прейдет этот образ и человек обновится и восстанет для нетления, тогда явится новое небо и новая земля».

Св. Кирилл Иерусалимский: «Придет с небес Господь наш Иисус Христос, придет со славою при кончине мира этого в последний день. Ибо будет скончание мира сего, и сотворенный мир обновится. Поскольку разврат, воровство, прелюбодейство крайне распространились, и кровопролитие следует за кровопролитием (Ос. 4:2), то, чтобы эта чудная обитель всего живого не осталась навсегда исполненной беззакония, падет мир этот, дабы снова явиться лучшим… Уберет Господь небеса не для того, чтобы истребить их, но чтобы опять явить их в лучшем виде. Выслушай слова Пророка Давида: в начале Ты, Господи, землю основал, и небеса дело рук Твоих. Они погибнут, Ты же пребываешь… Но скажет кто-либо, почему он говорит ясно: погибнут? Это видно из последующего: и все как одежды обветшает, и как одежды изменено будет. Ведь и о человеке говорится, что он погибает, хотя мы понимаем, что если он праведный, то его ожидает воскресение: так точно мы ожидаем подобного воскресения и небу».

Св. Василий Великий: «Предвозвещением догматов о скончании и изменении мира служит и то, что передано нам ныне кратко в самых начатках богодухновенного учения: «в начале сотвори Бог»… Начавшееся со временем по всей необходимости и окончится во времени. Если имеет начало временно, то не сомневайся о конце… но они (ученые язычники) не нашли одного из всех способов, как уразуметь Бога, Творца вселенной и праведного Судью, воздающего каждому достойно по делам, и как вместить в уме, вытекающую из понятия о суде, мысль о скончании, потому что миру необходимо измениться, если и состояние душ перейдет в другой род жизни. Ибо как настоящая жизнь имеет качества, сродные этому миру, так и будущее существование наших душ получит жребий, свойственный своему состоянию».

Бл. Иероним: «Ясно показывается (Пс. 101: 27), что кончина и погибель мира означает не обращение его в ничто, но изменение в лучшее. Равным образом и то, что написано в другом месте: «будет свет луны, яко свет солнца» (Ис. 30: 26) значит не погибель прежнего, но изменение в лучшее. Подумаем о сказанном: преходит образ, а не существо. То же выражает и св. Петр – «не сказал: узрим иные небеса и иную землю, но прежние и древние, измененные и лучшие».

Так же учили: Иустин Мученик, Афинагор, Тациан, Феофил Антиохийский, Минуций Феликс, Ипполит, Мефодий и др. Пятый Вселенский Собор, опровергая разные заблуждения оригенистов, торжественно осудил и то их лжеучение, будто вещественным мир «не преобразится только, но совершенно уничтожится».

История бытия мира представляет три великие периода. Из рук Творца – источника любви – все вышло, по собственному Его свидетельству, «доброе зело», т.е. совершенно и прекрасно настолько, насколько было нужно на первый раз. Если бы было все созданное не совершенно и не прекрасно, то в чем же бы и состояло то расстройство мира после падения прародителей? В творении Божьем мы видим дивный порядок всех вещей и гармоническое устройство каждой вещи. Каждая вещь назначена к высшему или низшему служению в царстве природы. В царстве природы, подобно как в дому мудрого и благоразумного владыки, все устроено благообразно и по чину, т.е. низшее непосредственно служит высшему, как ему подчиненное. Существа неорганические преимущественно служат органическим, а эти – чувствующим, а чувствующие –

разумным; эти же последние назначены для торжественного, непосредственного и видимого служения Богу, Которому и все служит непосредственно или посредственно. Жизнь всему миру дает Дух Святый, без Которого все – мертво. Следовательно, в творении Божьем главная составная часть творения есть духовно-нравственный мир, от состояния которого зависит и состояние мира физического. Так и было при начале, тотчас после сотворения. Единство и согласие в целом творении – все было очень хорошо. Все было подчинено человеку, существу духовно-нравственному; все работало на него, и природа физическая согласовывалась с природой духовно-нравственной. Тогда земля и небо, т.е. атмосфера и все ее явления, были в благоприятных отношениях с человеком.

Повреждение произошло в духовно-нравственной природе и следствия этого отозвались немедленно и во всем творении, во всей видимой физической природе. Единомыслие рушилось, гармония распалась, все пришло в чуждое любви состояние, все восстало преимущественно на виновника злополучия – человека, от которого, так сказать, как бы яд разлился по всему миру, изменив его блаженное состояние на состояние, находящееся под гневом Божьим. Ныне весь мир во зле лежит (1 Ин. 5: 19), как свидетельствует слово Божье, что случилось по падении прародителей; следовательно, до падения в нравственном мире мир не лежал во зле, а в нем жила правда.

Слово Божье открывает нам три периода бытия мира: 1) до падения, 2) после падения и 3) после восстановления. Первое состояние мира, или первый период его бытия, носит характер, высказанный Самим Богом, что все – очень хорошо. В исполнении закона, как естественного назначения всякой твари, заключалось его блаженство. Нарушение же закон поставило тварь в состояние ей не естественное, следовательно, - противоположное блаженству. По воле Творца-Бога все служило друг другу, все зависело друг от друга и во взаимном отношении заключалось блаженство и целого и частей. Кроме любви и исполнения законов, ничего не было. Все стремилось исполнить свое назначение, и в этом-то стремлении заключались жизнь и блаженство. Несогласия не могло быть, потому что оно противоречит словам Божьим, что «все добро зело».

Бог-Творец среди своего творения. Духовно-нравственный и физический мир должны исполнить свое назначение, взаимно действуя одни на другой, как составляющие одно многосложное целое. Закон действия определен – исполнение воли Создавшего, достижение цели своего назначения, стремление к совершенству.

Представители дел Божьих или всего Его творения, существа духовно-нравственные – духи и души, Ангелы и люди, семейство одного Отца, царство одного Царя – созданы и живут для одной цели, имея один и тот же закон и одну природу. Единомыслие соединяло Ангелов и прародителей, должно было соединить и все человечество, если бы не последовало падение. Человек, таинственно соединенный из души и тела, составил решительно одно целое; и душа и тело взаимно действовали друг на друга в радостном направлении. Эта истина открывается сама по себе из настоящего состояния человека, в котором дух восстает на тело и тело на дух, по слову Иисуса Христа: «дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 24: 41). Это естественно нынешнему состоянию мира и человека; следовательно, это не естественно было первому состоянию мира и человека, когда все было хорошо. Если еще и ныне разительно замечается союз, гармония или как бы сочувствие между собой природы видимой и невидимой, нравственной и физической, взаимное отношение и взаимное влияние одной природы на другую, - как же не допустить радостного взаимного действия этих природ между собой до появления на земле зла?

Если даже теперь, когда все вздыхает, болеет, мы видим благоприятное отношение светлой солнечной погоды на духовное состояние человека, а вместе с тем и на его

видимую природу – тело. При солнечной погоде, говорят, и на душе как-то веселее, отраднее, вместе с тем, с живостью духа и тело приходит в особое деятельное состояние; что-то радостное отражается и в душе и на теле. И наоборот: пасмурная, туманная, дождливая погода производит что-то грустное, тоскливое, располагающее и тело к бездействию. Короче, хорошая погода благоприятно, радостно действует на весь организм человека, плохая же производит в организме человека действие противное: на душе грусть и в теле изнеможение. И больные и здоровые, против воли и желания, чувствуют состояние погоды, атмосферы. Пресыщенное тело препятствует деятельности духа, а веселое расположение духа производит и в теле охоту и усердие к труду, так что даже внешняя деятельность наполняется какой-то неизъяснимой радостью. Таким образом, из настоящего состояния мира и человека мы безошибочно заключаем, опираясь к тому же на свидетельство Божьего Откровения, что в первый период бытия мира – «все добро зело»; заключаем о дивной гармонии частей всего творения Божьего, при котором только и было возможно блаженство.

Итак, назначение всего созданного Богом, имеющего своим венцом человека, - блаженство, стремление к совершенству, вечная жизнь. В царстве Бога, Господа Иисуса Христа, жизнь во всем Его творении, жизнь в первобытном земном раю, где все дышит согласием, блаженством, где все служит с любовью и радостью друг другу, где небо и земля находятся в союзе и гармонии с духовно-нравственным миром (с прародителями), или физическая природа в союзе с духовной природой, как в человеке тело с душой. Это – первый период бытия мира в его невинном, безгрешном, блаженном состоянии, с характером и отличительным его свойством, Самим Господом засвидетельствованным: «все добро зело». В понятии «добра» нет понятия «зла». Но долго ли продолжался первый период бытия мира, т.е. его блаженное состояние, и какова была мера и степень блаженства? Слово Божье этого не открыло. За нарушение закона Божьего, закона нравственного, - последовало не уничтожению виновных и мира, но праведнейшее наказание. Последовало наказание, а не уничтожение того, что должно существовать вечно. Наказание не есть уничтожение, прекращение бытия.

Из характера же второго периода открывается только то, что блаженство первого периода потеряно, и зло, которого совершенно не было в первом периоде, теперь в мире господствует уже так, что и само добро не остается без примеси зла: «весь мир во зле лежит!» Вот характер или отличительное свойство второго периода бытия мира. С падением прародителей тотчас же изменилась в свойствах вся видимая природа: 1) тело восстало на дух, 2) земля изменил свое плодородие, а изменением свойств земли, подпавшей неблагословению и проклятию, изменилась и атмосфера, изменилось небо и земля, звери ополчились на бывшего прежде своего царя и т.д. Второе состояние мира, или второй период его бытия, имеет свой отличительный характер, противоположный первому и тоже высказанный в Св. Писании: «весь мир во зле лежит». Однажды данная миру жизнь не отнята, но жизнь с блаженством или блаженная жизнь изменилась в жизнь плача и скорби. То, что составляло блаженство, отнято за нарушение закона. Так точно, как часто мы, своевольно разрушая здоровье, впадаем в болезнь. Духовно-нравственная и физическая природа человека тесно соединилась одна с другою, составив одухотворенную плоть или воплотившийся дух. Ныне же не так как прежде; ныне, по словам апостола Павла, восстали части человека одна на другую: дух воюет на плоть, а плоть на дух, и человек часто не то творит, что хочет, но то – что ненавидит, исполняя волю тела и порабощая ему дух.

Когда две природы в человеке взаимно действуют одна на другую, тогда и физический мир пребывает в союзе, гармонии и во взаимном отношении с духовно-нравственным миром, т.е. его существами, как оживотворяемые одним и тем же Духом Святым, дающим

жизнь всему миру. Изменения в нравственном мире не оставались без отношения к миру невидимому – физическому. Во время страдания Богочеловека земля потряслась, завеса церковная разодралась надвое, камни распались, солнце померкло, воскресли многие умершие.

Расстройство нравственного мира дошло до своего предела и отразилось в видимой физической природе, во всемирном потопе, по свидетельству слова Божьего. Падением прародителей начался второй период бытия мира, расстройством в нравственном мире (непослушанием Богу-Творцу). А затем стали все более и более следовать изменения и в физической природе, которые окончательно довершились во всемирном событии – потопе, окончательно изменившем и землю, и небо, т.е. атмосферу. После потопа прежних неба и земли не стало; вода изменила землю, а земля всегда находится в соотношении с атмосферою; следовательно, последовало и изменение неба – атмосферы. И тогда явились, по слову апостола, «нынешние небеса и земля» - состояние лежащего во зле мира, чуждого правды, о которых уже нельзя сказать, что нынешние небо и земли «добро зело», ибо земля лишено благословения, проклята, а с землею и все воздушные стихии враждуют. Значительно – и очень значительно! – сократилась против первого периода, жизнь человеческая, и ухудшились самые условия жизни. Это второй период бытия мира, в котором измененные небо (атмосфера) и земля названы апостолом Павлом нынешними. Этим названием уже подтверждается, что небо и земля настоящего времени не те, какими они были до потопа. Слово «нынешние» соответствует настоящему времени, следовательно, для будущего времени или для выражения преобразованного мира, который должен наступить, находим слово «новые»: и небо и земля, по свидетельству апостолов Иоанна и Петра.

И, наконец, наступит третье состояние мира, или третий период бытия его, где все ново: и человек, и небо, и земля, и где живет только правда, по свидетельству апостола Петра. Итак, в третьем периода бытия мира опять будут и новое небо и новая земля, отличные от настоящих. Нынешние небо и земля не уничтожатся, но изменятся в новые посредством огня, как первый период бытия мира и человека уступил второму посредством воды. Вода и огонь имеют важное, таинственное значение в религии вообще. Как золото очищается от посторонних примесей огнем, так и миру (небу и земле, т.е. земле с ее атмосферой) надлежит очиститься от зла посредством огня, по апостольскому свидетельству. Тогда опять для нового возобновленного человека будут и новое небо и новая земля, в которых живет одна только правда, и к восстановленным миру и человеку опять уже можно будет отнести слово «добро зело». Иначе и быть не может.

Примирить веру с наукой – вот, кажется, прямое назначение современного знания, Если всякая наука есть систематическое изложение истин, относящихся к какому-либо предмету, то разумеется, что эти истины, добытые наукой, должны быть в согласии с откровенными истинами, как об этом засвидетельствовал Сам Бог: «Я – Истина и без Меня не можете творить ничего».

Только в настоящее время откровенные истины стали подтверждаться современным знанием и приходить в согласие с наукой. Апостолы Петр и Иоанн Богослов свидетельствуют нам о третьем периоде бытия мира, об измененных новых земле и небе. И научное изучение устройства вселенной допускает, что умершие миры (следовательно, и наша планета – Земля) могут снова начать жить, а значит, и следаться обиталищем существ. Слово Божье не говорит о смерти, уничтожении земли, но свидетельствует только о ее изменении, какое произойдет и с живущими на ней людьми в момент кончины мира, т.е. все умрут и тотчас же воскреснут в новом лучшем виде со всеми прежде

умершими. Вместе с тем произойдет и изменение земли. Наука видит причину, могущую опять возвращать к жизни умершие мировые тела.

Все верования и здравый ум свидетельствуют человеку, о начале и конце мира, и эта мысль принадлежит человеку на всех ступенях его развития. Так, например, верование китайцев о кончине мира состоит в следующем: некто Фесо, первоначально открывший в Китае соль, со временем был признан ими за бога. Фесо придет опять на землю только за тем, чтобы возвестить конец мира. В древнейшей греческой мифологии, в одном из мифов, есть пророчество, или как бы указание на догмат о конце мари и его преобразовании посредством огня: «С победою добра над злом, света над тьмою последует конец этого мира, и для будущей жизни этот мир преобразуется в лучший посредством огня, т.е. старый мир сгорит». О том, что рано или поздно должен наступить конец мира (не в смысле прекращения, уничтожения, а только преобразования в лучшей мир и именно посредством огня) учил за 500 лет до Рождества Христова Гераклит. Он прямо говорил, что мир, совершая вечные и бесконечные кругообращения, наконец сойдется с началом, которое по его учению есть первобытный огонь, и сгорит. Но не уничтожится а изменится, ибо из пепла произойдет новый мир. Демокрит, творец первого механистического мировоззрения, учил: «ежели миры могут возникать, то они могут и исчезать». Но исчезать не в смысле прекращать бытие, как сам же Демокрит учил, что «ничто из существующего неуничтожимо», а значит, только изменяется образ, вид, бытие старое на новое.

Наука говорит, что наша планета Земля имеет много способов погибели и наивернейшим из всех признает огонь, наполняющий внутренность земного шара. Учение, что мир разрушится огнем, перешло к нам от древних иудеев и теперь есть учение Христианской Церкви и всех ее учителей и писателей. Возможность конца мира посредством огня наука признает за положение, достойное вероятности.

Действительно, можно почти наверняка предполагать, что поверхность шара, на которой мы строим свои города и жилища, имеет небольшую толщину, и что за этим тонким слоем все минералы находятся в расплавленном состоянии. С другой стороны, доказано, что эта тонкая поверхность земного шара постоянно колеблется, и что не проходи тридцати часов без того, чтобы не случилось где-нибудь более или менее сильного землетрясения. Мы, следовательно, живем на тоненьком плоту, который с минуты на минуту может пойти ко дну, т.е. в пропасть огня!..

(из книги монаха Митрофана (Алексеева В.Н.) «Как живут наши умершие и как будем жить и мы после смерти» СПб. 1897)

ОТКРОВЕНИЯ ИЗ ЖИЗНИ СВЯТЫХ

Святые Божии любили размышлять о блаженстве праведников, а некоторые из них и удостоились особенных откровений о райской жизни.

Восхищение в рай блаженного Андрея Христа ради юродивого.

Самого продолжительного по времени и, следовательно, самого отчетливого видения блаженной участи на том свете праведников удостоился св. Андрей, Христа ради юродивый, - тот самый, который видел в храме влахернском «покров Божией Матери», празднуемый Церковью. Андрей жил в Константинополе в V веке. Жизнь его описал

самый близкий к нему человек – его духовник, священник Никифор. Жизнеописатель слышал о нем еще и то, чего сам лично не знал, от другого ближайшего к нему лица – Епифания (это был ученик Андрея, видевший вместе с ним чудное откровение в храме, впоследствии патриарх Царьграда).

Вот рассказ о том, что видел и слышал в своем восхищении в рай блаженный Андрей. «Что со мною было, - говорит блаженный, - не понимаю. По воле Божией, я пребывал в сладком видении две недели так же, как бы кто всю ночь спал сладко, а утром встал. Я видел себя в раю весьма красивом и дивном и, восхищаясь духом, размышлял: что это значит? Мне известно, что мое обиталище в Константинополе; но какою силою перенесен сюда, не знаю, да и не понимал себя, с телом ли был я, или вне тела? Богу это известно. Но видел себя облеченным в пресветлую одежду, вытканную как бы из молнии, опоясан был царским поясом, и венец, сплетенный из чудно-прекрасного цвета, был сверху главы моей. Чрезмерно удивляясь несказанной этой красоте, я восхищался умом и сердцем от невыразимой красоты Божьего рая и, пребывая в нем, исполнился веселия. Я видел там много садов с высокими деревьями, они, колеблясь своими ветвями, чрезвычайно услаждали зрение, и великое благоухание разливалось от их ветвей. Одни из деревьев непрестанно цвели, а другие были украшены златовидными листьями, иные были обременены различными плодами неизреченной красоты. Нельзя уподобить деревьев райских ни одному дереву земному, самому красивому: ибо Божия рука рассадила их, а не человеческая. В этих садах было бесчисленное множество птиц, одни из них имели крылья золотые, другие подобно снегу белые, иные были испещрены различными цветами. Сидя на ветвях райских деревьев, эти птицы пели так прекрасно и усладительно, что от приятного пения их я доходил до самозабвения, и мне казалось, что голос пения их был слышен на самой небесной высоте. Так услаждалось сердце мое!

А те прекрасные сады стояли в удивительном порядке, подобно полку, стоявшему против полка. Когда же с веселием сердца ходил я в этих райских садах, то увидел там великую реку, протекавшую среди садов и орошавшую их. По обеим сторонам реки росли виноградные лозы, которые украшены были золотыми листьями и златовидными плодами. С четырех сторон дул тихий и благоуханный ветер, дуновением коего колебались сады, а сотрясением листьев они производили дивный шелест.

Потом напал на меня некоторый ужас; представилось мне, что я стою выше тверди небесной, а какой-то юноша, одетый в багряницу, с лицом солнцеобразным, ходил окрест меня. Следуя за ним, я увидел великий красивый крест, который видом был подобен радуге небесной. Окрест его стояли огнезрачные певцы и, пламенея любовию ко кресту, пели дивную и прекрасную песнь, которой прославляли Господа, распятого на кресте. Пламеннообразный юноша, сопутствовавший мне, преступив ко кресту, лобызал его; потом он сделал знак мне, чтобы и я лобызал крест. Мгновенно припав к святому кресту, я облобызал его с трепетом и великою радостью. Как скоро я прикоснулся к нему устами, то пресытился потоком неизреченной сладости духовной и обонял гораздо большее благоухание, нежели в райских садах.

Оставив крест и посмотрев вниз, я увидел под собою как бы бездну морскую; мне же показалось, что я ходил по воздуху и, убоявшись бездны, возгласил к руководителю моему: «Ужас объемлет меня при мысли упасть в эту бездну». Спутник мой, обратясь ко мне, сказал: «Не бойся! Нам должно взойти еще выше». Он подал мне руку – и мы явились выше второй тверди. Я видел там дивных мужей, их покой, всегдашнюю радость празднования их – предметы, невыразимые для языка человеческого. Потом мы взошли в удивительный пламень, который не опалял нас, а только просвещал: я поражен был страхом, но путеводитель мой, обратясь ко мне, подал мне руку и сказал: «Еще выше нам

должно взойти»; и с этим словом мы очутились выше третьего неба, где я видел и слышал бесчисленное множество небесных сил, поющих и славящих Бога. Приближаясь к некоторой завесе, блиставшей подобно молнии, пред которой стояли великие, страшные пламеннообразные юноши, лица которых блистали светлее солнца, с огненными оружиями в руках, я узрел необъятное множество небесного воинства, предстоявшего со страхом. Сопутствовавший мне небесный юноша сказал: «Когда откроется таинственная завеса, тогда ты увидишь Владыку Христа и преклонись Престолу славы Его». Услышав это, я трепетал и радовался: ужас и неизреченная радость наполняли сердце мое, я с благоговением смотрел дотоле, пока отъята была завеса. Когда же какая-то пламенная рука отдернула завесу, тогда я, подобно пророку Исаии, узрел Господа моего, сидящего на высоком и превознесенном Престоле; Серафимы стояли окрест Его; Он был облачен в багряную ризу, лицо Его было пресветло. Он взирал на меня милостиво. Узрев Господа, я в невыразимом волнении духа пал пред Ним ниц и поклонился пресветлому и страшному Престолу славы Его. О! здесь уста немеют, язык отказывается выражать духовные предметы, духовную радость в чувственных видах. Какая радость и восторг объяли сердце мое от видения лица Его, изъяснить нельзя, так что и ныне, вспоминая об этом видении, исполняюсь неизреченной радости! В великом ужасе падший перед Владыкою моим, я удивлялся столь великому милосердию Его, по которому Он допустил меня – человека грешного и нечистого, предстоять пред Себя и видеть божественную красоту Его. Проникнутый чувством умиления и размышляя о непостижимом величестве и благости Владыки моего и о собственном недостоинстве, я произнес в себе слова пророка Исаии: «Горе мне погиб я! Ибо я человек с нечистыми устами… И глаза мои видели Царя. Господа Саваофа» (Ис. 6:5). Небесное воинство, взирая на такое человеколюбие и снисхождение к падшему человечеству, воспело песнь предивную и неизреченную».

Насладившись созерцанием горних красот духовного мира, блаженный Андрей находился в тревожной думе о том, что среди необъятного сонма Ангелов и святых не сподобился видеть пречистой Богородицы. Мгновенно святой узрел некоторого, подобного облаку, пресветлого мужа, носящего крест. Чудный муж сей, поняв мою мысль, сказал мне: «Ты хочешь видеть пресветлую Царицу Небесных сил; но теперь Ее здесь нет: Она отошла в многобедственный мир помогать страждущему человечеству и утешать скорбных. Я бы показал тебе Ее святую обитель, но нет ныне времени: ты должен опять возвратиться туда, откуда восхищен был. Так повелевает тебе Владыка всех! После этого чудное видение райской жизни кончилось, и св. Андрей опять увидел себя на земле.

Видение небесного рая святителем Тихоном Задонским

Упомянем здесь об откровении небесного рая святителю Тихону Задонскому. Св. Тихон в награду за свое богомыслие и благочестие даже дважды удостоился видеть Царство Небесное, каждый раз в ночные часы.

Первое видение ему было еще до иноческого звания его. Однажды он вышел на крыльцо, чтобы насладиться тихой и светлой ночью. От красот майской ночи он перешел к размышлению о вечном блаженстве. И вот, вдруг, открылось пред ним небо: он увидел на небе необыкновенное сияние и светлость! Через минуту небо уже приняло свой прежний, обыкновенный вид. Несмотря, однако, на краткость времени, в течение которого продолжалось видение, он приходил в великий восторг, когда только вспоминал об этом видении.

В другой раз, состоя уже в сане архиерейском и прогуливаясь по обычаю своему в ночное время кругом монастырской церкви, он остановился у алтаря. Здесь-то, после некоторых пламенных молитвенных слов к Господу Богу о том, чтоб ему было показано вечное блаженство праведников, он снова увидел свет с неба, простиравшийся на весь монастырь. Последовал к нему и глас с неба: «Виждь уготованное любящим Бога!» После настоящего видения праведники уже повергся на землю и едва-едва мог дойти до своей кельи.

Откровении праведной Марфе

Однажды праведная Марфа, мать св. Симеона Дивногорца, прибыв к сыну на Дивную гору для прощания с ним, остановилась у него переночевать. В сонном видении она (т.е. душа ее) восхищена была на высоту небесную и видела пресветлую и чудную палату, которую описать невозможно. Когда она ходила по палате той, увидела там Пресвятую Деву Богородицу с двумя светлыми Ангелами. Богоматерь сказала ей: «Что удивляешься?» Она со страхом, с радостью и благоговением поклонилась Ей и сказала: «О, Владычице! Я удивляюсь красоте палаты, ибо во всю свою жизнь не видывала таких палат». Богородица спросила ее: «Кому, думаешь, она готовится?» Она: «Не знаю, о, Госпоже!» Богоматерь: «Не знаешь ли, что сей покой тебе уготован, в котором отныне будешь во веки пребывать: сын твой приобрел его тебе». Богоматерь велела Ангелам поставить посреди дивный престол и сказала ей: «Сия слава даруется тебе, потому что богоугодно пожила в страхе Господнем»; потом присовокупила: «Хочешь ли видеть еще лучше?» И велела ей за Собой следовать. Они взошли на высочайшие небесные места, где Богоматерь показала ей чуднейшую и пресветлейшую, лучше первой палату, преисполненную небесной славы, которую ум человеческий постигнуть не может и язык высказать. Богоматерь сказала: «Сию палату создал сын твой для себя и начал строить третью». Богоматерь опять повела ее выше к востоку солнечному и показала ей с высоты райские селения, в которых ликовало множество веселящихся мужей и жен, и сказала: «Сии места сын твой даровал тем, которые живут в соблюдении заповедей Господних, целомудренно и праведно, с усердием творят милостыни, за то от Господа сами сподобятся милости: блажен милостивый»…

Обитель святого Филарета

По смерти Филарета милостивого один благочестивый муж удостоился видеть нерукотворную обитель его. Он так рассказывал: «В восхищении я узрел себя в пресветлом месте, где увидал пресветлого и благообразного мужа, который показал мне реку огненную, текущую с таким шумом и страхом, что человек стерпеть не может. По ту сторону реки виден был прекрасный рай, исполненный неизреченной радости и веселия, все то место было наполнено благоухания; прекрасные большие, многоплодные деревья колебало тихим ветром, и было там прекрасно все, что Бог приготовил любящим Его. Там, среди людей в белых одеждах, радующихся и веселящихся и плодами наслаждающихся, я увидел и Филарета милостивого, но не узнал его; он был в светлой одежде и сидел на золотом престоле посреди садов; с одной стороны предстояли ему дети, державшие свечи в руках, а с другой – теснились нищие и убогие. Явился тут один юноша, светлый лицом, с золотым жезлом в руке, и я осмелился спросить его: «Господин, - кто это сидит на пресветлом престоле среди тех светлообразных мужей, не Авраам ли?» Юноша ответил: «Филарет амниатский, любитель нищих, честным своим житием подобный Аврааму». Св. Филарет посмотрел на меня и начал тих звать меня, говоря: «Чадо! Прииди и ты сюда, да насладишься сих благ». Я ему сказал, что не могу, огненная река возбраняет и устрашает меня, чрез нее путь узок и мост неудобен, боюсь, чтобы и мне туда не попасть. Филарет сказал: «Иди безбоязненно, все этим путем пришли сюда и нет иного пути; я помогу

тебе», - и простер руку. Я начал было проходить огненную реку без вреда и, когда подошел к его руке, видение кончилось, и я проснулся».

Случай с отцом Панкратием

Панкратий, инок Афонский – отец Панкратий, в мире Парамон, был господский человек. В детстве его жестокая госпожа заставляла ходить босиком в глубокую осень, когда уже снег и лед покрывали землю, отчего ноги его стали сильно болеть. Бедный отрок не вытерпел; он тайно убежал от своей барыни и во что бы то ни стало решился выбраться за границу, и ушел за Дунай, Ге некоторое время оставался в услужении у русских, тоже перебравшихся за границу.

Случай прихода Панкратия на Св. Гору странен: он был задушевным другом одного из малороссов, который почему-то покончил с собою: несчастный удавился. Чувствительный Панкратий был сильно тронут и поражен вечной потерей сердечного друга; он пламенно молится Богу о помиловании несчастного, и, видя, как суетна мирская жизнь, бросил ее и удалился на Св. Гору. Здесь, в Русике, нашел он желаемое спокойствие духа, несмотря на то, что нога его уже сгнивала от ран, которые были следствием жестокой простуды в детстве. Впрочем, как ни ужасны страдания отца Панкратия, он ликует и часто даже говорит мне: «Поверь, что я согласен сгнить всем телом, только молюсь Богу, чтобы избавил меня от сердечных страданий, потому что они невыносимы. Я на тебя иногда смотрю и жалею тебя: ты бываешь временем сам не свой от внутренних волнений. Ох! если сердце заболит – бедовое дело! Это адское мучение; а мои раны, будь их вдесятеро более – пустошь: я не нарадуюсь свой болезни, потому что, по мере страданий, утешает меня Бог. Чем тяжелее моей ноге, чем значительнее боль, тем я веселее, оттого что надежда райского блаженства покоит меня, надежда царствовать на небесах – всегда со мною. А в небесах ведь очень хорошо!» - с улыбкой иногда восклицает Панкратий.

- Как же ты знаешь это? – спросил я его однажды.

- Прости меня, - отвечал он, - на подобный вопрос я бы не должен тебе отвечать откровенно; но мне жаль тебя в твоих сердечных страданиях, и я хочу доставить тебе хоть малое утешение моим рассказом. Ты видал, как я временем мучаюсь; ох, недаром я вьюсь змеей на моей койке; мне бывает больно, больно тяжело – невыносимо! Зато, что бывает со мною после, это знает вот оно только, - таинственно заметил Панкратий, приложив руку к сердцу; - ты помнишь, как я однажды, не вынося боли, метался на моей постельке, и даже что-то похожее на ропот вырвалось из моих поганых уст. Но боль притихла, я успокоился, вы разошлись от меня по своим кельям, и я, уложив мою ногу, сладко задремал. Не помню, долго ли я спал или дремал, только мне виделось, и Бог весть к чему… Я и теперь, как только вспомню про то видение, чувствую на сердце неизъяснимое, райское удовольствие, и рад бы вечно болеть, только бы повторилось еще хоть раз в моей жизни незабвенное для меня видение. Так мне было хорошо тогда!

- Что же ты видел? – спросил я отца Панкратия.

- Помню, - отвечает он, - когда я задремал, подходит ко мне удивительной, ангельской красоты отрок и спрашивает: «Тебе больно, отец Панкратий?» «Теперь ничего, - отвечал я, - слава Богу!» «Терпи, - продолжал отрок, - ты скоро будешь свободен, потому что тебя купил господин, и очень, очень дорого»…

- Как, я опять куплен? – возразил я.

- Да, куплен, - отвечал с улыбкой отрок, - за тебя дорого заплачено, и господин твой требует тебя к себе. Не хочешь ли пойти со мной? – спросил он.

Я согласился. Мы шли по каким-то слишком опасным местам; дикие, огромные псы готовы были растерзать меня, злобно кидаясь на меня, но одно слово отрока – и они вихрем неслись от нас. Наконец, мы вышли на пространное, чистое и светлое поле, которому не было, кажется, и конца.

- Теперь ты в безопасности, - сказал мне отрок, - иди к господину, который вон, видишь, сидит вдали. Я посмотрел и, и действительно, увидел трех человек, рядом сидевших. Удивляясь красоте места, радостно пошел я вперед; неизвестные мне люди в чудном одеянии встречали и обнимали меня; даже множество прекрасных девиц в белом царственном убранстве видел я: они скромно приветствовали меня и молча указывали на даль, где сидели три незнакомца. Когда я приблизился к сидевшим, двое из них встали и отошли в сторону; третий, казалось, ожидал меня. В тихой радости и в каком-то умилительном трепете я приблизился к незнакомцу.

- Нравится ли тебе здесь? – кротко спросил меня незнакомец. Я взглянул на лицо его: оно было светло; царственное величие отличало моего нового господина от людей обыкновенных. Молча упал я в ноги, к нему и с чувством поцеловал их; на ногах его были насквозь пробиты раны. После того я почтительно, сложил на груди моей руки, прося позволения прижать к моим грешным устам и десницу его. Не говоря ни слова, он подал ее мне. И на руках его были также глубокие раны. Несколько раз облобызал я десницу незнакомца, и в тихой, невыразимой радости смотрел на него. Черты моего нового господина были удивительно хороши; они дышали кротостью и состраданием; улыбка любви и привета была на устах его; взор выражал невозмутимое спокойствие сердца его.

- Я откупил тебя у госпожи твоей, и ты теперь навсегда уже мой, - начал говорить мне незнакомец. – Мне жаль было видеть твои страдания; твой детский вопль доходил до меня, когда ты жаловался мне на госпожу твою, томившую тебя холодом и голодом; и вот ты теперь свободен навсегда. За твои страдания я вот что готовлю тебе.

Дивный незнакомец указал мне на отделение: там было очень светло; красивые сады, в полном своем расцвете, рисовались там, и великолепный дом блестел под их эдемской сенью. «Это твое, - продолжал незнакомец, - только не совсем еще готово, потерпи. Когда наступит пора твоего вечного покоя, я возьму тебя к себе; между тем побудь здесь, посмотри на красоты места твоего и терпи до времени: претерпевый до конца, тот спасен будет!

- Господи!, - воскликнул я вне себя от радости, - я не стою такой милости! При этих словах я бросился ему в ноги, облобызал их; но, когда поднялся, предо мною никого и ничего не было. Я пробудился. Стук в доску на утреню раздался по нашей обители, и я встал тихонько с постели на молитву. Мне было очень легко, а что я чувствовал, что было у меня на сердце – это моя тайна. Тысячи лет страданий отдал бы я за повторение подобного видения. Так оно было хорошо! (Из «Писем святогорца»)

(Из книги прот. Гр. Дьяченко

«Из области таинственного.

Простая речь о бытии и свойствах души человеческой». М., 1900)

НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ

Св. Иоанн Богослов изображает рай или жилище праведных под видом нового Иерусалима (Откр. 21: 1-27).

И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. И я, Иоанн, увидел святый город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло. И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое. И говорит мне: напиши; ибо слова сии истинны и верны. И сказал мне: совершилось! Я есмь Альфа и Омега, начало и конец; жаждущему дам даром от источника воды живой. Побеждающий наследует все, и буду ему Богом, и он будет Мне сыном. Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою. Это смерть вторая. И пришел ко мне один из семи Ангелов, у которых было семь чаш, наполненных семью последними язвами, и сказал мне: пойди, я покажу тебе жену, невесту Агнца. И вознес меня в духе на великую и высокую гору, и показал мне великий город, святый Иерусалим, который нисходил с неба от Бога. Он имеет славу Божию. Светило его подобно драгоценнейшему камню, как бы камню яспису кристалловидному. Он имеет большую и высокую стену, имеет двенадцать ворот и на них двенадцать Ангелов; на воротах написаны имена двенадцати колен сынов Израилевых: с востока трое ворот, с севера трое ворот, с юга трое ворот, с запада трое ворот. Стена города имеет двенадцать оснований, и на них имена двенадцати Апостолов Агнца. Говоривший со мною имел золотую трость для измерения города и ворот его и стены его. Город расположен четвероугольником, и длина его такая же, как и широта. И измерил он город тростью на двенадцать тысяч стадий; длина и широта и высота его равны. И стену его измерил во сто сорок четыре локтя, мерою человеческою, какова мера и Ангела. Стена его построена из ясписа, а город был чистое золото, подобен чистому стеклу. Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями: основание первое яспис, второе сапфир, третье халкидон, четвертое смарагд, пятое сардоникс, шестое сердолик, седьмое хризолит, восьмое вирилл, девятое топаз, десятое хризопрас, одиннадцатое гиацинт, двенадцатое аметист. А двенадцать ворот — двенадцать жемчужин: каждые ворота были из одной жемчужины. Улица города — чистое золото, как прозрачное стекло. Храма же я не видел в нем, ибо Господь Бог Вседержитель — храм его, и Агнец. И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его, и светильник его — Агнец. Спасенные народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою. Ворота его не будут запираться днем; а ночи там не будет. И принесут в него славу и честь народов. И не войдет в него ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни.

ОПИСАНИЕ СВЯТЫМИ ОТЦАМИ БЛАЖЕНСТВА ПРАВЕДНИКОВ

Самое картинное описание такого рода встречается у Ефрема Сирина, Иоанна Златоуста и Василия Великого – из отцов восточной церкви; у Лактанция и Амвросия Медиоланского – из древних отцов и учителей запада. Особенно замечательно по живости и яркости

красок описание Ефрема Сирина: оно находится в его знаменитых «Гимнах о рае», проникнутых глубоким восторженным чувством его святой души и отмеченных величавой прелестью оригинального высокопоэтического дарования. Рай он называет «Эдемом», «садом», «местом света и блеска», «местом радостей», «пристанищем победителей» и т.п., и помещает его «по ту сторону океана, омывающего землю». В раю четыре реки, воды которых подземными каналами проходят на землю и образуют здесь водные потоки. По форме он представляет высокую гору – «превыше всех гор земных» и так обширен по величине, что может вместить всех праведных; гора разделяется на три отделения: нижнее – от подошвы до середины, средняя часть и вершина горы, над которой обитает Сам Бог; праведные же, переходящие в рай по смерти, размещаются по степеням их заслуг по трем различным отделениям райской горы. Рай имеет врата, которые для вступающих в него служат местом испытания, так как только люди вполне достойные могут проходить через них, а недостойные остаются вне врат, и в этом смысле, по словам Ефрема Сирина, каждый человек обладает ключами от рая. В раю среди множества райских деревьев возвышаются «древо познания добра и зла» и «древо жизни» - последнее Ефрем Сирин называет «солнцем рая»: его листья всюду распространяют свет, «все деревья райского сада преклоняются пред ним, как пред своим царем», его красота и блеск выше всякого описания. И «древо жизни» также отличается необыкновенными достоинствами и красотой – под ним и вокруг него цветы, «образующие цельный цветочный ковер», на его ветвях «роскошные плоды», составляющие как бы его прикрытие, «его небо…» Кроме этих деревьев, в раю множество других деревьев, множество растений и трав, обладающих необыкновенными свойствами: «число их и блеск превосходит число и блеск небесных звезд», их благоухание подобно целительному бальзаму… Райские сады омываются кристальной водой из роскошных ручейков и источников, протекающих по разным направлениям. Воздух рая Ефрем Сирин называет «источником сладости» и говорит, что «все прекрасное в раю соединено с ним – соединено все находящееся вне его»; он «оживляет и услаждает, дает духовную пищу и питье блаженным душам, в нем движутся духи, купаются в нем, для них он – море радостей…» Под нежным дуновением воздуха в раю все цветет и растет: здесь царствует вечная весна. Такова внешняя природа, среди которой пребывают обитатели рая – «сыны света». Их жилища «сотканы из облаков», распространяют вокруг себя необыкновенно приятное благоухание, «окружены цветами и обвешаны драгоценными плодами». По наружному виду эти жилища не все одинаковы: одни выше, другие ниже, одни отличаются большим блеском, другие меньшим, смотря по степени достоинств и заслуг их обитателей. Все святые и праведные, по отшествии из земной жизни, переходят в рай, и так как, по словам Ефрема Сирина, «Иисус Христос и Его учение – ключ и врата рая», то в числе их первое место занимают апостолы, распространившие по земле слово Божье: «с того дня, когда Святый Дух сошел на апостолов, они уже вступили в рай», за ними следуют пророки и мученики, потом девственники и девственницы и т.д. В описании блаженной жизни праведных, как в описании райской природы, Ефрем Сирин употребляет также самые яркие краски, хотя в том и другом случае он дает понять, что картинность, или, если можно так выразиться, поэтичность его восточной живости, не следует принимать в прямом, буквальном смысле, отдельно от того высокого духовного содержания, для которого она служит только средством конкретно передать мысль и облечь в живые образы вдохновенное чувство любви к предмету почти недосягаемого духовного созерцания – к отечеству всех радостей, надежд и стремлений святых душ. Пребывая в раю, среди роскошной, неописуемой природы, праведные наслаждаются обетованным наследием – блаженством райской жизни: «облеченные в одеяние света», они свободны от всяких позывов, страстей и потребностей, неизбежных в земном и телесном существовании, им чужды прежнее горе и страдания земли, как и земные радости: «их блаженство, их пища – хвала Бога, их одеяние – свет, их вид – величие и высота», все в них духовно или одухотворено высшей духовной силой, поставляющей их

в ближайшее общение с Богом и с Ангелами. Вся их жизнь – беспрестанная хвала и прославление Бога, беспрестанное пение – «свят, свят, свят Господь», почему и самое место их пребывания Ефрем Сирин называет «местом Осанны, или Аллилуйя»; они прославляют благость Божию, ив их устах – реки премудрости, в их сердце – мир, в познании – истина, в испытании – благоговение, в их хвалебном пении – любовь».

Приведенное описание рай у Ефрема Сирина, несмотря на яркий восточный колорит, в существенных чертах безусловно гармонирует с тем общим мнением о местопребывании и о жизни отшедших праведных душ, которое существует с первых веков христианства, на западе и на востоке и которое у отцов Церкви, у христианских ораторов и поэтов, выражалось, как и у Ефрема Сирина, в целом ряде живописных образов и картин, восторгающих чувство и вводящих мысль христианина в горние обители загробной жизни.

(Из книги прот. Гр. Дьяченко

«Из области таинственного. Простая речь о бытии

и свойствах души человеческой». М., 1900)

ВЕЧНОЕ БЛАЖЕНСТВО СВЯТЫХ

Люди всех возрастов, положений и наций, от начала сотворения мира до известного одному лишь Богу дня, должны будут явиться на суд и услышать свой приговор. Страшный день! Счастливый день! Страшный – для тех, которые забыли о пришествии Спасителя своего. Счастливый для тех, которые надеялись и ожидали Его.

Тогда каждый должен будет дать отчет о своей жизни, о том, как он пользовался дарами, полученными от Бога: временем, здоровьем, разумом, благодатью, скорбями, помощью и внушениями. Грехи юности, забытые грешниками, со всеми частными падениями, откроются пред людьми и Ангелами. Они оскорбляли Спасителя Иисуса Христа, не слушая Его слов, оскорбляли Его служителей; они увидят Его тогда сидящим, как Судию своего. Их совесть будет обвинять их и напоминать им об их преступлениях. Куда скроется несчастный грешник? Кто поймет смущающие его сердце мысли? Ни мир, ни его прежние друзья не в силах помочь ему. Было время, грешник, когда Иисус Христос желал спасти тебя, а ты не хотел этого; теперь ты желал бы этого, но Он уже не хочет. Ты напрасно будешь теперь восклицать: «Горы падите на меня и закройте меня от лица сидящего на Престоле Агнца». Итак, я требую от тебя пред Богом и Спасителем Иисусом Христом, Который должен судить живых и мертвых, когда явится в царстве своем, серьезно поразмыслить обо всем этом.

Но зачем смущаться тебе, душа смиренная и благочестивая? Спасший Ноя от потопа и Лота при разрушении Содома, забудет ли Он тебя в этот день? Сумеет Господь избавить благочестивых от напастей и соблюсти грешников для наказания в день суда. В этот день Он поразит ужасом своих врагов и покажет Своему народу неизглаголанное счастье. Тут нет осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, а по духу. Кто будет обвинять избранных Божиих? Бог оправдает их. Кто осудит, если судья не осуждает? «Всякого, кто исповедаем Меня пред людьми, того исповедую и Я пред Отцем Моим Небесным» (Мф. 10: 32)

Невыразимая радость! Спаситель наш, любящий нас и любимый нами, будет нашим Судией. Христианин! Иисус Христос будет судить тебя. Тот, Который сошел на землю,

терпел, плакал, проливал Свою кровь и умер за тебя. Тот, Который был судим, осужден и принесен в умилостивительную жертву за тебя. И после того, как Он исполнил самую большую часть своего служения в искуплении, возрождении, освящении и спасении тебя, разрушит ли Он все Свое дело? Торжественность и величие этого дня так представлены апостолом: «Ибо праведно пред Богом – оскорбляющим вас воздать скорбью, а вам, оскорбляемым, отрадою вместе с нами, в явление Господа Иисуса с неба, с Ангелами силы Его, в пламенеющем огне совершающего отмщение не познавшим Бога и не покоряющимся благовествованию Господа нашего Иисуса Христа, которые подвергнутся наказанию, вечной погибели, от лица Господа и от славы могущества Его, когда Он приидет прославиться во святых Своих и явится дивным в день оный во всех веровавших, так как вы поверили нашему свидетельству» (2 Фес. 1: 6-10).

Другие приготовительные меры к блаженству святых состоят в их торжественном прославлении и участии в Царстве Божием; потому что, как Христос, их глава, был царем и первосвященником, так и избранные Его сделаются царями и священниками Бога, чтобы царствовать и всегда петь хвалу Ему. Венец правды, сохраненный для них, дан будет им в тот день Господом, праведным Судией. Они были верными до смерти, и за это Он даст им венец жизни. Делая их участниками, Он обратился к ним со следующими словами: «Хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего» (Мф. 25: 23). Он скажет им следующие утешительные слова: «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Мф. 25: 34) – слова, исполненные жизни и радости.

Посмотрите далее, какие преимущества соединяются с блаженством святых.

1. Почесть, в высшей степени замечательная по отношению к блаженству святых, - это наследство приобретенное (Еф. 1: 14), т.е. ценою крови Сына Божия. Это самое величайшее выражение любви – отдать жизнь свою за любимых. И какой беспрерывной радости мы будем исполнены, когда будем иметь пред глазами непрерывно Иисуса Христа, нашего Искупителя, и в своих сердцах глубокое сознание любви, потерпевшей смерть за нас! С каким восторгом святые будут вечно созерцать своего милосердного Искупителя! Созерцание Его ран любви не откроет наших ран скорби. Тот, Который тотчас после Своего воскресения обратился к бедной грешнице с сими утешительными словами: «Жена, зачем плачешь ты?» - может пробуждать радость и любовь без малейшего признака скорби.

2. Другое преимущество блаженства святых – это то, что оно есть дар Божий. Оно дорого стоит, но мы получаем и наследуем его даром, без серебра и всякой цены. Каким высоким вечным благоговением должны проникаться святые при мысли об этом даре! Что такого во мне, что Спаситель удостоил меня такой участи, что облек меня, бедного, жалкого, такой высокой славой, - возвел меня, персть земную, на такую высоту, - что наполнил сердце мне радостью? Кто может измерить эту бесконечную любовь?

Пусть это блаженство было бы даровое и независимое от нашей заслуги – это уже предмет достойный изумления; но оно дано нам вопреки нашим делам, наперекор тем условиям, которые мы предпринимали для нашего собственного падения. Каким изумлением будем мы объяты при одной мысли о безмерном расстоянии между нашими делами и даром получаемым! Какую любовь пробудит в нас следующая мысль: «Вот место, куда грех вел меня, и место, куда привел меня Христос! Там смерть, возмездие за мой грех, - здесь жизнь вечная, дар Божий чрез Иисуса Христа, нашего Спасителя».

3. Это блаженство, особенное для святых, принадлежит только им из всех сынов человеческих и вообще всем святым. Оно состоит в общении блаженных духов, святых и Ангелов, под главенством Иисуса Христа; оно состоит в общении святых во всей своей полноте. Если надежда быть вместе с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Божием пробуждает в нас радость законную, то в большей мере пользование и обладание этим благом будут исполнять нас радостным чувством. Единение с Моисеем, Давидом и всеми искупленными, вечно поющими песнь Агнцу, - видение Еноха, ходящего пред Богом, Ноя, получившего награду за свое благочестие, Иосифа – за свое целомудрие, Иова – за свое терпение, и всех святых, - все это составляет награду за веру их. Мы там не только узнаем наших предков, но и всех святых всех времен, которых мы никогда не знали во плоти; мы узнаем их и будем наслаждаться их присутствием. Да и Ангелы, подобно святым, будут друзьями нашими. Радуясь на небе о нашем обращении, они возрадуются вместе с нами о нашем прославлении.

4. Еще преимущество блаженства святых состоит в том, что они будут принимать все виды радостей непосредственно от Бога. Теперь христианин знает по опыту, что самые высокие наслаждения суть вместе и самые дорогие, особенно происходящие непосредственно от Духа. Христиане чем более предаются молитве и созерцанию, тем более проникаются жизнью и радостным чувством, потому что они получают все непосредственно от Самого Бога. Это не то значит, что нам можно было бы поэтому пренебрегать проповедью, чтением или всяким другим благодатным средством, установленным от Бога, но, пользуясь этими средствами, христианин должен поставить себя выше их. Есть радость и в этих несовершенных общения, но полнота ее состоит в непосредственном присутствии Бога. Тогда мы будем наслаждаться светом без светильника и непрестанным днем без солнца. Город этот не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего; слава Божия – свет его, и Агнец – светильник. Не будет там ночи и не будет нужды в свете от светильника и солнца, потому что Господь Бог будет освещать их, и будут царствовать во веки веков.

5. Блаженство это будет совершенно. Радость наша будет без всякой примеси печали. В этой пристани мы будем под защитой от волн, обуревающих нас здесь. Мы будем свободны от всего злого, как от греха, так и от скорби. На небе не будет совершенно греха. Не войдет в него ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи (Откр. 21: 27). Зачем бы Христу умирать, если бы небо могло быть обителью душ несовершенных. Сын Божий пришел для того, чтобы разрушить дела дьявола. Его кровь и Его Дух не должны оставлять нас с нашими сквернами. Христианин! Ты на небе не будешь более грешить; не благая ли это весть для тебя, так долго молившегося и трудившегося, чтобы обезопасить себя от греха? Твои желания будут исполнены; ты освободишься навсегда от этого грубого сердца, этих дурных мыслей, которые преследовали тебя при исполнении почти всех твоих обязанностей.

Там мы будем защищены против всех искушений сатаны. Как горько для христианина, хотя бы он не поддавался искушениям, быть непрестанно возбуждаемым к отрицанию своего Господа! Как прискорбно смотреть на себя, подверженного таким страшным возмущениям, осаждаемого такими нечистыми помыслами, - сомневаться иногда в благости Божией, унижать жертву Иисуса Христа, сомневаться в истинности писаний, возмущаться против Провидения! Как горько быть возбуждаемым к тому, чтобы обращаться к предметам мира, увлекаться греховными стремлениями, предаваться плотским удовольствиям и иногда даже отрицать Бога! Как скорбно предаваться этим искушениям, особенно, когда мы сознаем ложное направление своих сердец, знаем, как они восприимчивы воспламеняться от прикосновения к одной из этих искр! Сатана может увлекать нас здесь, но для него недоступен Святой Град.

Так, не будет там места никаким искушениям мира и плоти. О, какими опасностями мы окружены здесь постоянно! Все наши чувства, все члены, все творения служат кознями для нас. Мы едва можем открывать глаза, чтобы не быть в опасности завидовать высшим нас и презирать низших, желать богатств и почестей каких-нибудь, с гордостью смотреть на отрепья и бедность других. Красота пробуждает в нас зависть, безобразие – отвращение и презрение. Какой постоянной и активной деятельности требуют наши желания! Обладаем ли приятностью и красотой – сколько пищи для гордости! Одарены ли мы рассудком и дарами знаний – сколько поводов к гордости, к искательству похвал и к презрению братьев! Возвысились ли в авторитете? Сколько искушения к злоупотреблению нашим знанием, к признанию законом нашей воли! Оказались ли мы в униженном положении? Как мы делаемся склонными завидовать возвышению других, подвергать их действия собственному осуждению! Богаты ли мы? Сколько гордости! Бедны ли? Какое искушение для недовольства! Не Бог служит причиной затруднения для нас в этом, но наша собственная поврежденная природа, и мы сами делаемся для себя вредными. Главное наше утешение в том, что мы будем защищены от всех этих искушений. На небе все соединится, чтобы мы возносили хвалы нашему великому Избавителю.

Будем также покойны от всех наших бедствий. Малозначащим это кажется тем, которые живут в радости и довольстве; но для души, всегда скорбной, это ожидание делает утешительной саму мысль о небе. О, душа моя! Перенеси немощи своей земной храмины: они лишь недолго будут продолжаться; грядущий Искупитель поможет тебе достигнуть цели.

6. Последнюю ступень нашего прославления составляет вечное продолжение этого блаженства, без чего прочее ничего бы не значило. Одна мысль о прерывности его отравила бы все наши радости. Но, о, блаженная вечность, где такие мысли не будут омрачать нашей жизни, такие опасения не будут нарушать наших радостей! О, душа моя! Оставь все прелести настоящего счастья, расстанься с землей, отрешись от плоти, чаще думай и рассуждай об одном слове – вечность. Почему же? Жить и никогда не умирать, радоваться и радоваться непрестанно! Счастливыми почитали бы себя осужденные на геенские мучения, если бы они могли надеяться освободиться от них после миллионов веков! Несчастны были бы святые на небе, если бы они были лишены этого после продолжительности миллиона миров!

Вечный! Пусть грешник вспоминает это слово, и да пробудит оно его о смертельного сна; пусть душа благочестивая думает о нем и да воодушевляется им среди самой глубокой агонии.

Таким образом, я старался открыть пред тобой славу будущего; но как недостаточно мое слово выражению ее превосходства! Читатель! Если ты смиренный и кроткий верующий, если ты стремишься к этому блаженству всеми желаниями и усилиями, то скоро почувствуешь истину всего этого, скоро убедишься, что все, сказанное мною, выше реальности. А виденное тобою пусть воспламеняет твои желания и пробуждает усилия. Встань и отдайся труду: стремлению, борьбе беспрестанной, усилию; пред тобой награда верная и славная. Не предавайся колебаниям, и все будет твое. Сколько людей сделалось бы христианами в жизни и исполнении обязанностей, если бы они всегда помнили об этой славе, представляющейся их мысли! В каком расположении были бы они, если бы их надежды небесные были живы и полны веры! Были бы их сердца так невосприимчивы? Искали бы они себе утешения на земле? Исцели, Господи, наши плотяные сердца, а то как бы наша неверность не лишила нас этого божественного блаженства.

(Из книги прот. Гр. Дьяченко

«Из области таинственного. Простая речь о бытии

и свойствах души человеческой». М., 1900)

ВЕЧНАЯ УЧАСТЬ ГРЕШНИКОВ В БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ

Сколько же между нами таких, грехи и преступления которых прямо караются в слове Божьем вечной мукой! А главное – сколько же не показывающих совсем раскаяния! А нераскаянных-то грешников и постигнет вечная мука, если они умрут нераскаянными. Самые тяжкие грехи сами по себе еще закрывают дверей в Царство Небесное: мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие, т.е. входят прежде тех, которые ведут жизнь по-видимому добрую. Губят же грешника, собственно, его нераскаянность во грехах и неисправимость от пороков. В виду столь опасного положения некоторых из вас, я намерен предложить вам собеседования о вечной муке; потому что опасным больным и лекарства дают сильнейшие. Не раз уже я, по долгу учителя церковного, беседовал и с другими об этом самом предмете. Но чем более размышляю о нем, тем более страшен он кажется мне, и в то же время тем полезнее нахожу подвергать его размышлению.

Господи! Помоги мне и в настоящий раз правильно изобразить вечную участь грешников!

Прежде всего приведу вам (если и между вами найдутся сомневающиеся) доказательства самой вечности мучений. И не только вам, даже евреям и магометянам, словом, всем, какой бы они веры ни были, желал бы я передать свою глубокую уверенность в той же истине.

Еще в книгах ветхозаветного писания нередко упоминается о вечной муке… «Злой не без мучения будет», - сказано в притчах Соломоновых. По словам пророка Исаии огонь грешников не угаснет, т.е. вечно будет пылающим. Пророк Давид говорит о вечном поругании и посрамлении для одних людей и жизни вечной для других: то и другое он предвещает после воскресения мертвых.

В Новом Завете впервые проповедал о вечной муке Предтеча Христов. Он представляет нам на этот раз такую картину. Когда жатва хлеба окончится, пшеница будет сложена в житницу и гумно очистится, тогда решат дело и с плевелами, или с мякиной. Мякину собирают в кучу и, как ни к чему не годный материал, сжигают огнем. Мякина – это и есть нераскаянные грешники, которых Судья сожжет огнем неугасающим. Сам премилосердный пастырь, Христос, неоднократно говорил об аде, о геенне огненной и о тьме кромешной. По Его учению будущая казнь грешникам решительно не имеет себе предела. Так, когда Он внушает нам предусматривать и преодолевать опасные соблазны, то в одной этой рели много раз повторяет слова: где червь их (грешников) не умирает и огонь не угасает. Не особенная ли это настойчивость Его проповеди? Всего же яснее Он проповедал о вечной муке за несколько дней до страданий Своих, когда пророчески описал последние события мира. Изображая Страшный суд, Он сначала назвал вечным адский огонь: отойдите от Меня проклятые в огонь вечный. А потом и горение в этом огне признал вечным: идут сии в муку вечную. Идут, без сомнения, означает такое действие, которое как бы уже совершается. Но хоть страшные шаги к геенне грешников еще далеки от нас, может быть, последуют еще через тысячу лет после этого, однако же перед

Иисусом Христом и тысяча лет, как день вчерашний. Как богочеловек, Он и видел ясно то время, когда грешники с места судилища двинутся в ад. Таким образом, речь Его в настоящем случае особенно положительна: тут нет никакого условия. А поэтому, кто бы и как бы ни толковал изречения Его об огне вечном и муке вечной, остается несомненной та истина, что будут вечный огонь и вечная мука. что не одни духи злые будут гореть в том огне, но и некоторые из людей. Не существует вечная мука для всех людей, это совершенная правда. Но, непременно, ода должна быть для некоторых; потому что Божье решение о ней уже состоялось и не изменится. Ни один из тех, к кому это решение относится, не пострадает как-либо случайно, по злосчастью, по неизбежной судьбе, но сам один будет причиной своей погибели. Какие же это несчастные люди, теперь мы не можем указать, кроме немногих, например, будущего антихриста, Нерона, гонителя христиан, и других.

Апостолы Христовы тоже проповедовали о вечной муке. Погибель вечную грешникам предсказывают и строгий Петр, и терпеливейший Павел, и полный любви к ближнему Иоанн Богослов. Из писаний их приведу хоть слова последнего в апокалипсисе: «дым мучений их во веки веков восходит». Так говорит апостол Иоанн о грешниках, и именно – из числа людей. Казалось бы, довольно было привести в ужас душу и одним этим словом: «во веки». Но он прибавляет «веков». Что же остается сказать против этой точности? Понимать «во веки веков» не в смысле вечного и бесконечного времени, а в значении только нескольких столетий, как ныне словом «век» означается сто лет, - нельзя и потому, что в той же своей богодухновенной книге апостол еще употребляет те же слова. Но везде он выражает ими несомненную бесконечность времени, например, что Бог вечно существует, что вечно будет продолжаться Царство Христово.

Святые толкователи Писания, отцы и учители Церкви, все не иначе принимали учение слова Божьего об участи нераскаянных грешников на том свете, как в смысле бесконечной муки их. Один из древних церковных писателей, весьма знаменитый своей ученостью и трудами на пользу Церкви, некто Ориген, допустил было такую мысль, что после некоторого времени мучения грешников и окончатся. Но Святая Церковь признала его учение ложным и на Пятом Вселенском Соборе осудила его. Много размышлял и беседовал о вечном осуждении грешников особенно Ефрем Сирин.

Затем о муке вечной говорили святые мученики на местах свой казни. Значит, высказывали свое убеждение в ней в такие часы, когда говорить ложь не только им, но и кому другому, было бы страшно, и когда притом с ними пребывала особенная благодать Божья, которая насколько укрепляла их дух и тело в муках, столько же и просвещала их ум истиной. Так, священномученик Поликарп на угрозу мучителя сжечь его на костре отвечал проповедью о вечном огне, в котором будут гореть подобные мучителю злодеи.

Пусть и после этих доказательств еще иные будут отвергать вечную муку. Пусть делаю те и другие, умные и неразумные, возражения против настоящего догмата веры. Пусть с насмешкой говорят: «разве кто возвращался с того света?» Пусть шутят над адом и огнем адским, называя все это верованием одних простолюдинов и сами хвалясь какой-то неустрашимостью. Но истина, которая столько раз и в столь ясных словах проповедана в слове Божьем и изъяснена святыми отцами, останется непреложной истиной: она ничего не потеряет от неправильных толкований, разных смягчений, от острот и шуток. За это-то самое, т.е что некоторые не верят ей и, таким образом, без всякого страха Божьего проводят здешнюю жизнь, и постигнет неверующих вечный огонь. Другие нарочито отдаляют от себя мысль об аде, чтобы совсем не беспокоить себя. Но это значит повторять ропот нечистых духов, которые говорили Иисусу Христу в бесноватом: «пришел Ты сюда прежде времени мучить нас». Это значит, тем скорее дойти до вечного

беспокойства, потому что тот только менее грешит каждый день, кто предполагает о каждом своем дне, что это может быть последний день в его жизни, что затем настанут для него суд и вечность. Третьи хоть и не уклоняются от размышления о будущей участи грешника, но таят в душе своей сожаление, что Бог слишком правосуден. Так и жена Лотова хоть боялась садомского пламени, но еще не всем сердцем отверглась Содома, еще сердце ее стремилось к Содому, и за это самое превратилась в соляной столп. Нет, друзья мои, мы должны здесь обратить свое сожаление только на то, что нераскаянностью-то своей навлекаем на себя вечный гнев Божий.

Приступим к изображению самого ада и будущих мучений в нем грешника.

Представьте себе самую широкую, обрывистую пропасть, представьте ее с таким глубоким дном, что и ничего не может быть глубже, что и немыслимо выйти из нее. Или представьте себе самой огромной величины горящую печь, у которой вместо стен кругом были бы высочайшие горы. Еще ближе сказать, вообразите себе целое озеро, только наполненное не водой, а огнем: из этого огненного озера пламень со страшным ревом взвивается клубами в воздух. Таков и будет ад! Таково будет помещение для грешников после нынешних палат или, положим, и бедных хижин, но таких, где почти каждый день шумно веселились, проводили жизнь в разврате, Бога не боялись и других не стыдились.

На это место Бог пошлет как бы капли дождя, вечный огонь. Огонь тот надобно понимать в буквальном смысле. Толкование, будто это будет мука для одной совести, называемая по причине невыносимой боли огнем, ни на чем не основано и противно слову Божьему. Адский огонь будет тонкий и несветлый; впрочем, дым от него не будет столько затемнять пропасти, чтоб грешники не могли видеть друг друга. Что же до его силы и действия, то он будет еще сильнее нынешнего. Но, сжигая до костей, он не отнимет у человека сознания и чувств, чего с радостью пожелали бы грешники, утопающие в бездне его. Когда ныне с кем бывает страшный жар (например, во время сильной горячки), тогда человек в бреду еще не ясно ощущает свою боль. Если даже кто попадет и в самый огонь (как во время пожара), то несчастный бьется, кричит и стонет только в начале или же при медленном действии на него огня, а затем ничего уже не помнит. Грешник же, мучимый в огне адском, сохранит все свои чувства, телесные и душевные. Оттого страдания его будут ужасны: каждым своим чувством как бы особо он будет страдать.

Так, глазами своими он будет видеть и других подобных себе грешников, у которых в лице отчаяние, на глазах слезы.

Ушами будет непрестанно слышать и собственные стоны, и зубной скрежет других: «какой поднимут плач, - говорит св. Кирилл Александрийский, - какой вопль и рыдание ведомые на горькие вечные мучения! Как будут стонать, биться и терзаться!»

Обонянием своим грешник будет чувствовать зловоние от составных частей адского огня, например, жупела, или горючей серы.

Осязанием будет он ощущать только жгучую силу огня. Тело его со всех сторон будет объято и, так сказать, облито огнем: «ибо я мучусь в пламени сем», сказано о богаче. И что еще? Огонь будет проникать до самых внутренностей его. Как человека, утонувшего в реке, окружает и тесни отовсюду вода: вода давит его снаружи, вода же наполняет его внутренность; так и в аду грешник весь будет проникнут противоположной стихией, огнем. Разница будет здесь только та, что совсем утонувший в воде не чувствует давления на него воды, а грешник будет всецело чувствовать опаляющий его огонь. От силы огня все члены у него как бы будут трещать, жилы подвергнутся стягиванию. Мучителен для

осязания грешника будет и червь не усыпающий. Это опять будет не угрызение только совести, но действительный червь, который будет постоянно укалывать грешника. Среди огненного пламени червь будет чернеть на огромном пространстве, будет волноваться, как вода во время бури; наружный вид его тоже будет отвратителен: «гнойна площадь зрелища…; жар невыносимый…; червь смраден и зловонен» (Св. Кирилл Александрийский «Слово об исходе души и Страшном суде»), скажу опять словами одного из св. отцов.

Наконец, и чувство вкуса у грешника не останется без мучительной боли. Вкусом своим он будет испытывать отвратительную горечь от адского огня, и вместе с тем нестерпимую жажду, так как огонь, опаляющий его снаружи, будет и для внутренности его как бы пищей: «пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой», слезно просил из преисподней Авраама богач. Будет грешник чувствовать вкусом своим и яд аспида под устами своими, может быть, за то, что недостойно причащался Тела и Крови Христовой.

Что грешник сохранит чувства души, видно из слов Спасителя: «бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне» (Мф. 10: 28). Если губится в геенне не только тело, но и душа, значит, душа там остается живой и сознательной; значит, будет припоминать, мыслить и чувствовать. Да, в одном и том же вечном времени соединится для грешника действительная жизнь прошедшим и настоящим и будущим временем. Чтобы приблизительно представить себе, что он будет чувствовать там душевными способностями, допустим его разговор в аду с самим собой, или предположим будущие его воспоминания, будто произносимые вслух.

Обратим прежде внимание на прошедшее его время. Так, например, безбожник, вспомнив свою жизнь, скажет себе: «еще и намеренно я подавлял в себе религиозные убеждения. Истины веры сами о себе говорили моей душе. Но я искал таких книг и таких людей, которые бы убедили меня в противном, т.е. что будто нет Бога и нет будущей жизни. Теперь же я вижу, что есть Бог. Не хотел я знать Его добровольно, теперь познаю Его невольно. Теперь самим делом я убеждаюсь в безумии прежних моих рассуждений, например, будто «душа ничего не значит, будто человек только материя, или состав плоти и крови, которые навсегда разрушаются с его смертью». Еще как многих я заразил своим вольномыслием и неверием! Как бесстрашно входил в церковь, в которую, между тем, другие входили с благоговением! Как презирал священников, смеялся над всякой святыней, и таким образом безумно лишал себя сам спасительной благодати!» Упорный раскольник припомнит себе: «сколькими увещаниями пренебрег я! Не хотел верить и самым очевидным доказательствам православной истины! Отверг и пред самой смертью исповедь и св. Причащение, которые предлагали мне принять мои близкие, но от которых отклоняли меня «наставники» по расколу. Был я призываем в Церковь, как в ковчег Ноев, но вместо законных священников захотел лучше слушать таких же невежд, или, по крайней мере, мирских людей, как и я сам. И вот теперь я очутился за спасительным ковчегом, утопаю в потопе огненном!»

Идолопоклонник вспомнит о бездушных истуканах, которым поклонялся вместо Бога… Вспомнит и сребролюбец о своих деньгах и имуществе, которые теперь также полагает себе вместо Бога, почему и называется идолопоклонником. Сластолюбец, который в этой жизни все дни веселится, пиршествует блистательно, смотрит на эту жизнь, как только на срок для того, чтоб наслаждаться всевозможным образом, там почувствует на самом деле силу священного текста: «плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия» (1 Кор. 15: 50) Он спросит сам себя: «где эти пиры с музыкой? Где повседневные вечера для ненужного отдыха, с игрой в карты, с бегством от своей семьи? Где те, которые гостили у

меня в столь великом довольстве, что и обливались вином? Где женская красота?» Упорный гордец вспомнит, сколько от его гордости, которую теперь он проявляет различно: и властолюбием, и недоступностью, и раздражительностью, и честолюбием, и презрительным обхождением с другими, вспомнит, сколько же от его сатанинской гордости пострадали другие. В настоящее время он и минуты не хочет послушать, когда кто думает пробудить в нем совесть, начнет высказывать ему правду прямо или только в скромных выражениях: он бежит от правдивой речи и затворяет за собой дверь, так что и нет возможности когда-либо передать ему истину, вывести его из заблуждения. Но там он будет связан по рукам и ногам, там уже поневоле выслушает все обличения от своей совести.

Богохульник вспомнит, как он небрежно и дерзко употреблял имя Божье в разговорах, письме и напрасной божбе; как даже сквернословил имя Божье, оставшись по долготерпению Божьему не пораженным в ту же минуту; как нечестиво думал и говорил о приснодеве Марии Богородице; как называл своим «ангелом» женское лицо, к которому имел нечистую любовь и с которым даже жил развратно. Клятвопреступнику придут на память его многие присяги, которые он без всякого страха принимал и с сознанием нарушал, еще его обеты перед Богом и заверения других в чем-нибудь именем Божьим, которых и не думал исполнить. Кощунник вспомнит все случаи, когда обращал в шутку и смех церковные службы, святые иконы и священнослужителей.

Не почитавшие воскресных дней и праздников приведут себе на память, как в то время, когда добрые христиане спешили в церковь, они, напротив, отправлялись на полевые работы, или – еще хуже – собирались в дома пира и разврата…, как под праздничные дни, будто нарочито, составляли у себя пение и лики, а то собирались все в одном доме (клубе) для веселья; как и все праздничное время проводили только в разгуле. Эти же люди вспомнят, как, кроме двух-трех дней говенья, которое выполняли только по обычаю, ни разу в продолжение всего года не бывали в церкви; как, встав утром и отходя ко сну вечером, каждый раз и не подумали помолиться Господу Богу. Нарушители постов припомнят себе мяса и вина, которыми пресыщали свое чрево, между тем как другие (даже и слабее их силами) оставались на сухоядении или совсем не помышляли о пище (например, в великий пяток). Хулители Духа Святого, выражавшие свою хулу, например, тем, что не признавали святых мощей и чудес, которые может быть, совершались перед их глазами, уверятся, что хула на Духа святого не отпускается и в будущем веке.

Непокорные дети припомнят, как своими грубыми словами, своим противлением и развратной жизнью заставляли родителей своих скорбеть и плакать о них. Но тяжело будет и самим родителям вспомнить, как они явно соблазняли своих детей беззаконной жизнью, как не старались воспитать детей в страхе Божьем, а таким образом и их привели вместе с собой на это место мучения. Вспомнит на том сете священник о своей благодати и скажет: «сколько раз я отпускал другим грехи, а себе не заслужил прощения! Чем высшее блаженство в раю должен бы я получить, тем теперь ниже мое падение во глубины ада». Тяжелы будут воспоминания для начальников, которые ни в чем не соблюдали справедливости; действуя, по-видимому, на законном основании, на самом же деле они не полагали для себя никаких законов, кроме собственного взгляда и произвола; требуя себе от других только беспрекословного послушания и ничего не предоставляя свободе и правам ближнего, сами же нисколько не покорялись ни Евангелию, ни правилам Св. Церкви. Горько им будет вспомнить, как они людям достойным, состоящим под их властью и влиянием, завидовали и по зависти не давали даже вздохнуть свободно, а недостойных и льстецов награждали и возвышали. Так как они были сильными, то за свои злоупотребления и сильнее истязаться будут.

Сколь ужасны будут воспоминания самоубийц, которые вольны были погубить свои души, легко и самовластно распорядились со своей жизнью, но не в силах будут прекратить свои мучения в аду новым самоубийством! С каким ужасом припомнят свои преступления и прочие убийцы, особенно те, которые подняли убийственные свои руки на самих родителей или пролили кровь священника или же мучили собственных жен и детей, как некогда гонители за Христа, или еще лишали жизни беременных и младенцев! Страшны будут воспоминания ненавистников, досадителей, жестоких богачей, соблазнителей, вообще всех тех, которые убивали ближнего медленно, телесной или душевно-нравственной смертью! Сознанию этих людей предстанут все слезы, которые от их жестокостей пролили невинные. И они тем сильнее будут плакать, чем более слез он них самих пролили в этой жизни другие.

Блудники и прелюбодеи вспомнят на том свете, как они смеялись над целомудрием других, как с ранних лет оскверняли себя блудом, как соблазнили к тому же многих невинных; как расторгали законные супружества своими преступными связями, как обольщали вдов; как имели наложниц или наложников до самой старости и даже умирая не хотели прекратить постыдной связи; как доходили до таких грехов плотской страсти, что стыдно и говорить; вспомнят, что они не удерживались от своей страсти даже в великие светлые праздники, в строжайшие посты и постные дни. При этом им придут на память скверные слова и столь же скверные песни их, музыка и театральные представления, от которых изнеживалась их душа и воспламенялось воображение. Смрад от адского огня тем более будут чувствовать эти люди.

Грабителю и вору припомнятся их грабежи и кражи, равно как сами вещи, которые они приобрели и которыми пользовались неправедно. Страшно будет вспомнить поджигателям об их поджогах, потому что эти злодеи оставили без крова и богатых, и бедных, престарелых и младенцев; из-за их злобы добрые христиане лишились даже храмов Божьих и, может быть, некоторые погибли в огне! Страшным образом будет опалять их самих огонь адский. Ленивые припомнят свои таланты, которые зарыли в земле: огненный пламень, как бич какой, будет уязвлять их за леность.

Клеветнику придут на память его напрасные подозрения на других, его пересуды, его злой язык, от которого погибли многие, его лживые доносы и показания, сама уклончивость от защиты человека правого и невинного, вообще всегдашнее благоволение только к неправде и лжи.

Завистник вспомнит, как он зло радовался неудачам ближнего, сколько раз останавливал по своей зависти добрые начинания других, а сам, между тем, ничего полезного не предпринимал; как желал один бы овладеть всем; как сердце надрывалось, когда видел ум, достоинства и успехи другого, и как после этого мстил этому человеку, сам не зная за что; сколько своими кознями и завистливым преследованием отнял он у других спокойных ночей, здоровья и лет жизни. За это самой и будет он на том свете сильно снедаться от своей совести и как бы выть, подобно тому, как воет одуревший пес.

Вот вам примеры, как грешники в будущей жизни будут вспоминать свое прошедшее!

Но не в преувеличенном ли виде, спросите вы, привели мы вам эти примеры?

О, нет! Мы поставили вам на вид таких грешников, о которых в слове Божьем суд уже написан, которые действительно не избегнут адских мучений. Например, сказали ли мы о безбожниках и неверующих, о язычниках, евреях и магометанах, которые отвергают проповедь евангельскую, о раскольниках, которые не принимают священников и

отвергают спасительные таинства, лицемерах и упорных гордецах, о плотоугодниках и идолопоклонниках, о хулителях имени Божьего и Святого Духа, о детях, которые непокорны своим родителям, об убийцах, досадителях, гневливых и ненавистниках, о блудниках и прелюбодеях, о ворах и лихоимцах, о ругателях, лжецах и завистниках? Все эти люди, если не исправятся и даже при самой смерти не выразят искреннего раскаяния, действительно Царства Божия не наследуют: участь им в озере, горящем огнем и серою!

«Но неужели, - скажете вы, - и за один какой-либо грех человек подвергнется вечной муке?»

В том-то и беда, собеседники мои, что одна страсть в человеке (когда достигнет развития в высшей степени) редко бывает без других страстей и грехов. Скажем, например, о тех же досадителях. Под именем их подразумеваются люди злоречивые и ругатели, а также должны быть понимаемы те, которые делают в чем-либо препятствие другим и вообще нарушают доброе спокойствие ближнего. Но не следует ли и еще предположить в этих людях какие-либо тяжкие грехи, по связи с которыми они досаждают другим? Да, в них, например, много гордости: «сломлю гордое упорство ваше» (Лев. 26: 19). И сердце у них злое: они не щадят ближнего иной раз и в болезни его. В них нет страха Божьего, потому что они часто не уважают и священного места, где делают досаду другим. Вот сколько эти люди соединяют с главным своим пороком иных пороков!

Еще замечу о будущих воспоминаниях грешника. Приводя себе на память здешнюю нечестивую жизнь, он увидит, что и греховные удовольствия не всегда ему доставались легко, но часто были соединяемы с суетой, болезнями, трудностями и даже страданиями своего рода.

Что же будет последствием всех этих воспоминаний? Что от них останется грешникам? Раскаяние, самое мучительное. Грешники сознают свою вину, увидят, что ключи от Царства Небесного находились в их собственных руках. Особенно же горько им будет сознание, что они давным-давно слышали об аде и вечных мучениях, но не верили ничему или оставались беспечными. Однако же глубокого и смиренного раскаяния в них не будет: сказано «во гробе кто будет славить Тебя?» (Пс. 6:6) Раскаяние их будет подобно раскаянию закостенелого убийцы, который взять на самом преступлении или совершил преступление на глазах других: это преступник, положим, и не отпирается в своем преступлении, но нисколько же не смягчается своим сердцем и не просит себе прощения. Раскаяние грешников на том свете будет еще подобно раскаянию отчаянного Иуды-предателя.

Припоминая вообще свое прошедшее время, грешники обратят внимание и на те годы, которые со времени Страшного суда провели уже в аду. Но приятно вспомнить о тяжелом времени, когда прожито это время и настали дни спокойные. А для грешников в том свете и после тысячи горьких дней не настанет же ни одного отрадного. Случается, что для иного человека тяжелое время еще не совсем прошло; но только он испытал, вынес уже то, что видел, и что в действительности было для него в этом периоде времени самого опасного и тяжкого, как бывает большей частью в начале наших скорбей. Так вот уже и на исходе этих страшно-горьких дней становится приятным для страдальца воспоминание о прошедшем.

Вот преступник осужден на каторжную работу на целых 20 лет – страшный срок, ужасное наказание! Но с первых же недель (если еще не дней) каторжник начинает думать о свободе, о последнем сроке своих работ: и эта дума для него в продолжение всей его ссылки и работы занятие самое приятное. Наконец, если он еще не закоренелый

преступник, то с растроганным чувством оставляет острог. Когда настанет последний день его каторжной жизни, когда будет ему объявлено о выходе на волю, он проходит по всем камерам, молится в каждом месте перед святыми иконами и прощается со всеми товарищами, низко кланяясь им. Но для грешников на том свете, для них, несчастных, не будет и этой отрады. Для них ничего не будет значить начало адской муки в сравнении с продолжением ее, с одной стороны, потому что и последующие дни их жизни в аду будут подобны первым, а с другой – ад до того будет мучителен, что к нему нисколько нельзя будет привыкнуть.

И так страшно, ужасно страшно будет во всех отношениях прошедшее время для тех, кого постигнет вечная мука! Бедная душа грешника! сколько и она будет страдать вместе с телом! Это-то самое, братья мои, и значит погубить свою душу в той жизни!

Перейдем размышлением нашим к тому настоящему времени, которое будут иметь грешники в аду, хоть, строго говоря, в той жизни не будет ни прошедшего, ни будущего времени, а настанет одно настоящее.

В настоящем своем времени грешники будут заняты мыслью, что они отвергнуты Богом. Теперь разумный человек и не желает себе того, чего не надеется получить; например, нищий уже не думает быть богачом, слабый от природы телесными силами – исполином. Грешников же на том свете, однако, будет занимать мысль о вечном блаженстве, которым главнее всего будет для праведников Сам Бог. Они станут рассуждать с собой как бы в таких словах: «вот праведники блаженствуют в раю; Бог любит их; показывает им новые и новые сокровища в своей богатой житнице и, как отец, на коленах утешает и покоит их. То же самое блаженство могли бы получить и мы, между тем как не получили и никогда не получим его. О, какие мы несчастные!» Согласитесь, не лучше ли было бы грешникам совсем не иметь этой мысли о блаженстве праведников? Да, их положение на этот раз будет так же горько, как положение тех людей, которые были приглашены на пир, но не успели войти в дом пира и не впускаются более. Эти люди стоят на улице, в холоде и голоде, теснимые то сильным дождем, то бушующим ветром, и только посматривают на пение и лики тех, которые находятся в доме. Подобно этому отверженные грешники будут только снедаться завистью, воображая себе блаженство праведников в раю. В те самые минуты, как они будут представлять себе небесный рай, в их ушах будут звучать последние слова Иисуса Христа, с которыми они пойдут в ад: «отойдите от Меня!... не знаю вас!»

Грешники будут заняты мукой своей. Необъяснимая это жизнь настанет для них! Они останутся живы, но в жизни их ничего не будет такого, что свойственно живому человеку, например, они не будут ни ходить, ни делать чего-либо. Все время они будут проводить в том лишь, что будут гореть и гореть. Однако же, не займет ли их сколько-нибудь эта непрерывно действующая на них сила огня, как ныне человек несколько забывает свое горе среди каких-либо беспрерывных трудов? К сожалению, нет. В настоящей жизни, действительно, всякий труд, если он сколько-нибудь разумен, занимает человека. Если, например, евреи и до крайнего изнурения сил трудились в Египте, делая там кирпичи и строя города, то этот труд занимал их способности и, таким образом, при всей своей тягости доставлял же им некоторое развлечение. Но заставьте вы человека делать что-либо такое, в чем его ум и чувства не будут находить для себя никакого занятия, например, заставьте его в продолжение целого дня переливать воду из одного места в другое: это дело покажется ему убийственным. Подобно тому убийственным будет и для духа грешников всегда одинаковое состояние – гореть в огне. Но для тела, между тем, горение в огне будет ужасно болезненным. Бывают и в этой жизни невыносимые боли, например, у иного начинается ломота в какой-нибудь части головы. Ломота постепенно

усиливается, так что наконец человек в эту минуту делал бы, чтобы на него обрушился целый дом. Или другой столь сильно страдает зубной болью, и вследствие того также головными припадками, что ни лечь, ни сесть спокойно не может и даже готов бы на это время совсем лишиться головы. (Выражу вам здесь и собственные болезненные ощущения от жара по случаю лихорадки, которая однажды постигла меня. Лихорадочный жар до того меня беспокоил, что я ни на постели, ни на полу не мог почувствовать облегчения. Я говорил врачу и домашним своим: «Ради Бога, облегчите мой жар!» В то же время поминутно меня мучила жажда). Но что все эти боли в сравнении с болезнями ада? По ним только отчасти можем мы предчувствовать адские мучения, и таким образом научиться страху Божьему. Боль от адского огня будет не какой-нибудь местной, но страданием всего тела; тогда человек решительно не придумает для себя такого телоположения, которое бы сколько-нибудь могло успокоить его: его будет вертеть и корчить.

Упомяну вам снова о мучительных неусыпающих червях. Если теперь будет кто укалывать тебя большой иглой, не будешь ли ты постоянно содрогаться и вскрикивать? А угрызение адских червей будет гораздо сильнее. Черви будут терзать тело человека, грызть его кости и вместе с тем тянуть у него самые жилы.

Мучительно горение в огне будет, притом, ощущаемо каждую минуту: «там ослабы никакой не имут», говорится в одной из песен церковных. При этом снова передам вам собственное чувство, испытанное мной от непрерывности жара. Однажды случилось мне, жителю северной страны, провести несколько недель в жаркой степи. В один день особенно палило солнце: не было ни дерева, ни кустарника, под тенью которых можно было бы прохладиться. Но вдруг с полудня, вижу, собирается дождевая туча. Как я был рад хоть на минуту охладиться! И, действительно, только на одну минуту и дунула на меня тотчас после дождя прохладная струя воздуха: от радости я перекрестился! Но потом опять начался удушливый жар, и опять я стал до позднего вечера томиться от пота. Но в аду, о! Там и на такое короткое время жар не ослабнет. Несчастные грешники будут желать себе одной капли воды для утоления жажды, и не дождутся. Или вот теперь человек, застигнутый каким-нибудь несчастьем, например, смертью жены, а то и последнего из детей своих, хоть в минуты сна забывает о своем горе. На грешники на том свете – погибшие существа! Не уснут, не задремлют: ни обмороков, ни летаргического сна не будет там с ними. В каждую минуту мучения для них будут, как свежие. Не будут, правда, мучения их сильнее от времени, но и нисколько не ослабнут со временем. Ни тело, ни душа грешника не сделаются терпеливее или крепче от того собственно, что он столько лет мучится.

Не послужит ли, спросите, к облегчению муки некоторых грешников неустрашимость их духа или крепость телесных сил? Ныне, действительно, много значат природная веселость характера и крепкое телосложение, когда нужно бывает вынести какое горе или тяжелую болезнь. Но за гробом настанет совсем иная жизнь. Если кто там и легче будет мучиться, то потому только, что более легкое наказание определится ему. Дух же у каждого из грешников будет боли или менее унылый: ни шуткой, ни остротой какой никому там нельзя будет развлечь себя. Да и не до того там будет каждому, чтобы заниматься положением другого или входить в какое-либо рассуждение с другими. Не видим ли мы и теперь, как человек, у которого сильно болит голова или которому делают тяжелую операцию, не способен говорить с другими? Если в евангельской притче о богаче и говорится, что он из ада вопиял Аврааму и заботился об участи своих братьев, то эта притча изображает мучение грешников более в настоящее время, чем после воскресения мертвых, чем когда участь всех, и живых, и мертвых, окончательно будет решена. Затем, тело у всех грешников будет в одинаковой степени крепкое. Но эта крепость нисколько не

облегчит мучений. Теперь мы знаем примеры необыкновенно мужественных страданий даже и не при столь крепком телосложении и здоровье. Так, святой мученик архидиакон Лаврентий спокойно лежал на раскаленной сковороде; священномученик Анастасий, сколь ни жестоко его били, растянутого на земле, даже и не пошевелился; из прочих мучеников многие жены и дети выносили такие мучения, что мы ужаснемся одного слуха об этом. Откуда же у этих страдальцев возникало мужество духа? Откуда была у них крепость телесная? От Бога. Божьей помощью они выносили необыкновенные страдания, а иногда и вдруг исцелялись от смертельных ран. Но для грешников на том свете не будет никакой посторонней помощи. Одно только Бог даст им: бессмертие тела, т.е. даст то, чего еще мог бы пожелать грешник в этой жизни, чтобы дольше грешить, но никак не пожелает себе за гробом.

Поразмыслим о последующем времени и жизни грешников на том свете. Если взять к примеру нынешнюю жизнь, то в своем будущем некоторую отраду находят себе иногда и самые злосчастные люди.

Вот, например, иному назначено пробыть в каторге тысячу дней. Если он проведет только первый день, то наверняка знает, что остается ему жить в каторге уже не тысячу дней, а 999: он и говорит про себя, что «сделал шаг вперед». Другой осужден на 10-15 лет каторжной работы. Вяло, тоскливо проходят годы. Но со временем он укрепляется духом и отдает себя ожиданию, начиная отсчитывать в остальных годах своего срока по одному месяцу. Даже тот, кто ссылается на работы бессрочно, до конца своей жизни. И такой человек (кроме того, что смерть когда-либо избавит его от тяжелого состояния) нередко еще питает себя надеждой освободиться. Бывают между бессрочно ссыльными и просто мечтатели. Им нет нужды, что их мечты несбыточны. Но они знали в судьбе своих товарищей случаи неожиданного освобождения от работ, и вот мечтают о собственной свободе, и мечтой этой услаждают себя.

Но для вечно осужденного грешника не останется никаких надежд. Выхода из ада ни для кого не будет: это будет как море без пристани. «Непроходим дебрь и неизмерима пропасть…; не будет выхода заключенному, непроходима темничная стена…; оковы не снимаемы». Пусть бы кто сказал безбожнику, горящему в огне: «ты будешь мучиться еще тысячу лет»; или пусть бы было объявлено: «тебе остается мучиться еще пять тысяч лет». Он и стал бы ожидать окончания этих сроков. Но только, к сожалению, никто другой не пообещает ничего, ни сам грешник не сможет предаться какой-либо отрадной мечте или безотчетному ожиданию лучшего времени. Напротив, его сознанию ясно будет представляться одна мучительная вечность. Они сто раз пожелают умереть, но не дождутся смерти. В нынешней жизни иногда говорят о человеке, для которого со смертью прекратилась долговременная его болезнь или иные долговременные страдания: «помучился свой век; не будет более, несчастный, мучиться!» Но в будущем свете глаза грешника, полные слез, никогда не закроются; стоны его никогда не затихнут там; и могила более не ждет его. В этом отношении он будет подобен человеку, которого постигла бессонница, который – сколько ни старается заснуть – далек ото сна, и оттого весь расстроен. Наконец, состояние грешника будет не жизнь, но и не смерть, понимаемая в смысле отделения души от тела. Это будет вечное умирание, или, как говорится в Апокалипсисе, смерть вторая.

Итак, в прошедшем времени отверженные грешники найдут одно мучительное сожаление, в настоящем – одно мучительное страдание, а в представлении себе будущего времени – одни ужасы. Оттого они будут проклинать день своего рождения и самих себя. Отчаяние, страшная болезнь души и в этой жизни, будет болезнью их нескончаемой. Одни в отчаянии будут скрежетать зубами, а другие – непрерывно плакать. Ни откуда не будет им

сострадания. Не помогут им дьявол и прочие злые духи, волю которых они выполняли здесь, и с которыми иные, как, например, волшебники, находились в самом близком общении. Злые духи и сами будут крепко связаны, сами будут гораздо в большем унынии и отчаянии сравнительно с настоящим временем. Даже нельзя допустить и того, чтобы дьявол стал выражать такое же злорадство в отношении к грешникам, какое выражает он теперь, когда видит чье-либо страдание или чью-либо погибель по душе. Злая радость есть частью усладительное чувство, как и всякий грех в этой жизни доставляет грешнику сладость, хоть и временную, хоть иногда на одну минуту. Но в будущей жизни грешники будут пить не сладкую чашу, а одну только горесть от своих грехов.

Узники! Вас ужасает картина вечной участи грешника? Ужасает она и меня. Но не подумайте и о настоящем моем собеседовании, будто в нем допущены преувеличения. Нет, мы всегда скажем об адских мучениях меньше, чем должны сказать. Весь ужас их для нашей мысли и языка теперь не доступен. И я ничего не сказал бы вам об аде, если бы он действительно не существовал.

В чувстве величайшего страха от вечной муки, о которой следуют мои собеседования к вам, может быть, вы приходили к такой мысли: «как же столь ужасные, и вместе с тем бесконечные мучения, будет терпеть грешник за кратковременный грех»? По поводу этого предложу вам новые христианские размышления.

Когда убийца лишил жизни нескольких человек, нет, конечно, никакого сравнения одного часа, с теми тысячами лет, в продолжение которых он будет мучиться за свое преступление. Но какое же сравнение и человека с Богом? Не бесконечно ли человек менее и ниже Бога? И, между тем, не каждый ли день грешник оскорбляет Бога своими грехами? Притом, Господь Бог есть наш Творец, Благодетель, Питатель и Спаситель: Он Сам приходил на землю, чтобы, сделавшись человеком, пострадать за наши грехи и теперь предлагает нам, как небесную пищу, Свое Тело и Кровь. Кто тысячу раз и упорнейшим образом гневит Его, может ли Он того не удалить от Себя на вечное время? А удаление от Него и будет уже составлять для грешника ад.

Затем каждый из грешников подвергнется вечной муке не за один какой-либо страшный грех, или не за один день, который он прожил в высшей степени нечестиво, нет! Между страстями бывает своего рода связь. При одной главной, или господствующей страсти человек соединяет в себе несколько и других сродных с ней страстей. Таким образом, осужденный грешник будет мучиться в аду за всю свою жизнь, которую провел в пороках и нераскаянности: «каждый день пиршествовал» - сказано о сластолюбивом богаче.

Правда, и целая жизнь грешника в сравнении с вечностью не перестает быть временным греховным наслаждением. Но вместе с тем, нужно признать справедливым и то, что нераскаянный грешник тоже грешил бы вечно, если бы не был остановлен на пути греха. Некоторые хотят видеть уничтожение в нем греха, и затем сокращение самих мучений его за грешность, в следующих словах апостола Павла: «Ибо Ему (Иисусу Христу) надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои». Под врагами здесь, без сомнения, подразумеваются вместе с дьяволом и грешники. Но покорятся все эти враги Иисусу Христу (между прочим, оставят в числе прочих своих злых дел и это: соблазнять и угнетать стадо Христово) не по доброй своей воле, а невольно. Здесь мы видим только вечный арест преступника, который, будучи связан, уже не может более совершать убийств и прочих преступлений. Между тем, силой удержанные от злых дел, как дьявол, так и люди-грешники, внутренне еще не оставят своей греховности. Так, например, гордец и в той жизни будет гордиться. По-видимому, нечем ему будет там гордиться: не будет с ним там богатства, отнята будет у него власть, без употребления останутся его ученость и

красноречие. Но он будет гордиться сам по себе, т.е. будет по-прежнему питать в душе ложное понятие о самом себе. Осмотритесь около себя – нет ли между вами гордых? Казалось бы, как преступнику, осужденному и наказанному, гордиться? Между тем, в числе вас именно есть так высоко думающие о себе, что они и презрительно смотрят на простолюдинов, хоть сами происходят из той же среды. Обратите также внимание на привычки в возрасте людей престарелых: как многие старые люди бывают упорны в ложных своих взглядах и худых привычках! Как трудно переубедить их и заставить делать иначе, чем они привыкли делать, хотя бы их действия и были очевидно ошибочны! Подобное-то упорство и подобную-то нераскаянность покажут и все грешники в аду, и, следовательно, грехи их, за которые они будут вечно мучиться, также в некотором смысле будут вечны.

Мало этого. На том свете грешники снова войдут во враждебное отношение к Богу. Каким образом? В силу страстей своих. Бог отнимет у них предметы для удовлетворения их страстей, например, у сребролюбца – деньги, у человека ученого, который занимался только науками и не веровал ни во что духовное и Божье, - его книги и другие принадлежности его ученых занятий. Человек, преданный страсти и насильственно сдерживаемый от нее, беспокоится, гневается и ожесточается против других, это видим и теперь. Заключите вы в темную комнату на несколько дней человека рассеянного или сильно развившего в себе плотскую страсть. Давайте этому человеку пищи лишь столько, сколько нужно для поддержания его сил. Запретите ему при этом молиться и вспоминать о Боге. Думаете ли вы, что этот человек успокоится от своей страсти? Нет, страсть не перестанет тревожить его. Или возьмите в пример человека нетрезвого: разве нетрезвый человек любит тех, которые сдерживают его от порока? Наконец, обратите внимание в своей среде на тех, которые несколько раз были наказываемы. Не еще ли более эти наказанные (хоть и не все) ожесточаются от наказания при всем сознании своей вины? Фараон не в большее ли ожесточение приходил, когда Бог посещал его казнями? Подобно всем этим примерам и грешники в той жизни будут скучать по своим страстям, а затем будут питать ненависть к Богу и ожесточаться против Бога, который своим правосудием и властью свяжет их. После этого рассудите может ли быть конец их удалению от лица Божьего?

Другие думают видеть учение, противное вечному продолжению мучений, в словах апостола Павла: «сам спасется, но так, как бы из огня» (1 Кор. 3: 15). Объясню вам эти слова подробно. Апостол ведет речь о том, как каждый из христиан действует или живет для Бога. Вера в Иисуса Христа, как спасителя мира, одна у всех, но дела весьма различны: у одних дела как золото, у других – как серебро, а у некоторых подобны дровам, сену и тростнику. Все человеческие дела в свое время подвергнутся строгому испытанию, как бы в огне: «каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть». Без сомнения, золото, серебро и драгоценные камни, как вещи несгораемые, сохранятся в огне. Так-то и добрые чистые дела праведника вынесут испытание на Страшном суде Божьем. Но дрова и солома, обыкновенно, скоро воспламеняются от огня и превращаются в пепел. То же будет и с делами грешника: дела его окажутся ничтожными, без всякого значения для вечной жизни. После этого о нем-то самом замечается: «впрочем сам спасется, но так, как бы из огня». Слово «спасется» и хотят некоторые толковать в пользу спасения грешника. Но этим словом, собственно, выражается то, что грешник останется цел, что не обратится в ничто, подобно тому, как погибнут его дела, что будет жить вечно для огня, или чтоб терпеть наказание в огне.

Итак, нераскаянная жизнь человека на этом свете, без всякого сомнения, влечет за собой вечную муку в будущем веке.

Но вам страшно за тех несчастных, которых постигнет мука? Вы жалеете их? Вы говорите: «пусть неизбежна вечная казнь нераскаянным; пусть неизбежно будет удаление их от Бога на бесконечные века: по крайней мере, не были бы столь ужасны мучения их». Действительно, страшиться всей душой нужно за этих людей. Плакать о них следует самыми горькими слезами. Страшиться и плакать за них следует тем более, что сами-то они в этой жизни не обнаруживают ни боязни, ни плача за свою участь. Если бы тебе окончательно было известно об известном человеке, что он осужден на вечные мучения и что не избегнет их по своей закостенелости; если бы ты уже мог представить себе, как тело этого человека горит адским огнем, как его угрызает неусыпающий червь: не содрогнулся бы ты за него, хоть бы был самого равнодушного характера? Не дал бы ты ему совета, чтобы он пожалел самого себя, если б даже это и был твой жестокий обидчик или злейший враг? И не обличил бы ты его в безбожии и злобе, как некогда святые мученики, умирая, обличали своих безбожных мучителей? Пример для этих чувств видим и в Самом Спасителе нашем.

Он возмутился духом, т.е. вышел из обыкновенного тихого состояния Своего, когда видел перед собой на Тайной Вечери того, который будет гореть вечным огнем. И тем прискорбнее Ему было видеть навеки погибающего Иуду, что перед этим только Он сказал всем ученикам: завещаю вам… царство…, сядете на престолах…, т.е. выразил обещание о вечной награде, от которой, между тем, Иуда свободно отказался. Так доброе сердце не может не ужасаться за тех людей, которых ожидает вечная мука! Так, не только мучиться самому в аду, но и видеть адские мучения другого (если б это случилось) столь страшно, что и сказать нельзя! Это значило бы (допустим такое ничтожное сравнение) то же, что видеть человека, перебегающего из угла в угол в доме, который весь объят пламенем и из которого выбежать нельзя, или стоять у отверстия глубокого колодца и слышать оттуда отчаянные вопли человека, который упал в этот колодец и никакими силами не может быть оттуда извлечен.

Но каждый из нас должен больше заботиться о собственной участи, чем рассуждать о том, что принадлежит суду Божьему и воле Божьей, чем настаивать, чтобы были облегчены грешнику будущие мучения. Если мы слышим теперь о вечной муке, слышим не однажды, а сто раз, то и должны стараться избегнуть ее. Должны мы, без сомнения, заботиться в настоящем случае и о ближних, как о самих себе. Но заботливость наша здесь должна состоять, собственно в том, чтобы убеждать к покаянию и исправлению жизни тех, которые совсем забыли Бога, будут ли они нам свои или чужие, желают ли послушать нас или нет. К этим советам и мольбам пред забывшими Бога (для кого такая заботливость удобоисполнима) мы должны присоединять молитву об избавлении их от вечного огня. А были, кстати скажу вам, столь высокие, любящие души, что о ближних-то в этом смысле заботились более, чем о себе, что готовы были сами-то как бы погибнуть навеки, только бы видеть других спасенными. Так пророк Моисей, умоляя Бога за евреев, которые преклонили колена идолу, сказал: «если не простишь греха их, то изгладь меня из Твоей книги, где записаны Тобой предназначенные для вечного блаженства» (Исх. 32: 32).

О, если б мы чаще размышляли о будущей участи грешников! Тогда в большом страхе Божьем мы проводили бы свои дни. Тогда, например, гордый ненавистник оставил бы свою ненависть, блудник и прелюбодей прекратили бы свои преступные связи, пьяница положил бы твердую решимость не упиваться вином; грабитель и убийца отложили бы свое намерение о новых преступлениях; человек, во все дни веселящийся, побоялся бы страшной участи своей за гробом. Тогда меньше было бы разбирательств в наших судах, опустили бы тюремные замки, закрылись бы многие дома увеселений, больше народа было бы в церквях; потребовалось бы более духовников для принятия исповеди от

говеющих, более было бы желающих поступать в монастыри. Тогда не роптали бы мы на те неблагополучия и несчастия, которым посещает нас Бог, не тяготились бы столько страданиями в жизни, сколько тяготимся теперь, не тосковали бы о лишении нас наград и разных даров счастья, напротив, за все благодарили бы Бога; в счастье и довольстве своем не доходили бы до забвения Всевышнего и презрения к ближним. Тогда мы не жалели бы себя для поста, молитвы и разных христианских подвигов. Что значат десять или двадцать лет, которые мы проведем в добровольных трудах ради Царства Небесного или же в таких скорбях, которые свыше посылаются нам? Годы эти, как песчинка в груде песка в сравнении с теми мучительными веками, от которых мы избавимся богобоязненной своей жизнью, но которых не избегнем в случае своей неисправимости. Кроме того, и трудные в настоящей жизни годы благочестивого человека уже доставляют ему много приятного и отрадного, так что, говоря решительно, это человек и теперь чувствует себя счастливее мирских счастливцев.

Да, полезно было бы нам как можно чаще вспоминать и подробнее размышлять о вечной муке. И необходимо размышлять о ней грешнику, есть ли на это у него досуг или нет досуга. Впрочем, известны люди, которые редко размышляют об этом предмете, и ничего не теряют. Кто же это? Это ревностные христиане, которые проводят свои дни в молитве, часто приобщаются Святых Таин, творят другие добрые дела. Эти люди уже не боятся вечной муки: они боялись ее раньше, но потом чувство боязни сменилось в них крепкой надеждой на Бога. И как им, в самом деле, опасаться, что они будут отвергнуты Богом, если здесь находятся в постоянном общении с Ним, если столь тесно соединяются с Иисусом Христом в Святых Тайнах, если столь усердно и в продолжение столь многих лет молятся о Царстве Небесном? Или Бог изменит им, или они изменять Богу? Еще может случиться последнее, а первого никогда не будет: «у Бога нет изменения и ни тени перемены» (Иак. 1: 17), «Он пребывает верен» (2 Тим. 2 : 13). Правда, и это люди не считают себя достойными Царства Небесного: но в них глубоко упование на милость Божью.

О, любезные друзья мои! Размышляйте же чаще о вечной участи грешника. Не жалейте своей души, если она будет содрогаться от этих размышлений. Жалеть, беречь душу, значит по Евангелию губить ее. Иногда ставьте себя в такое положение, будто вы уже были умершими, будто предстали на суд Божий и были осуждены на вечную муку, наконец, и находились в ней; но потом по особенному милосердию Божьему выпущены из преисподней, чтобы покаяться в грехах ваших и исправить свою жизнь. Такие мысли и сами по себе научат вас, что вам нужно делать для своего спасения.

Никто из вас еще не должен отчаиваться за себя, представляя себе страшную участь грешника на том свете. Враг-диавол как старается посеять в людях неверие относительно вечной муки, всячески отвлекает наши мысли от этого предмета, так и хочет довести до отчаяния тех, которые начинаю размышлять об этом предмете. К той и другой крайности он прибегает, чтобы видеть больше соучастников своей вечной погибели и чтобы только обнаружить свою вражду к Богу, Который всем людям желает спасения. Таким образом, бывали столько смущенные люди, которые говорили: «нет уже нам спасения; мы навеки погибли; будем грешить и грешить». Не страшное ли это искушение дьявольское? Прочь оно от нас! Лучше вспомни и убедись каждый, что то же слово Божье, которое проповедует нам о вечной муке и призывает нас к покаянию, говорит, что приходящего Господь не изгонит от Себя. Следовательно, все мы, решительно все, еще можем избегнуть вечной муки, если будем употреблять против нее дело и слово. Делом назовем здесь жизнь по закону Божьему, а словом – частое собеседование о вечной муке и затем молитву против нее.

Что касается молитвы, то советую вам усердно выполнять ее даже каждый раз утром и вечером, кроме годовых праздников. Помните, друзья мои, что вы будете просить Бога не о потребности одного только дня, и не о нужде своей на несколько лишь лет, а о вечной своей участи! Следовательно, принося вместе с тем покаяние во грехах, вы должны с усердием молиться об этом долго-долго, от юности до старости.

Да молится же каждый в таких, например, словах: Отче, Сыне и Душе Святый, Троице Пресвятая! На краю погибели аз есмь. Но призри на мене с высоты святыя славы Твоея! Се аз, недостойный и паче всех человек грешнейший, пад ниц и весь мысленно повергаяйся пред Тобою, прошу и молю: молитвами Пресвятыя Богородицы и всех святых Твоих от вечныя муки избави мя, раба Твоего, чада моя и сродники, еще же и други и врагов моих. Всех нас, Господи, избави будущих мучений, сподоби же Царства Небеснаго!

Пресвятая владычице Богородице! К Тебе припадаю, якоже зриши, со слезами и душею сокрушенною! Умоли о мне Господа, да Тобою геенскаго огня избавлюся и Тобою да обрящу рай, благословенная!

(Из книги прот. Е.А. Попова

«Вечная мука грешников» Пермь, 1885)

ГЛАВА 4

ЧЕМ ПОМОЧЬ УМЕРШИМ

УЧЕНИЕ ЦЕРКВИ О СПАСЕНИИ НЕКОТОРЫХ УМЕРШИХ ГРЕШНИКОВ

Мы знаем, что смерть есть только переход от земной жизни в загробную, что соединенные Богом на земле не разлучаются и смертью, что внутренний, духовный союз и взаимное соотношение между пребывающими на земле и перешедшими в загробный мир продолжаются, как между членами одного духовно-нравственного царства Христова. Единение, союз, отношение и общение для пребывающих на земле имеют чувственное выражение, видимые знаки, свидетельствующие о неразрывности духовного союза и общения с перешедшими в загробный мир. Постараемся показать, видимое чувственное выражение видимого мира с перешедшими несовершенными, не достигшими еще совершенства святости, с грешниками, находящимися в аду, однако не потерянными для Царства Божьего.

Чувственное выражение союза и общения пребывающих на земле с перешедшими за гроб несовершенными грешниками составляют содержание этой главы. Жизнь и деятельность пребывающих на земле, основанная на вере в Господа Иисуса Христа, есть наивернейшее зеркало союза и общения с несовершенными, перешедшими в загробный мир.

Жизнь и деятельность – одно и то же. Где жизнь – там и деятельность, и где деятельность – там и жизнь; следовательно, дела пребывающих на земле будут свидетельствовать об их союзе и общении с перешедшими. Бог, соединяя людей вечным союзом любви, на случай кратковременной разлуки – смерти, через Своего избранного апостола Павла запретил скорбеть о смерти близких сердцу, открыв средства сохранить этот союз и общение с почившими. Вот эти средства, или дела, пребывающих на земле: 1) сама жизнь

пребывающих на земле, 2) их отношение к Богу и к отошедшим, 3) молитва об усопших, 4) милостыня и 5) божественная литургия.

Основания испрошения прощения грехов умершему: любовь и вера.

Святая наша Церковь свое учение о возможности облегчения загробного состояния некоторых грешников и даже освобождения их от ада основывает: 1) на свойстве духа человеческого – любви и на вере; 2) на Св. Писании Ветхого Завета; 3) на евангельском учении; 4) на предписаниях св. апостолов; 5) на учении св. отцов и учителей Церкви; 6) на постановлениях Соборов, и, наконец, 7) действительные факты по этому предмету мы находим в житии многих святых.

История свидетельствует нам, что не было и нет народа, на какой бы степени образования он ни находился, который не сознавал бы и не верил в бессмертие души, а потому и в загробную жизнь, и, судя по земной жизни, который не верил бы в счастливое и мучительно загробное состояние. Сознавали и верили народы, этой истине, которая, следовательно, была общей для всего человечества, и общим достоянием человеческого духа. Кроме этой истины, общей человеческому духу, естественна была ему и другая принадлежность, характеризующая его божественное происхождение – любовь.

Человеку естественны любовь и ненависть: любовь к истине и ненависть ко злу. Человек – христианин со времени Св. Крещения усваивает себе не только внешнее имя Христа – христианин, но и обязан воспитывать в себе дух Христов – небесную, божественную любовь к Богу и к ближним, пребывающим еще на земле, а равно и к перешедшим в другой мир, о чем свидетельствует апостол Павел, когда говорит: «Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе» (Фил. 2:5)

Бессмертная любовь есть основание молитвы вообще и заупокойной в частности. Пределы любви, определенные Господом – полагать души свои за ближних, и высокое сочувствие живых состоянию душ, нас любивших и теперь еще любящих, но отделенных от нас переходом в загробный мир. Любовь производит в душе прежде всего молитву как принадлежность человеческого духа. На основании закона любви, что заповедано и повторено Спасителем, вполне естественно желать себе того же самого, чего и ближнему. Спасение, Царство Небесное – предмет желания человека и себе, и всем.

Вот основные ходатайства и заупокойной молитвы, скрывающейся в душе человека – в любви. Один Бог безгрешен; все согрешаем, в беззакониях зачинаемся, во грехе рождаемся, живем и умираем (Рим. 3: 10-14; 7: 18). Вся деятельность человека представляет смешение добра со злом, в большей или меньшей степени. Вот побудительная причина для любви ходатайствовать за умерших пред источником любви – Богом.

Дух человека, имеющий божественное происхождение, должен заключать в себе и нечто божественное: «Итак будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» (Мф. 5: 48), - учил Господь наш Иисус Христос. Любовь Господа должна быть примером и нашей любви к ближним. Господь пришел в мир для спасения всех. Все верующее человечество спасается и переходит к своему вечному назначению. Потому апостол и учил, что Господь обладает и живыми и мертвыми. Господь возлюбил нас, пребывающих еще на земле, а также и перешедших за гроб; возлюбил так, что для нашего спасения принес Себя в умилостивительную жертву Богу-Отцу. Такой любви Бог требует и от нас, чтобы все видели, что «вы Мои ученики»; любви не только к живым, но и к перешедшим за гроб: «Любите друг друга так, как Я возлюбил вас». Сам Иисус Христос и Его св. ученики –

апостолы учили бессмертной любви. Они не учили любить только живых, еще пребывающих на земле. Говоря о бессмертии души, о вечной загробной жизни, о свойстве истинной любви, учили, что любовь не умирает, что переходит за гроб с ее предметом, с любимым лицом, что истинной христианской любви неестественно даже охладеть.

Что сделалось с душой умершего? Она переменила только свое положение, состояние и место пребывания. Она – не на земле. Но дух и свойство ее остались при ней, как и прежде во время пребывания на земле. Любимые предметы остались для нее любимыми и за гробом, она по-прежнему любит своих и горит любовь к Богу. Если так, то возможно ли живым не любить перешедших в загробный мир? Пусть докажут, что заповедь о любви простирается только на живых, ограничивается только земным странствованием. Если докажут, то вместе с тем и покажут, что у них нет Бога, нет души, нет загробной жизни! Что же будет в загробной жизни без любви?

Живые, если только они имеют в себе дух Христов, обязаны любить, потому что не могут действовать наперекор природе, не любить своих усопших. Это – священная обязанность, это – требование веры Христовой, это – доказательство, что мы содержим православную веру, что веруем несомненно в бессмертие души и в загробную жизнь, в которую веровало и верует все человечество. Как объяснить равнодушие некоторых, к умершим, как будто уже к несуществующим? Неверие и жестокость – характер такой души! Если закон Христов – закон духа требует любить врагов, то как же мы делаемся равнодушными к нашим умершим, любившим и любящим нас?

Все народы любили и любят своих отходящих в загробный мир. Любя почивших, они оказывали и оказывают им разные почести.

Господь Иисус Христос учил: чего сам желаешь получить от Бога себе, то самое делай ближнему твоему, люби даже твоего врага. Наши все отношения к ближним, как добрые, так и злые, Господь Бере на Себя, когда говорит: «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25: 45). Нам нужна милость от Бога и в этой и в будущей жизни; поэтому будем же и сами милостивы и к нашим ближним здесь, и к пребывающим за гробом.

Перед Богом – все живые, и мы имеем заповедь любви вечной, бессмертной; заповедана молитва друг за друга, ношение тяготы ближнего, искание Царства Божьего, и все это не для себя только, а для ближнего, потому что без любви ближнего спастись невозможно: «Любите ближнего так, как Я возлюбил вас». За спасение ближнего должно полагать души свои; это совершенство любви, требуемой от нас Господом. Если милость, милосердие доставляют душе, приемлющей их, отраду, облегчение, радость, будет ли то милость духовная или телесная, и в то же время производят удовольствие и в душе милостивого, добродетельного, то молитва за переселившихся в новый загробный мир есть первое и главнейшее дело милосердия. «Просите и дастся вам», - вот неложные слова Начальника жизни. Напрасно некоторые умствователи думают, что молитва за умерших для них бесполезна, что ее благотворность простирается только на живых, мы не принимаем этой лжи, а веруем словам Иисуса Христа научившего нас, что Бог – не мертвых, а живых, а потому и ходатайствуем через Него пред Богом не за мертвых – несуществующих, а за живых, перешедших в загробный мир для вечной жизни.

Если на земле душа наша радовалась, приходила в особенное состояние, если обстоятельства, ее окружающие, изменялись на лучшие мгновенно, таинственно, если падали оковы с рук и ног, если являлись неземные посетители, если все это происходило сверхъестественно с душой, единственно только от молитвы за нее, возносимой к Богу, то

что же препятствует той же самой душе в загробной жизни вкушать плоды дел милосердия, совершаемые на земле живыми в ее память!

Понятие о жизни и представление нерасторжимости душ человеческих даже смертью, таившиеся во глубине духа, оставались только в темном сознании человечества. Как неопределенны были с духовной стороны взаимные отношения людей на земле, так, следовательно, оставались они неопределенными и между пребывающими на земле и перешедшими в загробный мир. Естественная любовь, прирожденная духу, вследствие падения человека не знала средств своей истинной деятельности в отношении к переселяющимся за гроб. Жертвовать жизнью, приносить себя в жертву – умерщвлять себя, как видимые знаки любви к почившему, и другие тому подобные неестественные поступки принимались за истину, а обогащенный и развитый научными познаниями ум признавал эти нелепости, блуждая в духовной темноте.

У древних просвещенных римлян было о обычае не зарывать в землю тела знатнейших умерших, а сжигать на костре. При костре же убивали и рабов, а в позднейшее время при этих кострах гладиаторы рубились мечами и умерщвляли друг друга. Все это делалось по любви к усопшему с целью умилостивить для него адское божество. Только благородный христианский свет, просвещающий всякого христианина, разогнал тьму духовного неведения. Иисус Христос открыл на земле тайны загробной жизни, показал, в чем состоят союз и отношение живых с умершими. При всем своем просвещении, разумеется научном, а не духовном, древние не знали, что им нужно делать со своими покойниками, чтобы доставить им существенную пользу. Не знали этого и древние Богом избранные евреи, у которых был закон Божий и св. пророки.

Бесполезность некоторых обрядностей над умершими обнаруживаются в словах Самого Господа, повелевающего следовать за Ним одному из Его учеников, просившему прежде похоронить отца. Такие похороны свойственны, сказал Господь, только незнающим Меня: «Оставь мертвого мертвым, пусть они его хоронят, ты же следуй за Мной». Господь Иисус Христос впервые нарушил также закон о нечистоте мертвых тел, который существовал у евреев. Спаситель показал его неосновательность, когда Своей рукой коснулся гроба умершего сына Наинской вдовы, и далее, когда коснулся руки дочери начальника синагоги Иаира. В христианстве мертвые тела не считаются нечистыми. В другом месте Иисус Христос прямо уличил евреев в незнании загробного состояния мертвых, сказав: «Прельщаетесь, не зная, что за гробом уже не женятся, а живут, как Ангелы». Сказал, что Он есть воскрешение в жизнь, верующих в Него: «Ибо Я – воскрешение и жизнь мертвых, мертвые и живые – Мои».

Сам Господь открывает начало молитвы за умерших в словах: «Любите, просите, ищите» Наши ум и сердце, полное любви, долго не знали, что делать со своими переселенцами в загробный мир. Теперь же Иисус Христос, Его благодать и св. вера открыли скорбящему сердцу, как оно должно поступать в отношении к умершему.

Прирожденная, естественная духу человеческому любовь есть источник всех добродетелей. Одна заповедь – любовь – была дана Богом через Моисея; эту же заповедь подтвердил и в Новом Завете Иисус Христос, основатель Своей Церкви. Иисус Христос учил любить друг друга любовью не земной, а небесною – божественною, вечною. Любовь проявляется прежде всего в молитве – ходатайстве пред Богом за ближних. Следовательно, и молитва за усопших есть плод нашей к ним любви. Души, исполненные истинной любви к ближнему, - все равно где бы они ни были, на земле или за гробом, - не могут не принимать живого участия в состоянии ближнего, не могут не сочувствовать скорби или радости. С плачущими – плачут, а с радующимися – радуются, по свойству

заповеданной любви. Сознание живыми греховности умерших производит не совсем радостное чувство. Печальное сердце находит утешение в вере, где открывается возможность спасти умершего, избавить его от ада и жить вместе за гробом в доме Отца небесного.

Любовь без истинной веры не знает своей настоящей деятельности, и, как слепая, принимает и зло за доброе: убивает на могиле раба, чтобы тот отнес приветствие умершему, живущему в другом мире, как делали язычники древности и ныне делают еще в Африке. Любовь же, окрыленная христианскою верою, не проливает крови, но послушная воле Жизнедавца, в Нем едином видит спасение умершего, и потому смиренно молит Его успокоить отшедших, и нас, пребывающих на земле, помиловать. Молитв потому, что так угодно Богу, чтобы мы друг другу помогали нашим ходатайством. Святой Дух Сам, пребывая в нас, научает нас молиться молитвою истинною, ибо мы сами не всегда сознаем, о чем же молитва наша. Следовательно, заупокойной молитве, как молитве о спасении умерших Святой Дух учит живых.

Мы убедились, что союз и соотношение в Церкви Христовой выражаются вполне зримыми знаками и действиями. Так, где нет этих действий, можно с достоверностью заключить, что господствует совершенное неверие. При вере только и есть единение, союз, отношение и общение между живыми и мертвыми. Без веры невозможно спасти себя и помочь в спасении ближнему. Вера, надежда и любовь служат первым и главным основанием всех видимых средств, выражающих наш союз с умершими. Итак, прежде всего видимым образом, знаком нашего неразрывного союза с почившими служит наша жизнь, исполненная живой веры и добрых дел. Помочь усопшему в загробной его жизни может только истинно христианская жизнь живущих, основанная на повелении Господнем, данном одному из Его учеников, просившему прежде похоронить своего отца: «Ты за Мною следуй… возвещай Царство Божие… Я – воскресение и жизнь для всех!...» Итак, основание, на котором утверждается непременная христианская обязанность – молитва за умерших, есть любовь и вера. Вера наша, что души усопших живы, что обещание Господне истинно – «просите и дастся вам», - что в Его власти участь почившего. Это вера дает нам возможность ходатайствовать, молиться за умерших. Вот основание нашей молитвы за умерших, по которому мы, живые, осмеливаемся просить Всещедрого Бога о помиловании любезных Ему грешников.

Сердце, горящее любовью к умершему, полное веры в Господа Иисуса Христа, подкрепляемое словами Самого Господа, что и в загробной жизни есть отпущение известных грехов, такое сердце молится о спасении умершего в вере и надежде.

«Отчего же, - пишет св. Иоанн Дамаскин, - считать трудным и невозможным испрошение прощения грехов усопших?» Путь к освобождению некоторых грешников из ада, верующих в Господа Иисуса Христа, и в аде Его исповедующих своим поклонением, этот путь открыл Сам же Иисус Христос Своим крестом, разрушив ад и изведя из него всех, ожидавших Его пришествия. Как тогда, так и ныне Он властен и силен изводить грешников из ада, разумеется, достойных этого. Была бы только причина, а Бог хочет спасти грешника, как Сам Он о Себе свидетельствует: «Не хочу смерти грешника».

Если ходатайство первомученицы Феклы спасло язычницу Фалкониллу после ее смерти, ходатайство св. Григория Двоеслова, с приказанием от Бога впредь не молиться о нечестивых, спасло после смерти язычника императора Трояна, ходатайство св. Макария Египетского доставляло отраду язычникам, если императрица Феодора испросила у Бога прощение грехов умершему своему мужу Феофилу, последнему гонителю христиан за св.

иконы, то как же мы, христиане, можем сомневаться или просто не верить словам Господа Иисуса Христа, что спасти людей – согласно с Его святейшею волею?

Скажите, что для Бога невозможно? Желания, хотения Божьи исполняются немедленно: для Бога все возможно. Кто не знает, что Бог хочет спасения человека? Но без содействия человека спасение его невозможно. Дается только просящему; все возможно только верующему. Как члены нашего тела, выражающие волю души, помогают друг другу, так точно и члены духовного тела Христова – Церкви, движимые и согреваемые благодатью Божьей, несут тяготы друг друга: и живые, подвигнутые Самим Богом, ходатайствуют за усопших.

Послал Бог в мир Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа, чтобы верующие в Него спаслись. Это первое и главное основание нашей надежды испрошения прощения грехов усопшему через Иисуса Христа, взявшего на Себя грехи и нашего усопшего. Для того и даны Самим Богом и многие другие средства и способы подвинуть Его на милосердие к усопшему. Если кто, по возможности своей, старается исполнить все, что может доставить спасение усопшему, не есть ли такой человек орудие Божье, содействующее спасению усопшего?

Бесконечная благодать Божья есть одно из оснований, на котором Св. Церковь основывает свое учение о возможности помочь грешникам в загробном их состоянии. «Не хочу смерти грешника» - вот Божье желание, которому должен содействовать человек своей жизнью и известными от Бога указанными способами, преклоняющими Всемилосердного на благость и отклоняющими строгость суда. Если бы Церковь не была крепко убеждена, что некоторые грешники и после смерти могут получить прощение грехов и освободиться от адского заключения, то не молилась бы о них. Молится о них потому, что верует, что по молитве живых спасутся усопшие, достойные молитвы. Так веровала Церковь ветхозаветная, так верует и Церковь новозаветная.

После всего что только могли мы сделать для усопших при совершенно полном желании, сопровождаемом и делами, ему соответственными, наши усопшие спасутся и будут общниками вечной небесной радости. Будут общниками потому, что живые молились о них; а молились потому, что на это была воля Божья: «Без Меня не можете делать ничего же» (Ин. 15: 5). Не сам ли Бог обещался исполнять наши прошения, согласные с Его святейшею волею? Прошение живых об упокоении со святыми наших усопших, если только грехи их не составляют хулы на Духа Святаго, непременно исполнится по слову Самого Господа: «Отпустится здесь и за гробом» (Мф. 12: 32). Здесь – через собственное исповедание и через дела покаяния, свидетельствующие о стремлении человека сколько возможно загладить свои грехи.

Этими делами покаяния, освобождающими душу от ада, являются: молитва, сердечное сокрушение о сделанных грехах, уклонение от греха милостыней, дела любви к Богу и к ближним. Покаявшиеся же при смерти, но не успевшие принести плодов покаяния, получают облегчение в загробном состоянии и даже совершенное освобождение от адских мук через ходатайство живых, которым и повелевается молиться о таких умерших с покаянием: «Да просят (живые) и дастся им жизнь (умершим). Если кто видит брата своего согрешающего грехом не к смерти, то пусть молится, и Бог даст ему жизнь, то есть согрешающему грехом не к смерти. Есть грех к смерти; не о том говорю, чтобы он молился» (1 Ин. 5: 16).

Итак, об умерших, которые принесли при смерти покаяние, мы, живые, должны молиться с полною верою и надеждою, что им отпустятся грехи, по обещанию Самого Господа. Другим же умершим грешникам, по свидетельству Самого Господа, не отпустятся ни на земле, ни за гробом как отвергшим Христа и Его благодать, ожесточенным, нераскаянным, нечестивым грешникам, как находящимся вне общения с Церковью; о таковых уже напрасно молиться. Даже св. Иоанн, имеющий сердце, преисполненное любви к ближнему, в первом своем послании запрещает о таких молиться (1 Ин. 5: 16), потому что их участь решена Господом: «Не отпустится им здесь (на земле), ни в будущей жизни (за гробом)».

Эту истину Спасителя и заповедь апостола, о ком из умерших должно молиться и о ком не должно, св. отцы Первого Вселенского Собора повторили в своем 5-м правиле: «Все умершие и истинным раскаянием свободны от смертного греха, - сказано там, - уже по тому самому, что они раскаялись; грех же к смерти есть, когда согрешившие отвергают покаяние, с гордыней восстают на благочестие и истину… в них нет Господа Бога, поскольку не смирились и не очистились от своего грехопадения».

Слова Самого Господа Иисуса Христа: «Просите и дастся вам» и «отпустятся грехи в будущей жизни», дают нам, живым, полную надежду, при ходатайстве самой Церкви и нашем частном ходатайстве, облегчить загробное состояние этих раскаявшихся при смерти грешников и, следовательно, освободить от адских мучений.

Православное исповедание в ответе на вопрос 65-й свидетельствует: «Благотворения, делаемые живыми, полезны умершим и в тяжких грехах; они склоняют к милости имеющего власть освободить грешную душу от геенны». То же в ответе на вопрос 64-й: «Вера нас учит, что многие из грешников, принесших при смерти покаяние, освобождаются от ада молитвами, милостынями живых».

Вера Святой Православной Церкви в возможности испрошения у Бога прощения грехов умершим с покаянием высказана в исповедании этого догмата восточными патриархами в их «Исповедании Православной Веры» (Член 18). Толкование этого догмата следующее: «Мы веруем, что души людей, впавших в смертные грехи и при смерти не отчаявшихся, но еще до разлучения с настоящей жизнью покаявшихся, только не успевших принести никаких плодов покаяния (молитвы, слезы, коленопреклонения, сокрушения о бедных и выражения в поступках любви к Богу и ближним), души таких людей нисходят в ад и терпят за учиненные ими грехи наказание, не лишаясь, впрочем, надежды на облегчения. Получают же они облегчение, по бесконечной благодати через молитвы священников и через благотворения, совершаемые за умерших; а особенно силою бескровной жертвы, которую, в частности, приносит священнослужитель для каждого христианина о его близких. Вообще же за всех повседневно приносит жертву Кафолическая и Апостольская Церковь».

Священное Писание Ветхого Завета

Самый древнейший письменный памятник, свидетельствующий действительность и употребление заупокойной молитвы в Ветхом Завете, есть вторая Маккавейская книга (12: 39-46): «На другой день бывшие с Иудою пошли, как требовал долг, перенести тела павших и положить их вместе со сродниками в отеческих гробницах. И нашли они у каждого из умерших под хитонами посвященные Иамнийским идолам вещи, что закон запрещал Иудеям: и сделалось всем явно, по какой причине они пали. Итак, все прославили праведного Судию Господа, открывающего сокровенное, и обратились к молитве, прося, да будет совершенно изглажен содеянный грех; а доблестный Иуда

увещевал народ хранить себя от грехов, видя своими глазами, что случилось по вине падших. Сделав же сбор по числу мужей до двух тысяч драхм серебра, он послал в Иерусалим, чтобы принести жертву за грех, и поступил весьма хорошо и благочестно, помышляя о воскресении; ибо, если бы он не надеялся, что павшие в сражении воскреснут, то излишне и напрасно было бы молиться о мертвых. Но он помышлял, что скончавшимся в благочестии уготована превосходная награда, — какая святая и благочестивая мысль! Посему принес за умерших умилостивительную жертву, да разрешатся от греха».

Далее еще есть некоторые свидетельства в Ветхом Завете о ходатайстве пребывающих на земле за переселившихся в загробный мир.

Иисус сын Сирахов, в своей книге «Премудрость», будучи совершенно убежден в жизни загробной и необходимости помогать усопшим, точно так же, как и пребывающим на земле, учит благотворить и тем, и другим: «Милость даяния да будет всякому живущему, но и умершего не лишай милости» (7: 36): «С упокоением умершего успокой и память о нем, и утешься о нем по исходе души его» (38: 23).

Умирающий Товит заповедует сыну своему Товию: «Раздавай хлебы твои при гробе праведных, но не давай грешникам» (4: 17). Учители Церкви дают такое значение этому завещанию: Товит, сознавая важность и пользу молитвы за умершего, и чтобы побудить живых к такой молитве заповедал поставлять трапезы. Этот благочестивый и спасительный обычай устраивать поминки после погребения, или в другие дни, знаменательные для умершего (9й, 40й, годовой, дни рождения, именин, смерти, родительские дни), поделиться пищей со знакомыми, священниками, нищими, чтобы они молились об усопшем, - перешел и в первенствующую Церковь Христову и сохраняется в ней до настоящего времени. Златоуст, похваляя поступающих так, тоже учит поставлять такие трапезы, чтобы молились об усопшем, молитвами подвигнуть Бога на милосердие к почившему. В первенствующей Церкви эти трапезы для священников и бедных устраивались в церковных притворах. Впоследствии, на Лаодикийском Соборе запрещено было поставлять трапезы в притворах, и поминки производились в домах («Камень веры», часть I, гл. 1).

Св. пророк Иеремия (гл. 16) называет окаянными и от лица Божьего отверженными тех, кому после смерти не творится поминовение и при погребении не давалась милостыня. Если же, по словам пророка, окаянны те из умерших, о ком не молятся, не подается милостыня, следовательно, наоборот, молитва за умерших и милостыня за них делают их блаженными. Вот слова пророка: «Не будут ни оплаканы, ни похоронены… Ибо так говорит Господь: не входи в дом сетующих и не ходи плакать и жалеть с ними; ибо Я отнял от этого народа, говорит Господь, мир Мой и милость, и сожаление. И умрут великие и малые на земле этой; и не будут погребены, и не будут оплакивать их, ни терзать себя, ни стричься ради них. И не будут преломлять для них хлеб в печали, в утешение об умершем; и не подадут им чаши утешения, чтобы пить по отце их и матери их. Не ходи также в дом пиршества, чтобы сидеть с ними, есть и пить. Так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев».

Патриархи Иаков и Иосиф при смерти завещали: первый, чтобы его похоронить не в Египте, а в Ханаане, а второй умолял, чтобы тело его не было оставлено в Египте, при исходе из него евреев. Не одна внешняя причина, быть погребенными вместе со своими, пробуждала патриархов к таким завещаниям; здесь видна внутренняя, духовная причина – желание быть общником молитв и жертв, которые приносились за умерших. Вот свидетельство книги Бытия: Иаков заставил поклясться Иосифа, что не похоронит его в

Египте, «а дабы мне лечь со отцами моими, вынесешь меня из Египта и похоронишь в гробницах отцов» (47: 4); а потому, умирая в Египте, Иаков берет клятву с Иосифа, что не похоронит его в земле чужой, но перенесет его останки в ту страну, которую наследует Израиль.

Назначением места своего погребения патриарх Иаков предсказывал народу будущее его отечество. Когда наступило время кончины Иосифа, он сказал своим братьям: «Я умираю, но Бог посетит вас, и выведет вас из земли сей в землю, о которой клялся Аврааму, Исааку и Иакову» (Быт. 50: 24). И заклял Иосиф сынов израилевых, говоря: «Бог посетит вас, и вынесите кости мои отсюда». Иосиф умер 110-ти лет: И взял Моисей с собою кости Иосифа при исходе из Египта (Исх. 13: 19). Тело Иосифа, набальзамированное, лежало не в каменном гробе, а в деревянном, из негниющего дерева. Гроб был скрыт в одной из многочисленных пещер, выкопанных в горах долины Нила. Иосиф жил при фараоне Аменемсе III. По исшествии из Египта, тело Иосифа было погребено в Сихеме, который отдан ему Иаковом при благословении. Сихем – столица израильского царства, потом Самарии.

Вот сказание Моисея: «И жил Израиль в земле Египетской, в земле Гессем, и владели они ею, и плодились и весьма умножились. И жил Иаков в земле Египетской семнадцать лет и было дней Иакова, годов жизни его сто сорок семь лет. И пришло время Израилю умереть, и призвал он сына своего Иосифа и сказал ему: если я нашел благоволение в очах твоих, положи руку твою под стегно мое, и клянись, что ты окажешь мне милость и правду, не похоронишь меня в Египте. Дабы мне лечь с отцами моими, вынесешь меня из Египта и похоронишь меня в гробнице, которая на поле Махпела, что перед Мамре, в земле Ханаанской, которую (пещеру) купил Авраам с полем у Ефрона Хеттеянина в собственность для погребения (Быт. 47: 27-30; 49: 29-30). Там похоронили, - продолжал Иаков, - Авраама и Сарру, жену его; там похоронили Исаака и Ревекку, жену его; и там похоронили и Лию» (49: 33). Вот сознание и исповедание бессмертия души, загробной, вечной жизни и притом жизни не разъединенной.

Живая вера в неложное обещание Божье даровать землю Ханаанскую его племени заставляла ум, со всеми помыслами, и сердце с его желаниями, обращаться к будущности избранного народа Божьего. Принужденный крайними обстоятельствами, патриарх жил в Египте, но ум и сердце были там, где должно было жить его потомство.

На основании истины союза и общения живых с умершими, ныне здравствующие много могут помочь состоянию тех, кто преставился. В Ветхом Завете к благотворительности умершим причислялся и пост живых, о чем свидетельствует 1-я Книга Царств: Жители Иависа Галаудского узнали, что тела умерших Саула (он сам себя умертвил, чтобы не сделаться живым жертвою филистимлян) и его трех сыновей Ионафана, Аминадава и Малхисуа, находятся в плену у филистимлян, отправились туда и взяли их тела. Возвратясь домой, тела Саула, и его сыновей сожгли, а кости похоронили в Иависе под дубом, и постились семь дней (31: 13). И Давид, когда услышал о смерти Саула, разодрал одежды свои, плакал и постился до вечера, со всеми окружающими его людьми (2 Цар. 1: 11-12). Также неутешно плакал и постился Давид по смерти славного вождя Авенира (там же 3: 35).

Ноеминь снохе своей говорила: «Благословен он от Господа за то, что не лишил милости своей ни живых, ни мертвых» (Руфь 2: 20).

Варух так молился Богу об умерших: «Господи! Не вспоминай неправд отцов наших, но вспомни руку Твою и имя Твое в сие время» (Вар. 3: 5)

Книга Судей израилевых свидетельствует, что поминовение умерших предписывалось законом в Израиле. Четыре раза в год дочери израилевы ходили оплакивать дочь Иеффая Галаадитянина.

Святый пророк и царь Давид свидетельствует, что состояние умерших улучшается попечительством живых, и что уже умершие сами себе ничем не могут помочь. После смерти нет покаяния: «во гробе кто будет славить Тебя» (Пс. 6:6), или «разве мертвые встанут и будут славить Тебя?» (Пс. 87: 11) Умерший уже не может помочь себе. При жизни он имел средства и способы своего спасения – исповедание грехов и другие добродетели, которых после смерти уже не имеет. Поэтому Давид и молит Господа сподобить его врачевания в настоящей жизни: «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое» (Пс. 50) прежде исхода из этой жизни.

Если на земле не было наклонности к исповеданию грехов, то, разумеется, что после перехода в загробную жизнь, в ад – и быть не может этой добродетели – покаяния, как несвойственной состоянию умерших, близкому к состоянию злых духов; а потому Давид и говорит: «во аде же кто исповедается Тебе». Покаяние, будет ли оно совершенное или несовершенное, как добродетель, бывает только на земле и делатели его не умирают, не мертвы, а живы; не знающие же Бога и Его закона и не творящие воли Его не живы, а мертвы и на земле и за гробом. А потому Давид и писал: «не мертвые восхвалят Тебя, Господи, и не уходящие в ад», потому что и при жизни их не святилось имя Божье в их деятельности, тем более не будет святиться оно за гробом – в аду, в союзе с духами злобы – врагами Бога. Живыми Давид называет знающих Бога и творящих волю Его, мертвыми же – идолослужителей и нераскаивающихся грешников. Только живым, поклоняющимся живому Богу, принадлежит прославление Его и здесь – на земле и за гробом – в раю. В аду же смерть препятствует хвалить, прославлять Бога.

И Христово учение началось словом: «Покайтесь…» (Мк. 1: 15) – сказанное людям, пребывающим еще на земле; следовательно, покаяние приличествует только душе, соединенной с телом; а после отделения ее от тела и перехода в загробный мир, она не имеет ни сил, ни средств к покаянию: «одетого не в брачное одеяние, связавши руки и ноги, ввергают в тьму» (Мф. 22: 12-13), где будет плач и скрежет зубов». Следовательно, умершие сами себе ничем помочь не могут; им могут помочь только живые, еще пребывающие на земле, по заповеди Господа – «любите друг друга, просите и дастся вам, ищите Царствия Божия и правды Его».

Евангельское учение

Свидетельства Нового Завета о действительности молитвы за умерших находим: в учении Самого Господа о загробной жизни, в преданиях апостольских, в правилах вселенских и поместных Соборов и в учении св. богоносных отцов и учителей Церкви.

Сам Господь Иисус Христос засвидетельствовал Своим ученикам, что за гробом есть отпущение грехов умершим, разумеется при посредстве живых, которым сказано: «просите и дастся вам»; «если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святаго, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем». Значит грехи, не составляющие хулы на Духа Святаго, отпускаются в загробной жизни.

Главнейшие грехи, которые не отпускаются ни на земле, ни за гробом, это: крайнее неверие, нераскаяние, ожесточение сердца, упорное сопротивление божественной истине, упорное отвержение благодати, соединенное с отвращением от всего, что свято и богоугодно (Евр. 10: 26 и 29). Вот коренные грехи, составляющие хулу на Духа Святаго. А почему они не прощаются ни во временной жизни, ни в загробной? Потому что отпущение всех грехов бывает только тому, кто покается в них. Иисус Христос прямо сказал, что не простится хулящему, т.е. пребывающему в хуле; а хулившему, но потом раскаявшемуся – простится.

Там бывает прощение, где есть чистосердечное раскаяние с желанием исправления, с отвращением к этому исповедываемому греху. Следовательно, нет греха, какой бы они ни был, смертный или несмертный, чтобы не простился, если только будет открыт на исповеди. Открытый грех прощается по свидетельству Самого Иисуса Христа: «примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся. На ком оставите, на том останутся» (Ин. 20: 23).

Отпущенный на земле грех освобождает открывшегося от вечной муки; а плоды покаяния, состоящие в исполнении наложенной епитимии, исправят в раскаявшемся его внутренние наклонности к грехам. Если же после покаяния почему-либо не исполнена наложенная священником епитимия или не было плодов покаяния за последовавшей смертью, то такой умерший может получить для себя немалую помощь от ходатайства Церкви и от молитвы за него оставшихся живых.

Не простятся грехи, составляющие хулу на Духа Святаго, потому что нравственное состояние души, какое они предполагают, есть состояние точно такое же, как состояние демонов нераскаянных. Не простится этот грех потому, что нет в грешнике сознания и раскаяния.

Что грехи, не составляющие хулы на Духа Святаго, отпускаются и по переходе в загробную жизнь Иисус Христос показал и на самом деле. Находясь на кресте, Он услышал сердечную молитву кающегося благоразумного разбойника: мы умираем на кресте и скоро оба будем в загробном мире. Ты – Бог, а я по делам моим осужден. Знаю, что и за гробом я должен Тебе отдать отчет за все мои злодеяния; но молю Тебя, когда отойдешь туда, помяни и меня в Царствии Твоем… Не здесь разбойник просил Господа помянуть его, но «помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое», прости и помилуй в новой, загробной жизни. Принял Господь молитву разбойника, чтобы не помянуть его греховной жизни за гробом и сказал: «Ныне же будешь со мною в раю» (Лк. 23: 42, 43). Значит и после смерти, при известных условиях, возможно отпущение грехов.

Св. апостол и евангелист Марк пишет, что Господь дал душу Свою за спасение многих. Нам, живым, остается только усвоить эти слова евангельские и умершему, т.е. что в числе «многих» заключаются и наши умершие, и будет нам (живым) и им (умершим) по вере нашей, по свидетельству евангелистов: «все, что ни попросите в молитве с верою, получите» (Мф. 21: 22).

Разве могут быть неверны слова Господа Иисуса Христа, свидетельствующие, что Он не хочет смерти грешника, а желает его спасения! Разве не Господь, желающий всех спасти, говорит нам Сам: «Все, чего ни попросите в молитве с верою, получите». Разве не Сам Господь требует от нас неумирающей любви? И потому любовь и обещание исполнить просимое, согласное с волей Божьей, не истинное ли основание молитвы за усопших? А потому-то живые в полной надежде и молят Господа о перешедших в загробную жизнь.

Верующему, за его несомненную веру даруется все, чего бы ни просил в молитвах своих, только бы оно было согласно с волей, желанием Самого Бога. А поскольку Он не хочет смерти грешника, то молитва живых за умерших согласна с Его волей, а следовательно и действительна. Молитва, растворенная верою, надеждою и любовью, доставляет молящемуся исполнение его прошения у Бога, т.е. помилование и упокоение отошедшего в загробный мир.

Господь в притче о десяти девах, изображая последний суд, сказал: «Готовые вошли с ним на брачный пир, и двери затворились» (Мф. 25: 10); значит до суда еще Царствие Небесное открыто для членов Церкви, и в него входят и праведники, и кающиеся грешники, и умершие неотчаянные грешники, при посредстве живых на земле и святых на небе; но после суда, двери рая затворятся и входа туда уже не будет. Если утопающий в воде или горящий в огне, своевременно не получит помощи, то погибнет; так точно несовершенная душа за гробом погибнет, если своевременно не получит помощи от пребывающих еще на земле.

Если живые не подадут руки помощи несовершенному за гробом, то одна благодать, как она ни сильна и ни могущественная, не спасет грешную душу. И вот, для привлечения к погибшему благодати Христовой, по непостижимой любви Божьей, не желающей смерти грешника, избираются и назначаются живые, которые, не сами по себе, но по той же данной им благодати, употребляют разные средства видимые, внешние, чтобы спасти отошедшую душу, которая уже за гробом сама по себе ничего не может сделать для своего спасения. Слова – «бойтесь того, кто, по убиении, может ввергнуть в геенну» (Лк. 12: 5), т.е. предать вечной смерти и душу, и тело грешника, дают нам, живым, утешительную надежду, что Тот же имеющий власть погубить грешную душу в геенне, может по Своей власти и спасти ее от геенны, что и высказано в 65-м ответе Православного Исповедания Кафолической и Апостольской Церкви Восточной такими словами: «умирающие грешники непременно ввергаются в геенну, но это состоит во власти Божьей, так что Бог может и простить их за благотворения, делаемые в пользу умерших. Они не мало полезны и в тяжких грехах умершим». Все это есть свидетельство Самого Иисуса Христа, давшего нам заповедь любить, просить, искать Царства Божьего не себе только, но и ближнему, и что наше (живых) ходатайство за умерших может быть благотворно для них и может доставить им жизнь вечную.

Предания апостолов

Брат Господа по плоти апостол св. Иаков научен Самим Господом молиться об умерших; ибо по свидетельству слова Божьего: «мы не знаем, о чем молиться, как должно» (Рим. 8: 26), следовательно, его моление об усопших было внушением Святаго Духа, под руководством Учителя и Господа Иисуса Христа, чтобы, по словам же Иисуса Христа, доставить умершим случай получить отпущение грехов, если только они умерли по-христиански. В свою очередь св. апостол так учил христиан: «молитесь друг за друга». Если бы умершие уже не существовали, то эти слова прямо бы относились только к живым, пребывающим на земле; а как умершие – живы, живут в другом мире, то эта заповедь равно налагает обязанность на живых молиться о всех членах Христовой Церкви, где бы они ни были – с нами или в разлуке, в отсутствии, на земле или в загробном мире.

Св. апостол в своей литургии молится о живущих на земле и об отошедших в загробный мир так: «Господи, Боже духов и всякой плоти, помяни тех, которых мы помянули,

православных, от Авеля праведного до дня сего; Сам упокой их в селении живых, в царстве Твоем, в приятностях рая, в недрах Авраама и Исаака, и Иакова, св. отец наших, откуда убегла болезнь и печаль и воздыхание, где посещает свет Лица Твоего и освещает всегда».

Первый Собор был Собор апостолов в Иерусалиме. Здесь было утверждено единомыслие в проповеди Евангельского учения: следовательно, учение о молитве за перешедших в загробную жизнь было общим у всех апостолов; и потому, где только апостолы насаждали христианство, там была уже утверждаема и заупокойная молитва. Доказательством этому служат все древние литургии того времени. Обыкновение молиться об умерших из ветхозаветной Церкви перешло в первенствующую христианскую Церковь. Первая Христианская Церковь, т.е. общество христиан, есть Иерусалимская Церковь, которую составляли апостолы со своими учениками, которых Дух Святый наставлял на всякую истину (Ин. 16: 13). То же обыкновение молиться за умерших было и в Церквях: Александрийской, Карфагенской, Кесарийской, Константинопольской, Медиоланской.

Все древние литургии, как те, которые употреблялись или употребляются в Церкви Восточной - Православной, известные под именем литургий: св. Иакова, брата Господня, св. Василия Великого, св. Иоанна Златоустого, св. Григория Двоеслова, так и литургии Церкви западной: римская, испанская, галликанская и другие; наконец, литургии различных неправославных сект, издревле существующих на востоке: яковитов, коптов, эфиопов, сирийцев, несториан и прочих. Из всех этих литургий, как ни многочисленны они и ни разнообразны, нет ни одной, в которой бы не находились молитвы за умерших, - знак, что от дней самих апостолов, придавших Церкви чин божественной литургии, не было времени, когда бы христиане не молились за своих усопших братий, и притом, при отправлении важнейших из своих общественных богослужений.

Учитель языков (язычников), избранный сосуд Святого Духа, апостол Павел учил не скорбеть об умирающих так, как скорбят не имеющие надежды на воскресение и новую блаженную, вечную жизнь за гробом. Зная, что, все повинны перед Богом, а потому, и умершие не чужды грехов, учил друзей христианской скорби, ношению тяготы ближнего умершего, т.е. сетованию о грехах умершего, а потому усердной молитве о перешедших в загробный мир.

Христианам дана благодать носить тяготы ближних. Нося тяготы ближних, мы исполняем закон Христов, который есть бессмертная любовь. Иисус Христос не отличал совершенно мертвых от живых, ибо учил, что перед Богом все живы; следовательно, заповеданная Им любовь простирается и на ближних, за пределами гроба находящихся. И апостолы, распространяя Евангелие, соединяли живых с мертвыми, что доказывает их учение. Св. апостол Павел учит, что мертвые и живые – Господни, следовательно не разделяет, а соединяет. Заповедь апостола Иакова молиться друг за друга показывает прямое повеление молиться и за перешедших в загробный мир. Носить тяготы других, не только живущих на земле, но и перешедших за гроб, повелевает апостол Павел. В чем заключается это ношение тягот умерших лиц, объясняет Златоуст. Сознание живыми греховности умерших должно, по закону любви, порождать в душах первых плач, скорбь о грехах вторых. Этот-то плач и требуется от живых, как полезный для умерших. Блажены, учил Иисус Христос, плачущие по закону любви не только о своих грехах, но и о грехах ближних, как живых, так и усопших. Утешением их будет исполнение их молитвы, собственное оставление грехов и оставление грехов тем усопшим, о которых молились. «Сей плач живых о грехах умерших, - говорит Златоуст, - есть добро».

В другом месте пишет св. апостол Павел: «поминайте наставников ваших» (Евр. 13: 7); «поминайте», здесь апостол повелевает помнить усопших, которые учили нас жизни христианской и которым мы обязаны настоящей нашей нравственной жизнью, вкушая плоды трудов отцов и братий наших. В послании к Тимофею апостол тоже заповедует молиться как о живых, так и об умерших: «творите молитвы, моления, прошения, благодарения за вся человеки». Во втором послании к Тимофею апостол Павел желает, чтобы члены Онисифорова дома получили от Господа за Гробом милость за любовь, которую они оказали ему: «да даст Господь милость дому Онисифора за то, что он многократно покоил меня и не стыдился уз моих; да даст ему Господь обрести милость у Господа в оный день», то есть, после смерти.

Св. Иоанн Богослов делит отходящих в загробный мир на раскаивающихся в своих грехах при самой смерти и не кающихся, отчаянных. О первых повелевает молиться, а о последних – запрещает. Первым отпускает грехи и дарует жизнь, вторые же наследуют заслуженное ими на земле наказание. «Если кто видит брата своего согрешающего грехом не к смерти, то пусть молится и Бог даст ему жизнь, то есть согрешающему грехом не ко смерти. Есть грех к смерти; не о том говорю, чтобы он молился. Всякая неправда есть грех не к смерти» (Ин. 5: 16, 17)

Учение св. отцов и учителей Церкви

Св. Дионисий Ареопагит, современник апостолам, созерцатель вещей Божественных, ученик св. апостола Павла, бывший при кончине Божьей Матери, в своем тайноводственном созерцании об усопших говорит: «Молитвы Святых и в сей жизни, а тем более после смерти, действительны для тех, которые достойны святых молитв, т.е. для верующих. Молитвы одних за других имеют свою цену и сули перед Богом».

Св. Иоанн Дамаскин пишет: «Св. Дионисий, божественный священноначальник и божественного оправдания истолкователь не стал бы просить того, что не было бы весьма благоприятно Богу, и чего исполнения не было бы Им обещано; почему и не испрашивает этого для несчастных, т.е. для непросвещенных (некрещеных) усопших». И в другом месте Дамаскин пишет: «Итак, божественный священноначальник испрашивает угодного Богу и того, что от Него без сомнения дано будет». Вот какое значение молитвы за умерших: «молитва испрашивает у Божественной благодати оставление прегрешений, соделанных усопшими по немощи человеческой, о вселении их в стране живых, в недрах Авраама, Исаака и Иакова, в месте, от которого удалена всякая скорбь, печаль и воздыхание; дабы Божественное могущество по благости своей презрело нечистоты, обретшиеся в усопших по немощи человеческой, ибо, как говорит Писание, никто же чист от скверны».

Св. Афанасий Великий в своем «Слове об усопших» пишет: «Хотя бы усопший в благочестии положен был под открытым небом, не отрекись, призвав Христа Бога возжечь на гробе елей и свечи: это приятно Богу, и удостаивается от Него великого воздаяния. Потому что елей и свечи это всесожжение, а божественное и бескровное жертвоприношение – жертва очистительная; благотворение к бедным – усугубление всякого богатого воздаяния. Благодатью Божьей не напрасны будут усилия к достижению того, к чему мы стремимся с верою. Ибо святые апостолы, освещенные – учители и духовные Отцы, будучи исполнены Божественного Духа, учредили литургии, молитвы и псалмопения и годичные воспоминания об умерших. Такое обыкновение, благодатью

человеколюбивого Бога, даже доныне исполняется и распространяется от Востоков солнца до запада, на севере и юге, в честь и славу Господа господствующих и Царя царствующих».

Св. Григорий Нисский говорит, что есть дело весьма богоугодное и полезное – при божественном и преславном таинстве Евхаристии совершать поминовение об усопших в правой вере. Он же, заботясь о спасении душ, повелевает в случаях смертных приобщать к Св. Таинствах запрещенных, т.е. отлученных от них на известное время.

Св. Василий Великий молится об умерших так: «Помяни, Боже, всех прежде усопших в надежде воскресения жизни вечной».

Св. Григорий Богослов в надгробном слове Кесарию брату говорит о матери своей: «Услышана, весть достойная, чтобы слышали ее все, и скорбь матери изливается в благом и святом обещании отдать сыну все его богатства, принеся их в дар погребальный». Далее говорит: «Вот чем я могу почтить память твою и иное я уже исполнил, а другое еще исполню, ежегодно совершая поминовение». Это – свидетельство великого вселенского учителя о молитве за умерших. Молитву за умерших и вообще все, что приносится Богу за усопших, называет благими и святыми дарами.

Великий вселенский учитель св. Иоанн Златоуст учил и словом, и делом молиться о перешедших в другой новый, загробный мир. В его литургии три раза бывает молитва за них и, кроме того, он поучал паству этой добродетели, представляя необходимость, важность и благотворность такой молитвы как для пребывающих еще на земле, так и для отошедших от этой жизни. Вот, например, некоторые места из его боговдохновенных писаний: «Не плакать, не сокрушаться, но радоваться должно оставшимся на земле о смерти близкого их сердцу. Не плакать, но радоваться должно, будет ли усопший праведник или грешник. Если почивший был человек добродетельный, добрый христианин, то не плакать о нем, а радоваться, ибо перенес с любовью всю тяжесть земной жизни и перешел на вечный покой во Христе, за Которого и для Которого более или менее страдал, защищая и сохраняя правду. Если же усопший грешен – и тогда должно радоваться, а не плакать бессознательно. Радоваться, что уже не будет более расти зло, к которому почивший был склонен. Сокрушаться, плакать не о смерти его, а о грехах, которые он, как человек, делал.

Сокрушение живых об умерших, плач о грехах их, должны растворяться со стороны живых несомненной верой в Того, Кто взял на Себя грехи всего мира, а следовательно и грехи нашего почившего грешника. Молитва, милостыня, бескровная жертва много помогают усопшим в улучшении их загробного состояния. Если молитвы и жертвы Иова за детей его очищали их, то что же препятствует Богу за наши молитвы и жертвы очищать усопших от их грехов; ибо Бог по молитвам одних воздает другим. Для этой-то цели и заповедано молиться друг за друга, чтобы одни исцелялись ходатайством других. Рука руку моет и обе белы делаются. Так молитвы живых об усопших спасают и тех и других. К чему же безосновательная скорбь, когда живые могут найти у Бога милость к усопшим? Станем молиться о разлученных с нами только своим местопребыванием и не будут тщетны и бесполезны наши молитвы, потому что это есть одно из средств, данных нам Богом, для спасения себя и ближнего, где бы он ни был – на земле или за гробом.

Если сказано, что тела наши есть храм живущего в нас Святаго Духа, то молитва священника и дьякона, а равно и молитвы предстоящих, молитвы об усопших всей Церкви и каждого из нас, христиан, - не есть ли молитва Святаго Духа о спасении усопших?

Ученики Господа не узаконили бы священнику при страшных Тайнах молиться об усопших в вере, если бы не знали, сколь благотворно эта молитва действует на состояние умерших грешных. Св. Иоанн Златоуст свое учение о возможности доставить спасение усопшим грешникам, испросить им у Бога прощение грехов, основывает на средствах, установленных Духом Святым. Не напрасны все эти средства: молитва, милостыня, приношения. При посредстве их, мы доставляем друг другу пользу, а следовательно, и спасение. В другом же месте он утвердительно говорит: «я ручаюсь за успех всех этих средств». От нас следовательно, зависит улучшение загробного состояния грешников. Златоуст, объясняя слова Иисуса Христа, сказанные Марфе, сестре умершего Лазаря: «Я есмь воскрешение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет» (Ин. 11: 25), пишет в своем толковании на эти слова (беседа 62): «Так как Спаситель есть Податель жизни и всех благ, то от Него должно просить и улучшения загробной участи почивших. Он, как Бог, кого хочет – оживит». Ориген на книгу Иова, пишет так: «Мы творим память святых родителей наших, или чтим благочестиво память друзей в вере умерших, как радуясь их прохладе, так прося и себе благочестивого в вере скончания».

Языческий ритор Арновий, оглашенный Церковью, но еще не крестившийся, в четвертой своей книге против язычников пишет: «Чем заслужили собрания наши, что вы их разрушаете? В них молятся верховному Богу, просят у Него мира всем; помилования правителям, войскам, царям, друзьям, врагам, живущим и мертвым».

Св. Иоанн Дамаскин, собравший свидетельства всех предшествовавших ему отцов и учителей Церкви, делает такое заключение: «Ученики и, божественные апостолы Спасителя не без причины и не без пользы установили при страшных, пречистых и животворящих Тайнах совершать поминовение о верных усопших, что от конец до конец земли владычествующая, Апостольская и Соборная Церковь Христа Бога нашего содержит твердо и беспрекословно с того времени даже доныне и до кончины мира содержать будет, ибо вера христианская, чуждая заблуждений, ничего бесполезного не приняла и содержит ненарушимо все полезное, благоугодное и спасительное» («Слово об усопших»)

«Ныне, - пишет в другом месте этот богодуховенный учитель Церкви, - до Страшного суда Господня есть время помогать друг другу во всем и в спасении. Богу, любящему создание Свое, очень приятно, когда мы заботимся о спасении своем и о спасении ближних когда мы благотворим и живым и мертвым». Итак, будем жить для Бога и для наших ближних, не только зримо пребывающих с нами, но и жить для перешедших в загробный мир, однако не разлученных с нами духом. Соединенные Самим Богом и живущие в Боге – никогда не разлучаются. Не для того Бог соединяет, чтобы разлучить. Жизнь живых, приятная Богу, доставит спасение и умершим несовершенным. Средства, указанные Св. Духом и употребляемые нами в память умерших, не напрасны, а помогут им освободиться от адских мук. «Как благоуханное миро, когда им помазуется больной, делает причастником благоухания и помазующего и помазуемого, - пишет св. Дамаскин, - так точно и благотворения живых за умерших спасают и тех и других. Будучи благим, Бог спасает Свое создание, спасет дело рук Своих, спасет богатого и бедного, спасет ученого и неученого, спасет господ и рабов, лишь бы только не отвергались веры во Иисуса Христа».

Тертуллиан в книге «О венце воина» говорит: «Мы творим приношение за умерших ежегодно в тот день, в который они скончались».

Священномученик Киприан, епископ Карфагенский, живший в III-м веке, повторяет, напоминает своей пастве правило св. отцов, ранее его живших. «Никто, умирая, не должен

назначать попечителем своего имения священника, как человека, обязанного исключительно служить Богу. Нарушивший это правило лишается молитв и жертв по исходу души из этой жизни, за отвлечение от алтаря священников и слуг Божьих». Следовательно, если в этом случае не бывает молитв об усопших, значит, они совершались и совершаются за других умерших, не нарушивших этого правила.

Евсевий пишет: «Весь народ вместе со священнослужителями, не без слез и глубоких воздыханий, возносил к Богу молитвы о душе царя и этим исполнил желание боголюбезного».

Св. Кирилл, архиепископ Иерусалимский в пятом тайноводственном поучении пишет: «Мы творим память прежде почивших: во-первых, Патриархов, пророков, апостолов, мучеников чтобы их молитвами и молениями Бог принял наши молитвы; потом молимся об умерших св. отцах и епископах; наконец о всех между нами скончавшихся, крепко веря тому, что это приносит великую пользу душам, за которых приносится молитва».

Об употреблении молитвы за умерших свидетельствует св. Амвросий Медиоланский и блаженный Августин. Первый молился и просил прощения грехов усопшему императору Феодосию, второй же в речи о благочестии и любви говорит: «Слушайте братья! не бедным одним надо являть милость во время жизни нашей, «постараемся оказывать ее и умершим, следуя тому, как поступил Иуда Маккавей; он сказал: святая мысль – творить моления за умерших, чтобы они от греха очистились. Ибо Иуда знал, что никто не мог хвалиться чистым сердцем, размыслившим, что и звезды не были чисты перед Богом. Ниспали ангелы с неба, не были чисты звезды, и тот младенец не без греха, которого жизнь на земле продолжается одни день. Что же скажем о себе? Неужели можем хвалиться чистым сердцем? Не выйдет! Потому что все мы грешны, во грехах зачаты и рождены, и жизнь греховную ведем, и в грехах, может быть простительных умираем. Итак всем нам, кому предстоит уйти из жизни, нужно милосердие. Хотя жестоко измождаем плоть нашу постами и воздержанием, хотя из любви к Христу стойко перенесем все бедствия, при всем том недостойны Его награды. Итак, нужно нам милосердие, поскольку нашими заслугами вечной жизни стяжать на можем. Хочешь ли, чтобы Бог был к тебе милостив? Будь сам к ближнему таковым. Итак, молись за умерших, чтоб и они, когда будут в блаженной жизни, молились за тебя».

Неужели могли делать неверные заключения те, которые ходили во время священнослужения по воздуху, что было с Василием Великим, которые воскрешали мертвых, которые врачевали все болезни душевные и телесные, которые одним словом делали чудеса? Они молились за умерших и сами, отходя от этой жизни, делали завещание молиться о них. Так св. Ефрем Сирин, всю жизнь проведший в покаянии и слезах и нам показавший пример приготовления к смерти, в своем предсмертном завещании просил молитв и поминовения по исходу души от тела, почитая несомненным, что священники Сына Божьего святыми жертвами и молитвами уст своих могут очищать грехи умерших. Умирая, он просил своих учеников совершать о нем поминовение в продолжении сорока дней. Свое завещание заключил такими словами: «благодействуются бо мертвые в приношениях воспоминания от живых святых и в памятях своих приношения чувствуют. Вас, братья мои возлюбленные, и весь церковный сонм слезно заклинаю разлучивших меня с вами Богом, когда стоите на молитве, поминайте и меня с собою. Прошу возлюбленных моих, заклинаю знающих меня: помолитесь обо мне с таким же сокрушением, с каким заклинаю вас». В другом месте он же пишет: «Нет пользы усопшему ни в слезах, ни в скорбях, ни в воплях наружных; ему сопутствуют дела его, деяния его сопровождают его, и только молитвы и милостыни идут с ним и сопровождают его».

Так и молитесь, молитесь и рано, и поздно, и днем и ночью, и ни одно воздыхание ваше от Господа не утаится!

По уверению св. Епифания, ничто так не полезно для умирающих, как воспоминание о них в молитвах.

Св. Димитрий Ростовский, в подкрепление нашей надежды доставить спасение умершим грешникам так пишет: «Совершая наши молитвы об упокоении душ лаженной памяти преставившихся рабов Божьих, мы, несомненно, надеемся, что принесенная за души их жертва, кровь и вода, пролитые от ребер Христовых, окропляет и очищает их, о них же приносится и о них же изливается. И если кровь Христова – однажды на крест пролитая, омыла грехи всего мира, то и ныне она, та самая, не должна ли наши грехи очистить; если тогда кровь Христова искупила множество душ от козней диавола: то и ныне она, та же самая, разве не может искупить прегрешения поминаемых душ? Если тогда страдание Христово оправдало столь многих: то и ныне Христово страдание, о котором помним, совершая божественные жертвы, не должно ли облегчить участь нами поминаемых? Веруем несомненно силе крови Христовой с водою от ребер Его истекшей, которая очищает, искупляет и оправдывает рабов Своих». И в другом месте этот святитель пишет: «Поминовение ходатайствует почившему прощение грехов, упокоение со Святыми и превожделенное лицезрение Бога». Св. Димитрий Ростовский апостольское слово «Поминайте наставников ваших» прямо относит к молитве за умерших наставников и сам пишет, что первыми наставниками человека являются его умершие родители, о которых и повелевает молиться непременно: «Поминайте наставников ваших, отца и матерь, которые первыми наставляют вас на путь истинный; и далее следуйте душу наставников, которые приобщили вас к слову Божьему…»

Заключение из всего сказанного: все святые учили и словом, и делом молиться о перешедших в вечную жизнь. Учили и, разумеется, как избранные сосуды Святаго Духа, не могли ошибаться в законности, необходимости и пользе молитв за отшедших от земной жизни. Православная Христова Церковь на земле с самого ее начала и до конца молилась и будет молиться о своих членах, находящихся за гробом. Она учила не только молиться о них, но и от имени их, или вместо них, или просто за них делать благотворения тем людям, которых Господь признает Своими меньшими братьями и при этом нашу благотворительность принимает на Себя: «Мне сотвористе!» Молитва, милостыня, приношение бескровной жертвы суть средства, изменяющие загробное состояние наших отцов, братьев и вообще всех близких нашему сердцу.

Все исчисленные средства, которым учили и о которых писали все св. отцы и учители Церкви, поскольку эти средства установлены Самим Богом, могут изменить на лучшее загробное состояние умерших христиан; и потому блаженны те мертвые, о которых на земле существует добрая память, выражающаяся в молитвах и вообще во всех делах благочестия живых; окаянны же те из умерших, по слову пророка, о которых на земле не творится память, со смертью которых прекращается и память о них.

Постановления Святых Соборов

Святой обычай молиться за умерших, существовавший в Ветхом Завете, был введен святыми апостолами и в Церкви Христовой. Апостол Иаков в своей литургии молился за умерших. Невозможно, чтобы эту истину не разделяли и все остальные апостолы. Учение

о молитве за умерших существовало в первенствующей Церкви и в первые века. В IV веке составители литургий, вселенские учители и церковные светила Василий Великий и Иоанн Златоуст на литургии три раза молятся за умерших. Молитва за умерших сделалась неотъемлемой принадлежностью божественной литургии и Шестой Вселенский Собор неизменно утверждает означенные литургии, следовательно, утверждает и молитвы за умерших (правило 32). Лаодикийский Собор правилом 28 запретил праздновать, совершать поминки, т.е. пить и есть в храмах. Означенным запрещением ясно свидетельствуется древность обычая поминовения умерших. Ведь не молитвы запретил этот Собор, но осуществляемые до того трапезы в храмах. Вот постановление Собора: «Не подобает в храмах Господних или в церквах совершати так именуемые трапезы любви и в доме Божьем есть и возлежание творить».

Тимофей, архиепископ Александрийский, бывший на Втором Вселенском Соборе одним из 108-ми отцов, делает постановление, согласное с мнением Второго Собора, чтобы не приносить бескровной жертвы за самоубийц. Из этого запрещения открывается как бы действующее ранее правило приносить бескровную жертву, а следовательно, и молиться за умерших по-христиански и употреблять все средства к успокоению души умершего. Вот что пишет этот святитель в своем 14-м правиле: «Если кто, будучи вне себя, подымет на себя руки, или свергнет себя с высоты, за такого должно ли быть приношение или нет? О таком священнослужитель должен рассудить, подлинно ли, будучи вне ума, содеял это; ибо часто близкие пострадавшего желая отслужить по нему молебен и сделать приношение за него, говорят неправду, утверждая, что он был вне себя. Может же быть, что сделал это от обиды человеческой, или по иному какому случаю от малодушия: но по нему не может быть приношения, потому что самоубийца. Поэтому священнослужитель должен весьма тщательно разобраться, как все произошло».

Насколько заботились первенствующие христиане о спасении душ, перешедших в загробный мир, уже доказывает и то, что некоторые неразумные ревнители клали в рот покойнику Св. Дары. Шестой Вселенский Собор запретил подобное причащение тела усопшего как несогласное со здравым разумом. Отлучаемые на некоторое время от Св. Причащение за определенные грехи – все же получали разрешение и допускались к причастию в случае опасной болезни, чтобы души их не отошли от этой жизни не разрешенными в своих грехах. Такая заботливость Церкви была высказана о одном из постановлений Первого Вселенского Собора в правиле 13-м. В постановлениях апостольских не только указывается на поминовение усопших, как на законное обыкновение молиться о том, чтобы Господь отпустил душам их всякий грех вольный и невольный, но и предписываются правила, как соблюдать это поминовение.

ДОСТОВЕРНЫЕ СЛУЧАИ ПРОЩЕНИЯ ГРЕХОВ УСОПШИМ

Свидетельства возможности испросить прощение грехов усопшим ходатайством живых, еще пребывающих на земле, находим в жизнеописаниях св. мужей и в благодатных откровениях. Были случаи, что и сами умершие грешники являлись живым и свидетельствовали о перемене своего загробного состояния. В жизнеописании св. Григория Двоеслова, епископа древнего Рима, находим подтверждение возможности испросить прощение грехов умершему. Однажды идя по дороге, св. Григорий вдруг остановился и начал молиться об оставлении грехов умершего уже царя Траяна. Скоро он услышал от Бога следующие слова: «Молитве твоей Я внял и Трояну дарую оставление грехов, но ты впредь не приноси Мне молитв за нечестивых». Об этом свидетельствуют восток и запад. Св. Григорий, называемый Двоесловом (Беседовником), сделался Папою в

596 году и умер в 604 году, следовательно, жил в VI и в начали VII века и был одним из великих мужей Римской Церкви. Его молитва за умерших свидетельствует, что в это время заупокойная молитва была общей на востоке и западе.

В той стране, где жил преподобный Венедикт в своем монастыре, были благородные две девицы. Они дали Богу обещание не выходить замуж, посвятить себя всецело Господу Иисусу Христу. Действительно, они были девственницами и великими постницами. Живя в своем доме, они не замечали, как их великие добродетели - пост и целомудрие – скрадывались ужасным злом – невоздержанием языка. В постоянном разговоре они впадали в осуждение, оклеветание, ложь и многие другие пороки, скрывающиеся во многословии. Узнав об этом, преп. Венедикт угрожал им отлучением от причащения Св. Даров. Отеческая мера святого не подействовала, и они по-прежнему продолжали свое злословие. Скоро обеих постигла смерть, и они были похоронены в церкви.

После погребения этих девиц некоторые из достойный заметили, что всякий раз во время обедни, коль скоро дьякон скажет: «оглашенные, изыдите!» - погребенные в церкви две девицы вставали из гробов и немедленно удалялись из церкви. Наконец, сказали об этом св. Венедикту. Угодник Божий, поняв причину праведного гнева Божьего, с прискорбным сердцем помолившись о них Богу, послал в ту церковь, где они были погребены, просфору, как приношение Богу об упокоении их. По принесении бескровной жертвы исхождение из гробов девиц прекратилось, что ясно послужило доказательством для всех, что молитва и приношение св. Венедикта, исходатайствовали прощение грехов и упокоение этим двум девицам.

В житии этого угодника приводится еще один факт, свидетельствующий, как много значит для умерших попечение живых об улучшении из загробной участи. Так, в монастыре, где жил преп. Венедикт, был один довольно молодой монах, который, по излишней любви к своим родителям почти ежедневно оставлял втайне монастырь, уходил без благословения начальника. И вот постигло, наконец, его наказание Божье. Придя по обыкновению в дом родительский, он умер скоропостижно. Дали знать об этом в монастырь, и братия похоронили умершего. Но что же? На другой день утром увидели тело покойника вынутым из гроба! Опять похоронили, и опять на другой день тело оказалось вне гроба. Тогда сказали обо всем св. Венедикту, и он велел принести за монаха бескровную жертву и, положив часть Св. Даров на грудь умершего, предать его земле. Действительно, после этого тело умершего уже не извергалось из гроба, что ясно свидетельствовало о привлечении к нему за гробом милости Божьей.

Все Богом установленные средства, как средства для спасения человека, выражающие единение, союз, отношение и общение еще пребывающих на земле с перешедшими в мир загробный и еще недостигшими святости, вместе с тем служат и верным признаком изменения к лучшему загробного состояния покойников по ходатайству о них живых, подвигнутых любовью к ушедшему и надеждой на Божье милосердие. Грешники получают прощение и освобождение из ада. Это догмат православия, это учение нашей Церкви.

«Просите и дастся вам; буди тебе, яко же хощеши». Это – обещание Самого Господа Иисуса Христа, следовательно, истина; и наше желание, как согласное с волею и желанием Иисуса Христа спасти человека, непременно исполнится, и умерший спасется. Иначе сердце молящегося не согрелось бы благодатью к ходатайству за умершего. Живой молится за умершего, потому что так угодно Богу. Если же ходатайство живого за умершего угодно Богу, то умерший будет спасен.

Тот же Бог един и всемогущ вчера, сегодня и во веки. Промысл Божий о спасении рода человеческого и Его любовь к человеку так же сильны, как и прежде. Если ныне не воскресают мертвые, чтобы побеседовать с живыми о спасении тех и других, то причину этого высказал Авраам в притче «О богаче и Лазаре»: «не поверят живые!..» (Лк. 16: 31). Однако явления мертвых живым во сне и в других видения были, есть и будут по воле Божьей. Вот, например, два случая, не подлежащие сомнению, два видения во сне мертвых живым.

Эти два благодатных откровения о спасении двух умерших грешников принадлежат недавнему, очень близкому к нам времени. Первое откровение свидетельство об освобождении от адских мук, в которых уже находился умерший грешник, и о даровании ему Царства Небесного вместе со всеми святыми через неусыпное ходатайство родителей умершего, второе же откровение свидетельствовало об испрошении прощения грехов умершему мужу ходатайством его жены-вдовы, на которой сбылись апостольские слова: «Неверующий муж освящается женою верующей» (1 Кор. 7: 19)

Выпишем содержание откровений из первоисточников. В журнале «Странник» за май 1862 года на странице 263, помещено откровение, сообщенное Святогорцу отцу Серафиму одним из схимников афонских. «Причиной моего поступления в монашество, - так начал свой рассказ схимник, - было видение во сне загробной участи грешников. После двухмесячной болезни я пришел в сильное изнеможение В этом состоянии я вижу двух юношей, вошедших ко мне; они взяли меня за руки и сказали: следуй за нами! Я, не чувствуя болезни, встал, оглянулся на свою постель и увидел, что тело мое лежало спокойно; тогда-то я понял, что оставил земную жизнь и должен явиться в загробный мир. В лице юношей я узнал Ангелов, с которыми и отправился. Мне показаны были огненные места мучений, я слышал там вопли страдальцев. Ангелы, показывая мне, за какой грех какое огненное место полагается, прибавили: «Если и ты не бросишь своих привычек к греховной жизни, то вот и твое место наказания!.. Вслед за тем один из Ангелов из пламени извлек одного человека, который был черен, как уголь, весь обгорел и был с ног до головы окован в цепи. Тогда оба Ангела приступили к страдальцу, сняли с него оковы и вместе с цепями мгновенно исчезла чернота, человек стал чист и светел, как Ангел; потом Ангелы облекли его в блестящее одеяние, подобное свету.

- Что значит это изменение человека? – решился я спросить Ангелов.

- Эта грешная душа, - отвечали Ангелы, - отлученная от Бога за свои грехи, должна была вечно гореть в этом пламени; между тем родители этой души много подавали милостыни, много делали поминовений при литургиях, отправляли панихиды, и вот ради родительского ходатайства и молитв Церкви Бог умилостивился, и грешной душе даровано совершенное прощение. Она избавлена от вечного мучения и теперь предстанет перед лицом своего Господа и будет радоваться со всеми Его Святыми.

Когда видение кончилось, я пришел к себе, и что же увидел? Вокруг меня стояли и плакали, готовя мое тело к погребению».

При «Описании знамений и исцелений в 1863 году от Святыни Афонской в России» приложено литографированное письмо, адресованное афонскому иеромонаху Арсению 21 декабря 1863 года, следующего содержания:

«Много скорбели мы, - начинает рясофорная монахиня Симбирского Спасского женского монастыря, мать Досифея, - о смерти нашего брата, князя М.Н. Чегодаева, последовавшей в 1861 году, в Самаре. И тем более печалились, что смерть его была внезапной без

покаяния и напутствования Святых Таинств. Но вот вижу сон, будто я и покойный мой брат идем вместе по прекрасной местности. Подходим к новому, как бы недавно построенному селу, при входе в которое стоит новый высокий деревянный крест, а при выходе из села высится чудесной красоты дом, также новый. Приблизившись к нему, брат с радостным видом сказал мне:

- Вот какое богатое село недавно купил я, и этой покупкой я очень и очень обязан моей жене Ташеньке; надобно написать к ней и поблагодарить ее за сделанную милость для меня.

Я же сказала ему:

- А мне можно, братец, войти в ваш чудесный дом и полюбоваться на него?

Он отвечал:

- Можно, пойдем и посмотрим, как в нем все хорошо.

Вдруг очутилась тут же и его жена, княгиня Татьяна Никифоровна, которую брат стало благодарить за все, что она сделала для него, кланялся ей до земли. Значение этого сна скоро объяснилось. Я получили письмо от Татьяны Никифоровны, в котором она меня извещала, что ей Господь помог устроить вечное поминовение по мужу, моему брату, во Святом Афоне, во время нахождения с Самаре Святыни Афонского из Русского Пантелеймонова монастыря».

Не видно ли в этих двух примерах точного исполнения слов Господа Иисуса Христа: «Если молитесь, то истинно говорю вам, все, что вы будете просить в молитве, верьте, что получите, и будет вам».

В журнале «Странник» за декабрь 1864 года на странице 125 повествуется о сновидении, свидетельствующем об улучшении загробной участи умершего. В одном селе скоропостижно умер старый дьячок. У него был сын чиновник. Нечаянная смерть отца поразила сына; загробная участь умершего не давала покоя доброму сыну почти в течение года. Узнав от знакомых, что в литургии самое важное время для поминовения умерших есть время пения: «Тебе поем, Тебе благословим…» в Духов день, печальный сын с особенным усердием молился Богу об упокоении своего отца, в это самое время находясь в Церкви. И что же? В ночь на вторник видит во сне своего отца, три раза кланяющегося ему до земли и при последнем поклоне говорящего «благодарю тебя, мой сын».

Церковь ветхозаветная, а равно и новозаветная учила, учит и будет учить о возможности спасения некоторых грешников, верующих во Христа Спасителя, принесших при смерти покаяние, но не успевших сотворить плодов покаяния, и об освобождении их от адских вечных мучений ходатайством Церкви и живых, знающих усопшего. Убежденная в истине, имея многочисленные подтверждения, Церковь несомненно верует, а потому и учит своих членов ходатайствовать перед Богом за переселившихся в загробную жизнь отцов, матерей, братьев, сестер, супругов, детей, друзей, знакомых и вообще, по закону любви, за всех тех христиан, которым обещано от Самого Господа отпущение грехов за гробом, т.е. скончавшимся в вере и надежде.

Ты, Господи, соединивший нас бессмертной любовью, не разлучающий нас и смертью и полагающий предел покаяния нам нашим исходом их этой временной жизни, требуешь молитвы живых за умерших, молитвы за их прегрешения. Веруем, Господи, что Ты даешь

просящему у Тебя; следовательно, по молитве пребывающих на земле за перешедших в загробный мир последним являешь Свою милость. Будем же помогать друг другу богоугодными делами, пока не наступил еще тот страшный час, когда уже помощь будет неуместна.

Истинная, благовременная помощь неизбежно производит благотворное следствие. Поэтому Иоанн Дамаскин пишет: «Будем помогать друг другу приносить жертвы братолюбия любящему братство, человеколюбивому и милосердствующему о душах Богу. Ибо Он приемлет их с великим благоволением за тех, которые преждевременно, и как бы приуготовившись, скончались. Человеколюбивый Господь хочет, чтобы мы молились Ему об этом и благоволит исполнять прошения Своих тварей, относящиеся к спасению, и особенно преклоняется не тогда, когда кто хлопочет только ради спасения собственной души, но когда это делает и ради ближнего. Ибо через это он восходит к богоподражанию, испрашивая даров для других, как милости для себя самого, исполняет меру совершенной любви, получает отсюда блаженство, и вместе с душой ближнего и, для собственной души делает превеликое добро» («Слово об усопших в вере»).

Далее он же пишет, что благость и милосердие Божье будут до судного страшного дня побеждать осуждение греха. Грех Богом осуждаем, но покаяние вызывает благость Божью. Нет греха, который бы покаянием не изгладился; но покаяние имеет для себя конечное время, после которого оно уже не существует. Блажен тот, кто трудится для своего спасения, но еще блаженнее тот, кто усердствует и за себя, и за ближнего. «Ибо это наиболее приятно и любезно милосердному Господу, чтобы каждый старался помогать ближнему. Этого желает милосердный Бог, чтобы каждый из нас благотворил другому и в жизни, и после смерти; ибо иначе Он не дал бы нам случая совершать воспоминание об усопших при бескровном жертвоприношении, а также творить поминовение в 3-й, 9-й, 40-й, годовой и другие дни, назначенные Церковью для особых молитвословий и об умерших…»

ЗНАЧЕНИЕ ЖИЗНИ ЖИВЫХ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ УМЕРШИХ

Этот век (Мф. 12: 32), о котором говорит Спаситель, есть вообще весь промежуток времени от Его земного рождения во плоти до второго славного Его пришествия с целью судить живых и мертвых. Таким образом, понятие «век» для всякого христианина, означает настоящую земную жизнь. Будущий же век (Мф. 12: 32), по слову Спасителя, означает то бесконечное пространство времени, ту вечность, в которую вступает всякий человек после смерти, за гробом. В строгом смысле, вечность есть безначальное и бесконечное пространство времени, как вечен Бог. Но для дел рук Божьих вечность имеет свое начало. С сотворением их открывается для них и вечность, и потому вечность для каждого человека начинается во чреве матери, с момента получения жизни. Следовательно, вечность для каждого человека составляет три периода: пребывание во чреве матери, нахождение на земле и, наконец, существование за гробом. Этот век, о котором говорит Спаситель, есть второй период вечности, а будущий век – третий период вечности.

В первом периоде человек принимает надлежащий вид, готовится бессознательно ко второму; во втором же сознательно готовится, подготавливает себя к третьему периоду – загробному существованию. «Ищите царства Божьего и правды Его» (Мф. 6: 33) – это заповедь Господа Иисуса Христа; но человек обязан искать царства Божьего и правды Его не только исключительно для себя, а равно для всех людей, для всех членов царства

Христова, пребывающих как на земле, так и за гробом. Это исполнение главнейшей заповеди о любви, служащей основанием всего закона.

Цель настоящей жизни – небо, соединение с Богом, блаженство вечное; вот назначение человека-христианина! «Любите друг друга, будьте милосердны друг к другу, как милосерден Отец ваш небесный», учит Богочеловек, и вот Святый Дух открывает видимые способы, средства, выражающие любовь и милосердие к ближним, не только на земле находящимся, но и к перешедшим за гроб. Правильное употребление этих средств дарует небо тем из наших умерших, которые сами не успели на земле достигнуть цели своей жизни, но к которым не относятся суровые слова Иисуса Христа: «не отпустится ни в этот век, ни в будущий» (Мф. 12: 32).

Все средства к испрошению прощения грехов умершему грешнику (как средства, открытые Самим Богом) уже служат доказательством возможности облегчения загробного состояния грешника, если только умерший будет их достоин, и если живые правильно их употребят. Как свидетельствует слово Божье: «Да просит с верою, нимало не сомневаясь» (Иак. 1:6), или «не всякий говорящий Мне: «Господи, Господи!» войдет в царство Небесное»» (Мф. 7: 21) Если бы Бог не желал спасти известных грешников, то не дал бы и средств. Если же дал средства, то не явное ли видим доказательство, что Он хочет их спасти? Итак, первое и главное средство к оказанию действительной помощи умершим есть этот век, настоящая наша собственная жизнь, основанная на истинной вере в Господа Иисуса Христа.

Сам Иисус Христос засвидетельствовал, что прощаются нам грехи посредством собственного раскаяния в них: здесь на земле, в этом веке. Из Его же слов видно, что прощаются грехи в будущем веке, за гробом, - грехи, не составляющие хулы на Духа Святаго, хотя за гробом уже нет покаяния для умерших, нет для них уже дел милосердия, нет молитв. Из этого следует заключить, что прощение грехов в загробной жизни бывает единственно по бесконечной благости Божьей, избравшей орудием их спасения молитвы Церкви и молитвы и дела милости, совершаемые живыми их родственниками, которые имеют заповедь: любить, молиться, умалять тяготы ближнего и искать Царства Божьего как себе, так равно и для ближних, где бы они ни были, на земле или за гробом, все равно. Значит, этот век, т.е. настоящая жизнь каждого из пребывающих еще на земле – дар Божий, талант, употребление которого должно составить пользу и себе и ближнему, послужить средством изменить загробное состояние некоторых грешников. Этот век, его значение для всего христианского мира, представлен Спасителем в притче «О богаче и Лазаре» (Лк. 16), где союз любви и взаимное соотношение миров – настоящего с загробным – выражают Авраам, Лазарь, несчастный богач в аду и его братья на земле. Этот век, продолжающийся до второго пришествия Христова, представляет союз и взаимное отношение между пребывающими на земле и перешедшими за гроб. На всемирном суде будут судиться только христиане, и для них-то этот промежуток времени, от частного суда до всеобщего, имеет особенное значение – показать на деле, что мы христиане, живем для Бога и для ближних, живем для неба.

Перешедшие за гроб, как праведник, так и грешник, после частного суда не получают еще окончательного воздаяния, которое предназначается получить полному человеку, т.е. после соединения души с телом, которое произойдет в момент воскрешения тел человеческих. Поэтому, по учению нашей Церкви, праведники находятся в состоянии преддверия блаженства, а грешники в состоянии преддверия мучения. Между грешниками в аду есть и такие, участь которых окончательно не решена и которые терпят в аду некоторое мучение, ибо успели только принести на земле покаяние, но не оправдать его делами. Тайна загробной жизни праведников и грешников до страшного дня судного

открывается Спасителем в этой притче. Внутренняя связь и взаимное соотношение загробного мира с настоящим продолжаются до всеобщего суда Христова. Все это высказал Сам Иисус Христос в притче «О богаче и Лазаре». Выпишем некоторые места преосвященнейшего Никифора, архиепископа Астраханского и Ставропольского, из его толкования этой притчи Спасителя: «Величайший праведник Авраам ведет краткий и исполненный любви и сострадания разговор с великим грешником-богачем, называя его чадом. Итак, праведники не негодуют на грешников и не ненавидят их, но соболезнуют их положению, скорбят о них. Следовательно, праведники, находящиеся в раю, видят и познают осужденных, равно как и мучимые видят и познают праведников, знаемых и незнаемых. Видение грешникам райского блаженства и его блаженных обителей имеет известную причину, ибо увеличивает страдания грешников: к мучениям ада присоединяются угрызения совести от видения славы праведников. Видение же праведниками ада и страдальцев его тоже, по всей вероятности, имеет причину: праведники, видя осужденных, скорбят, будучи милосердными и человеколюбивыми, и эта скорбь уменьшает совершенство радости, блаженства их. Причина этого видения: и праведники ходатайствуют и пекутся о спасении грешников. Это видение продолжится только до всеобщего воскресения, когда последует полное воздаяние тем и другим, совершенное блаженство и смерть, когда праведники уже никогда не увидят мучимых, и грешники – праведников».

Авраам говорит богачу: «хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят». Здесь ясно, что никто по своей воле не может перейти из рая в ад и из ада в рай; следовательно, наоборот: по воле Божьей возможен переход из ада в рай; Бог властен по какой-либо причине простить недостойному грехи и сделать его достойным Царства Небесного… Вот изображение Иисусом Христом загробного состояния праведников и грешников в это промежуточное время и значение настоящей жизни живых для улучшения загробной жизни некоторых грешников.

Этот век – промежуточное время между обоими пришествиями Христовыми, и настоящая жизнь каждого человека, следовательно, есть то время, в которое пришел Христос с целью спасти мир, а не судить его. Время судить – впереди, то будущий век, в который последует воскресение мертвых и окончательное последнее решение загробной участи каждого христианина. Участь загробная для христиан не решается окончательно при их смерти, т.е. при переходе в загробный мир. Будущий век еще не настал, а Агнец Божий, принимающий грехи мира, ежедневно закалывается на жертвенниках православных. Это всемирная жертва, принесенная на кресте, примирила человека с Богом; она же, приносимая ежедневно за живых и мертвых, преклоняет Всевышнего на милость к тем и другим грешникам.

Итак, на основании значения этого промежуточного времени, этого века, настоящей жизни, - Православная Церковь учит своих членов и сама молится с приношением бескровной жертвы о всех почивших православных христианах, произнося их имена, и вообще за всех. Итак, значение этого века – собственное спасение через подание помощи ко спасению ближнего, где бы он ни был – на земле или за гробом. Настоящая жизнь наша, несмотря на все скорби, которыми она переполняется, должна возбуждать в живых чувство величайшей благодарности к Богу за возможность испросить прощение грехов себе и умершему. Сколько радостей и удовольствий доставляет нам одно наше исполнение желаний любимого человека, несмотря на все препятствия и неудачи!

Желание угодить любимому лицу уже доставляет радостное чувство. Какую же неземную радость должно доставлять живому ходатайство об умершем, который некогда был предметом любви и уважения! И теперь еще стремление доставить умершему возможно

лучшую участь, утешить его, - не должно ли доставлять живому, как и прежде, удовольствие и духовное веселие? Все это бывает в настоящей жизни, в которой, несмотря на ее краткость, человеке может сделать многое. Златоуст пишет, что этим промежуточным временем выражается беспредельное милосердие Божье к роду человеческому и дана возможность согрешившим и неверующим омыть свои согрешения. Для того-то и отсрочен суд, чтобы доставить возможность спастись верующему человечеству. Сам Иисус Христос называет настоящую жизнь днем, в котором и должно делать дела, ибо, говорит Он, придет ночь (смерть), и тогда уже никто не сможет делать добрых дел. И апостол Павел называет нашу жизнь временем благоприятным, днем спасения, потому что это время назначено для того, чтоб приобрести спасение и себе, и ближнему, где бы он ни находился, на земле или уже за гробом, все равно. Определив значение настоящей жизни, апостол пишет и о ее содержании: «дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте, ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, который хочет, чтобы все люди спаслись» (Тим. 2: 2-4)

Не все христиане в одинаковой степени молятся о своих умерших; одни молятся, а другие нет, одни молятся истинною молитвою, соединенною с жизнью по вере, другие же молятся только на словах, а на деле показывают противное молитве; устами чтут Бога, а сердце их далече, как говорит слово Божье. Значит, поэтому не все молящиеся об умерших получают то, о чем просят, равно как не все умершие удостаиваются через чужие молитвы вечного спасения.

Поэтому истинные, действительные ходатаи и молящиеся об умерших суть орудия, Богом избранные, для оказания помощи известным умершим, достойным этой помощи живых. Вот что говорит св. Иоанн Дамаскин об избрании Богом живых для ходатайства за умерших, достойных этого: «По смерти таких Господь возбудить их родственников, ближних и друзей, направит мысли их, привлечет сердца и преклонит души их к оказанию им помощи». Разумеется, что для этого истинного ходатайства необходима настоящая жизнь. Назначение нашей жизни – подать руку ближнему и здесь, на земле, и в загробной жизни. Истинно чистосердечно любить ближнего естественно человеку, и эта любовь должна иметь основанием любовь к Богу. Без любви к Богу невозможно любить и ближнего. Истинно любя Бога, как учит апостол Павел (Евр. 10: 25-39), мы вполне можем надеяться, что за нашу к Нему любовь Бог сохранит и дорогих нашему сердцу, ибо не захочет оскорбить любящих Его.

ХОДАТАЙСТВО ПРЕБЫВЫЮЩИХ НА ЗЕМЛЕ О ПЕРЕШЕДШИХ В ЗАГРОБНЫЙ МИР

Все имеет свое обыкновение, причину; нет действия без причины. Если мы будем уверены, что не примут нашего приношения, что решительно откажут в просьбе, то станем ли просить? Нет! Это истина. Следовательно, наоборот: если уж просим, значит, имеем основание, позволение просить – «просите», и надежу в большей или меньшей мере получить просимое – «дастся вам». Преступник ожидает наказания за свое преступление; он знает, что невозможно совершенное прощение, а потому и не просит.

Дух человека, имеющий божественное происхождение и животворящий его, знает свое начало, а поэтому и обращается к нему. Это обращение человека к Верховному Существу проявляется на всех ступенях развития; значит, дух человека имеет в себе какое-то основание и просить свое Верховное Существо, и получить просимое. Евреи имели свое основание прошения – закон Самого Бога, а мы, христиане, утверждаем нашу надежду на

нашем Ходатае у Бога, Господе Иисусе Христе. На чем же утверждали свои надежды не знающие истинного Бога? И они не без основания приносили жертвы! Есть ли на земле хотя один народ, не имеющий божества, к которому не обращались бы ум и сердце его? Нет правила без исключения, в семье не без урода, и не удивительно, что среди человечества являются не знающие и не имеющие Бога! Не все здоровы; есть и больные.

Молитва за умерших есть одно из дел благотворительности и заключает в себе как бы две добродетели: молитва как служение Богу и плод молитвы – польза, которую получает умерший. Следовательно, молитва за умерших есть дело благочестия и дело милосердия. Сам Иисус Христос научил нас, что без Него не можем совершить никакой добродетели: «без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15: 5). Просить у Бога милости к себе и другим, как к живым, так и усопшим, есть естественное стремление духа человеческого, выражающее по преимуществу волю Божью.

Молитва, по учению апостола и Вселенской Церкви, есть действие Святаго Духа, пребывающего в человеке. Следовательно, если как мы сказали, умилостивление есть выражение воли Божьей, то при молитве за умерших Сам Дух Божий ходатайствует о нас.

Бог наш – Бог живых, а не мертвых; «аще живем, аще умираем, - Господни есми» и «пред Богом все – живы». Сила и действие молитвы благотворно простираются на души, о которых она возносится по воле Божьей, где бы эти души ни находились, на земле ли, или за гробом. Души эти суть члены одного великого дома, как члены одного тела духовного, имеющие потому одну и ту же природу, одни законы, одну цель бытия, а потому они естественно принимают живое участие в состоянии друг друга. Возможность же и образ благотворного действия наших молитв за умерших прекрасно изъясняет св. Ефрем Сирин в своем завещании, говоря, что умершие имеют такое же сочувствие с живущими, в то время, когда они за них молятся, - какое есть в природе между плодами. Так, когда отцветает виноград на поле, тогда вино, находящееся в домах, приходит в движение; когда некоторые огородные овощи, посаженные в землю прозябают, тогда эти же овощи, находящиеся в домах, пускают отростки.

Брать на себя тяготы друг друга означает принимать живое участие в состоянии ближнего. Так же как Сам Господь принял живейшее участие в нас, грешных, и приняв на Себя всю нашу греховность, являлся перед Своим Небесным Отцом, как бы Сам виновным во всем и омыл грехи наши Своей кровью и смертью, - так и мы, если Господь принял участие в нас, можем ли не принимать участия в ближних наших, не просить для них спасения? Можем ли не жертвовать для них всем, чем только в силах?

Сила молитвы непостижима для ума человеческого. Молящемуся – все возможно. История Церкви ветхозаветной и новозаветной представляет нам чудеса молитвы. «Молитва, как пишет св. Димитрий Ростовский, есть ключ к сокровищам небесным». «Нет такой вещи, - как говорит один св. отец, - которой невозможно бы было испросить молитвою у Бога, только просимое было бы благо и испрашиваемо, как должно». Грехи наши – главная причина, отчего молитвы наши не достигают цели. Молитву следует возносить, сокрушаясь и раскаиваясь во грехах. Господь внимал усердным молитвам и грешников, но только тогда, когда они молились с покаянием и сердечным сокрушением о грехах своих.

Первейшая из всех добродетелей есть любовь к Богу и ближнему, в ней заключается исполнение всего закона. Бог есть любовь и требует от Своего создания – человека, чтобы он пребывал в нелицемерной любви со своими ближними: «любите друг друга… пребывающий в любви – пребывает в Боге» (1 Ин. 4: 16)

Человек сотворен для вечности, и божественное чувство любви не может быть временным – любовь не умирает.

Пребывающий в Боге пребывает в любви. Любовь выражается видимыми знаками. Молитва – выражение, и притом истинное выражение, чистой христианской любви. Молитва должна быть проникнута любовью, верою и надеждою, которая, по уверению апостола Павла, не посрамит, не обманет; и твердо надеющийся на Бога приемлет просимое через Господа Иисуса Христа, единого верного нашего Ходатая: «о чем помолимся Богу, то сотворит». Чтобы Бог услышал нашу молитву, по свидетельству пророка и боговидца Моисея, надобно пребывать в страхе Божьем. Чтобы наша молитва была действительна, необходимы: 1)глубокая вера в Бога, 2) благочестивая жизнь и 3) благоговение, усердие и смирение в самой молитве. Некто из старцев говорил: чтобы наша молитва долетела к Богу, то дай ей два крыла – пост и милостыню.

Со стороны Бога сделано все для нашего спасения. Одна благодать ничего не сделает для нас, без нашего участия в деле нашего спасения. Господь Иисус Христос говорил, что Бог не хочет смерти грешника, а желает его спасти, и для спасения требует и нашего участия, говоря: «просите и дастся вам; ищите прежде всего царства Божьего и обретете». Самолюбие у учеников Христовых, Его последователей, не существует. Желание чего-либо себе есть вместе с тем и желание того же и для всех членов тела Христова. Следовательно, «ищите царства Божьего не для себя только, а для всех членов Моей Церкви», которую составляют еще пребывающие на земле, а равно и перешедшие в загробный мир в вере и надежде воскресения. Кто верует, тот и молится; неверующему некогда и не о чем молиться. Молитва есть плод веры.

Господь Иисус Христос нас научил, показав на деле, что мертвых, в собственном смысле этого слова, нет, что и за гробом живут. В основание христианской жизни положена любовь, которую и велено выражать на самом деле не только словами, но и делами. Апостолы показали и дела, выражающие любовь: молитву за членов Церкви Христовой и принятие тягот ближнего.

Православная Церковь молится обо всем мире, обо всех людях, как о живых, так и об умерших православных, в вере и надежде перешедших в загробный мир. Довольно только веровать в Бога, чтобы убедиться в истине заупокойной молитвы. Если забуду умершего, то чем же докажу, что любил его, когда он был на земле со мною? Если по истине любил живого, то могу ли не любить его и умершего? Это было бы не согласно со здравым рассудком.

Умилостивлять прогневанное божество свойственно всему человечеству во все времена. Вера Христова требует от христиан такого же умилостивления, ходатайства перед Богом через Христа как за самого себя, так и за всех членов Церкви. Церковь учит, что по смерти нет покаяния, нет уже средств самому умершему улучшить свое состояние; только живые в этом случае, по данной от Господа благодати, могут помогать умершим молитвою. Если так велик подвиг добродетели – поддержать и спасти настоящую жизнь ближнего, то как велика другая добродетель – доставить ближнему вечную блаженную жизнь, вывести душу из ада, спасти возлюбленного Самим Господом?

Друг познается в нужде, а можно ли представить себе такую нужду для души, которая была бы выше загробной нужды для грешной, несовершенной души? Вот в какое высокое значение ставит себя молящийся за умерших перед Богом.

Погребать тела умерших – добродетель, удел всего человечества. В христианстве же эта добродетель требует и подобающей чести, как храму Святаго Духа. Итак, погребение тел – общее обыкновение всего человечества, а молитва за умерших – дело знающих истинного Бога, источника любви и жизни. Мы не знаем, кто прав, кто виноват перед Богом. И знать не можем; это знает только один Бог. Нам известно одно: что все люди – грешны; «нет человека, который жив будет и не согрешит», свидетельствует слово Божие; «Кто родится чистым от нечистого? Ни один» (Иов. 14: 4) Знаем, что все во грехах зачинаемся, рождаемся, живем и, несовершенно очистившись от них, переходим в другой мир. Остается одно со стороны живых – исполнение повеленного; любовь ко всем и молитва за всех. Сам Податель жизни и оставления грехов сказал: «просите и дастся вам; не хочу смерти грешника!» Сам научил нас молиться об этом предмете так: «и остави нам долги наши!»… Молитва, данная Самим Господом, служит основанием и заупокойной молитвы, в которой прямо просится оставление грехов почившему. Тождество значения слов: «и остави нам долги наши» с содержанием молитвы за умерших дает на право заключить, что последняя имеет свое основание в молитве Господней. Далее, «нам», т.е. членам Церкви Христовой. А где эти члены? И на земле и за гробом. «О имени Иисусове всяко колено поклонятся небесных, земных и преисподних»(Фил 2: 10); если поклоняются, то истинное поклонение Богу всегда бывает при полной любви к ближнему и даже ко врагам. Если так, то небесные молятся о преисподних и земных, земные же молятся небесным и молятся о преисподних. Все небесные, земные, как и преисподние молятся общему Богу, взывая к Нему через Иисуса Христа: «Отче наш!» Тотчас за преподанием Своим ученикам этой молитвы, Иисус Христос сделал такое утешительное заключение: «истинно, истинно говорю вам, все, чего только ни попросите у Бога в молитвах с верою во имя Мое, получите».

Молитва за умерших есть догмат православной веры.

ЦЕРКОВЬ И ЕЕ ХОДАТАЙСТВО

Учение нашей Св. Православной Церкви о загробной жизни, о неразрывном внутреннем духовном союзе и взаимном соотношении между живыми и усопшими, о видимом выражении этого союза – все это составляет один из догматов православия.

Любить своих умерших, т.е. перешедших в загробный мир, хоронить, т.е. сберегать, хранить тела их и, наконец, ходатайствовать за них перед Богом, - суть понятия, присущие всему человечеству всех времен и мест: понятия, общие всему роду человеческому. Но выражение их в видимых формах любви, похорон и ходатайств – у разных народов в разные времена были не одинаковы, различны, не общие для всех людей. Правила опытных св. мужей Товита и Иисуса сына Сирахова, указывающие на поминовение усопших, сохранились в Церкви ветхозаветной и были известны в то время, когда сошел на землю Спаситель для спасения рода человеческого и для устроения Своей Церкви. Хотя в делах и словах Спасителя не находим прямого подтверждения обязанности поминать усопших, но вместе с тем и не видим действий, противоречащих этому обычаю, как было, например, с понятием о субботе. Учение Спасителя о субботе противоречило, по-видимому, древнему обычаю; а древнее поминовение получило новый характер. Суббота и поминовение умерших должны характеризовать себя делами милости, делами, приближающими человека к Богу.

Если бы поминовение умерших было излишне, то не преминул бы Спаситель при каком-нибудь случае сказать: «заблуждаетесь! не знаете, чего просите!», но при схожих

обстоятельствах только сказал живому, просящему прежде похоронить отца, а потом уже идти за Ним: «за Мною следуй и возвещай царство Божье; Я есть жизнь и воскресение». Св. апостолы, ближайшие ученики Христовы, сами молились за усопших и собственным примером научили других соблюдать этот непременный долг по отношению к умершим. Так апостол и брат Божий по плоти св. Иаков, первый епископ Иерусалимский, св. Василий Великий и св. Иоанн Златоуст в своих литургиях молились за умерших и нам оставили свою молитву, св. Дионисий Ареопагит свидетельствует, что и по кончине апостолов молитвенное поминовение усопших было в церковном и частном употреблении.

Если молитва любого из православных есть выражение воли Божьей, то какова же будет сила молитвы всей Церкви, всех членов дома об одном и том же предмете? Вот пример молитвы Церкви, благотворно действующих на душу: св. апостол Петр, по молитве Церкви, накануне своего осуждения, в ночь, изведен был Ангелом из темницы, никем невидимый; оковы распались, и стража, около него находившаяся, ничего не слыхала (Деян. 12). Следовательно, естественно заключить, что молитва равно благотворно должна действовать и на души, за гробом пребывающие.

Церковь молилась, молится и будет молиться за усопших до второго пришествия на землю Господа.

Особенно же важно то, что догмат этот (поминовение усопших) в Православной Церкви тесно соединен с литургиями св. Василия Великого и св. Иоанна Златоуста, на которых умершие вспоминаются три раза: 1) на проскомидии, 2) по прочтении Св. Евангелия, - возвещающего радостную всем предстоящую весть о спасении всех верующих во Христа и об отпущении грехов всем через Христа, - тотчас дьяконом или священником возглашается сугубая ектения, в десятом прочтении которой Церковь воссылает к Богу молитву об усопших так: «Молим Господа за православных патриархов, благочестивых царей и благоверных цариц», в свидетельство единства и общения всей Церкви. Это прошение читается в литургийной ектении, равно как и о всех умерших ближних наших: как тех, которые погребены недалеко от нас, так и о всех умерших, где бы они ни были похоронены. А при других богослужениях произносится прошение только о строителях храма, которых Церковь называет истинно счастливыми достойными вечного памятования, и об отцах и братьях наших. После сугубой ектении тотчас же произносится ектения собственно за одних умерших и, наконец 3) Церковь молится за умерших после освящения Св. Даров. На вечернем богослужении Церковь тоже молится об умерших, выражая молитвою единение, союз, отношение и общение с ними. Утреннее богослужение также не остается без моления за перешедших в загробный мир.

Церковь указывает своим членам и дни, в которые особенно благовременно поминовение умерших, это – 3й, 9й, 40й и годичный дни по смерти ее члена. Святитель Димитрий Ростовский пишет: «Молитва церковная и приношение бескровной жертвы ходатайствуют и умоляют преблагого Бога об усопшем» (Его Слово на Погребение Грибоедова, ч. 5, стр. 110).

Цель поминовения – исходатайствовать прощение грехов усопшему, и царство вечное, как заповедано Самим Спасителем: «Искать царства Божьего и правды Его прежде всего». Одно только средство спасения нашего, как живых, так и усопших – Иисус Христос и Его крестная жертва, за нас принесенная. Кровь Его очищает грехи наши и, следовательно, доставляет жизнь вечную. Без Христа нет спасения; только «верующий в Него (как живой, так уже и почивший) жив будет во веки» (Ин. 6: 47)

Литургия

Если молитва одного человека – Моисея – о помиловании целого народа была так сильна, то что же можно сказать о молитве всей Церкви – всех верующих во Христа, и притом такой молитве, которая сопровождается самым могущественнейшим средством очищения грехов – бескровною жертвою, приносимою за грехи всех, следовательно, и за умерших, так как и они члены Церкви Христовой?

Пребывающие на земле и отошедшие в загробный мир, если веруют в Христа, Его же Самого и имеют ходатаем за себя перед Богом. По свидетельству апостола Павла: «Един Бог, един и Посредник между Богом и человеком, Человек Христос Иисус» (1 Тим. 2: 5). Он Ходатай перед Богом за всех Ему верных; Он - Жертва и Священник (Евр. 7: 17). Его бесценная кровь, пролитая за грешных, неумолчно взывает к Богу-Отцу и Судье о помиловании. Всякая наша молитва к Богу, следовательно, и молитва за ближних умерших, не находящихся в смертных грехах, может быть сильна и действенна только тогда, когда возносится во имя Господа Иисуса (Ин. 14: 14). Он примирил нас с Богом и искупил от всякого греха, когда принес Ему умилостивительную жертву на кресте Самого Себя – собственное тело и собственную кровь (Евр. 9: 14 и 26; 10: 10). В таинстве евхаристии до сих пор приносится Богу та же самая умилостивительная жертва; преломляется (Ин. 6: 51) честное тело нашего Искупителя за жизнь мира и проливается та же самая честная кровь Его во оставление грехов (Мф. 26: 26-28; Лк. 22: 19 и 20). Следовательно, наша молитва, как за живых, так равно и за умерших, бывает особенно сильна, действенна и благотворна тогда, когда соединяется с приношением на них бескровной жертвы.

Сила бескровной жертвы, которую может приносить священнослужитель по просьбе каждого христианина о его умерших, очищает грехи тех, кто умер с покаянием, в вере и надежде воскресения и будущей, вечной жизни.

По учению св. отцов и учителей Церкви, самым сильным средством умилостивлять Бога для изменения к лучшему загробной участи умершего служит бескровная жертва, приносимая об упокоении.

Очищению грехов находящихся в аде душ, а следовательно, и освобождению их от мучений, преимущественно способствует совершение божественной литургии. На литургии, через погружение частиц хлеба в таинственную Христову кровь, смываются грехи поминаемых живых и мертвых; очищаются такой кровью, которая, как говорит апостол, «очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному» (Евр. 9: 14). В литургии, этом величайшем священнодействии, Сам Иисус Христос есть священник и жертва (Евр. 7: 17 и 27), или, по выражению Василия Великого и Иоанна Златоуста, есть «Приносящий и Приносимый», или, по учению апостола Иоанна, есть «ходатай пред Отцем» «за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира» (1 Ин. 2: 1-2). Златоуст пишет: «При такой великой и могущественной жертве, как возможно не умилостивить Бога об умерших, когда жертву эту, в лице священнодействующего, приносит Сам Христос?»

Посмотрим вкратце на те места в божественной литургии, в которых явственно видно ходатайство Церкви об умерших. Священнослужитель носит образ Иисуса Христа, молящегося за людей и приносящего Богу умилостивительную жертву за грехи их. Во время проскомидии, первой части божественной литургии, при чтении часов, священнодействующий вспоминает всю Церковь (изображенную на дискосе частицам просфор 3й, 4й и 5й), прославляет Святых, прославленных, и молится о живых и умерших.

Среди дискоса возлагается часть, изъятая из 1й просфоры в воспоминание Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, изображающая собою Спасителя, как Агнца Божьего, закланного за грехи мира. Кругом Агнца, как окрест Искупителя, Главы и Царя своего, собирается вся Его Церковь. Христос – наше оправдание; Его заслуги ходатайствуют за нас перед Отцом небесным; Он живая плодоносная лоза, а мы ветви, через веру и Св. Крещение привитые к этой ложе благодатью Святаго Духа. С того дня, как через таинство Св. Крещения соединились мы с Христом, все мы, верующие в Него, стали членами и одного тела Христова; у всех, как членов этого тела, одна глава – Христос, у всех одна сила жизни – Дух Христов. Этот Дух невидимо объемлет и проникает все Тело Церкви и все члены Ее, поскольку те пребывают в союзе с Нею, и действует в каждом члене по мере его приемлемости, т.е. по мере готовности следовать водительству спасительной благодати.

Одесную Его полагается часть 2й просфоры, которой изображается Царица Богородица. С левой стороны Агнца, подобно девяти чинам ангельским, предстоящим Господу, девятью частями 3й просфоры представляются 9 чинов св. человеков.

Ниже, в двух рядах, частями 4й и 5й просфор, изображаются еще не достигшие полного совершенства и единения с Господом живущие и умершие в православной вере. Представительные части членов Церкви взимаются не для нашего причащения, но в знамение общения их с Господом и между собой. Эти частицы не составляют очистительной жертвы душам, за которых они принесены. Очистительная жертва для душ есть тело и кровь Богочеловека Иисуса Христа, принесенная на кресте и ныне приносимая на Престоле под видом хлеба и вина во очищение грехов всего мира.

Частицы изображают собой тех людей, ради которых принесены, и потому они не освящаются в тело Господне и в приобщение людям не преподаются. Частицы эти приносятся Церковью для того, чтобы посредством их лица, о котором они возносятся, получили благодать, освящение и отпущение грехов от приносимой на Престоле всемирной очистительной жертвы: ибо частицы, возлежа близ пречистого тела Господня и будучи внесены в потир, пропитываются растворением крови Его, и тогда души, ради которых жертвы бывают вознесены, наполняются благодатью Святыни и дарований духовных. Частицы полагаются, в потире для того, чтобы напоились Божественным растворением и благодаря этому: 1) святые получили бы ближайшее с Богом соединение, а потому и большую славу и радость на небесах; 2) живые же и мертвые, омывшись этой пречистой кровью Сына Божьего, получили бы оставление грехов и наследовали жизнь вечную, что показывают и слова, при этом случае произносимые: «Омый, Господи, грехи, поминавшихся здесь, кровью Твоей честной».

После совершения второй части литургии, называемой литургией оглашенных, когда уже на Св. Престоле присутствует Сам Господь Иисус Христос Своим телом и кровью, - тогда Церковь тайно на Престоле Присущему представляет всех членов своих, как пришедших Царю: «Ибо Христос для того и умер, и воскрес, и ожил, чтобы владычествовать и над мертвыми и над живыми» (Рим. 14: 9).

Церковь представляет, во-первых, святых, воспоминает их и благодарит Бога за них, как достигших совершенства и блаженного единения с Богом и составляющих красоту и величие Церкви. Церковь благодарно воспоминает и прославляет втайне, а всенародно благодарит: «Изрядно о Пресвятой»…

Во-вторых, умерших в надежде воскресения. Церковь молитвенно втайне представляет их и просит Господа, чтобы Он помянул их, простил им грехи и упокоил в месте светлом, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания. Так, например, во время пения «Достойно есть, яко воистину» священник молит Бога о прощении грехов всем умершим в вере и надежде на милосердие Божье. Святые Дары для умерших составляют умилостивительную и ходатайственную жертву.

В-третьих, живущих на земле Церковь представляет Господу, Присущему на Престоле в таинстве тела и крови: иных втайне, а других всенародно, начиная молитвою о лицах Царского Дома и продолжая: «в первых помяни… и всех и всяк, т.е. мужей и жен».

Как приближенные к царю и пришедшие к нему обыкновенно награждаются радостным общением с ним, так члены Церкви, молитвенно представленные Царю Христу, приемлют радостное, благодатное общение или причащение уготованной трапезе тела и крови Его.

После причащения в сосуд тела и крови Христовой вкладываются части просфор, представляющие святых, живущих и умерших. И, таким образом, приобщаясь к телу и крови Иисуса Христа, все члены Церкви таинственно соединяются в Нем, как в Ходатае перед Богом за людей.

О том, что божественная литургия есть первое и главнейшее средство к очищению грехов умерших грешников, находящихся в аде, свидетельствуют все св. отцы, учители и писатели церковные.

Из слов св. Прокла видно, что литургия не сочинена этими великими мужами (Василием Великим и Иоанном Златоустом в IV веке), но наследует те же самые божественные вечери, которые, по примеру первой Тайной Вечери, были совершаемы апостолами и их ближайшими приемниками. Василий Великий и Иоанн Златоуст представили божественную литургию в таком совершенном виде, что после них самые богомудрые и богопросвещенные мужи не нашли ничего подлежащего какому-либо изменению. Явный признак, что их действиями руководил не обыкновенный человеческий разум, а тот великий Ум, который где наложит Свою печать, то уже там всем умам и разумам человеческим делать нечего! Поэтому название «божественная литургия», кроме обозначения самого таинства, принадлежит ей по смыслу от первого и до последнего слова. Она вся божественная в существе и во внешнем составе.

Самые первые христиане учились на примерах апостолов, делая приношения (на проскомидию) от имени живых, родные и близкие сотворяли разные приношения и от лиц умерших, и имена их провозглашались так же, как и живых. С самого начала христианских обществ в приношении даров и в бескровной жертве участвовали все члены Церкви – живые и умершие. Живые участвовали и телом и духом, а умершие только духом.

Бескровная жертва, приносимая за умершего, ходатайствует и умоляет преблагого Бога, как пишет об этом святитель Димитрий Ростовский (Его Слово на погребение Грибоедова, ч.5, стр. 110). Литургия за умерших – самое сильное и действенное средство к испрошению усопшим милости Божьей. Можно ли ожидать прощения и отрады преступнику, если ходатайствует Сам Сын Царев? С несомненной надеждой и упованием надобно ожидать, что всем усопшим отцам, братьям и сестрам нашим о Господе, за которых приносится бескровная жертва, этим самым приношением заглаживаются грехи, и они получают возможность переходить в лучшее состояние.

«Мы веруем, - пишут в своем Исповедании Православной Веры Восточные Патриархи (Член. 17), - что бескровная жертва есть истинная, умилостивительная жертва, приносимая за всех благочестно живущих и умерших и, как сказано в молитвах таинства этого, передана Церкви апостолами, по повелению Господню – за спасение всех».

Св. Иоанн Милостивый, Патриарх Александрийский, сам часто заботясь о больных, сидел при умирающих, помогая своими молитвами исходу души. По умершим часто сам совершал божественную литургию, говоря, что «божественная литургия, совершаемая по умершим, очень помогает душам», - в подтверждение чего всегда рассказывал происшествие, бывшее на Кипре.

Блаженный Симеон, митрополит Фессалоникийский, в своем толковании на литургию пишет, что «частицы приносят многоразличную пользу тем, за которых возносимы бывают, о том до нас простирается предание древних отцов. Ибо частицы при священнодействии представляют собою те самые лица, именем которых они вынимаются и за которых приносятся в жертву Богу». Это подтверждается словами священника во время проскомидии: «Приими, Господи, жертву эту в пренебесный Твой жертвенник»

ДНИ ПОМИНОВЕНИЯ УСОПШИХ

Родительские дни или субботы

В Христовой Церкви каждый день поминается один или несколько святых. Кроме того, каждый день недели приурочен к особому воспоминанию; так суббота посвящена памяти всех святых и умерших. Молясь об усопших ежедневно при каждом богослужении, Церковь требует и от своих членов, чтобы они не забывали ушедших, молились сколь возможно чаще и усерднее; но особенно усиленных молитв за усопших требует Церковь в субботы, как во дни нарочито посвященные воспоминанию всех святых и всех усопших. Суббота – слово еврейское и означает: покой, отдых. Христианская Православная Церковь посвящает день этот памяти всех перешедших от земли в загробный мир, памяти совершенных (святых) и несовершенных, участь которых еще окончательно не решена. Церковь просит для них у Бога вечного покоя, отдыха после многоскорбной земной жизни; и как суббота, по самой заповеди Божьей, была назначена для Бога после шестидневных трудов, так точно да будет и загробная жизнь для перешедших в нее субботою вечною, жизнью для Бога, днем покоя и радости для поработавших на земле ради своего Господа. Кроме ежедневных молитв и субботы, есть еще в году дни, преимущественно посвященные для молитв за усопших. В эти дни вся Церковь, т.е. все верующие, принимают особенно живое участие в состоянии почивших.

Эти дни, субботы, называются родительскими, и разделяются на субботы вселенские, общие и дни поминовения частные или местные.

Вселенских суббот пять: мясопустная, Троицкая и субботы 2й, 3й и 4й недели Великого Поста. Они ведут свое начало от апостольских времен. Древние христиане в эти дни собирались на кладбищах, что делается для поминовения усопших и ныне.

Частных родительских дней три: 1) понедельник или вторник Фоминой недели, т.е. второй недели после Пасхи, 2) 29 августа (по старому стилю или 11 сентября по новому – ред. golden-ship), день усекновения главы св. Иоанна Предтечи Господня и 3) Димитриева суббота, или суббота перед 26 октября, в которое совершается память св. Великомученика

Димитрия. В эти два последние дня Церковь преимущественно молится об упокоении православных воинов и о всех, за веру и отечество положивших свою жизнь.

Мясопустная родительская вселенская суббота

Не всем судил Бог одинаково отойти от земной жизни. Различные обстоятельства сопровождают смерть каждого человека. Не всем удается умереть дома, среди семейства, друзей, с напутствием священника, с причащением тела и крови Христовых. Сколько непредвиденных, внезапных смертей подстерегают человека! Сколько утонуло в море, сколько сгорело в огне, сколько пропало совершенно неизвестно где, заблудилось в лесах, горах, пустынях, сколько людей сделалось жертвою голода, холода, хищных зверей! А эпидемии, войны, злые люди – как часто похищают людей с лица земли! У всех ли несчастно умерших остается на земле кто-либо, чтобы мог молиться о них? И, наконец, все ли из оставшихся знают важность для умерших молитвы, да притом и все ли живущие имеют одинаковые средства помогать умершим?..

Вот причины, которые понудили св. отцов, на основании предания св. апостолов, молиться за умерших кроме каждонедельной субботы, посвященной памяти всех святых и усопших, и в другие дни в году, назначенные единственно для соборной молитвы за всех умерших, не чуждых веры во Христа. Первый из таких родительских вселенских дней есть мясопустная суббота. Почему же именно для этого избрана эта суббота, а не другой какой-либо день недели?

Ответ на это находим, во-первых, в значении этого дня, дня покоя, и во-вторых, в значении дня следующего за субботой, т.е. в воскресном дне мясопустной недели, в который Св. Церковь совершает напоминание о втором пришествии Христовом и о Страшном суде. А так как живые имеют нужду на Страшном суде в милости Божьей, то и предваряют это день своею милостью к умершим. Чтобы показать, что мы все находимся в теснейшем союзе любви со всеми членами царства Христова, со святыми и с умершими несовершенными и со всеми еще пребывающими на земле, мы постимся. В этот день, как в последний день мира, Церковь приглашает своих членов на общую молитву о всех умерших в вере, от Адама до текущего дня, и каждый из присутствующих молится не только о своих родных и близких сердцу, но и о всех вообще христианах, скончавшихся в истинной вере. Вот причина и цель установления этого родительского вселенского дня, этой субботы последней недели перед сырной (масляной) неделей или просто – мясопустного неделей, в которую уже не позволено употреблять в пищу мясо. Субботы мясопустная и Троицкая по преимуществу называются вселенскими.

Установление этой вселенной родительской субботы относится ко времени первенствующей Церкви Христовой. Об этом ясно свидетельствует синаксар, положенный в эту субботу, и подтверждаемый уставом Св. Церкви, изложенным в V веке от преп. Саввы освященного. Сохранилось письменное свидетельство IV века про обыкновение древних христиан стекаться в определенные дни на кладбища для поминовения умерших.

Троицкая родительская вселенская суббота

Так как дело религии, Церкви, таинств – спасение людей, то Церковь непрестанно и молится о своих членах, где бы они ни были – на земле или за гробом. Троицкая родительская вселенская суббота по установлению современна первой родительской вселенной субботе – мясопустной. Как перед последним днем мира (мясопустная суббота) Церковь ходатайствовала о своих несовершенных членах, находящихся в загробном мире,

так точно и теперь, накануне Троицына дня в субботу называемую потому Троицкою субботою и символизирующую первый день открывшегося во всей силе царства Христова, Церковь приносит молитвы о людских невежествах и вместе с тем и о душах прежде усопших рабов Божиих, и просит упокоить их в месте их пребывания. «Яко не мертвые восхвалят Тя, Господи, ниже сущий во аде споведание дерзнут принести Тебе; но мы, живые, благословим Тя и молим, и жертвы приносим Тебе о душах их» (молитва вечерн. в Троицын день).

Установление этой субботы находят в словах апостола Петра, произнесенных им в день Пятидесятницы, где апостол говорит о воскресшем Спасителе: «Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти» (Деян. 2: 24) проповедали иудеям и язычниками о Иисусе Христе, Сыне Божием, Судье живых и мертвых (книга 5: 12)

Родительские вселенские субботы 2й, 3й и 4й недели Великого Поста.

Причина установления этих суббот заключается вот в чем. Если по учению св. апостола Павла, без любви ничто не может свершиться, то, значит, и самый подвиг поста, если не будет сопровождаться истинною взаимною любовью, потеряет свое значение, и постящиеся не достигнут цели, добродетель потеряет свою благодатность. Потому Церковь и заботится, чтобы между всеми ее членами были мир и любовь. Перед вступлением в подвиг поста Церковь пригласила всех своих членов, живущих на земле, показать на самом деле, что они состоят в неразрывном союзе любви и в общении с членами ее, пребывающими в загробном мире – со святыми и несовершенными усопшими. Так точно и теперь, при продолжении этого подвига поста, и для показания, что мы не отступаем нисколько от заповеди Основателя нашей Церкви Иисуса Христа «любить друг друга», Церковь приглашает своих членов ко всеобщему молению об умерших, избрав субботы 2й, 3й и 4й недели. Итак, основание учреждения этих суббот – любовь. Другая причина их установления та, что в эти дни поста, кроме суббот и воскресений, нет литургий, и умершие как бы лишаются тех благ, которые им доставляет поминовение при литургии. А потому, восполняя отсутствие литургии, Церковь установила особенное молитвенное об умерших в субботы 2й, 3й и 4й недели. Прочие же субботы Великого Поста, посвященные особым воспоминаниям, не имеют уже названия родительских, и в них поминовение умерших производится в обыкновенном порядке.

Родительский день – Фомин вторник

Поминовение умерших, совершаемое ежедневно Церковью, в недели Страстную и Светлую отменяется, кроме литургии. На литургиях оно производится, как и во все прочие дни; но других поминовений, например, чтения Псалтири, сорокоустов – в эти две недели не бывает.

Неестественно душе быть долго в разобщении с существами, ей подобными, т.е. с душами. Она делится чувствами, и от этого ей легко и отрадно. Скорбя, она как бы приглашает к соучастию ей подобные существа, и ей делается непостижимо отраднее. Равно спешить делить с другими и радость, приглашая тоже как бы к сопереживанию. Так как душа существует не для себя только, но и для полнейшего быть ей подобных, то по закону, ей свойственному, она не может не радоваться с радующимися и скорбеть со скорбящими.

И вот является у нас чувство радости, выше которого уже и быть не может, радости, доставляемой нам воскресением Господа нашего Иисуса Христа! Такого ликования душа не может затаить в себе одной. Церковь для этого празднования определила живым, т.е.

пребывающим еще на земле, Светлую неделю. Но грустно сердцу, полному любви, грустно, что есть существа, ему близкие, дорогие, однако же нет их возле него. Это – почившие наши… Церковь, зная естественные наши нужды, назначает для свидания живых с мертвыми, чтобы поделиться всемирною радостью спасения всех верующих, особый день – вторник Фоминой недели, недели, которая и по самому своему значению соответствует духовному общению живых с умершими. «Для чего, - спрашивает св. Иоанн Златоуст, - ныне, т.е. во вторник Фомин, отцы наши оставил свои молитвенные дома в городах, собираются вне города на кладбищах ко своим мертвым?..» «Для того, - продолжал Златоустый, - что сегодня Иисус Христос сошел в ад к мертвым (Слово его, 62), чтобы возвестить победу над смертью». А потому и мы собираемся к мертвым, чтобы праздновать вместе общую радость нашего спасения.

Эти слова Златоустого и следующее учение св. Амвросия Медиоланского: «Достойно и праведно есть, братия, после торжества Пасхи, которое мы праздновали, разделить радость нашу со св. мучениками, и им, как участникам страданий Господа, возвестим славу воскресшего Господа» (Его Слово, 77), - свидетельствуют о древности установления этого родительского дня после праздника Пасхи, т.е. Фомина вторника или понедельника. В Фомин вторник, а у иных в понедельник, верующие собираются не в храмах или домах, а на кладбищах. Живые приходят и христосуются с умершими, принося с собою и окрашенные яйца. Уходя домой, иные оставляют их на могилах.

Показав древность обычая – после праздника Пасхи ходить к умершим для поминовения их – надо заметить, что в первенствующей Церкви хоронились вместе вообще все христиане, и среди мучеников погребали и прочих (Слово св. Амвросия Медиоланского 77). Златоуст пишет, что древние христиане ходили на могилы, гробы св. мучеников, а следовательно и на могилы других, здесь же погребенных христиан; собирались точно так же, как и иные христиане посещают кладбища.

29 августа (ст. ст.- 11 сент. нов. ст)

В этот день Церковь празднует усекновение главы св. Иоанна Предтечи Крестителя Господня. Священная история свидетельствует нам, что Предтеча Господа Иоанн пострадал за истину. А так как православные воины и вообще все положившие жизнь в сражении за веру, царя и отечество являются подобным св. Иоанну Предтече, то и отправляет Церковь наша панихиду преимущественно о них – положивших жизнь свою в сражении. Этот день поминовения установлен в 1769 году при императрице Екатерине II, во время войны с турками и поляками.

В чине поминовения православных воинов 29го августа сказано, что «оное поминовение отправлять архиереям, а в монастырях настоятелям и в прочих кафедральных архиерейских и городских соборах протопопам соборно, а в приходских и сельских церквах местным священнослужителем неотменно».

Димитриевская суббота

Суббота перед 26м октября (старый стиль), в который совершается память св. великомученика Димитрия Солунского, причислена к родительским субботам. Вот когда и по какому случаю совершилось установление этой Димитриевской субботы: великий князь Димитрий Иоаннович Донской родился 26го октября. В его княжение князь ордынских татар, Мамай привел всю орду на землю русскую. Россия же имел тогда великого угодника Божьего св. преп. Сергия Радонежского. Великий князь уважал и чтил преподобного, и потому пришел в трудный час к нему за советом: «идти ли на брать

противу столь сильного врага или нет?» Преподобный Сергий, сотворив молитву и благословив князя, сказал: «Должно Тебе, Государь, попещись о врученном Тебе от Бога христоименитом стаде, и с помощью его получишь победу». При том дал ему двух монахов: Александра Пересвета и Андрея Ослябю. На Куликовом поле, 8го сентября 1380 года, великий князь остался победителем. Эта блистательная победа над татарами сделалась началом освобождения России от ордынского порабощения. Возвратясь с поля битвы, великий князь поспешил к преп. Сергию в московскую обитель Живоначальной Троицы. Здесь, совершив поминовение о погибших ратниках, предложил Церкви творить ежегодно поминовение об убиенных воинах в субботу, перед днем его Ангела, т.е. 26го октября. С того времени эта суббота причислена Российской Церковью к родительским, и православные христиане в этот день совершают память и о своих усопших родственниках, как и в другие родительские дни: ходят на кладбища, или служат панихиды в церквах.

Дни поминовения усопших православных особ царского дома

Установление особых дней в году для царских панихид следующее. В 1584 году, 21-го июня, великий князь и царь Иоанн Васильевич по благословению митрополита Макария установил совершать общую панихиду по усопшим благоверным князьям, боярам, христолюбивом воинстве, священническом и монашеском чине и по всем православным христианам, «и повеле написати ту память в соборныя книги», для чего в России в древности был особый панихидный приказ. Поэтому и список ежегодно в известные дни поминаемых преставившихся членов Императорского Дома начинается с великого князя и царя Иоанна Васильевича Грозного, скончавшегося в 1584 году.

Святейшим Синодом предписано как отправлять царские панихиды во дни, назначенные для этого в реестре. Поминовение совершать архиереям и монастырским властям и прочим священнослужителям так: по великим государям императорам и императрицам и по государыне цесаревне Анне Петровне панихиды служить архиереям, в монастырях – монастырским настоятелям в числа, указанные в реестре.

Если бы по какой благословенной вине в надлежащие числа исполнить требы не удалось, то в иной день следует исполнить неотменно. Когда же по какому-либо из членов царствующего дома поминовение случится во дни Великого поста, или в воскресные и праздничные дни, тогда поминовение нужно отправлять по субботам тех недель.

ЧАСТНОЕ ХОДАТАЙСТВО ОСТАВШИХСЯ НА ЗЕМЛЕ РОДСТВЕННИКОВ, ДРУЗЕЙ, ЗНАКОМЫХ ОБ УСОПШЕМ

Частным богослужением называется то, которое совершается одним лицом или одним домашним обществом, дома или в церкви. К этому богослужению относятся молитвы утренняя и вечерняя перед обедом и ужином и после них, молитва в начале всякого доброго дела и по окончании его. Частные моления при посредстве священника: панихида, молебен, водоосвящение.

Если Бог желает спасения всем людям, значит, желает спасти и умерших, и для этого живым повелевает только следовать за Ним. Живые, следуя за Господом Иисусом, в Нем Самом имеют и основание своей надежды на спасение умерших, близких их сердцу. Господь Иисус Христос, вера в Него и благодать – истинная и непостыдная надежда живых на спасение умерших. Возможность спасения покаявшихся умерших грешников, однако находящихся в аду, дарована Самим Разрушителем ада, выведшим оттуда

веровавших в Его пришествие на землю. Если после Своего воскресения Господь вместе с Собою вывел достойные души из ада, то отчего же и ныне, когда еще не было окончательного суда, и когда в Его власти жизнь и смерть и в Его руках ключи ада, невозможно для Него спасение грешников, достойных этого? Как во время Своего воскресения, так равно и ныне Он может, если только подвигнется на милосердие к грешнику, отворять затворы адовы и освобождать оттуда узников, которые не оставили желания и стремления к добру, сохраняли ненависть и отвращение ко злу. Оставаясь иногда равнодушными на земле к добру и злу, они здесь сами уже не в силах восполнить недостающего к их спасению. Это дело благодати, восполняющей недостающее, по благому устроению Божьему, ходатайством живых, на земле еще пребывающих, и ходатайством святых, в загробном мире уже находящихся. И, наконец, по уверению апостола, всесильное ходатайство они имеют перед лицом Бога в лице Искупителя нашего Господа Иисуса Христа: «Един ходатай Богу и человекам, человек Иисус Христос, отдавший себя во избавление за всех» (1 Тим. 2: 5-6).

Зная основание, на котором Церковь основывает свое учение об изменении к лучшему загробной участи некоторых грешников, посмотрим в чем же состоит, по учению Церкви, частное или домашнее ходатайство живых оставшихся родственников за умерших?

Частное ходатайство живых за умерших должно составлять действительное употребление указанных Богом средств. Тогда только и достигается цель – испрошение прощения грехов усопшему, достойному этого ходатайства. Видимые знаки – средства, выражающие неразрывность внутреннего духовного союза живых с умершими (или пребывающих на земле – с жителями загробного мира) и вместе показывающие взаимное отношение одних с другими. Эти средства, как указанные Самим Богом, имеют великую божественную цель – спасение человека. Этого хочет Бог, и поэтому даровал человеку и средства, без которых его участие было бы бесполезно и живому и мертвому. Данные средства и есть настоящая жизнь пребывающих на земле. Всему свое время. Истинная жизнь живых и вообще все время их существования до второго славного пришествия на землю Господа Иисуса Христа есть время молитвы, прошения, искания, сеяния.

Для верующего все возможно. Слово «все» не исключает и того, что за веру одного спасается и другой. Молитва, вдохновленная верою, надеждою и любовью, преклоняет небеса. Апостол Павел свидетельствует об этой истине, говоря: «Тот, Который Своего Сына не пощадил, но предал Его за всех нас (следовательно, и за наших усопших, чтобы доставить им спасение) как с Ним не дарует нам и всего?» (Рим. 8: 32) Эти апостольские слова Златоуст объясняет так: «Если Бог Сына Своего нам даровал, и не просто даровал, но на смерть предал, то что уже мы о прочем сомневаемся, получивши Самого Господа?» И это есть самое убедительнейшее уверение, что всякое прошение верных, тем более согласное с волею Божьей, конечно, исполнит Отец небесный. «Все, что просите от Отца небесного во Имя Мое, сотворит» (Ин. 16: 23), учил Господь наш Иисус Христос. Будем послушны вере, если хотим спасения и себе и отошедшим в загробный мир. Настоящая жизнь, по учению Господа, назначена для искания царства Божьего в себе, и ближнему, как на земле пребывающему, так и перешедшему в иной мир. И по учению апостола Павла жизнь наша – настоящее благоприятное время, день для спасения. Нам дана возможность способами, указанными Самим же Богом, умилостивить Бога, ибо Он имеет милосердие очистить грехи наши, т.е. и тех, кто пребывает на земле, и отошедших в загробный мир. Эти указанные средства умилостивления Бога имеют силу только до окончания мира и пришествия Христова на суд.

МИЛОСТЫНЯ

Кроме молитвы за усопших, еще одно действие поминовения их составляет милостыня, совершаемая нами в память их, или от имени их, т.е. подаяние каких-нибудь земных благ имеющим в этом нужду – нищим нашим собратьям. Этот поступок ведет к отраде для умерших грешников. Всякое пособие, оказанное бедным, Господь Иисус Христос берет на Себя, - «Мне творите»; следовательно, Он не останется в долгу у тех, от которых (или от имени которых) Он принял. Стакан холодной воды, две лепты вдовицы – за все обещано воздать в свое время.

Благотворения, совершаемые живыми в память усопших, имеют такое же значение, как если бы сам умерший совершал эти добрые дела. Благотворение в память умерших умножает число молящихся о спасении усопших; ибо естественно, что получившие помощь молятся за своих благодетелей. Такие молитвы, вдохновленные верою, благодательны для умерших. Мы видим в истории много примеров, когда по молитве одного подавалось другому. За ходатайство сотника исцелен его слуга; за ходатайство жены хананейской исцелена ее дочь. Поэтому возможно Богу за искреннее ходатайство таких благодательствованных даров исцеления душевное и умершему.

Естественно и понятно каждому, что человек рано или поздно непременно вкусил плоды своих трудов, плоды добра или зла; это – истина: что сеешь, то и жнешь! Каждому из нас Сам Господь воздаст за наши дела в свое время. Все наше отношение к ближним, вся наша деятельность, добрая или злая относительно их, обращается прямо на Возлюбившего нас даже до смерти. «Благотворящий бедному дает взаймы Господу» (Притч. 19: 17). Естественно, всякий, быть может, испытал на себе, как приятно или прискорбно бывает нам, когда близким нашему сердцу делают добро, оказывают уважение или зло, порицание. Если же человек так близко принимает к сердцу все, что делается его возлюбленному, то тем более Господь, любовь Которого к нам не может сравниться ни с какою любовью.

И вот, Господу Иисусу Христу благоугодно, чтобы между нами царствовали небесный мир, божественная любовь и неземная радость, чтобы мы, дети одного Отца, сочувствовали состоянию друг друга и принимали живое участие в скорбях и недостатках ближнего. Сочувствуя и помогая ближнему по собственным своим силам, мы тем самым одолжаем Возлюбившего его, и, разумеется, не останется в долгу Оставляющий нам долги наши. Помощь ближнему, духовная и телесная, называется пособием, милостынею, и вообще благотворительностью. Получающий помощь благодарит подателя, благодетеля своего, и Господь воздает этому благотворителю. Благотворительность, милостыня, делаемая живым от имени усопшего, получают точно такое значение, как если бы сам усопший благотворил ближнему; а потому и естественно, что плоды милостыни принадлежат умершему; а живой, как орудие этой милостыни, тоже участвует в небесной награде.

Молитва, милостыня принадлежат к делам милосердия, к делам благотворительности, и делатели их получают должное воздаяние там, где вечно царствует правда, мир и радость. Молитва за усопшего с милостынею, от имени его творимая, ставит его в благоприятное отношение к Господу Иисусу Христу, одолженному делами милости как бы от лица самого умершего.

Милостыня принадлежит почившему. Настоящее значение милостыни было известно и в Ветхом Завете; обычай раздавать милостыню бедным при погребении умершего ведет начало из глубокой древности; это обыкновение было у евреев. Говоря об основании

заупокойной молитвы, мы видели и значение милостыни, которое выражено Товитом в завещании своему сыну Товию, Премудрым Сирахом и св. пророком Иеремией. Первый учит так: «Милостыня избавляет от смерти и не попускает сойти во тьму… Раздавай хлебы твои при гробе праведных» (Тов. 4: 10, 17). Второй учит: «Милость деяния да будет всякому живущему, но и умершего не лишай милости» (Сир. 7: 36). И, наконец, Иеремия говорит, что от лица Божьего будут отвержены те из умерших, о спасении которых не подается милостыня.

Это средство – милостыня, делающего Бога милостивым к почившему, употребляемая в Ветхом Завете, перешла и в христианский мир и, сообразно закону христианства полагать души за друзей и врагов, получила высокое назначение, и доставила делателю ее великую награду на небесах – блаженство вечное. «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5:7) и «будьте милосердны, как и Отец ваш милосерд» (Лк. 6: 36). Вот слова Самого Господа Иисуса о силе и могуществе милостыни и о спасении, которое она доставляет своему делателю, как о надежном средстве получить Царство Небесное: «Я говорю вам, приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители» (Лк. 16: 9) Этим словам Христовым учители церковные дают такое значение: когда умрем, то облагодетельствованные нами нищие во Христе, и следовательно наследники Царства Небесного, будут молиться и ходатайствовать за своих благодетелей. Эти слова относятся ко всем истинным христианам. Впрочем, в этом случае была обращена речь преимущественно к мытарям, к грешникам, могущим также, хотя и через неправедное богатство, получить Царство Небесное.

Но кто может похвалиться праведностью своей жизни, деятельности? Чья деятельность, жизнь совершенно чужда славолюбия, сребролюбия, этих коренных грехов? Если же и наша жизнь не чужда неправды, не чужда была неправды и жизнь почивших, то воспользуемся этой притчей для спасения себя и наших умерших. Через благодеяние себе приобретаем милостыню, а нашим почившим – друзей, которые, будучи облагодетельствованы почившими (через нас, живых), примут их и нас в свои обители в загробной жизни. Это учение Самого Спасителя о милостыне и о награде за нее. Милостыня есть плод любви, видимое выражение ее. Св. апостолы учили деятельной любви, учили быть добродетельными, благотворителями, сочувствовать нуждам ближнего. Избранный сосуд Святаго Духа, учитель языков прямо говорит, что без истинной любви все добродетели – ничто. Не в словах только должна выражаться наша любовь, говорит апостол Иоанн, а в делах любви, следовательно, в делах милосердия. Преемники апостольские, а за ними и все пастыри и учители церковные, учили народ и словом и делом о милостыне.

Молитва за другого, милостыня за другого или от имени другого привлекают благодать и милосердие Божье на того, о ком молимся, или от имени кого подается милостыня. Любящее сердце естественно желает ближнему, где бы он ни был – здесь или за гробом, того же, чего и себе. Оно желает и ищет Царства Небесного, по заповеди Иисуса Христа, и себе и ближнему. И вот способ, средство для приобретения жизни вечной за гробом, предложен нам Самим Иисусом Христом – милостыня нищим, благотворительность. Из своего богатства помогайте ближним – бедным, и они приготовят вам Царство Небесное.

Славные богачи и сирые бедняки – все становятся равны при разлучении души с телом; нет богатства духовного, необходимого в загробной жизни: «нет дел оправдывающих»; учит нас Святая наша Церковь.

Как велико значение милостыни, можно не раз убедиться из учения Златоуста. «Ничто столько не могущественно, не сильно к изглаживанию грехов, как милостыня; девство и пост суть достояние только девственника и постника; они не спасают никого, кроме подвижника; но милостыня простирается на всех и обнимает всех членов тела Христова». Златоуст часто беседовал с верующими о благодетельных следствиях милостыни и других делах милосердия для умерших. Так, в толковании на Евангелие св. Иоанна Богослова он говорит: «Хочешь ли почтить мертвого? Почти его милостынями и благотворениями; ибо милостыня служит к избавлению от вечных мук». Рассуждая о неумеренном плаче об усопших и о богатом погребении, как о вещах, бесполезных для погребающих и для почивших, пишет: что «немалую пользу почившим доставляет в память их милостыня. Роскошное погребение не есть любовь к умершему, но тщеславие. Если хочешь соболезновать об умершем, покажу тебе иной способ погребения и научу тебя полагать ризы, убранство, достойное его и его прославляющее: это милостыня».

«Если варвары вместе с умершими сжигают их имения, - говорит он же в другом месте, - то тем более ты, христианин, должен отослать вместе с умершим принадлежащее ему имущество, только не для того, чтобы оно сделалось прахом, как у тех, но дабы умершего облекло в большую славу, - дабы, если он отселе отошел грешным, разрешило его от грехов; если праведным, увеличило его награду и воздаяние». К той же цели св. Афанасий Великий относит приношения, творимые по умершему в храме, именно: свечи, ладан и елей. «Кто творит приношение за умершего, - говорит он, - тот имеет ту самую цель, что и отец, у которого дитя юно и совершенно бессильно.

Если ребенок тяжело болен, то отец его с верою приносит в блаженный храм свечи, ладан и елей для сожжения за исцеление младенца от болезни. Дитя не само держит и приносит эти пожертвования, за него делает это отец. Так следует думать и об умершем в Боге: не сам он, а другие держат и приносят за него свечи и елей и все то, что служит к его искуплению; но благодать Божья не отступит от намерения веры». О высоком значении милостыни в отношении к умершим то же самое свидетельствует и Блаженный Августин.

О ТОМ, ПОЧЕМУ НЕ ВСЕХ ЖИВЫХ ХОДАТАЙСТВО ПОЛЕЗНО УМЕРШИМ, И НЕ ВСЕМ УМЕРШИМ ПОЛЕЗНО ХОДАТАЙСТВО ЖИВЫХ

Человек должен жить для Бога и для ближних; в его жизни и деятельности должно святиться имя Божье. Деятельность должна быть основана, растворена и направлена небесной, божественной любовью. Благочестие одного иногда бывает причиной спасения другого. Жена спасает мужа, и отцы милуются за молитвы и благочестие детей, внуков и правнуков, т.е. мертвые спасаются благочестием живых. Разумеется, те мертвые, которые сами, в свою очередь, были первыми наставниками благочестия своих детей.

Когда же мы, живые, при совершенной вере, надежде и любви, насколько это дано будет человеку, употребим все зависящее от нас к спасению умершего, то он будет спасен. Бог требует от нас посильного нашего участия в деле спасения ближних как живых, так и умерших. Если желаем что-либо получить от Бога, разумеется, согласно с Его святейшей волею, мы должны употребить, со своей стороны, все возможное для нас, ибо Сам Иисус Христос научил: что «дастся только просящему». Исполнение прошения зависит от степени и свойства прошения, ибо сказано: «не приемлете, потому что зле просите».

Священная история представляет нам множество примеров относительно этого догмата. Так, Евангелист Марк пишет, что когда Иисус Христос пришел в Капернаум, Он вошел в

один дом. Собравшийся народ наполнил дом так, что уже невозможно было в него более никому войти. В это самое время к дому принесли расслабленного, и так как вход в него был невозможен, то принесшие подняли носилки вместе с больным на крышу и, разобрав ее, спустили больного в горницу, прямо к ногам Иисуса (Иак. 4: 3). Только тогда и сказал Сердцеведец расслабленному: «Тебе говорю: встань, возьми постель твою и иди в дом твой!» (Мк. 2: 11) Вот при каких условиях исполнилось желание расслабленного и принесших его. Когда уже было сделано с их стороны все, тогда последовало отпущение грехов. И, как расслабленный (при всей своей вере и надежде на Господа) не мог сам себе подать никакой помощи, т.е. в этом случае не мог сам прийти к Господу Иисусу, и ему нужна помощь ближних, так точно и умерший в вере и надежде грешник уже не может сам себе подать никакой помощи. Нет ему ни покаяния, ни дел милости; ему могут подать помощь только живые – ходатайством своим за него перед Богом. И, разумеется, по беспредельному благоутробию Божию и ему скажется: «отпускаются тебе грехи твои и иди в дом Отца твоего небесного».

Этот догмат подтверждается и многими другими примерами. Так, когда апостол Павел был отправлен на корабле из Кесари в Рим на суд кесаря, с ним на корабле находилось до 276 человек. В продолжении нескольких дней на море была страшная буря, так что плывущие уже отчаялись в спасении. Тогда апостол сказал бывшим: «будьте покойны! ни один из нас не погибнет, только погибнет один корабль, потому что в это ночь меня известил Ангел Божий, и я верю Богу, что не погибнем». Когда же корабельщики, завидев землю, и, желая спасти себя, хотели оставить корабль, отплыв на лодке, тогда апостол, несмотря на прежде сказанные им слова, что никто не погибнет, обратился к сотнику со следующими словами: «Если корабельщики оставят корабль, то вы не сможете спастись и погибните!»(Деян. 27: 22-31) Итак, апостол основал спасение плывущих не на одних словах Господних, но и на сознательном служении корабельщиков.

Тот же самый догмат виден в исполнении прошения жены хананейской, слепорожденного, десяти прокаженных, в воскресении Лазаря и в исполнении прошения благоразумного разбойника. «Без Меня не можете ничего доброго творить. Вам принадлежат только добрые желания, намерения, внушаемые Святым Духом, а исполнение их принадлежит Мне. Молитва за умерших, как добродетель, внушается Святым Духом, исполняется Мною: молящемуся дается по его молитве». Это – догмат Православия. Бесконечное милосердие Божие соединяется с бесконечным Его правосудием, Бог желает спасения всех людей; это – милосердие; но как спасти грешника, не заслужившего спасения? Нужно открыть какую-нибудь причину, которая могла бы подвигнуть Бога правосудного на милосердие к грешному умершему. Ходатайство живых за умерших удовлетворяет Божье правосудие, и достойные спасения освобождаются от адских мук. Чтобы наше желание (спасение умершего) было принято Господом и исполнено, должно быть желание деятельное, т.е. жизнь по вере, с соблюдением всех заповедей Божьих. Такое желание исполняется Господом, когда живые сделали на пользу умерших все, что только могли. Бог от человека не требует невозможного, и заповеди Его для людей не тягостны, по свидетельству апостола Иоанна Богослова.

Волю, желание боящихся Бога, Он исполняет. По свидетельству св. пророка Давида: «Близок Господь ко всем призывающим Его, ко всем призывающим Его в истине. Желание боящихся Его Он исполняет, вопль их слышит и спасает их» (Пс. 144: 18, 19). О достигших совершенной любви к Богу апостол Павел говорит в своем послании к римлянам (7: 35 и 28). Молитвам смиренных нет отказа, нет задержки, они, исходя из сердца сокрушенного и смиренного идут прямо к Престолу Всевышнего: «Молитва смиренного проникает сквозь облака» (Сир. 35: 17). «Призрит Господь молитву смиренных и не пренебрежет моленьями их» (Пс. 101: 18). Наоборот, заключаем, что Бог

не исполняет желаний, прошений, молитв людей, не боящихся Его. Боящиеся Бога проводят жизнь по заповедям Его. И такой жизнью, заключающей в себе, по возможности и силе человека, все добродетели: любовь, смирение, кротость, правосудие, воздержание, целомудрие, правду, хранение всех заповедей – и такой своей жизнью люди делают действительными свои желания, достойные исполнения. И тогда упокоение их умерших – возможно.

Как же Богу упокоить тех усопших грешников, о которых молятся тоже грешники, думая, что одной молитвой, или какой-нибудь одной добродетелью помогут своим усопшим, забыв, что Сам Бог говорит, что такие молитвенники «напрасно чтут Меня; ибо устами чтут, а сердце далеко от Меня». Устами просят об успокоении умершего, и за любовь к нему Божью платят ненавистью к Искупителю, т.е. своей, греховной жизнью, ненавистной Богу. Слово Божье свидетельствует, что Всевышний грешников не послушает и молитвы их не приемлет; «И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу; ваши руки полны крови» (Ис. 1: 15). Но мы все грешны, по свидетельству слова Божьего: «Кто родится чистым от нечистого? Ни один» (Иов. 14: 4). И Сам Спаситель эту истину, при виде осужденной преступницы, выразил так: «Кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (Ин. 8:7); и апостол пишет: «Все согрешили, все лишены славы Божьей» (Рим. 3: 23).

А потому-то святитель Тихон Задонский и пишет: «Ежели хотим, чтобы Бог услышал нашу молитву, то мы должны слушать Его повеления и заповеди Его исполнять. Без этого тщетна бывает наша молитва, грешника Бог не послушает. Молитва, если хочешь, чтобы она была услышана, должна отвести тебя от греха. Кто же грешен и от греха не отступает, того молитвы не приемлет» (Том 1, ч 4, стр. 88 п. 28). Мы все грешники, все повинны перед Богом; однако эти слова относятся не ко всем грешникам; иначе к кому же бы относились слова Господа: «просите, ищите» и проч.? Первого рода грешники это хулители Святаго Духа, пребывающие в нераскаянии, ожесточении, нерадении, в неверии, о которых пишет святой Давид: «Ты ненавидишь всех, делающих беззаконие. Ты погубишь говорящих ложь; кровожадного и коварного гнушается Господь» (Пс. 5: 6,7). Вторые же грешники – люди, побежденные немощной плотью. Падающие и восстающие, они со слезами раскаяния прибегают ко Врачу душ и телес Господу Иисусу, и с апостолом Павлом взывают о своем окаянстве. Их молитвы, как чад, любезных Богу, - приемлются и исполняются: «если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просите, и будет вам» (Ин. 15: 7). Не всем ли христианам Иисус Христос дал одну главную общую молитву к Богу- Отцу: в которой между прочим просим и прощения грехов – «остави нам долги наши».

Проведя жизнь в истинном покаянии, получаем прощение наших грехов и исполнение наших желаний, согласных с волею Божьей, например, упокоение наших грешных умерших в Царствии Небесном. «Кто чтит Бога и творит волю Его, того слушает» (Ин. 9: 31). Далее Иисус Христос, обращая Свою речь к ученикам, говорит: «Все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите – и будет вам» (Мк. 11: 24).

«Чего бы», - это слово заключает в себе все, согласное с желанием, волею Божьей, а спасение грешников есть желание Божье. Следовательно, молитва за умерших грешников согласна с волей Божьей и приятна Ему. Преблаженны такие ходатаи за умерших грешников, избавляющие их от вечной смерти, высвобождающие души из адских затворов. Такие благотворители получают вечную награду на небесах вместе с теми, которых Господь называет Своими рабами. Св. Димитрий Ростовский в своем слове «О молитве» пишет: «Молитва есть ключ к сокровищам небесным. И нет такой вещи, как говорит один святой отец, которой бы невозможно было испросить у Бога молитвою;

только просимое было бы благо и испрашиваемо как должно. Греши наши – главная причина, от чего наши молитвы не достигают своей цели. Молитву надо возносить, сокрушаясь и раскаиваясь во грехе. Господь внимал усердным молитвам и грешников, но только тогда, когда они молились с покаянием и сердечным сокрушением о грехах своих». Святитель Тихон Задонский в своих наставлениях об обязанностях христианина пишет: «Чтобы быть молитвенником перед Богом о других, надобно самому быть чистым и непорочным».

Показав, что требуется от живого, чтобы его ходатайство было действительно полезно умершему грешнику, испросим, все ли находящиеся в аде могут через наши молитвы получить освобождение?

Церковь молится о всех умерших, но только умершие в истинной вере, непременно получат освобождение от адских мук. Душа, пребывая в теле, обязана и сама заранее позаботиться о будущей своей жизни, должна заслужить, чтобы по переходе в загробную жизнь ходатайство живых могло доставить ей облегчение и спасение. Ходатайство живых полезно тем умершим, для которых земная жизнь была борьбою со страстями, которые, хотя умерли в вере и покаянии, но не успели на деле отвыкнуть от пороков, к которым были привязаны, не успели выполнить условий истинного покаяния. Св. Григорий Двоеслов говори, что «ходатайство живых полезно только тем из умерших, которые воздерживались в настоящей жизни от злых дел, полезно до того, что бывает отпущение грехов, слабости, неведения и забвения, и следствием этого изведение из ада в место светлое, прохладное и покойное»

Св. Иоанн Дамаскин пишет, кому из умерших полезно ходатайство живых: «Каждый человек, - имевший в себе (не все человеки, а тот только, кто имел в себе) закваску добродетели, но не успевший ее превратить в хлеб, а потому хотя и хотел, но не мог сего сделать, или по лености, или по беспечности, или по человеческой немощи, или потому, что отлагал это со дня на день, и сверх чаяния потому и постигнут смертью, - не будет забыт праведным Судьею и Владыкою; но по смерти его, Господь возбудит его родных, ближних, друзей, направил мысли их, привлечет сердца и преклонит души их к оказанию пособия и помощи ему».

Преосвященный митрополит Московский Филарет кратко, живо и разительно рисует загробное состояние тех умерших грешников, которым ходатайство живых доставляет облегчение и самое спасение. «Когда всепроницательная премудрость Божья не возбраняет молиться за умерших, не значит ли это, что еще позволяет бросить благопомощную нить надежды душам, отторгшимся от брега жизни временной, но не достигшим вечного пристанища, которые между смертью телесною и последним судом Христовым зыблются над бездною».

Грехи, составляющие хулу на Духа Святаго, т.е. неверие, ожесточение, отступничество, нераскаяние и им подобные, делают человека вечно погибшим, и таким умершим ходатайства Церкви и живых нисколько не помогут, потому что они жили и умерли вне общения с Церковью. Да о таковых Церковь уже и не молится.

Не полезно ходатайство живых тем умершим, которые сами нисколько не позаботились о своей загробной жизни. А тот, кто вел жизнь порочную, никогда не внимал совести, с беспечностью и ослеплением погружался в мерзость похотей, удовлетворяя всем пожеланиям плоти и нимало не заботясь о душе, у которого все мысли были заняты плотоугодием, и кто в таком состоянии постигнут кончиною, этому никто не протянет руки. С ним будет содеяно так, что ему не подадут помощи ни супруга, ни дети, ни братья,

ни родственники, поскольку Бог не взглянет на него. Св. Василий Великий говорит: «Нет помилования и принадлежат к числу осужденных: корыстолюбцы, хищники, неумолимые и немилосердные, каменные сердцем». И далее: «во все продолжение своей жизни ты, утопая в удовольствиях и предаваясь роскоши, не хотел и взглянуть на нищих; какой же ты можешь ожидать отрады по смерти твоей». Короче, умершие, недостойные ходатайства живых, не освобождаются от ада, потому что ходатайство живых простирается только на достойных спасения.

Кто же из умерших оказывается достойным ходатайства живых? Кто и сам более или менее заботился при жизни о своем спасении. Следовательно, ленивый, нерадивый, не пекущийся о своей загробной участи не получит пользы от ходатайства живых, если бы оно и было.

Богу все известно, и если бы ваше ходатайство было недостаточно для вашего умершего, то Бог и не допустил бы вас до этого подвига. Но вы допущены, следовательно, легче верить Тому, Кто хочет нашего спасения и Кто, допустив вас, говорит: «не бойся, только веруй, и спасешься сам и ближние твои». Нет нужды сомневаться: услышана ли молитва, спасется ли умерший и допускать другие тому подобные мысли, явно внушаемые врагом нашего спасения, уклоняющего нас от живой веры к мертвящему сомнению, к неверию в обещание Господне сделать блаженными тех, которые надеются на Господа: «блаженны все, уповающие на Него» (Пс. 2: 12). А надежда, упование христиан есть Иисус Христос, взявший на Себя и грехи Своего умершего. Итак, поразмыслите, кому лучше поверить: Богу ли, хотящему нашего спасения, которое однако же без веры невозможно, или врагу, желающему нашего осуждения, которое есть удел неверия?

Итак, при всем своем живом участии в деле спасения твоего умершего, никак не допускай сомнения в его спасении. Это хитрость врага, потому что если бы умерший не достоин был спасения, то ты и не допущен был бы к ходатайству за него. Как свидетельствует св. Иоанн Дамаскин, за недостойных спасения умерших Бог никого не подвигает на молитву за них: ни родителей, ни жену, ни мужа, ни родных, ни друзей. Сбывается пророчество, что окаянны те из умерших, о которых не молятся на земле живые. О недостойных спасения нет на земле и ходатайства; а нет молитвы, опять же потому, что это не угодно Богу, что она напрасна, что умершие недостойны помилования за их грехи, составляющие хулу на Духа Святаго.

Блаженный Августин пишет, что «умершие, недостойные ходатайства живых, не получают никакого облегчения в загробной жизни от молитв, милостыни приносимой и даже от самой божественной литургии, за них совершаемой живыми». Кто же эти недостойные? Какого рода эти грешники?

Есть образ жизни, не столь безгрешный, чтобы не требовал ходатайства живых по смерти, и не столь худой, чтобы ходатайство живых было уже для него бесполезно. Значит, чтобы ходатайство живых принесло умершему пользу, требуется от него (умершего) некоторая заслуга, через которую по смерти можно бы было получить облегчение через ходатайство живых. Никто не должен надеяться получить по смерти от Бога то, о чем во время земной жизни не радел. Ходатайство Церкви и всех вообще христиан за умерших не относится к нерадивым, скончавшимся в нечестии, нераскаянности, каковы: неверы, вольнодумцы, богохульники и человеконенавистники, как совершенно погасившие в себе Дух Христов. Им не поможет ходатайство живых; подобно тому, как ничего не помогут сделать для оживления гнилых семян, потерявших начало растительной жизни, ни влияние солнца, ни

благотворный воздух, ни питательная влага. И на этом-то основании Церковь уже не молится о самоубийцах, нераскаявшихся еретиках и им подобных грешниках.

Если нет молящихся об усопшем – то это худой, недобрый признак. Нет молящихся, значит, нет причины, рождающей молитвенников. Заповедано Богом молиться друг за друга, однако истинная молитва дается только Самим Богом: «Ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно» (Рим. 8: 26). Нет благоволения Божьего к этой душе, значит, сомнительно и спасение ее. Молитвенники являются по воле Божьей, сердца которых согреваются огнем божественной благодати, и они, принимая живое участие в загробной жизни усопшего, ходатайствуют за него перед Богом, вознаграждая недостатки усопшего своими заслугами: добродетельною жизнью, молитвами, милостынею и другими средствами, сколько это дня них возможно. Св. Иоанн Дамаскин говорит прямо, что они избраны Самим Богом дать руку помощи перешедшему в загробный мир, а следовательно, и спасение такого усопшего – несомненно, потому что живые подали ему помощь, которой требовал Сам Бог. Подвигнутые благодатью Божьей к ходатайству перед Богом за усопшего могут несомненно надеяться на успех в испрошении прощения грехов усопшему, в чем ручается великий угодник Божий, вселенский учитель Иоанн Златоуст.

Никто не знает, каков будет исход души от этой жизни! Будет при душе полное сознание или оно оставит ее? Всякий более или менее испытывает наяву, что при немощах душевных и телесных в той или иной мере теряется сознание. Находясь в состоянии страстном, например, гневе, человек поступает неестественно, нарушая законы и божеские и гражданские. Находясь в болезни телесной, душа, забывает свои обязанности, потому что сострадает болящему своему телу. Поэтому-то все добродетели, которыми приобретается Царство Небесное, совершаются только при полном сознании, и человек положительно не может надеяться совершить их при своем исходе. Чувствуя и сознавая себя повинным перед Богом, и добродетели свои почему-либо несовершенными, неоконченными, прибегни к ближним с просьбою в час смертный: пусть дополнят твои недостатки и загладят грехи своим ходатайством и исполнением твоего завещания.

Делая завещание, в котором выражается последнее желание отходящего получить спасение, желание, в котором вместе с тем должна выразиться и всесвятая воля Божия – спасти отходящего, - Златоуст советует завещателю не забыть и Господа Иисуса Христа и Его меньших братьев – бедных. Не забыть Господа, как дарующего отходящему за гробом прощение оставшихся грехов, не изглаженных при жизни завещателя; средство подвигнуть остающихся на земле родных и посторонних к ходатайству перед Богом об успокоении со святыми усопшего завещателя-благотворителя, хотя и посмертно. Если усопший завещатель не нечестивый, не ожесточенный грешник, не еретик, но христианин, сознавший себя блудным сыном – то, как разбойник, исповедавший Господа Иисуса Христа, как раскаявшийся блудный сын он наследует благой удел – прощение грехов и рай. Покаяние и вера есть средства спасения христианина; эти два средства равно принадлежат и богатому, и бедному. Завещание хотя есть средство получить спасение, но если завещатель будет чужд покаяния и веры, то и завещание не спасет его. И не имеющий что завещать по смерти, не имеющий средств приобрести посмертных молитвенников, однако не чуждый покаяния и веры, - и за стакан холодной воды, за радость с радующимися и за плач с плачущими не потеряет своей мзды. Св. Иоанн Дамаскин касательно таких почивших, не оставляющих после себя ни родственников, которые бы молились о них, ни средств для раздачи милостыни или на совершение литургий, пишет: «Благой Бог спасет создание рук Своих, исключая только тех, которые явно принадлежат к числу отверженных, поправших правую веру».

Итак, не от всех живых Бог приемлет молитву об усопших. Равно и не всем умершим грешникам, находящимся в аду, полезна молитва живых. Потерянные для Царства Небесного не пользуются ходатайством живых, да и сама Церковь о них не ходатайствует.

В числе спасенных и отверженных будут и богатые и бедные, и ученые, и неученые, и знатные и незнатные. Вера спасет их, а неверие погубит навеки. Верующему отпускаются грехи и на земле и за гробом, ходатайством Церкви и ближних, а неверующему, по слову Самого Иисуса Христа, не отпускаются грехи ни здесь, ни в будущей жизни. Здесь нужно понимать не ту веру, которую имеют и бесы, но веру, оправдываемую делами любви к Богу и ближнему.

ЗНАЧЕНИЕ ТРЕТЬЕГО, ДЕВЯТОГО, СОРОКОВОГО И ГОДОВОГО ДНЕЙ ОТ СМЕРТИ УСОПШЕГО

Говоря о том, что требуется от живого, чтобы исполнить заповедь Христову, - искать царства божьего и себе и ближнему, где бы он ни был, на земле или уже за гробом, мы скажем здесь о знаменательных днях для умершего. Дни эти: 3й, 9й, 40й и годовой после смерти человека. Сама Церковь требует, чтобы эти дни оставшиеся на земле почтили особенно усиленною молитвою за умерших.

Третины, т.е. третий день после смерти человека, есть день его погребения и вместе с тем такой день, когда Церковь творит его поминовение. Поминовение усопших в третий день есть установление апостольское. Поминовение в этот день имеет свои причины. Так, одни говорят, что третины Церковь совершает потому, что в третий день после смерти человек изменяет свой вид; Неофит Российский причину третин находит в трехдневном воскресении Христовом. Другие видят в этом Церковном требовании, т.е. в отправлении третин, другую причину, именно, что усопший был крещен и веровал в Святую Троицу: Отца и Сына и Святаго Духа, а потому в третий день свидетельствует перед Богом, что он сохранил до своего исхода три великие добродетели: веру, надежду и любовь, от которых зависит спасение человека и без которых оно невозможно. И, наконец, основанием третин полагают троякую природу человека: дух, душу и тело, которые согрешают вместе и потому, по переходе в загробный мир, и требуют очищения от грехов, которого однако, сам человек не мог достигнуть по немощи; поэтому необходимо после отхода его души, - когда само собою отстанут от нее все страсти душевные, - нам, оставшимся в живых, просить и умолят за нее (душу) всемилостивого Бога.

Девятины, т.е. девятый день после смерти человека, когда нужно поминать усопших, есть установление апостольское и имеет так же, как и третий день, свои причины. Так, некоторые говорят, что Церковь совершает поминовение по усопшему в девятый день потому, что тело не ранее, как в девятый день, превращается в тление, и остается нетленным одно только сердце. Неофит Российский причину девятин находит в том, что Церковь молит Господа о причислении умершего к девяти чинам Ангелов. Мы просим Господа, чтобы Он, молитвами и ходатайством девяти ангельских чинов, вселил и упокоил душу представившегося в лики святых Божьих, а по воскресении сподобил его пребывания вместе с Ангелами.

[св. Макарию Египетскому Ангел объяснил значение 3, 9 и 40 дней иным образом. В третий день душа покидает наш мир и предстает первый раз Богу. До этого она может находиться где пожелает на земле. С третьего по девятый день ей (душе) показываются прелести рая и блаженство праведников и на девятый день она снова предстает пред

Богом, и после до сорокового дня ей показываются бездны ада, и только на сороковой день ей выносится Богом окончательное место пребывания до Страшного Суда. – golden-ship]

Установления Церкви молиться об усопшем в продолжение сорока дней по смерти, и особенно в самый сороковой день, имеет также свои причины: одни говорят, что причина этого заключается в том, что к сороковому дню истлевает и самое сердце. Но эта причина не всегда согласна с опытами, как пишет Вениамин, архиепископ Нижегородский, в своей «Новой скрижали». Следует заметить, что в зачатии младенца бывает обратно: в третий день живописуется сердце, в девятый день составляется тело, в сороковой день является полный вид человека. Неофит Российский предлагает другую причину сорокоуста: плач израильского народа о смерти Моисея, продолжавшийся сорок дней.

Вообще сороковое число часто употребляется в Священном Писании: так, плач израильского народа по смерти Моисея продолжался сорок дней; израильтяне плакали по умершему патриарху Иакову сорок дней; евреи в пустыне питались манною сорок лет; Моисей постился сорок дней и ночей, приемля Закон от Бога; Илия провел сорок дней и ночей в путешествии к горе Хориву; Господь Иисус Христос после Своего крещения провел в пустыне сорок дней и ночей, а также и по воскресении учил апостолов тайнам царства Божьего в продолжение сорока дней. Поэтому-то Восточная Церковь справедливо и благочестно с древних времен постановила правилом творить поминовение по усопшим в продолжение сорока дней (сорокоуст) и особенно в сороковой денно (сорочины).

Святые апостолы узаконили этот обычай и в Христовой Церкви, обычай, у иудеев существовавший, - молиться об умершем в течение сорока дней. Как Христос победил диавола, пробыв сорок дней в посте и молитве, так точно и Святая Церковь испрашивает у Господа благодать умершему для победы над врагом и для получения Царства Небесного. Симеон Солунский пишет: «Сорокоусты совершаются в воспоминание вознесения Господня, случившегося в сороковой день после воскресения, и с той целью, чтобы и умерший, восстав из гроба, вознесся в стретение Господу, был встречен на небесах, и тако был всегда с Госоподом» (Вениамин арх. Нижегородский. «Новая скрижаль» ч. 4. с. 129 п.2)

В день годовой после смерти усопшего, а потом и ежегодно в этот день, а также и во дни именин почившего, оставшиеся на земле его родственники совершают поминовение, показывая тем, что союз любви не расторгается смертью, что усопший живет духом с пребывающими на земле, что он бессмертен, что он обновится, что дух, душа и тело опять соединятся и составят нового человека.

Кутья (или коливо) – это сваренные семена пшеницы (или другие), насыщенные сахаром или медом, отчего кутья всегда имеет сладкий или приятный вкус. Значение кутьи и употребление ее при погребении, а также и при всяком поминовении умершего, следующее: семена заключают в себе жизнь, и будучи посажены в землю, производят новое растение, соответствующее семени. Чтобы представить наглядно ту участь тела, которая его ожидает тотчас после разлучения с душой, и его будущность, Иисус Христос делает сравнение его с семенем пшеницы и говорит: «Истинно, истинно говорю вам; если пшеничное зерно павшее в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12: 24). Из чего видно, что дух присущ телу и по отделении его от души. Пребывая с душой в загробном мире, дух пребывает и в теле. Как в разложении семени заключается прозябание его, так точно и в разложении тела заключается его прозябание для будущей жизни. По слову Спасителя, где нет разложения, «не умрет», там нет и прозябания – то «останется одно», а где следует тление посеянного «если умрет»,

там происходит прозябание – жизнь, «то принесет много плода». И апостол Павел тело человеческое по разлучении с душой сравнивает с семенем, всеваемым в землю: «Сеется тело» (1 Кор. 15: 44), говорит он, чтобы произросло новое духовное тело, соответствующее новой духовной вечной жизни. Семена, приправляемые сахаром или медом, означают веру и надежду живых, что усопшая в благочестии душа наследует сладкую, приятную загробную жизнь. Сахар, мед, употребляемые в кутью, вообще означают, что для православных и благочестивых, после всеобщего воскресения, наступит сладкая и приятная жизнь.

Итак, кутья есть видимое выражение веры живых в бессмертие почивших, в их воскресение и в их блаженную вечную жизнь через Господа Иисуса. Симеон Солунский пишет: «Мы приносим Богу семена с другими различными плодами, выражая тем, что и человек, как семя, как плод из земли, полагаемый в земле, как пшеница, опять восстанет Божественною силою, и как бы прозябавший, приведен будет к Христу живым и совершенным. Как малейшее семя, погребенное в земле, возрастает впоследствии и принесет обильный, зрелый и совершенный плод, так и человек, предаваемый смертью земле, опять восстанет» (Вениамин. арх. Нижегор. «Новая скрижаль» ч. 4 стр. 133)

ПОЛЬЗА ЖИВЫМ ОТ МОЛИТВЫ ЗА УМЕРШИХ

Святость, по происхождению и назначению, важность, по действительной пользе, молитвы за умерших делают ее благотворною для умерших и живых.

Святость этой молитвы открывается из ее происхождения как средства, данного Самим Богом человеку для ходатайства перед Ним друг за друга и из ее высокого назначения служить спасению умерших через живых. Бог хочет, чтобы в деле спасения непременно участвовал и человек. Не просто дается Царство Небесное, но только для ищущих его и для себя и для ближнего. Молитвою за ушедших живые принимают святое участие в деле спасения умерших: молятся и за них и тем подвигают всеблагого Бога на милость к умершим; ибо дается милость умершим по испрошению живых.

Ходатайствуя за умерших, живые являются исполнителями заповеди о любви, и как исполнители заповеди делаются участниками небесных наград. Молитвы за умерших доставляют спасение и живым, ибо настраивают душу к небесному и отвлекают ее от временного, суетного, согревают сердце чистейшей любовью к Богу, наполняют нас завещанной памятью о смерти и потому уклоняют от зла; дают силу воздерживаться от произвольных грехов и придают великодушное и радостное терпение в дни скорбей, ослабляемых надеждой на будущее – не земное. Молитвы за умерших располагают души живых к исполнению заповеди Христовой – готовиться к исходу во всякий час. Кто сам готовится к исходу постоянно, тому смерть становится не ужасной, а радостной, как переход к покою, обещанному Господом. Исход, осененный верою в Иисуса Христа, радостен, ибо полон надежды на радостную встречу со своими близкими, для спасения которых было употреблено все зависящее от нас. Вот как велика польза от этих молитв для живых!

СВОЕВРЕМЕННОСТЬ МОЛИТВЫ ЗА УМЕРШИХ

Дух, который не исповедует Иисуса Христа, как Сына Божьего, на земле во плоти пришедшего, родившегося от Пресвятой Девы Марии, - такой дух от дьявола. Догмат искупления человечества Иисусом Христом – это догмат христианский.

Есть понятия, принадлежащие всему человечеству на всех его ступенях развития, во все времена и повсюду, начиная от первого человека. Например, стремление к высшему Существу, мысль о бессмертии, надежда на лучшую загробную жизнь, потребность умилостивления оскорбленного Божества. Эта нужда духовно-нравственного существа в умилостивлении Бога открылась с первым человеком: Каин и Авель приносят жертвы Богу; весь род человеческий чувствует необходимость этого, и разнообразными жертвами умоляет Бога как о пребывающих на земле, так и о перешедших в загробный мир. Стремление к умилостивлению верховного Существа – Бога – заключено в духовно нравственной природе человека. Оное естественно даже для падшей души. Душе присуща любовь; следовательно, естественно для нее и умилостивление Бога, стремление просить не только о себе, но и о всех членах духовно-нравственного царства, где бы они ни находились; здесь – на земле, или там – за гробом.

Только верующему все возможно, только верующий спасется, - вот слова Господни, оправданные на опыте. Без веры нет спасения. Знание человеческое не может быть безгранично. Не решив своих гордых вопросов, ум человеческий, чуждающийся указаний Откровения, обращается к отрицанию того, что, например, составляет тайну будущего загробного бытия. Какая причина побуждает некоторых умствователей отвергать заупокойную молитву, сомневаться в истине, пользе и необходимости ее? Не есть ли это знак души, на которой сбывается предсказанное уменьшение, а быть может, уже и совершенное отступление от веры и любви? Если самое слово Божье свидетельствует, что все согрешили, все повинны, что безгрешен только Один Бог, что Бог не хочет смерти грешников, что есть прирожденная и заповеданная Иисусом Христом любовь, стремящаяся свею своею силою доставить спасение ближнему сердцу, то, после всего сказанного, есть ли в сердцах таких высокоумных гордецов любовь к ближнему и вера в нашего Спасителя?

Есть лжеучители, которые говорят, что заупокойная молитва напрасна-де потому, что за гробом душа уже получает то, что здесь себе приготовила. Какое ужасное жестокосердие, помрачение ума и высшая гордость! Как сердце, полное любви, сердце, которому дано право молиться за других членов Церкви, составляющей одно духовное тело, может быть равнодушно к загробной участи своего друга! Что может остановить его от слез, от молитвы за участь умершего? Оно готово на все, на все самопожертвования, лишь бы только исполнились его доброжелания. И это нисколько не противоестественно.

Молитва и вообще всякое доброе дело никогда не могут быть бесполезны. Если нам говорят, что умерший – грешник, то потому-то я и молюсь о его спасении, ибо сказано: «просите и дастся вам», а я прошу того, что приятно Богу, Который хочет всех спасти. А если предмет молитвы согласен с волею Божией, то, разумеется, моя молитва, совершаемая в простоте сердца, с преданностью Богу, не может быть бесполезна, если только умерший был грешный христианин, а не отступник от Христа.

Я знаю, что мой усопший грешен, потому что верую слову Божьему, свидетельствующему: «Не оправдается перед Тобой ни один из живущих» (Пс. 142: 2), и верховный апостол Павел, избранный сосуд Святаго Духа, называл себя окаянным (Рим. 7: 24).

После этого кто же из смертных может похвалиться своею преданностью перед Богом? Вам скажут: мало того, что ваш умерший был грешен, но и, отходя от этой жизни, быть может, не принес и надлежащего покаяния! Ответим: кто же из нас, как живых, так равно и из отошедших от земной жизни, принес достойное покаяние? Сила, степень покаяния, которое есть дар Божий, не может быть известна человеку. Она известна только единому Сердцеведцу – Богу. Если Сам Бог свидетельствует, что и праведнику трудно оправдаться на суде, значит, не было совершенного покаяния. Только благодать восполняет недостающее у кающихся, по мере желания их каяться; «все согрешили и лишены славы Божией» (Рим. 3: 23)

Не тело, но душа – виновник всей деятельности человека; как доброй, так и злой, как видимой, так и невидимой. Если душа чего не захочет, то никакое телесное принуждение, как бы оно ни было сильно и продолжительно, не исполняется. Тело в таком случае является для души только видимым орудием исполнения ее воли, орудием внешней, видимой деятельности человека.

Из всех действий души одно самое сильное и могущественное по действию – молитва, силою которой человек совершает сверхъестественные дела. Эта истина непонятна тому, кто совершенно никогда и нисколько не упражнялся в молитве. Молитва – действие невидимое, духовное. Не всегда человек может объяснить себе, как происходят некоторые явления, преимущественно в области духовной; например, каким образом действие молитвы может простираться из видимого мира в другой, невидимый? Но объясните, каким образом молитвенное действие одной души, пребывающей в теле, благотворно влияет на другую душу, тоже еще пребывающую на земле в теле, производя в ней то состояние, которого молитвенно желала первая душа? Повседневные опыты доказывают эту истину. Вы молитесь о близких вашему сердцу (берем пример, по всей вероятности, испытанный всеми) и видите исполнение вашего желания: больной выздоравливает, отсутствующий извещает о себе письменно и т.д.

Если на душе, находящейся в другой части света, совершились ваши молитвенные желания, то что же препятствует сбываться вашим законным желаниям и на душе, которая пребывает в загробном мире, составляющем только часть общего дома нравственных существ? Действие молитвы на душу одинаково, где бы она ни была; но как совершается самое действие молитвы – это выше познания, это предмет веры – «просите и дастся вам».

Совершилось желание печальных родителей с острова Кипра о плененном их сыне и почитаемым уже мертвым в Персии. Желание совершилось, однако чувственно родители этого не видели; но в истине убедились потом, при личном свидании. Так точно и мы некогда убедимся в исполнении наших молитвенных желаний относительно спасения усопших наших – при личном свидании с ними в свое время; пожнем плоды молитв наших, когда услышим от них о постепенном улучшении их загробного состояния, происшедшего от нашей к ним любви, от молитвы за них Богу и вообще от благотворения в память о них. Сомневаться в действии молитвы живых за умерших – значит сомневаться и в действии молитвы за отсутствующих. При таком сомнении напрасна вообще молитва за ближнего. Вот к какой неестественности приводит человека плотское мудрствование. Где же божественная, присущая от рождения душе, любовь?

Разумеется, добро, делаемое человеком, невыносимо для врага. Уничтожить, сделать сомнительным основания добродетели – средство диавола, желающего видеть своим участником и человека. Помните ту ложь, которую он говорил Еве в раю: «Не верьте… но вкусите!»… Не из Священного ли Писания отец лжи брал слова, которыми искушал Самого Бога Иисуса Христа в пустыне? Обмануть – вот цель дьявола. Молитва за

перешедших в загробный мир, как одна из великих добродетелей, имеет своих противников, неразумно и неосновательно принимающих под влиянием того же врага некоторые места Священного Писания, как, например: «Бог воздаст каждому по делам его». Прочитывая их буквально и не зная настоящего значения этих слов Св. Писания, они уничтожают тем самым заповедь Иисуса Христа о любви. Не есть ли это тоже самое, что говорил некогда диавол в раю: «не верьте!» Следовательно, напрасно уже и молиться об отошедшем? Не молиться – значит не иметь любви; а если любовь есть, то как же может замолчать любящее сердце? Вот чего хочет диавол: чтобы мы не любили перешедших в загробный мир! Если же душа, по его внушению, чего не дай Бог никому, заглушит божественную любовь, то не самому ли диаволу будет подобна, не с ним ли будет заодно?

Без любви все добродетели теряют свое достоинство. Можно ли забыть любимого нами и Господом и не молиться о нем, как того желает враг истины; забыть того, кого любит Бог? Не молиться за возлюбленных Господом Иисусом Христом, требующим неумирающей любви – значит не исполнять Его всесвятой воли. Враги истины, враги всякой добродетели были, есть и будут, а следовательно жизнь имела, имеет и будет иметь недоброжелателей, св. Иоанн Дамаскин, защищая заупокойную молитву, с прискорбием говори о противниках ее, сообщниках диавола, для которого все добрые и богоугодные дела и мысли составляют мучение и терзание, который уязвляется братолюбием, раздирается верою, умертвляется упованием, поражается милосердием. Враг рода человеческого внушал некоторым странную, нелепую и совершенно противную божественным законам мысль, будто все богоугодные дела, совершаемые по смерти, не приносят никакой пользы усопшим; ибо, дескать, в Писании сказано: «На что дан свет человеку, которого путь закрыт, и которого Бог окружил мраком?» (Иов. 3: 23); «Во гробе кто будет славить Тебя?» (Пс. 6:6); «Что посеет человек, то и пожнет» (Гал. 6:7). Вот с первых времен Церкви Христовой эти и подобные места стали некоторыми, как выражается сам Дамаскин, «мудрецами», толковаться во зло. На самом же деле эти и подобные им изречения, без сомнения, относятся ко второму пришествию Господа судить живых и мертвых, ибо тогда уже не будет никакой помощи, и всякое моление станет недействительно.

С наступлением страшного дня судного окончится то время, которое предназначалось человеку для приобретения себе и ближнему спасения. Время и способы минуют. Св. Иоанн Дамаскин, относя эти и подобные изречения к окончанию мира, говорит, что «эти слова действительно осуществятся на душах беспечных. Где тогда найти бедных? где священнослужители? Нет места молитве и милостыне. Итак, до наступления этого часа, будем помогать друг другу, и любящему братство, человеколюбивому, и милосердствующему о душах Богу приносить жертвы братолюбия».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

О, смерть, смерть! Какой непроницаемой тайной окружаешь ты человечество!

Всякий из нас задает себе вопрос: «Что ты, откуда ты, и зачем ты пришла в мир и существуешь среди человечества, и вечна ли твоя власть, и что будет с нами за пределами гроба, и какая участь ожидает нас там, там в твоем вечно молчаливом царстве, которое погружено в глубочайшую тайну дня нас?»

Этот вопрос, окутанный во мрак непроницаемости, еще из самой глубокой древности занимал и волновал великие умы всех времен и народов и по настоящее время не

приблизился к своему разрешению, если только смотреть на него с точки зрения антихристианской философии, в основу которой не положено великого Божественного учения о всемогущем, вездесущем и о вечно живом, бессмертном Боге, создавшем по Своему бессмертному подобию человека, вдунувшим в его тело такую же бессмертную душу.

Итак, это непостижимый вопрос о загробной жизни человека и сегодня остается вопросом. Но для кого же он остается вопросом? Если для христиан, то для каких? Разве для тех, которые только по названию считаются христианами, это в наш растленный век может считаться правдоподобным. Для христиан же в истинном смысле, которые в простоте своих сердец со смиренным сердцем, безусловно, верят в бытие вечно-бессмертного Бога, такого спорного вопроса как ранее не существовало, так и теперь не существует и в будущем не будет существовать, ибо в Священном Писании сказано: «утаю от мудро-лукавых, и открою младенцам».

Под этим верховным изречением мы должны подразумевать, что Владыка вселенной открывает тайны тем, которые с благоговением и в трепете сердце своих верят в Его вечную всесвятейшую правду; на это есть даже русская пословица: «в простых сердцах Бог живет».

Каким образом христианский мир мог бы выступить противником учения свыше, когда Сам Богочеловек, наш предвечный небесный Учитель, Иисус Христос возвестил сей догмат и скрепил его в Своем Божественном Завете.

После этого осмелимся ли мы решиться на дерзновенное отрицание будущей жизни человеческих душ за гробом, то есть перехода душ умерших людей из своих тленных тел и из временного тленного видимого мира в мир для нас невидимый, нетленный, в мир духов, в котором царит жизнь вечно-бессмертная, и в котором никто из тленно-смертных не живет?

Какие бы основания нам привели, или какие доказательства нам дали бы те лица, которые с самообожанием мнят себя причислить к ученому миру и на основании своих ложных доктрин усиленно стараются отвергнуть загробную жизнь.

Было бы сомнительно ждать с их стороны ответа фактически истинного.

Между этими людьми есть и такие, которые с трусливой и жалкой колеблющейся совестью идут, точно крадучись, на приманку сомнений в отношении существования самосознательной жизни душ за гробом. Все таковые люди, как первые, так и вторые, к сожалению, впадают в крайнее заблуждение.

Смерть не имеет никакой власти над душой человека, и до сотворения человека ее ни в небесах, ни на земле даже и не существовало. Первый зародыш к своему бытию она получила в недрах грехопадения первого человека вследствие нарушенного им завета Господня, власть же ее распространяется только над одним телом человека; здесь кончается предел ее господству. Всемогущество же Бога беспредельно и вечно; Он – господин жизни и смерти.

Да, жалки и несчастливы те люди, которые на все смотрят недоверчивыми глазами, и колеблются верить даже в своего Создателя! А отчего все это происходит? От гордости. Ее высокомерие ставит границы безграничному.

Еще от начала первых дней творения человеку дана власть господствовать над природой вследствие своего высшего происхождения.

Он наделен небесным разумом, соединенным с бессмертной душой, которую вдунул в него Сам бессмертный Создатель от Своего собственного животворящего Духа, а потому то человек по своему божественному происхождению, которого Предвечный сотворил по образу и подобию Своему, и господствует над природою.

Кроме того, отсюда положено основание и к верованию в вечную загробную жизнь человеческих душ в другом мире: положено это основание Самим Богом, и кто же из верующих дерзнет отвергнуть эту божественную истину?

Да разве может быть место сомнению, что бессмертное – смерти не подлежит?

Смертен же человек лишь только телом, которое и сотворено от тленно-смертных частей, душа же свое бытие получила от вечно-сущего, стало быть, она по воле своего Создателя и сама должна быть вечносущей.

Если Всеблагий и Всепремудрый Бог наделил человека высшим духовно-божественным разумом, который открывает небеса и постигает с математической точностью время и направление хода и движения небесных светил, то очень понятно, что такой высший разум человек мог получить только от своего Всемогущего, Всесовершеннейшего и Вечно-вездесущего Бога, а не от бессознательной и слепой природы.

Да каким бы образом, этот непостижимый божественный разум природа могла дать человеку, когда она и сама его не имеет?

Природа, подпавшая под господство людей и сделавшаяся рабой человека, и не имеющая ни чувств, ни разума, и не сознающая своего собственного бытия, теперь же по учению некоторых философов делается правительницей народных судеб и промысла Божия и, кроме того, господствует над верховными силами небес и над их всеправдивейшими мировыми законами, в пределах которых в самом строжайшем и непостижимом порядке покоится сама вселенная.

Главнейшее несчастье нашего времени составляет стремление всё ограничить этой жизнью. Ставя для человека конечным пределом и целью земную материальную жизнь, люди увеличивают свои бедствия отрицанием будущей жизни.

Как к отрицанию бессмертия души и будущей жизни мало-помалу склоняются люди, которые проводя дни свои в плотских наслаждениях и пристрастиях к вещам и богатству; душа и тело в этих людях будто делаются одно, т.е. до того тесно соединяются, что они совсем не сознают в себе духа, потому слово Божье и называет их только плотью: так, с другой стороны, жизнь строго духовная сама по себе вселяет в человека живейшее сознание будущего века. Это и понятно; потому что аскеты уже здесь начинают жить будущей вечной жизнью: «держись вечной жизни», сказано. Чтение слова Божьего, богомыслие, пост, молитва, целомудрие, - все это делает в святых аскетах сознание будущей жизни реальным. Не зная школьных и ученых доказательств загробной жизни, они давно знают эту истину по живому глубокому чувству. И вот никакие возражения уже не подействуют на них! Скажите им: «Нет жизни за гробом, нет того света»; они только вздохнут о вашем неверии, а сами нисколько не возмутятся. Поэтому они готовы жертвовать для вечности всем, даже самой жизнью.

О, упорные отрицатели загробной жизни! Надобно им привести в дело свое мудрствование, им нужно действительно уничтожить загробную жизнь и вечность. Но на это-то и нет в их руках ни власти, ни силы. Да, и они также окажутся за последним своим вздохом в новой загробной жизни, как переходит туда каждый человек, от младенца до старца, от простолюдина до философа, от грешника до праведника. Очутившись же там, они уже не будут иметь возможности ни возвратиться снова в этот мир, чтобы начать жить снова и поправить свои дела, ни когда-либо подвергнуться новой смерти. Еще теперь некоторые из них легко распоряжаются своей жизнь, как и легко кидаются на жизнь ближнего. Но там ни своя рука, ни чужая сила не уничтожат их, сколько бы они ни порывались к небытию, сладостному для них, сколько бы страстно ни желали заснуть вечным сном, с полным забвением о своих деяниях в этой жизни. Говорят грешники горам и камням: падите на нас и сокройте нас от лица Сидящего на Престоле. Однако ни горы, ни камни не послушают их, не падут на них и не раздавят их. Как же горько, что они ничем в бессмертии души не убеждаются, и что вот ожидает их это-то действительное и страшное уверение в личном бессмертии души и воскресения от гроба!

Мы же все, благомыслящие и верующие, будем чаще представлять себе будущую жизнь, и представлять не в какой-либо темной дали, а лицом к лицу! Тогда еще дороже будет казаться нам настоящая жизнь, не в том смысле, чтобы успеть пожить здесь в свое удовольствие, о, нет! От плотских и грешных наслаждений жизни всего скорей может опротиветь; видим же людей, которые беспрерывно меняют свои наслаждения, и все-таки далеки от удовлетворения своим состоянием. Но с мыслью о вечности настоящая жизнь и даже каждый день в ней будут ценны для нас по отношению к будущей-то то жизни, как срок для приготовления к последующей. Тогда желание наше пожить на белом свете еще и еще будет самым чистым, а трудные и горькие дни в жизни будут ощущаться менее трудными и горькими. Тогда суетность житейская меньше будет прельщать нас и одно только само собой окажется нужным душе нашей!..

Душа человека бессмертна, все ее надежды и стремления перенесены в другой мир. Истинный мудрец желает смерти, как начала истинной жизни. Потустороннее – предмет его созерцания, всех его помыслов. Только в том мире открывается истинная сущность вещей.

Не живи сам небрежно, а старайся чистой верой и неотлагательным исправлением от грехов упрочить в себе надежду, что и за тебя по твоей кончине молитвы принесут душе твоей отраду и помогут ей в достижении вечного покоя и блаженства в Боге, Присноблаженном и Препрославленном во веки!

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А.Н. Смерти нет. Мюнхен: Милосердный самарянин, 1949

Монах Митрофан (Алексеев В.Н.) Как живут наши умершие и как будем жить и мы после смерти. СПб., 1897

Прот. Попов Е.А. Вера в загробную жизнь. Пермь, 1880

Прот. Гр. Дьяченко. Из области таинственного. Простая речь о бытии и свойствах души человеческой. М., 1900.

Прот. Е.А. Попов. Вечная мука грешников. Пермь, 1885

Проф. В.Ф. Певницкий. О загробной жизни. Киев, 1903

Еп. Псковский Гермоген (прот. Константин Добронравин). Утешения в смерти близких сердцу. СПб., 1902.

Еп. Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. СПб., 1886